

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

КОПЫЛОВА ТАТЬЯНА РУДОЛЬФОВНА

МОЛЧАНИЕ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Татьяна Александровна Воронцова

Ижевск 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. МОЛЧАНИЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ	17
1.1. Молчание в философском и художественном осмыслении	17
1.2. Основные направления изучения молчания в лингвистике	21
1.3. Функции молчания.....	25
1.4. Молчание как элемент невербальной коммуникации.....	27
1.5. Коммуникативно значимое молчание.....	42
1.6. Подходы к анализу молчания	54
1.7. Молчание в современной лингвистической научной парадигме.....	62
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	70
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ МОЛЧАНИЯ	72
2.1. Безэквивалентное молчание.....	72
2.1.1. Пауза как безэквивалентное молчание	72
2.1.2. Опустошенное молчание	90
2.2. Эквивалентное молчание	92
2.2.1. Молчание как эквивалент невербальных компонентов	93
2.2.2. Молчание как табу: нереализованный текст.....	97
2.2.3. Коммуникативно значимое молчание: молчание вместо слов.....	111
2.2.3.1. Слово и молчание: особенности воздействия	111
2.2.3.2. Молчание в структуре речевой деятельности.....	114
2.2.3.3. Молчание: проблема интерпретации	122
2.2.3.4. Акт молчания. Типы актов молчания	129
2.3. Молчание в коммуникативном взаимодействии: виды молчания.....	135
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	139
ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ МОЛЧАНИЯ	142
3.1. Языковая репрезентация понятия молчания	142
3.2. Специфика функционирования глаголов молчания.....	167

3.3. Национально-культурная обусловленность языковой фиксации коммуникативных действий молчащего.....	192
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	195
ГЛАВА 4. МОЛЧАНИЕ КАК ЭТНОСПЕЦИФИЧНАЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ.....	197
4.1. Код молчания.....	197
4.2. Молчание как знак	200
4.2.1. Молчание как условный знак.....	200
4.2.2. Молчание как естественный знак.....	204
4.3. Молчание как лингвокогнитивная категория	208
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4.....	212
ГЛАВА 5. МОЛЧАНИЕ В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ	214
5.1. Теория речевого поведения и молчание: опыт исследования.....	214
5.2. Молчание в бытовом общении	219
5.2.1. Социолингвистический эксперимент: описание	219
5.2.2. Молчание в агрессивном речевом поведении.....	221
5.2.3. Молчание в конструктивном речевом поведении	243
5.2.4. Молчание и модели коммуникативного взаимодействия.....	270
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 5.....	274
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	276
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	282
Приложение А. Специфика репрезентации категории молчания в русском языке	333
Приложение Б. Частотность употребления единиц семантического поля «толерантность»	339
Приложение В. Теория молчания: глоссарий	351

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению категории молчания с позиции когнитивно-дискурсивного подхода.

Категория молчания привлекала внимание мыслителей на протяжении всей истории человечества (Плотин, Григорий Палама, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Бахтин, С. Хоружий и др.). Изучение молчания в лингвистике началось одновременно с исследованием коммуникации и напрямую было связано с развитием антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании, достигнув своего пика во второй половине XX века на фоне развития теории речевых актов, что, несомненно, определило основные направления в изучении данной категории.

Во-первых, молчание лингвистами соотносилось с речью, анализировалось относительно речи. Подобно высказыванию в речевом акте, молчание, выполняющее разнообразные функции, способно выступать нулевой репликой в особом акте – силенциальном. Такой подход обуславливает оппозицию *речь – молчание*, что позволяет ученым причислять молчание к невербальной коммуникации, а также оставлять за рамками анализа молчание-*не акт*, не менее значимое для коммуникации в частности и лингвокультуры в целом. В дефиниции С. В. Крестинского, наиболее часто встречающейся в современном лингвистическом дискурсе, молчание толкуется как «акт молчания, который, будучи включенным в структуру языкового общения как один из его невербальных компонентов, способен выполнять некоторую коммуникативную функцию, то есть способен быть единицей общения, знаком, коммуникативным актом» [Крестинский, 1990b, с. 6]. Данное определение подводит черту в изучении молчания в структуре коммуникации.

Во-вторых, являясь неотъемлемым структурным элементом коммуникации, молчание рассматривается лингвистами при решении других научных задач. Это приводит к тому, что исследования, так или иначе связанные со сферой молчания,

многоаспектны и не сведены к единой целостной системе, во многом вследствие отсутствия алгоритма лингвистического анализа категории молчания (А. Jaworski, D. Kurzon, D. Tannen, M. Saville-Troike). Само понятие «молчание» отличается многозначностью и функционирует в лингвистическом дискурсе скорее как метафора, нежели терминологическая единица: «молчание – это не ничто, а нечто» [Крестинский, 1990b, с. 2].

В-третьих, рассматривая молчание как общечеловеческий феномен, ученые стремились выделить универсальные признаки данной категории, оставляя без внимания тот факт, что молчание способно максимально полно раскрывать свое содержание и адекватно интерпретироваться адресатом только в координатах национальной культуры.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике, а вместе с ней и развивающиеся теории речевой деятельности, дискурса, речевого (коммуникативного) поведения позволяют выявить пробелы теоретического описания категории молчания, обнаружить недостаточность имеющегося на сегодняшний день научно-понятийного аппарата, перенести акцент в исследовании молчания с нулевого текста как структурного элемента речевого акта на его создателя и интерпретатора, носителя определенного языкового сознания.

Таким образом, **актуальность темы** настоящего диссертационного исследования обусловлена, с одной стороны, значимостью категории молчания в лингвистике, с другой – отсутствием полного и объективного научно-теоретического описания молчания с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы; необходимостью выявления статуса молчания в структуре культурно обусловленной коммуникации; потребностью разработки понятийно-терминологического аппарата.

Степень разработанности темы исследования. Настоящая работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, М. Н. Кожина, З. И. Комарова, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова,

И. П. Сусов, Д. Франк) на базе научных трудов по лингвокогнитологии, теории речевого (коммуникативного) поведения, речевой деятельности.

Находясь в фокусе внимания ученых с середины XX века, молчание как предмет изучения в современной лингвистике создает обширное исследовательское поле, что, несомненно, обусловлено многозначностью и полифункциональностью молчания как феномена человеческой коммуникации (В. В. Богданов, С. Ю. Данилов, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, С. Baker, M. Ephratt, A. Jaworski, J. V. Jensen, D. Kurzon, W. Sobkowiak, D. Tannen, M. Saville-Troike и др.). Ключевая идея, что молчание так же значимо для коммуникации, как и говорение, но раскрывает свои смыслы только на фоне речи, определила в лингвистике следующие основные направления.

1. Молчание в коммуникации (коммуникативно значимое молчание) отличается от молчания физиологического (В. В. Богданов, Е. Ф. Груздева, С. В. Крестинский, Г. Г. Почепцов, T. Bruneau, W. F. Eadie, D. Tannen, M. Saville-Troike, A. Jaworski).

2. Подобно слову как единице говорения, молчание может передавать разнообразные смыслы. В зависимости от коммуникативных ситуаций, оно выполняет различные функции, заимствованные у слова. Это приводит к интерпретации молчания как функционально дефицитной категории по сравнению с высказыванием (Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, С. В. Крестинский, D. Kurzon, W. Sobkowiak).

3. Многозначность и полифункциональность позволили выделить множество видов молчания (В. Н. Бабаян, В. В. Богданов, А. А. Кибрик, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, О. Е. Носова, Г. Г. Почепцов, Б. Ф. Поршнева, Е. С. Радионова, Э. Эстерберг, M. Argyle, С. Baker, P. Brown, T. Bruneau, A. Gibson, Z. Gurevich, R. L. Johannesen, W. Griffin, С. Heath, V. Jensen, G. Kaufman, L. Kedar, D. Kurzon, S. Levinson, L. A. Malandro, S. Miller, M. Saville-Troike).

4. Молчание, несмотря на свою материальную невыраженность, способно нести информацию, адресно воздействовать на реципиента, что обусловило определение молчания как нулевого речевого акта, нулевого знака (М. М. Бахтин,

В. В. Богданов, В. Г. Борботька, С. Ю. Данилов, Е. Ф. Груздева, А. А. Кибрик, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, Б. Ф. Поршнева, Г. Г. Почепцов, М. Н. Эпштейн, K. Bach, T. Bruneau, A. Ettin, W. Griffin, A. Jaworsky, D. Murray, M. Saville-Troike, T. Sebeok, W. Sobkowiak, D. Tannen, S. Tyler).

5. Молчание противопоставлено говорению, слову, следовательно, относится к невербальной коммуникации (С. А. Аристов, В. В. Богданов, Г. Е. Крейдлин, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, M. Anderson, S. J. Barker, G. Bente, N. Kramer, F. Poyatos, M. Saville-Troike, F. Scott, W. Sobkowiak, D. Tannen).

6. Молчание может быть культурно обусловлено (И. Ёоко, И. А. Стернин, S. Ishii, L. Jakko, S. Kari, S. Lebra, M. Saville-Troike).

Кроме того, молчание рассматривается учеными относительно другого предмета исследования. Так, молчание изучается в контексте теории невербальной коммуникации (О. В. Кириллова, Е. М. Мартынова, Е. А. Русина, О. Н. Тарасова и др.), согласованной коммуникации, диалога (В. Н. Бабаян, О. Н. Морозова, Д. Б. Мухаметов и др.), воздействия (В. З. Демьянков, И. А. Стернин, Е. И. Шейгал, Е. В. Шелестюк и др.), семантики фигуры умолчания (В. В. Андреев, Е. Ф. Груздева, Е. И. Клемнева, Е. П. Сеничкина и др.), семантики невыразимого (М. Ю. Михайлова), языкового нулевого знака в теории неопределенности, подтекста (О. Б. Акимова, Т. В. Булыгина, И. В. Вороновская, Е. П. Иванян, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Н. В. Пушкарева, А. Д. Шмелев и др.), в лингвистике эмоций (И. С. Баженова, Ю. Б. Дюндик, Н. В. Кириллова и др.).

При всем многообразии работ, посвященных молчанию, отметим, что они выполнены в рамках узкого подхода к изучению данной категории в коммуникации – молчания как речевого акта, что на сегодняшний день представляется недостаточным.

Когнитивно-дискурсивная парадигма расширяет молчание как предмет исследования: в поле лингвистического анализа попадает как субъект молчания, так и его интерпретатор, что обуславливает выявление этноспецифики категории молчания. Тем не менее тезис о национально-культурной обусловленности данной категории остается в лингвистике без должного развития.

В лингвистике прежде всего доказывалась универсальность молчания в структуре общения, вследствие чего ученые обращаются к фактам различных языков. Так, первое системное исследование молчания выполнено С. В. Крестинским на материале русского, немецкого, английского, французского языков. С. В. Меликян, привлекая к изучению данной категории драматические тексты, выявляет общие, универсальные, функции молчания. Таким образом, можно констатировать, что комплексные работы, посвященные категории молчания как элемента национальной лингвокультуры в целом и коммуникативной деятельности на национальном языке в частности, практически отсутствуют.

Изучение молчания как знака, акта с учетом достижений современной науки о языке поднимает проблему определения термина молчания, классификации его видов. Дефиниция С. В. Крестинского не отвечает требованиям лингвистики последних десятилетий: спорными являются утверждения, связанные со статусом молчания в речевом взаимодействии, с обозначением молчания как элемента невербальной коммуникации.

За рамками научного исследования до сих пор остается молчание, значимое для коммуникативной деятельности человека, но не являющееся актом, знаком; для адекватного и максимально полного научного описания подобного молчания требуется разработка научно-понятийного аппарата.

Исследование молчания по аналогии с изучением слова (высказывания) может оставить без внимания релевантные признаки, характерные только для молчания и несвойственные материально выраженным элементам коммуникации.

Обозначенные проблемы обусловили обращение в качестве **теоретико-методологической базы** к следующим научным трудам:

– по лингвокогнитологии (Н. Н. Болдырев, Л. О. Бутакова, В. З. Демьянков, Е. В. Дзюба, А. А. Зализняк, В. И. Карасик, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. В. Колесов, В. А. Маслова, В. М. Савицкий, Н. В. Уфимцева, Н. Д. Федяева, А. Д. Шмелев и др.);

– по теории речевого поведения (И. Н. Борисова, П. Браун, Т. Г. Винокур, Т. А. Воронцова, В. Грайс, Т. М. Дридзе, Е. В. Ключев, Р. Лакофф, Т. В. Ларина,

С. Левинсон, А. А. Леонтьев, Т. В. Матвеева, С. В. Меликян, Н. В. Муравьева, О. Е. Носова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Почепцов, Т. В. Романова, И. А. Стернин, И. П. Сусов, Е. И. Третьякова, Е. В. Харченко, Н. И. Формановская, N. Chomsky, C. D. Dunn, E. Goffman, M. Haugh, S. Leigland, D. Kadar, S. Metts, S. Mills, M. Normand, V. Skinner, H. Spencer-Oatey);

– по бытовому общению (И. Н. Борисова, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, М. Л. Макаров, Н. В. Орлова, К. Ф. Седов, С. М. Эрвин-Трипп, D. Tannen);

– по теории речевой деятельности, речи, говорению (П. К. Анохин, Н. Д. Арутюнова, А. Г. Асмолов, Б. В. Беляев, И. А. Бодуэн де Куртене, А. В. Бондарко, П. Я. Гальперин, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, С. В. Кодзасов, А. А. Леонтьев, Д. Ю. Панов, А. О. Петровский, И. П. Сусов, Л. В. Щерба, E. Coseriu, M. Ephratt, G. Jefferson, H. Sacks, E. Schegloff);

– по фоносемантике (Б. Гаспаров, Р. Якобсон, R. Branford, D. Kurzon, L. Jakko, S. Kari, L. Malandro, A. Siegman);

– по теории речевых актов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. В. Богданов, И. С. Борозина, Д. Вандервекен, В. Г. Гак, Г. П. Грайс, В. И. Герасимов, Л. С. Гуревич, В. З. Демьянков, Т. А. ван Дейк, И. М. Кобозева, Н. Г. Комлев, Е. А. Красина, М. Л. Макаров, О. Н. Морозова, Ж. В. Никонова, Е. В. Падучева, Дж. Остин, Дж. Серль, К. Вач, G. Harras, J. M. Sadock, D. Wunderlich);

– по теории знака (Н. Ф. Алефиренко, Ш. Балли, В. Д. Бондалетов, Л. М. Васильев, А. Г. Волков, Т. М. Дридзе, Н. И. Губанов, В. А. Звегинцев, А. А. Леонтьев, А. А. Кибрик, И. А. Мельчук, Ч. Пирс, А. Потенбня, Ф. де Соссюр, А. Н. Соколов, Ю. С. Степанов, Ф. Ф. Фортунатов, А. Т. Хроленко, Р. Якобсон, D. Kurzon, A. Jaworski, W. Sobkowiak);

– по теории восприятия и интерпретации (М. М. Бахтин, Р. Барт, В. З. Демьянков, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, Н. В. Пушкарева, Р. Якобсон, M. Ephratt, A. Jaworski, D. Kurzon, W. Sobkowiak, D. Tannen);

– по теории термина и терминологии (Л. М. Алексеева, О. С. Ахманова, Б. Ю. Городецкий, Л. А. Капанадзе, И. С. Куликова, Д. С. Лотте, В. А. Татарин, С. Д. Шелов).

Объект диссертационного исследования – категория молчания. **Предмет** исследования – лингвокогнитивные особенности категории молчания.

Гипотеза исследования: молчание является значимой лингвокогнитивной категорией со сложной многоуровневой структурой: специфика молчания реализуется на языковом, аксиологическом и коммуникативном уровнях.

Материал диссертационного исследования. Материалом исследования послужили тексты русской художественной литературы XIX и XX веков, современной публицистики (репортажи, публичные выступления, интервью) (674 единицы), интернет-форумов (1398 фрагментов); устные бытовые диалоги (480 единиц); результаты социолингвистических и психолингвистических (ассоциативных) экспериментов; материалы информационно-справочных систем «Национальный корпус русского языка», «Фундаментальная электронная библиотека», «Narodowy Korpus Języka Polskiego», «Korpus języka polskiego PWN», «Corpus del Diccionario histórico de la lengua española (CDH)», «Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES XXI)». В ходе диссертационного исследования были использованы материалы словарей русского языка, славянских и европейских языков.

Цель работы – изучение категории молчания в коммуникативной деятельности с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. Данная цель реализуется посредством решения следующих **задач**:

1) определить границы молчания как предмета лингвистического исследования на основе анализа подходов к изучению молчания в отечественной и зарубежной лингвистике;

2) выявить культурно обусловленные особенности репрезентации категории молчания в языке;

3) разработать понятийно-терминологический аппарат и алгоритм исследования молчания;

4) выявить коммуникативный потенциал молчания и его зависимость от лингвокультуры;

5) выделить виды молчания;

6) рассмотреть молчание как маркер различных типов речевого взаимодействия;

7) обосновать молчание как этноспецифичную лингвокогнитивную категорию.

Научная новизна исследования обусловлена следующим:

– впервые проведено многоаспектное исследование категории молчания в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания;

– впервые описаны этапы формирования категории молчания; выявлена связь богатой языковой фиксации молчания в языке с особенностями коммуникативного поведения, обусловленного религиозно-философской и культурно-исторической парадигмами;

– выработан метаязык теоретического описания молчания, введена новая терминологическая система, определяющая все многообразие молчания в коммуникативной деятельности;

– определены границы молчания как предмета лингвистического исследования, разработан алгоритм изучения видов молчания;

– впервые доказана способность молчания выступать эквивалентом различных элементов в структуре как вербальной, так и невербальной коммуникации;

– определен статус молчания как знака в общей знаковой системе;

– выявлено разнообразие проявления молчания в коммуникативном взаимодействии;

– доказана взаимообусловленность молчания как ментальной единицы языковой картины мира и молчания как компонента коммуникативного поведения, что позволяет рассматривать молчание как специфичную лингвокогнитивную категорию.

Теоретическая значимость заключается в том, что в исследовании обоснована специфика категории молчания как сложного, многоуровневого лингвоментального образования. Для многоаспектного изучения предмета исследования разработан метаязык, введены новые понятия и сформирована терминологическая система. Определен коммуникативный потенциал молчания, выделены его виды, установлена способность молчания выступать маркером видов речевого поведения.

Таким образом, диссертация вносит вклад в развитие теории языка, когнитивной лингвистики, семиотики, терминоведения, социолингвистики и теории речевой коммуникации.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин, связанных с изучением языка, мышления и культуры, лингвокогнитологии, теории коммуникации, а также при обучении стилистике, риторике, русскому языку как иностранному в качестве моделей речевого общения. Результаты могут служить практическими рекомендациями для коммуникативных тренингов по межличностной и межкультурной коммуникации.

Методология и методы исследования. Выполненная в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы диссертационная работа интегрирует разноуровневые и разноструктурные средства и способы передачи категории молчания в единый предмет исследования.

Основной подход к анализу – интегративный (Е. И. Кубрякова).

Применены общенаучные методы: анализа, синтеза, типологизации, сопоставления; частнонаучные методы: лингвистического, контекстно-ситуативного анализа текста, дискурс-анализа, лингвокогнитивного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа, методы социолингвистического и психолингвистического экспериментов, количественные и качественные методы.

В ходе экспериментов по исследованию молчания как компонента речевого поведения был применен метод сплошной выборки.

Положения, выносимые на защиту.

1. Молчание как универсальная категория в коммуникации отличается многозначностью и полифункциональностью, однако способно раскрывать свои значения только относительно речи. Прагматика слова переносится на прагматику молчания, что сужает молчание как предмет исследования до речевого акта, знака, оставляя за рамками изучения другие виды молчания, значимые для коммуникативного взаимодействия. Когнитивно-дискурсивная парадигма в языкознании переносит акцент с нулевого текста на его создателя и интерпретатора, носителей определенного языкового сознания.

2. Молчанию как естественному состоянию человека противостоит коммуникативное молчание, способное либо функционировать в структуре речевой деятельности как текст (интенциональное молчание), либо передавать информацию о молчащем коммуниканте, интерпретироваться другими участниками взаимодействия (неинтенциональное молчание).

3. Значимым для коммуникативной деятельности является как безэквивалентное молчание (например, пауза, опустошенное молчание), так и эквивалентное, замещающее вербальные и невербальные компоненты общения. Критерием выделения эквивалентного молчания является возможность реконструирования материально выраженного аналога.

4. В структуре невербальной коммуникации молчание указывает на то, что субъект находится под воздействием сильных эмоций, в силу чего теряет способность к выражению материальных неречевых кодов (аффектное молчание). Эквивалентное молчание в речевой коммуникации (коммуникативно значимое молчание, табу) реализует множество интенций, функционирует как поликодовый текст. Молчание – коммуникативный знак – воспринимается и адекватно интерпретируется только в культурно обусловленном взаимодействии, максимально широком по охвату коммуникативных ходов.

5. Молчание в национальных языках имеет свою особую репрезентацию, обусловленную историческим влиянием религиозно-философской системы, спецификой культуры и коммуникативного поведения. В русской лингвокультуре

молчание – это сложное многоструктурное образование, в котором отражаются и ментальная составляющая, и ее внешняя поведенческая реализация.

6. Национально-культурная специфика молчания в наибольшей степени проявляется в бытовом общении. В бытовом коммуникативном поведении, подобно материально выраженным компонентам, молчание служит маркером конструктивного и деструктивного речевого поведения: агрессии, вежливости, толерантности.

7. Молчание – сложное по своей структуре коммуникативно-культурное образование, отличающееся взаимообусловленностью языкового, когнитивного, аксиологического и коммуникативного уровней. Обладая высокой степенью обобщения культурной информации, которая раскрывается как в ходе коммуникативного взаимодействия, так и вне его, молчание является специфичной лингвокогнитивной категорией.

Степень достоверности результатов данного диссертационного исследования обеспечивается:

– привлечением объемного корпуса теоретического материала по проблеме, обширного и репрезентативного фактического материала исследования, включающего в себя данные исторических и современных словарей русского, славянских и других европейских языков, необходимых для выявления общего и этноспецифичного в категории молчания, а также разнородные тексты русской художественной литературы, публицистики, бытового общения, интернет-дискурса, результаты лингвистических экспериментов;

– применением интегративного подхода к анализу молчания.

Апробация результатов. Материалы, основные выводы и результаты исследования, отраженные в диссертации, представлены на международных и всероссийских конференциях, конгрессах, симпозиумах: Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы» (Ижевск, 2007, 2008, 2016, 2018, 2021), Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии в вузовском образовании» (Ижевск, 2008), I Международном конгрессе по русистике «Язык,

ментальность, текст» (Гранада, Испания, 2011), II Международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств» (Ижевск, 2011), Международной конференции «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты» (Гранада, Испания, 2011), II Всероссийской научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Ижевск, 2012), IV Международной конференции «Андалузский симпозиум по славянским исследованиям» (Гранада, Испания, 2014), XIII Конгрессе МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» (Гранада, Испания, 2015), VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика языковой коммуникации» (Уфа, 2015), Международной научной конференции «Проблемы семантики, прагматики и когнитивной лингвистики» (Киев, 2015), Всероссийской научно-практической конференции «XII Житниковские чтения «Слово в тексте и русской культуре» (Челябинск, 2015), Международной научно-практической конференции «Язык и литература в научном диалоге» (Ижевск, 2016), Международной научной конференции «Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы» (Катовицы, Польша, 2017), V Международной конференции «Дни андалузских научных исследований по славистике» (Гранада, Испания, 2019), XVI Испано-русских встречах по проблемам перевода (Гранада, Испания, 2019), XIV Международной конференции «Актуальные проблемы обучения русскому языку XIV» (Брно, 2020), IV Всероссийской научной конференции «Когнитивные стратегии филологического образования» (Екатеринбург, 2021).

Основные идеи и положения диссертации отражены в двух монографиях «Коммуникация в современной научной парадигме», «Слово и молчание в русском коммуникативном поведении», в 37 публикациях автора, в том числе в 17 изданиях, рекомендованных ВАК РФ (одна из которых включена в базу данных Web of Science), в 4 включенных в базу данных Web of Science, в 1 учебном пособии. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Удмуртский

государственный университет» (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, включающего 524 наименования, трех приложений. Общий объем работы – 354 страницы. В приложениях отражены результаты анализа репрезентации молчания в русском языке в диахронии, результаты частотного анализа употребления единиц семантического поля «толерантность», а также приведен глоссарий теории молчания.

ГЛАВА 1. МОЛЧАНИЕ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

1.1. Молчание в философском и художественном осмыслении

Уже в античной мифо-религиозной системе молчание рассматривалось как один из важнейших атрибутов бытия и мышления, носило ритуализированный характер. В философии гностицизма за молчанием стоит «первая мысли глубина»; с точки зрения Плотина, человек должен «не вопрошать», а «разуметь самому в молчании», подобно тому, как природа молчит и не имеет обыкновения говорить» [Цит. по [Аверинцев, 2004, с. 48].

Идея о том, что молчание – важное условие слушания и слышания Бога, заимствуется и христианством. Несмотря на непостижимость божественной сущности, человеческому разуму доступно знание о Боге, но оно не выражено в слове: выше и ближе всего к Абсолюту молчание. О том, что это знание выходит за пределы слова, говорит и Псевдо-Дионисий Ареопагит, христианский мыслитель V или начала VI в.: «Мы погружаемся во мрак, который выше ума, и здесь мы обретаем уже не краткословие, а полную бессловесность» [там же, с. 608]. Молчание осмысляется как единственный путь познания тайн мироздания [Исупов, 2009; Конюхов, 2012; Михайлова, 1999].

Отказ от речи лежит в основе исихазма, древней традиции духовной практики, составляющей основу православного аскетизма. Исихия – покой, безмолвие, священнобезмолвие¹. Именно в исихазме подчеркивается нетождественность молчания отсутствию речи [Хоружий, 1998]. Молчание есть некое экзистенциальное состояние², опыт, который позволяет человеку вступать в отношения с миром [Конюхов, 2012]. Отсюда молчание рассматривается исихастами как одна из человеческих добродетелей, наравне со смирением,

¹ См., например, [Аверинцев, 2004].

² Более подробно о священнобезмолвии в исихазме в [Постовалова, 2010].

кротостью, любовью, богосозерцанием, сосредоточенностью, молитвой [Лихачев, 1945; Флоренский, 1990; Хоружий, 2000].

Мировоззрение исихазма и роль молчания в нем заимствуется православными философами (Нил Сорский, Сергей Радонежский, Симеон Столпник, Симеон Дивногорец и др.). Молчанию как пути к самоуглублению, самопознанию, пути к Богу посвящают свои учения Амвросий Медиоланский, Серафим Саровский. Исихазм нашел в России благодатную почву; исихастские идеи «удивительно прижились и привились на Руси, обнаружив созвучие и близость» [Хоружий, 2000, с. 207]. Было бы справедливо сказать, что исихазм обусловил специфику русской духовной жизни (юродство, «монастырь в миру», странничество, старчество). Многие русские мыслители связывают с идеей священнобезмолвия новое культурное возрождение в России [Лосев, 1999; Лосский, 2003; Лихачев, 1945], отмечают созерцательное начало русского мировоззрения [Ильин, 2002].

Православные традиции культа молчания создают предпосылки, играющие роль в распространении молчания во всех сферах русского искусства. Отметим иконопись, создающую свои образы погруженными в безмолвие (Андрей Рублев, Феофан Грек).

Мотив молчания получает свое развитие в начале XIX века, в эпоху романтизма с его акцентом на внутреннюю жизнь человека. Это и поза задумчивости в портрете, и напряженность самопогружения героев – героев, застывших в молчании (О. Кипренский, А. Венецианов, Г. Сорока). По утверждению Д. В. Сарабьянова, данный мотив в русской живописи является одним из основных и, независимо от эпохи, художественного направления, стиля, «молчащая» живопись развивается и в полной мере противопоставляется живописи «говорящей» (А. Иванов и К. Брюллов, В. Суриков и И. Репин, А. Рябушкин и Б. Кустодиев, И. Гончарова и М. Ларионов) [Сарабьянов, 1998].

В художественной литературе, как и в живописи, тишина – это обязательное условие для самопознания человека, его иррациональной (внутренней) сущности.

В творчестве поэтов-романтиков начала XIX века³ (В. Жуковский, Ф. Тютчев, А. Фет) молчание противопоставляется слову, подобно тому, как духовный, внутренний, мир человека противопоставлен материальному, окружающему. В данной оппозиции бессилие слова, особенно в выражении чувств, подчеркивает безмерность молчания. Молчание не просто более выразительно, оно свободно от лжи и неточности, «переданных художником посредством обычного языка» [Шугайло, 2010].

В поэзии Серебряного века⁴ мы вновь встречаемся с молчащими героями, молчаливыми ситуациями, остановившимся временем [Сарабьянов, 1998]. И вновь молчание преодолевает слово, приближает к тайнам бытия. Вячеслав Иванов говорит о «неизглаголемости» символа. Однако молчание – не оппозиция слову, а возможность его постижения; это невыразимое, находящееся за пределами слова [Корочкина, 2008]. В молчании скрывается источник вдохновения; тишина, безмолвие – условие истинного творчества [Виролайнен, 2003].

В русской литературе молчание позволяет автору создать сложные художественные образы, показать внутренний мир героя⁵.

Искусство вообще не свободно от интереса к молчанию, обусловленного всепоглощающей жаждой познания мира, другого, самого себя. Молчание само по себе привлекает внимание художников: понять природу молчания значит понять природу человека. В. Жуковский «Невыразимое», Ф. Тютчев «Silentium»,

³ Комплексный анализ мотива молчания в русском романтизме в работе [Абрамова, 2007] позволяет сделать вывод об особенностях молчания в поэзии В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, К. К. Случевского, поэтов-любомудров (Д. В. Веневитинова, А. С. Хомякова, С. П. Шевырова). Эволюции мотива молчания в поэзии начала XIX века посвящены работы [Атаманова, 2006; Гуриненко, 2005; Калашникова, 2015 и др.]. Системное движение поэтики безмолвия в творчестве В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева является предметом диссертационного исследования [Маркова, 2005].

⁴ Более подробно в работах [Корочкина, 2008; Куаме, 1999; Лазаренко, 2002; Трифонова, 2005; Яцуга, 2006]. Поэтике молчания в литературе русского авангарда (символизм, футуризм, обэриу) посвящено исследование [Мильков, 2000].

⁵ См., например, [Вилявина, 1999; Киселева, 2004; Красильникова, 2005; Лысенко, 2008; Мухаметов, 2009; Назаров, 2013; Радь, 2014; Романова, 2007; Сироткина, 2013 и др.].

В. Иванов «Молчание», Д. Мережковский «Молчание», В. Брюсов «Ангел благого молчания», О. Манделъштам «Silentium», И. Файнфельд «Я молчанье накрою молчаньем...», Л. Андреев «Молчание», М. Нестеров «Молчание», С. Рерих «Молчание (Тишина)», С. Рахманинов «Остров мертвых», А. Скрябин «Тишина», Н. Мясковский «Молчание»⁶ и многое другое.

Философское и художественное освоение молчания предшествовало лингвистическому. В философии и искусстве молчание наделялось следующими смыслами.

Молчание, отказ от речи как часть религиозно-философской системы, инициирует осмысление понятия диалога как диалога с другим, себе подобным, и Диалога с Богом, что порождает оппозицию *слово – молчание, пустословие – молчание*. Диалог с другим преследует прагматичную, сиюминутную цель; Диалог с Богом направлен на совершенствование и познание [Климков, 2018; Конюхов, 2012; Постовалова, 2010].

Эпоха постмодернизма трансформирует идею диалога: диалог всегда нацелен на познание, потому что направлен на Другого, причем Я говорящего – это тоже Другой, меняющийся во времени и пространстве и нуждающийся в познании. С этой точки зрения, молчание всегда диалогично (М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида) [Бахтин, 1996; Бубер, 1995; Горных, 2001; Делез, 1999; Деррида, 1999, 2000; Ильин, 1998; Лакан, 1997; Логинова, 2003; Фуко, 1996; Хайдеггер, 1991].

Молчание – это особая эстетика, опыт, обязательный как для познания человека и мира, так и для познания самого себя [Катюхина, 2009; Конюхов, 2012; Корниенко, 2016 и др.].

Молчание сопряжено с внутренним миром человека, является условием внутреннего обращения к самому себе.

Философское и художественное освоение молчания создали базу для лингвистического исследования данного феномена с точки зрения человека и

⁶ Мотив молчания характеризует все виды искусств. Так, комплексные исследования данного мотива в живописи и музыке представлены в работах [Витель, 2010; Некрасова, 2005; Сарабьянов, 1998 и др.].

его роли в коммуникации. Материальность слова обуславливает его ограниченность по сравнению с безмерностью молчания, точно так же, как и окружающий (внешний) мир беднее, чем внутренний духовный мир человека.

1.2. Основные направления изучения молчания в лингвистике

Молчание⁷ начинает исследоваться в лингвистике в контексте изучения коммуникации как универсальная категория, характеризующая человеческое общение в целом, вне зависимости от национально-культурной принадлежности говорящего [Baker, 1955]. Однако об интересе ученых к молчанию как предмету самостоятельного исследования мы можем говорить лишь с 70-80 гг. XX века [Арутюнова, 1994; Богданов, 1986; Кибрик, 1991; Крестинский, 1990; Почепцов, 1985]. В начале XXI века наука о языке сталкивается с тем, что изучение человека говорящего явно недостаточно без изучения человека молчащего: феномен человеческой коммуникации шире и глубже, чем материально выраженная речь [Меликян, 2000; Носова, 2010; Радионова, 2000; Эпштейн, 2006]. Об актуализации молчания в лингвистическом исследовании свидетельствует не только частота обращений к данному предмету изучения, но и тот факт, что современные энциклопедические словари по лингвистике, прагматике рассматривают молчание как отдельную научную категорию наравне с говорением (см., например, [Encyclopedia of Communication, 2010; Encyclopedia of Language and Linguistics,

⁷ В рамках данной работы не рассматривается умолчание, частотный предмет исследования в литературоведении и лингвистике. Многоаспектное описание семантики умолчания в русском языке представлено в исследовании Е. П. Сеничкиной «Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке» [Сеничкина, 2003]. О функциях, типах фигуры умолчания см. в работах [Андреев, 2007; Груздева, 1993; Клемнева, 2006]. Отдельно выделим проблему умолчания как средства воздействия в разных типах дискурса. С этой точки зрения интерес представляют труды [Васильев, 2016; Демьянков, 1989; Стернин, 2001; Шейгал, 2000; Шелестюк, 2014 и др.].

2006]. По словам А. Яворски, вопрос, что ‘делает’ молчание в коммуникации, так же важен, как и вопрос о роли речи в общении [Jaworski, 2006, с. 377].

За несколько десятилетий изучения молчания в науке создано целое поле значений данного понятия⁸. Несомненно, это обусловлено многозначностью и многофункциональностью молчания как феномена человеческой коммуникации.

Выражая более неоднозначные смыслы, чем речь, молчание напрямую зависит от контекста – это контекстуально зависимый конструкт [Арутюнова, 1994; Jaworsky, 1997]. «Silence takes on meaning only in a surrounding context of verbal and nonverbal symbols / Молчание может иметь значение только в окружающем контексте вербальных и невербальных символов» [Johannesen, 1974, с. 26]. Молчание многозначно, способно выражать множество значений, в связи с чем обладает более высоким коммуникативным потенциалом. Один из первых исследователей молчания Р. Йоханнесен отмечал: «Silence can exist without speech, but speech cannot exist without silence / Молчание может быть успешным без речи, но речь не может быть успешной без молчания» [там же]. Именно многозначность и позволяет определить молчание как многогранный лингвистический конструкт со множеством форм и функций, значения которых расширяются в зависимости от сфер общения [Jaworsky, 1993].

Исследование молчания в лингвистике имеет определенную логику. Прежде всего это разграничение молчания физиологического и коммуникативного. Молчать – это естественное физиологическое состояние человека. Лингвистов же интересует молчание, входящее в структуру коммуникативного взаимодействия, обозначенное как молчание коммуникативное, или коммуникативно значимое [Богданов, 1986; Груздева, 1993; Крестинский, 1990; Почепцов, 1986; Bruneau, 1973; Eadie, 2009; Tannen, Saville-Troike, 1985; Jaworski, 1993]. Выделить

⁸ Не являясь предметом самостоятельного исследования, молчание изучается в контексте невыразимого, неизвестного. См., например, научные труды М. Ю. Михайловой «Семантика невыразимого и средства ее передачи в русском языке» [Михайлова, 2017], О. Б. Акимовой «Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке» [Акимова, 1999] и др.

релевантные признаки данного молчания, определить его как понятие, термин – одна из важнейших проблем научного изучения молчания.

Признание молчания как коммуникативной категории ставит еще один, не менее важный, вопрос, – *как исследовать молчание*⁹. Самый очевидный ответ для многих ученых – обращение к глаголам речи и их отсутствию либо к контексту, где функционирует молчание [Арутюнова, 1994; Груздева, 1993]. Именно включенность молчания в контекст общения обусловил тот факт, что молчание рассматривается относительно говорения [Арутюнова, 1994; Богданов, 1986; Крестинский, 1993]. Уже в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля значение «не шуметь, не говорить, не издавать звука» зафиксировано как основное [СД] и продолжает характеризовать современные словари: «ничего не говорить, не производить никаких звуков голосом, безмолвствовать» [Ушаков, 2008], «не произносить ничего, не издавать никаких звуков» [ТСРЯ]. Подобное толкование молчания позволяет Н. Д. Арутюновой обозначить его как отрицательный феномен [Арутюнова, 1994], что требует интерпретировать молчание, подвергать его анализу лишь на фоне речевой деятельности, в контексте вербальной коммуникации. «Нарушить (прервать) молчание можно только тогда, когда был прецедент говорения» [там же, с. 108]. Прагматика, свойственная говорению, переносится на его отсутствие [там же]. Данный тезис объясняет ход научной мысли. Молчание исследуется с точки зрения адресованности, целенаправленности, а коммуникативная цель достигается с помощью определенных тактик и стратегий [Данилов, 1998]. Подобно говорению, молчание образует акт (акт молчания, силенциональный акт) [Крестинский, 1990а; Почепцов, 1986; Кибрик, 1991; Saville-Troike, 1985]. Оппозиция *слово – молчание* развивается как *знак – нулевой знак / речевой акт – нулевой речевой акт* [Крестинский, 1993; Меликян, 2000; Почепцов, 1986; Кибрик, 1991; Saville-Troike, 1985]. Материальная невыраженность молчания ставит вопрос и о его интерпретации. Еще в самых ранних работах, посвященных данной коммуникативной категории, проблема

⁹ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2014а].

понимания молчания решалась через описание его функций [Богданов, 1987; Данилов, 1998; Крестинский, 1989; Baker, 1955; Jensen, 1973; Jaworski, 1993, 1997]. Многозначность молчания обусловила полифункциональность, мотивировала исследователей детализировать особенности его функционирования в зависимости от роли коммуниканта (см., например, о функциях молчания говорящего и слушающего [Меликян, 2000] или о функционировании молчания в социополитическом контексте [Gal, 1989; Wodak, 2003]).

Подобные исследования подчеркивают вторичность молчания по отношению к речи и априори причисляют молчание к невербальной коммуникации [Крейдлин, 2002, 2005; Jaworski, 1993; Kurzon, 1995 и др.].

Молчание, большее, чем слово, характеризует исследования, выходящие за рамки прагматики. Так, В. В. Богданов считает, что молчание доминирует над словом, связывает это с коммуникативным потенциалом молчания, обусловленным «вербальной невыразимостью некоторого содержания» [Богданов, 1986, с. 14]. Подобные работы носят междисциплинарный характер, где молчание рассматривается как культурно-коммуникативный феномен, связанный с социокультурными ценностями и нормами [Saville-Troike, 2006].

М. Севиль-Труак выделяет наиболее перспективные направления в лингвистическом исследовании молчания:

- *конститутивные* (молчание как феномен, как составляющая социокультурной идентичности, как культурная константа, репрезентированная в языке);
- *функциональные* (молчание как элемент коммуникации);
- *критические* (молчание как средство социополитического доминирования и субординации) [Saville-Troike, 2006].

Он, как и многие другие ученые-лингвисты [Jaworski, 1997; Kurzon, 1998; Tannen, Saville-Troike, 1985], заостряет внимание на том, что исследования, связанные со сферой молчания, многоаспектны, однако они до сих пор не сведены к единой целостной системе. М. Савиль-Труак прибегает к метафорическому сравнению создавшейся научной картины с некой мозаикой.

Рассмотрим ключевые идеи лингвистического описания молчания.

1.3. Функции молчания

По сути, чтобы понять, что есть молчание в коммуникации, необходимо понять его функции. Функция¹⁰ определяется как роль (употребление, назначение), «детерминированное соответствие (зависимость) единиц одного множества единицам другого множества» [ЛЭС, 1999, с. 565]. Практически все исследования молчания в коммуникации сводятся к выявлению его функций [Крестинский, 1990; Меликян, 2000; Ephratt, 2008; Jaworski, 1997; Kurzon, 1998; Tannen, Saville-Troike, 1985 и др.].

В одной из своих первых работ, посвященных молчанию, Дж. В. Йенсен [Jensen, 1973] называет базовые функции молчания в коммуникации: связь, воздействие, познание, суждение, деятельность. С. Бекер разграничивает позитивное и негативное молчание [Baker, 1955]. Развивая его мысль, ученые выделяют функции позитивного и негативного молчания [Jensen, 1973; Jaworski, 1997] (см. таблицу 1).

К интересному выводу приходит В. Собковьяк. Он сопоставляет коммуникативные функции молчания с функциями речи. Из выделенных Р. Якобсоном [Якобсон, 1975] функций речевой коммуникации (эмотивной, конатативной, референтивной, фатической, метаязыковой, поэтической) молчание способно выполнять только 4; по отношению к речи молчание не имеет референтивной и метаязыковой функций. Это позволяет ученым сделать вывод, что молчание функционально дефицитно, молчание – функциональный знак только относительно речи [Sobkowiak, 1997, с. 46].

Анализ различных актов молчания позволил конкретизировать выделенные функции [Богданов, 1987; Данилов, 1998; Крестинский, 1989; Меликян, 2000].

¹⁰ Об определении и типологии функций в языке [Бондарко, 1987; Васильев, 2009].

Таблица 1. Базовые функции молчания в коммуникации

Функции	Позитивные	Негативные
Связь	Объединение	Разъединение
Воздействие	Восстановление	Поражение
Познание	Распространение информации	Соккрытие информации
	(Само)исследование	Цензура
Суждение	Согласие / одобрение	Разногласие / Неодобрение
Деятельность	Действие	Бездействие

Молчание, в зависимости от цели субъекта молчания, способно выполнять следующие функции:

- 1) контактная / дисконтактная,
- 2) эмотивная,
- 3) информативная,
- 4) стратегическая,
- 5) риторическая,
- 6) оценочная,
- 7) акциональная,
- 8) соединительная / связующая,
- 9) разоблачающая / раскрывающая,
- 10) активирующая,
- 11) терминационная,
- 12) медитативная,
- 13) выжидательная и др.

В исследовании [Меликян, 2000] доказывается тезис о разграничении функций говорящего и слушающего.

В целом, анализ работ по данной проблематике позволяет сделать следующие выводы:

- 1) молчание полифункционально;
- 2) полифункциональность молчания обусловлена тем фактом, что молчание способно создавать множество смыслов;
- 3) молчание имеет практически любое значение, присущее говорению;
- 4) значения молчания могут быть раскрыты в контексте речи: молчание приобретает смысл относительно речи.

1.4. Молчание как элемент невербальной коммуникации

1. С момента изучения молчания в рамках лингвистической науки ученые однозначно причисляют его к невербальной коммуникации [Аристов, 1998; Богданов, 1987; Крестинский, 1993, 1998; Burgoon, 1996; Crystal, Quirk, 1964; Royatos, 2002; Savill-Troike, 1985; Scott, 1958 и др.]. Обусловлен данный факт природой воздействия – воздействия на адресата без использования вербальных средств [Крестинский, 1990а, с. 3]. Основными тезисами обозначения молчания как коммуникации невербальной, на наш взгляд, являются, во-первых, тезис об естественном чередовании говорения и молчания, создающем некий коммуникативный ритм, смену коммуникативных ходов [Корнилова, 2002; Сусов, 1987; Стернин, 2002], во-вторых, тезис об оппозиции речи и молчания. В первом случае молчание, хотя и не отождествляется с паузой¹¹, но, подобно ей, признается невербальным средством [Крейдлин, 2002, 2005].

Оппозиция же слова и молчания носит традиционный характер. «Молчание разворачивается только на фоне говорения» [Арутюнова, 1994], «молчание противостоит слову» [Меликян, 2000], «communicative silence is a pragmatically

¹¹ О разграничении паузы как кратковременном прерывании речи и молчания, более длительного отсутствия вербального компонента общения, см., например, у [Меликян, 2000].

marked member of the opposition silence – speech / коммуникативное молчание – это прагматически маркированный член оппозиции молчание – речь» [Sobkowiak, 1997, с. 45]. Данная традиция в исследовании молчания ставит вопрос, что такое молчание, с заранее заданным ответом *молчание – это не речь*. Однако сложилась эта традиции под воздействием другой – связывать речь с материальностью.

2. Речь, в отличие от языка, то есть «системы объективно существующих, социально закрепленных знаков, соотносящих понятийное содержание и типовое значение, а также как система правил их употребления и сочетаемости» [ЛЭС, 1999, с. 414], определяется как «конкретное говорение, протекающее во времени и облеченное в звуковую (включая внутреннее проговаривание) или письменную форму» [там же].

Речь материальна, то есть она выражается в артикулируемых знаках, способных восприниматься органами чувств (слухом, зрением, осязанием). Артикуляция – это «совокупность работ произнесительных органов при образовании звуков речи» [Кодзасов, 1990, с. 46], то есть «минимальных единиц речевой цепи, являющихся результатом сложной артикуляционной деятельности человека и характеризующиеся определенными акустическими и перцептивными (связанными с восприятием речи) свойствами» [Бондарко, 1990, с. 165].

Речь соотносится с говорением. Соотношение понятий *речь* и *говорение* в современной лингвистике неоднозначно (см., например, [Зимняя, 2001]) и сводится либо к полному их отождествлению [Леонтьев, 1969; Coseriu, 1988], либо к пониманию говорения как части речи в процессе общения [Зимняя, 2001]. Говорение соотносится с произношением – фонацией, звучанием: «фонация состоит в говорении, в произношении слов» [Бодуэн де Куртене, 1963, с. 263]. Говорение – прямая адресная передача информации, произнесение вслух. Говорение включает в себя три аспекта: произнесение высказывания, референция и предикация, реализация коммуникативного намерения [Арутюнова, 1976]. Произнесение – «внешняя форма высказывания, которая осуществляется с помощью таких фонационных механизмов, как голосообразование,

звукообразование, сегментирование и интонирование» [Зимняя, 1978, с. 122].
 Говорение осуществляется посредством голоса.

Такое понимание речи лежит в основе понятия *вербальная (речевая) коммуникация*, которая определяется как «взаимодействие людей при помощи речи как способа формирования и формулирования мысли посредством языка» [Зимняя, 2001, с. 45], то есть системы фонетических знаков. Вербальная коммуникация противопоставлена невербальной как разные знаковые системы. Если невербальная коммуникация осуществляется такими средствами, как жесты, мимика, позы, фонация (то есть те явления звукопроизводства, которые не укладываются в инвентарь конвенционализированных в данном языке единиц интонации и качеств голоса), то в вербальной коммуникации для кодирования сообщений используются звуковые (акустические) знаки, и передаются они по аудитивно-вокальному каналу связи [Сусов, 2006; Ephratt, 2011; Schitz, 1994]. Вербальная коммуникация связана со словом, то есть «строится на лексически выделенных единицах, соответствующих реалиям мира» [Почепцов, 2001, с. 31].

Таким образом, связь речи с говорением, произнесением, артикуляцией, фонацией обуславливает причисление молчания к невербальной коммуникации.

В таком случае закономерен вопрос – к каким именно паралингвистическим средствам относится молчание?

Именно этот вопрос остается в современной лингвистике открытым. Чаще всего молчание обозначается элементом невербальной коммуникации в целом (ср., в работах С. В. Крестинского молчание – это невербальный коммуникативный знак, Н. Б. Корниловой – невербальный знак, С. А. Аристова, В. В. Богданова, М. Савиль-Труака – невербальное средство коммуникации и т.п.) либо паралингвистики, фонации [Крейдлин, 2002, 2005].

3. Под паралингвистикой понимается наука о звуковых кодах невербальной коммуникации, о звуках, способных в ходе общения порождать некие смыслы, нести информацию о собеседнике; это наука, «которая составляет отдельный

раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является параязык – дополнительные к речевому звуковые коды, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [Крейдлин, 2002, с. 27]. Единицы паралингвистики обозначены как паралингвизмы, невербальные средства выражения коннотативных сем. Паралингвизмы подробно описаны в современной науке; наряду с мелодикой интоном, градацией интенсивности звуков, тембром, ритмом, тоном, темпом и др.; к неречевым звукам отнесена и пауза, что обуславливает причисление молчания к невербальной коммуникации (вспомним, в работах Л. А. Введенской пауза – это молчание). Пауза – «временная остановка звучания, в течение которой речевые органы не артикулируют и которая разрывает поток речи» [Введенская, Павлова, 2000, с. 376].

Параллель между паузой и молчанием обуславливает причисление молчания к паралингвизмам и в трудах зарубежных лингвистов [Burgoon, 1996; Crystal, Quirk, 1964; Scott, 1958; Royatos, 2002]. Однако в каждом поколении ученых **вопрос о молчании как элементе невербальной коммуникации поднимается вновь и вновь**. Так, Д. Литерс, исследуя паралингвизмы, выделяет релевантные признаки звука: громкость, высота тона, частота, длительность, качество, повторяемость, артикуляционность, произношение, в результате чего приходит к выводу: молчание не обладает ни одним из перечисленных параметров, следовательно, не может рассматриваться как элемент паралингвистики [Leathers, 1997, с. 162].

Подобное сомнение мы находим и в работах Г. Е. Крейдлина «Невербальная семиотика» и «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации» [Крейдлин, 2002, 2005]. Молчание ученый также причисляет к невербальной коммуникации, наряду с жестами, взглядом, гримасой. Однако как отдельное средство невербальной коммуникации молчание не рассматривается, а лишь упоминается в контексте анализа жестикуляции (жесты, замещающие речевое высказывание [Крейдлин, 2002, с. 63]) и гендерных коммуникативных стереотипов [Крейдлин, 2005, с. 26]. В замечаниях о молчании Г. Е. Крейдлин выделяет два его типа: молчание с параязыковым и жестовым заполнением и молчание с полным отсутствием языковых звуков. Замечание в работе, что средства невербальной

коммуникации *сопровождают* молчание, как и речь, представляется нам наиболее важной.

Отметим, что недостаточность проработанности вопроса о молчании как невербальной коммуникации ощущается и исследователями речевой коммуникации. И каждый пытается уйти от решения данного вопроса с помощью оговорок. Так, С. В. Крестинский говорит о молчании как о слышимой форме невербального поведения, С. В. Меликян – о знаке с нулевой звуковой оболочкой. М. Эпштейн подвергает сомнению признанный тезис о молчании как оппозиции речи. Так, в работе «Слово и молчание в русской культуре», отталкиваясь от утверждения Людвиг Витгенштейна «о чем невозможно говорить, о том следует молчать» [Витгенштейн, 1994, с. 73], М. Эпштейн показывает общее начало речи и молчания: общее – «это тема, которая наследуется молчанием, и молчание становится дальнейшей формой ее разработанности, ее внесловесного продолжения» [Эпштейн, 2006, с. 202].

Таким образом, считаем, что есть полные основания для констатации факта: в современной лингвистике **статус молчания как средства невербальной коммуникации не определен. Либо молчание не относится к невербальной коммуникации, либо необходимо научное описание молчания как отдельного вида невербальной коммуникации. И то, и другое требует дополнительного осмысления.**

4. Рассмотрение молчания как элемента невербальной коммуникации вследствие оппозиции речи и молчания обусловили исследования молчания в контексте изучения звука¹² [Kurzon, 1998; Jakko, Kari, 1997]. Внимание исследователей прежде всего привлекала работа Р. Якобсона «Шесть лекций по звуку и значению» [Якобсон, 1985], посвященная установлению связи звука и значения в языке. Эксперименты с дихотическим слушанием показали, что правое ухо и, следовательно, левое полушарие мозга, являются доминирующими для

¹² Материал данного раздела опубликован [Копылова, 2015с].

восприятия звуков речи. При восприятии других звуковых стимулов (музыкальных тонов, мелодий, сигналов, звуков природы, звуков, издаваемых человеком) функционирует левое ухо и правое полушарие. Ученый приходит к выводу, что все слуховые раздражители за пределами языка находятся исключительно под контролем правого полушария, а его дезактивация приводит к невосприятию подобных звуков. **Речь и молчание, знаковые звуки или их отсутствие, воспринимались и интерпретировались другим, левым, полушарием** [Якобсон, 1985, с. 34-38].

Д. Курзон, вдохновившись идеями Р. Якобсона, также начинает исследовать молчание в контексте звука и шума. Отталкиваясь от тезиса об оппозиционных отношениях молчания и речи, ученый обращается в качестве основы для своих рассуждений к логическому квадрату (см. рисунок 1) – схеме, выражающей отношения с точки зрения истинности и ложности между общеутвердительным и общеотрицательным, частноутвердительным и частноотрицательным суждениями [Асмус, 1947, с. 143-146].

Рисунок 1. Логический квадрат

В качестве объектов сравнения ученый берет категории, к которым апеллируют в современной лингвистике, описывая молчание: молчание, речь, говорение, невербальная коммуникация, шум, а также статика и движение.

Оппозиция *речь – молчание* представлена рисунком 2, где речь (А) противопоставлена молчанию (Е); не-речь (О) противоречит речи (А), не-молчание (И) противоречит молчанию (Е); как не-молчание (И) подчинено речи (А), так и не-речь (О) может быть рассмотрена как разновидность молчания (Е). Поступенно, сопоставляя данные категории друг с другом, Д. Курзон рассматривает шум (А) и тишину (Е), движение (И) и молчание (О); вербальную коммуникацию (А) и невербальную (Е), выявляя все больше противоречий в современном понимании молчания.

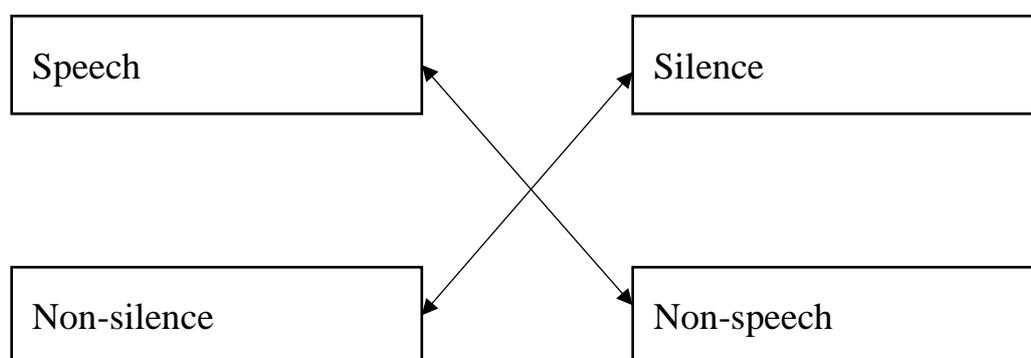

Рисунок 2. Молчание и речь [Kurzon, 1998, с. 13]

Обозначим основные выводы, к которым методом от противного приходит Д. Курзон:

1. Молчание не является оппозицией речи, молчание – ее альтернатива.
2. Non-speech (не-речь) имеет, как минимум, 2 вида: отсутствие коммуникации (что не является предметом лингвистического исследования) и неречевая (невербальная) коммуникация.
3. Невербальная коммуникация имеет способность сопровождать вербальную. А. Сигман [Siegman, 1987, с. 197] называет такую коммуникацию *co-verbal communication*. «The term “non-verbal” can alternate with “co-verbal” depending on whether the gesture or expression is co-occurrent with speech or not / Термин

“невербальная” может быть альтернативой к “со-вербальная” в зависимости от того, сопровождают ли жесты речь или не сопровождают» [там же, с. 19].

4. Молчание не способно сопровождать речь. Говорящий не может говорить и молчать одновременно. Молчание и речь – два этих действия не могут протекать совместно.

5. Невербальная коммуникация способна сопровождать молчание, подобно речи.

6. Как речь не имеет прямой зависимости от шума, так и молчание – от тишины, покоя. Речь и молчание – интенциональные действия, в то время как шум и тишина не всегда¹³.

Свои логические выводы лингвист подкрепляет экспериментально. Исследуя спектрограммы шума, речи и молчания, он указывает на беспорядочность и хаотичность линий в случае с шумом, в то время как рисунок речи и молчания носит одинаково упорядоченный, правильный, однонаправленный характер.

Исследования Д. Курзона позволяют выдвинуть тезис: молчание может быть подобно речи, молчание – это элемент и вербальной коммуникации. Для доказательства или опровержения данного тезиса необходимо решать **проблему недостаточности лингвистического понятийного аппарата**. Сам Д. Курзон, вслед за Л. Маландро [Malandro, 1989], предлагает использовать термин “vocal”¹⁴, различая речь как “vocal communication” и молчание как “non-vocal communication”. Речь и молчание действительно находятся в оппозиции друг другу, но только как *vocal / non-vocal* коммуникации. К невербальной *vocal*

¹³ Д. Курзон доказывает, что шум может иметь преднамеренность, например откашляться, чтобы прочистить горло. Опираясь на его исследование, финские лингвисты Л. Якко и С. Кари доказывают, что тишина тоже может иметь преднамеренность, если является культурным знаком [Jakko, Kari, 1997, с. 263-283].

¹⁴ Термин *vocal* функционирует и в работах М. Эфратта. Анализируя соотношение *речь-молчание*, ученый приходит к выводу, аналогичному выводу Д. Курзона: речь звучит, она вокализована, в отличие от молчания [Ephratt, 2011].

коммуникации относятся паралингвистические средства, к невербальной *non-vocal* – телодвижения, жесты¹⁵ и др. (см. таблицу 2).

Таблица 2. Виды коммуникативного взаимодействия

	Verbal	Non-verbal
Vocal	speech	paralinguistics
Non-vocal	silence	body movements, etc.

Идея, что средствами существующего научно-понятийного аппарата невозможно полно описать молчание, принадлежит не только Д. Курзону, Л. Милагро. На страницах своих научных трудов данную проблему поднимал и А. Яворски, подчеркивая при этом, что при описании молчания не хватает строгости и последовательности, что, собственно, не помешало ему в 2006 г. в энциклопедии по лингвистике и прагматике обозначить молчание как невербальную коммуникацию, оставив за рамками текста все дискуссионные моменты [Encyclopedia of Language and Linguistics, 2006].

Таким образом, **лингвистические концепции, где молчание и речь рассматриваются как явления одной природы в дальнейшем не находят своего развития.**

5. Введем в научное описание молчания термин, отражающий содержание единицы, предложенной Л. Маландро, *vocal*¹⁶.

Словари предлагают несколько вариантов перевода слова *vocal* на русский язык: *вокальный, звучащий, устный, сказанный* и др. Употребление единиц с корнем *вокал-* характеризует прежде всего музыкальный дискурс, что и отражено

¹⁵ Подобную логику в изучении соотношения речи / молчания использует М. Савиль-Труак. Однако к вокально-вербальной речи он относит собственно говорение (устную речь), к невокально-вербальной – письмо, язык глухонемых, азбуку Морзе. Молчание в его системе – *non-vocal* невербальная коммуникация вместе с кинестетикой, проксемикой и т. п. В дальнейших рассуждениях он отмечает, что под молчанием он понимает паузу [Saville-Troike, 1989, с. 145].

¹⁶ Фрагмент данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2016b].

в толковых словарях русского языка, в словарях иноязычной лексики: «Вокальный, -ая, -ое [от лат. *vocalis* – звучный; поющий] – относящийся к пению, предназначенный для пения; певческий. *В-ое* исполнение. *В-ое* искусство. *В-ая* музыка» [Кузнецов, 2014]; «вокальный – певческий, относящийся к пению» [ТСРЯ].

Анализ толковых словарей английского языка говорит о том факте, что единица *vocal* была заимствована русским языком с ограниченными компонентами значения, в основном с компонентом, связанным с пением, вокальным искусством. В английском языке единица *vocal* многозначная, вбирающая в себя значения, указывающие на выражение с помощью человеческого голоса, с помощью слов ('relating to the human voice', 'used in the production of speech sounds' 'usually around the normal vocal range of human voices', 'utter (a sound or word)' [OD]). Отсюда к синонимам относятся *vocalized, voiced, spoken, said, uttered, expressed, articulated, oral, by mouth*. Именно эти компоненты значения и позволили ввести Л. Маландро, а вслед за ним и другим исследователям, термины *vocal* и *non-vocal communication*, разграничивающие вербальную коммуникацию с участием голоса и вербальную коммуникацию без участия голоса. Опираясь на синонимы, мы можем обозначить вербальную коммуникацию с участием голоса как *голосовую, звуковую, звучащую, вокализованную* и т. д.

При выборе единицы для термина считаем целесообразным опираться, во-первых, на принципы и критерии отбора терминов в отечественной науке, во-вторых, на традицию в гуманитарных науках, в частности в филологии. Также важно при выборе единицы сохранить ту мысль, которую вкладывали исследователи молчания, обозначая его как *non-vocal*, а именно молчание как коммуникативная деятельность, как действие, как акт без фазы говорения.

Из основных свойств термина, выделенных в российской науке [Алексеева, 1998; Ахманова, 1982, 1990; Городецкий, 1987, Куликова, Салмина, 2002; Капанадзе, 1965, 1992; Лотте, 1982; Татаринов, 2006], отметим целенаправленность, то есть стремление термином обозначить то или иное явление, описанное в науке [Городецкий, 1987]; содержательную точность, то есть

четкость, ограниченность значения термина, обусловленные научным определением (дефиницией) [Лотте, 1982; Шелов, 2003]; независимость от контекста, однозначность; полноточность, то есть отражение в значении термина минимального количества признаков, достаточных для идентификации обозначаемого им понятия [Лотте, 1982]; степень унифицированности [Городецкий, 1987]. Данные свойства определяют требования к выбору языковой единицы с целью адекватного перевода термина *vocal / non-vocal communication*.

Единица *звуковой* указывает на признак, прилагательное к существительному *звук* в значении (1) 'то, что слышится, воспринимается слухом: физическое явление, вызываемое колебательными движениями частиц воздуха или другой среды'. В исследованиях, посвященных коммуникации, звук, звуковые элементы изучаются с точки зрения их способности нести определенную информацию. Так, в работах Г. Е. Крейдлина *звуковые коды* невербальной коммуникации составляют основу паралингвистики [Крейдлин, 2002, с. 22]. Причем из определения паралингвистики видно, что звуковые коды не входят в понятие речевых кодов («под паралингвистикой понимается наука, которая составляет отдельный раздел невербальной семиотики и предметом изучения которой является параязык — *дополнительные к речевому звуковые коды*, включенные в процесс речевой коммуникации и могущие передавать в этом процессе смысловую информацию» [там же, с. 27]). Речевые и звуковые коды обозначены исследователем как явления разного порядка: *речевое и звуковое сопровождение, речевые и звуковые последовательности, звуковые и речевые аналоги* и т.д.; это подтверждается и контекстуальной синонимией: *звуковые коды – звуковые элементы (единицы) – параязыковые элементы (единицы) – произносительные единицы*. Таким образом, единица *звуковой* употребляемая в контексте невербальной коммуникации, противопоставлена единице *речевой*, связана со звуками, издаваемыми человеком (но не словом), способными нести в ходе коммуникации определенную смысловую нагрузку. *Звуковой* может характеризовать и явления чисто физиологического порядка (кашель, чихание и т. д.).

Единица *голосовой* указывает на признак, прилагательное к существительному *голос* в значении (1) ‘совокупность звуков, возникающих в результате колебания звуковых связок’. В отличие от единицы *звуковой*, единица *голосовой* связана именно с человеческим голосом: «в ходе коммуникативного взаимодействия актуальным становятся *голос* и его постоянные качества, *голосовые особенности* звучащей речи или игры *голосом (фонации)*, а также (г) параязыковые просодические элементы, участвующие в процессе коммуникации и способствующие организации и передаче смысловой информации» [там же, с. 28]. Кстати, в работах Г. Е. Крейдлин рассуждает о виде коммуникации, обозначенной Л. Маландро как *vocal verbal communication*, называя ее *голосовое коммуникативное поведение, голосовая деятельность*, отмечая, что понятие *голосовой* намного шире, чем понятие *речевой*: «Коммуникативное, в частности *голосовое*, поведение человека – это не только адресованное собеседнику повествование человека о себе самом, то есть о том, кто он есть вообще, в каком состоянии сейчас находится, какие испытывает чувства или что делает или готовится сделать, но и направленная адресату просьба или команда, в которой говорящий сообщает о том, как он хочет, чтобы воспринимали его и, возможно, его окружение. Человеческое ухо, как известно, способно при этом различить сотни тысяч звуков голоса, из которых лишь несколько тысяч принадлежат естественному языку... Человеческий голос производит много звуков, не входящих в систему языка, но означиваемых в процессе коммуникации и образующих фонд паралингвистики» [там же, с. 41]. Таким образом, понятие *голосовой* уже, чем понятие *звуковой*, но шире, чем *речевой*. Единицы *звуковой, голосовой* не могут адекватно отражать суть *vocal verbal communication*.

Единица *звучащий* – действительное причастие настоящего времени от глагола *звучать* в значении (1) ‘издавать, производить звуки’, (3) ‘выражать что-н. звуками’ [Кузнецов, 2014]. В описании коммуникации сочетание *звучащая речь* является достаточно частотным. См., например, рассуждения Б. Гаспарова об отличии вокализации от звучащей речи, звуковом воплощении речи [Гаспаров] или И. А. Зимней о внешней, звучащей, и внутренней речи [Зимняя, 2001] и т.п.

Отметим, что поле значений единицы *звучащий* шире, чем поле значений *речевой*; в научных контекстах *звучащий* не является терминологической единицей.

Единица *вокализованный* – страдательное причастие от глагола *вокализовать*. Данный глагол характеризуется неустоявшимся функционированием, не зафиксированным словарями. Анализ контекстов позволяет сказать, что употребление единицы *вокализовать* присуще профессиональной речи, в основном речи музыкантов, связано с мастерством вокала:

(1) *Основной прием, которым мы пользовались, чтобы перевести испытуемых на этот дальнейший этап, состоял в следующем. После того как "подстраивание" голоса к высоте эталона полностью налаживалось и испытуемый включал в процесс сравнения звуков по высоте громкое пропевание, мы предлагали ему начинать **вокализовать** высоту лишь после того, как подача звука-эталона прекращалась. Как показал анализ, этим мы не просто вовсе исключали вокальное действие в момент восприятия звука, а лишь затормаживали его, превращая его в акт предварительной беззвучной настройки голосового аппарата на высоту эталона (А. Н. Леонтьев. Биологическое и социальное в психике человека).*

В примере (2) глагол *вокализовать* употребляется в значении ‘проявить себя голосом, речью’:

(2) *Мы продолжали с ним препираться еще несколько минут, в течение которых к дискуссии подключались другие, менее прописанные предыдущими обстоятельствами персонажи, и вся моя так называемая лекция благополучно летела коту под хвост. Среди раздающихся со всех сторон голосов звучали и такие, о существовании которых я узнавал обычно только во время экзамена. Эти искренне радовались единственной возможности **вокализовать** свое присутствие и, скорее всего, издавали вполне бессвязные реплики (А. Герасимов. Рахиль).*

Производные от *вокализовать* употребляются в описании коммуникации животных в значении ‘использование голоса для обмена информацией’:

(3) **Вокализация** дельфинов хаотична и случайна, в ней невозможно вычлени́ть инварианты, которые можно было бы считать сообщениями, имеющими определенный смысл (Физиология речи. Восприятие речи человека).

В качестве терминологической единицы глагол *вокализовать* и его производные употребляются в психологии, лингвопсихологии, в физиологии человека при описании порождения речи:

(4) *Строение верхних дыхательных путей обеспечивает не только проведение воздуха в легкие и обратно, но и выполнение одной из важнейших для человека функций - создание голоса. Это обеспечивается: а) особенностями строения гортани б) наличием резонаторов в) способностью управлять скоростью движения воздуха г) способностью контролировать положение и натяжение голосовых связок положением губ, мягкого неба.*

Вокализация включает два взаимосвязанных процесса: *фонации и артикуляции* (Энциклопедия по физиологии человека).

В языкознании функционируют термины с корнем *вокал-*: 1) *вокализм* в соответствии с исконным значением лат. *vocalis* ‘гласный звук’ фиксирует явление, определяющееся как «система гласных в языке, диалекте, говоре или семье, группе языков» [ЛЭС], 2) *вокализация* – огласовка, произнесение («произнести – сказать, выговорить, проговорить» [ТСРЯ]). В Лингвистическом энциклопедическом словаре данная единица употребляется в значении ‘способ произнесения, характер звучания’ при описании звуков тех или иных языков. Вокализация рассматривается *вне контекста человеческого общения*, практически является синонимом фонации – «(от греч. *phōnē* – звук, голос) – 1) звукообразование, совместная работа произносительных органов во время производства звуков речи, а также ее результат – само воспринимаемое слухом звучание речи; 2) качество звука речи или целого слога, обусловленное необходимой для его произнесения работой гортани» [ЛЭС].

Преодолеть некую узость в понимании вокализации пытается Б. Гаспаров, отталкиваясь от тезиса, что вокализация – это не только фонация, не только звуковое воплощение речи. С его точки зрения, вокализация имеет место и при

внутренней речи, и при чтении, что позволяет ввести понятия *внешней* и *внутренней вокализации*, в равной степени характеризующиеся интонационными характеристиками, ударением, паузой, темпом. Все это создает уникальный культурно обусловленный тип фразы, обладающий высокой коммуникативной ролью, узнаваемый и интерпретируемый всеми носителями той или иной лингвокультуры [Гаспаров].

В контексте исследований коммуникативной деятельности человека акцент от физиологии порождения речи перемещается к речи как «способу формирования и формулирования мысли посредством языка субъекта деятельности в его вербальном общении» [Зимняя, 1985, с. 34], и вокализация обозначает выраженность внешней устной речи, в некоторых случаях – внешней письменной.

Таким образом, в рамках исследований коммуникации понятие вокализации сужается: это уже не просто произнесение звуков, физиология порождения звука, его характеристика. С точки зрения коммуникативного подхода исследователям интересны звуки, способные создавать, нести информацию и быть интерпретируемыми, отсюда определим **вокализацию как процесс звукового выражения вербальной и невербальной речи; это акт произнесения, характеризующий завершающую стадию порождения речи.** Как и весь процесс порождения речи, вокализация является частью коммуникативной деятельности человека.

Итак, единица *вокализовать* и ее производные *вокализация*, *вокализованный* отражают суть явления, подчеркивают деятельностный характер внешней выраженности коммуникативных элементов, обладают свойствами, необходимыми для терминообозначения, не противоречат принципу унификации, интернационализации термина.

1.5. Коммуникативно значимое молчание

1. Вопрос выделения коммуникативно значимого молчания – один из важнейших вопросов в изучении общения. Практически все ученые подчеркивают, что предметом исследования лингвистики является именно коммуникативно значимое молчание [Бахтин, 1986; Богданов, 1986, Поршневу, 1974; Bruneau, 1973; Tannen, Saville-Troike, 1985 и др.]. Следовательно, определить данное понятие – значит ограничить поле исследования данной категории.

Введение термина *коммуникативно значимое молчание* напрямую связано с пониманием коммуникации в современной лингвистике: коммуникация – это «обмен мыслями, сведениями, идеями и т. д.» [ЛЭС, 1990, с. 223].

Молчание, анализируемое в контексте коммуникации, рассматривается как некое взаимодействие, предполагающее наличие как отправителя, так и получателя; оно способно передавать информацию, создавать смыслы, которые могут быть восприняты и адекватно интерпретированы другим. Значимость – один из основных релевантных признаков молчания как коммуникации, что и находит отражение в определении данного термина. Так, А. Яворски понимает коммуникативное молчание (*communicative silence*) как «*meaningful absence of speech / значимое отсутствие речи*» [Jaworsky, 1993, с. 66]. Близко к определению А. Яворски толкование молчания В. В. Богдановым – это молчание с функциональной нагрузкой в рамках ситуативного общения [Богданов, 1986, с. 15].

Для В. Собковьяка в определении молчания важно подчеркнуть другие релевантные признаки, рассмотренные ранее: молчание – это «*as that which is deliberately produced in what is perceived by both parties as a communicative situation / как то, что сознательно продуцируется с коммуникативными целями и воспринимается обеими сторонами как коммуникативная ситуация*» [Sobkowiak, 1993, с. 44].

В традиции российской науки значимость становится терминообразующей единицей, образуя понятие коммуникативно *значимого* молчания [Бахтин, 1986; Богданов, 1986, Груздева, 1993; Крестинский, 1989; Поршневу, 1974; Почепцов,

1986]. Здесь следует отметить определение С. В. Крестинского, поскольку в исследованиях молчания за основу берется именно оно: коммуникативно значимое молчание – это «акт молчания, который, будучи включенным в структуру языкового общения как один из его невербальных компонентов, способен выполнять некоторую коммуникативную функцию, то есть способен быть единицей общения, знаком, коммуникативным актом» [Крестинский, 1990b, с. 6]. Данное определение отражает основной подход к изучению молчания в лингвистике: это и обозначение его как компонента невербальной коммуникации, о чем уже говорилось выше, и тождественность молчания, значимого в общении, акту.

Последнее обусловило выделение следующих признаков коммуникативно значимого молчания:

- 1) наличие значения, смысла;
- 2) наличие реляционных свойств, проявляемых в отношении к другим знакам;
- 3) функциональность, то есть способность к выполнению определенного назначения;
- 4) сознательность;
- 5) целенаправленность;
- 6) способность быть воспринятым и интерпретируемым;
- 7) включенность в коммуникативную ситуацию.

Однако, в зависимости от позиции ученого, релевантными могут становиться как все в совокупности, так и отдельные признаки. Следовательно, **на сегодняшний день отсутствует единый подход к определению коммуникативно значимого молчания**. Можно выделить, как минимум, два толкования: *широкое*, когда предметом исследования лингвистики становится любое молчание, значимое для коммуникации, и *узкое*, когда молчание тождественно знаку, акту. При этом анализ работ, посвященных молчанию в широком смысле слова, позволяет сказать, что молчание все-таки рассматривается ими как акт, как знак, подобно молчанию в узком смысле. **Молчание, не**

являющееся актом, но значимое для коммуникации, остается за рамками лингвистического исследования.

На наш взгляд, данный факт обусловлен общим научно-лингвистическим контекстом того времени. Масштабное обращение к молчанию происходит во второй половине XX века под влиянием развития теории речевых актов, теории интенциональности [Бондарко, 1981; Грайс, 1985; Остин, 1986; Серль, 1986; Стросон, 1986 и др.], что, на наш взгляд, задало вектор в исследовании молчания. Здесь же можно вспомнить и работы Д. Курзона, который вводит в научный дискурс понятия *интенциональное* и *неинтенциональное молчание* [Kurzon, 1998]. Основу разграничения составляет оппозиция *возможность сказать* – *невозможность сказать*. *Невозможность сказать* связана с психологическими причинами либо обусловлена отсутствием знаний (*неинтенциональное молчание*). Если *возможность сказать* не реализуется в акте говорения, мы имеем дело с *молчанием интенциональным* (см. рисунок 3).

Рисунок 3. Интенциональное и неинтенциональное молчание

[Kurzon, 1998, с. 38]

2. Исследование молчания в рамках теории речевых актов создает некую традицию: анализируются структура акта, тактики и стратегии достижения коммуникативной цели адресанта-молчащего, выявляются функции молчания, как отправителя, так и получателя [Богданов, 1986; Крестинский, 1986; Меликян, 2000; Почепцов, 1986 и др.]. Акт молчания обозначен как нулевой акт [Богданов, 1986; Крестинский, 1990, 1993, 1998; Меликян, 2000], силенциальный акт [Эпштейн, 2006]; само молчание – нулевой знак [Крестинский, 1989; Почепцов, 1986 и др.], нулевая реплика [Богданов, 1986, 1987, 1997; Борботько, 2009]. В акте молчания участвуют субъект (молчащий) и адресат, наделенные неким общим кодом, фондом общих речевых навыков, поскольку иначе молчание не будет воспринято и интерпретировано.

На вопрос, каким именно актом является акт молчания, исследователи отвечают: речевым минус локуция [Богданов, 1986; Кибрик, 1991; Крестинский, 1990; Меликян, 2000; Почепцов, 1985; Jaworski, 1997; Murray, 1987; Griffin, 1993; Sobkowiak, 1997 и др.]. Основанием для параллелей между речевым актом и актом молчания является схожесть структур, чему, собственно, и посвящены практически все целостные исследования молчания. Акт молчания предполагает следующие действия: пропозицию, иллокуцию и перлокуцию, где пропозиция – объект мысли, мысль, представленная в виде семантической структуры; иллокуция – интрасиленциальное содержание, включающее интенцию, стратегию, модальность, психологическое состояние, социальный статус; перлокуция – постсиленциальный эффект [Крестинский, 1990а; Меликян, 2000а; Почепцов, 2001].

Структура акта молчания обусловлена видами действий. По мнению С. В. Крестинского, в структуру акта молчания входит 5 уровней:

- «1) пресуппозиционное содержание;
- 2) пропозициональное содержание;
- 3) интрасиленциальное содержание;
- 4) имплицативное содержание;
- 5) постсиленциальный эффект» [Крестинский, 1991b, с. 3].

Отметим, что параллельно с тезисом о молчании как речевом акте функционирует тезис и о молчании как акте коммуникативном. «Молчание <...> является или собственно коммуникативным актом и заместителем соответствующего вербального акта (иначе – нулевым речевым актом), или неотъемлемой частью такого коммуникативного акта» [Крестинский, 2011, с. 37].

Данное разночтение в определении коммуникативного статуса молчания актуализирует проблему разграничения речевого и коммуникативного актов¹⁷.

3. *Речевой акт* – минимальная единица речевой деятельности; целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации [ЛЭС, 1990, с. 412]. Целенаправленное исследование речевого акта с середины XX в. [Апресян, 1995; Арутюнова, Падучева, 1985; Бахтин, 1996; Богданов, 1986, 1987; Гак, 1998; Герасимов, 1984; Демьянков, 1981, 1995; Остин, 1986; Серль, 1986; Серль, Вандервекен, 1986; Austin, 1990; Bach, 2003; Harras, 2001; Sadock, 1974; Wunderlich, 1976 и др.] создает в современной лингвистике целое поле для научного диалога [Борозина, 2012; Кобозева, 2003; Комлев, 1992; Красина, 2006; Никонова, 2016 и др.]. Речевой акт исследуется с точки зрения его структуры, классификации, высказывания, семантики и прагматики отдельных единиц коммуникации, восприятия и интерпретации текста и др. В самом общем виде речевой акт характеризует модель *адресант – текст – адресат*. В конкретной ситуации общения коммуникант, произнеся высказывание в определенной знаковой системе, используя артикуляционный аппарат, совершает действие. Речевой акт состоит из акта произнесения; пропозиционального акта, осуществляющего референцию и предикацию; иллокутивного акта, реализующего целеустановку говорящего, и перлокутивного действия. Обобщая работы по

¹⁷ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2015b].

исследованию речевого акта, можно выделить следующие его релевантные признаки:

- деятельностная природа;
- динамическая природа (речевой акт – это процесс);
- связь речевых и мыслительных процессов;
- способность конструировать смыслы;
- связь с языковыми средствами.

Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. В работах подчеркивается *односторонность* речевых актов: они всегда связаны с коммуникативным поведением говорящего. Следовательно, анализ речевого акта, по сути, сводится к иллокуции – акту, обладающему определенной воздействующей силой, выражающейся посредством высказывания. Иллокутивный акт реализует интенцию и речевое действие субъекта, выражает некоторое содержание, оформленное в высказывание, и направляет адресату. Высказывание – суть речевого акта. «Речевой акт обнаруживается только с помощью высказывания, то есть только в вербальной форме» [Красина, 2006, с. 18]. При этом перлокутивный акт (перлокутивный эффект) выходит за пределы речевого акта. В акте молчания высказывание материально не выражено, ноль, нулевая реплика. Этим объясняется и необходимость введения в структуру акта молчания имплицитивного содержания. «Центральным звеном этой структуры является имплицитивное содержание акта молчания. Вывести импликацию акта молчания – значит понять его значение» [Крестинский, 1991, с. 3]. Понятие импликации и механизмы имплицирования разработаны Г. П. Грайсом [Грайс, 1985].

В процессе раскодирования информации, полученной из молчания, адресат опирается в большей степени на контекст и фоновые знания.

Таким образом, материальная невыраженность молчания, отсутствие связи с языковым уровнем, перемещение акцента от иллокуции к перлокутивному эффекту ставят обозначение молчания как речевого акта под сомнение, что осознается

исследователями молчания, в частности, подчеркивается структурная особенность – «минус локуция». С. В. Крестинский говорит о молчании как акте внутренней речи, чем ставит еще один вопрос – **вопрос соотношения молчания и внутренней речи.**

Данные противоречия проявляют себя не только в исследовании молчания; недостаток теории речевых актов как единиц общения осмысляются многими лингвистами (подробно [Макаров, 2003]). Молчание в силу своих особенностей должно рассматриваться как единица коммуникации, взаимодействия. Минимальной единицей коммуникативного взаимодействия может быть только двусторонняя единица [Зернецкий, 1987; Кучинский, 1983; Сусов, 1984 и др.]: коммуникативный акт – коммуникативный ход – обмен – транзакция – событие [Макаров, 2003].

Коммуникативный акт – минимальная единица коммуникативного взаимодействия. Т. А. ван Дейк отмечает сложную структуру коммуникативного акта, состоящего из речевого акта говорящего, аудитивного акта слушающего, коммуникативной ситуации [Дейк, 1989]. Коммуникативный акт – понятие более общее по отношению к речевому акту, так как включает в себя все компоненты коммуникации: и вербальные, и невербальные.

Л. С. Гуревич выступает против понимания коммуникативного акта как суммы двух (или нескольких) речевых актов, так как оно приводит к частому употреблению данных понятий как синонимичных и взаимозаменяемых [Гуревич, 2007], с чем мы и сталкиваемся в описании молчания. При таком понимании не учитываются особенности диалогического единства; при детальном рассмотрении речевого действия адресанта и адресата за рамками рассуждения остается взаимозависимость реплик и нестабильность иллокутивных целей. Исследователь вводит понятие интерлокуции – иллокуции с включенным прогнозом перлокутивного эффекта, который в диалоге может существенно корректировать иллокутивные цели высказываний; именно интерлокуция и является основным отличием коммуникативного акта от речевого. Таким образом, коммуникативный акт представляет собой «сложное как в языковом, так и психологическом плане

образование, в котором задействованы интерлокутивные силы» [там же, с. 105]. В отличие от речевого акта, в коммуникативном акте акцент делается на восприятие и интерпретацию высказывания, отсюда предметом анализа становится симбиоз вербальных и невербальных средств [там же, с. 103-108].

И, наконец, отметим представление коммуникативного акта не как некоего симбиоза, а как деятельности, совершающейся в определенном коммуникативном пространстве [Менг, 1982], как функционально целый фрагмент коммуникации [Красных, 1999]. «Коммуникативный акт, или последовательность актов, функционально объединенных иерархически доминантной целью в сложный макротекст с точки зрения динамического развития дискурса» обозначается в современной лингвистике как *коммуникативный ход* [Макаров, 2003, с. 183]. Коммуникативный ход – это вербальное или невербальное действие одного из участников, элемент, развивающий взаимодействие. Коммуникативный ход – это функционально-структурная единица, в отличие, например, от коммуникативного акта: он продвигает, развивает дискурс в целом, приближает к реализации коммуникативной цели [Макаров, 2003, с. 163-189]. Момент перехода – смены коммуникативных ролей – обозначен в лингвистике как *обмен*, а акт однократного обмена действиями – как *интеракция*, диалогическое единство.

Развитие теории речевых актов в современной лингвистике требует уточнения коммуникативного статуса акта молчания во взаимодействии. Не менее важной проблемой остается и проблема текста (высказывания) в акте молчания.

4. Текст в коммуникации – знак высшего порядка [Дридзе, 1984].

Знак – элементарный носитель информации; языковой знак – «единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонетически расчлененных звуков (означающего); материально-идеальное образование, репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [ЛЭС, 1990, с. 167].

Уходя своими корнями в далекое прошлое, знаковая теория развивается на протяжении веков различными философскими, позднее лингвистическими школами [Волков, 1966; Звегинцев 1962, 2001; Леонтьев, 1965; Пирс, 2001; Степанов, 1971; Эко, 1998 и др.], где знак соотносился со словом и рассматривался в связи с мыслительной деятельностью человека: «Знак в слове есть необходимая замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в делах мысли» [Потебня, 1888, с.7], «Язык представляет <...> совокупность знаков главным образом для мысли и для выражения мысли в речи, а кроме того, в языке существуют также и знаки для выражения чувствований» [Фортунатов, 1956, с. 111]. С идеей Ф. де Соссюра о том, что в жизни общества ту или иную роль играют разные знаковые системы и язык как система знаков – лишь одна из них [Соссюр, 1977, с. 40], расширяется и подход к лингвистическому исследованию знака как «условной материальной формы обозначения некоторого внутреннего содержания» [Звегинцев, 1962, с. 26]. Знаки рассматриваются применительно к общению и в контексте человеческой коммуникации.

Знак обладает определенными свойствами:

- замещать какой-либо объект действительности;
- репрезентировать объекты реального мира;
- создавать системы;
- иметь социальную сущность, то есть пониматься во всей системе значимости, обязательной для всей языковой общности.

Многочисленные определения знака позволяют выделить его признаки:

- 1) это материальное, чувственно воспринимаемое явление;
- 2) обозначает нечто, находящееся вне его, и обязательно несет информацию для воспринимающего субъекта;
- 3) не связано с обозначаемым естественной или причинной связью;
- 4) отсутствует соответствие структуры и содержания с обозначаемым предметом.

При этом обязательными из этих признаков являются второй и четвертый. Таким образом, материальность знака не рассматривается в современной науке как

основной релевантный признак [Хроленко, Бондалетов, 2018], что, например, отражено в следующем определении: «знак – такое явление (материальная вещь, свойство, процесс, действие, психический феномен), которое, не обладая структурным соответствием с другим каким-либо явлением, способно представлять или замещать его в определенных процессах» [Губанов, 1981, с. 58].

Знаки отличаются двусторонней сущностью – это материально-идеальное единство означающего (плана выражения) и означаемого (плана содержания)¹⁸. Их характеризует преднамеренность, конвенциональность, обусловленность, то есть знак определяется по отношению к другим знакам. Знак воздействует, производит эффект, отражает отношения субъекта и объекта действия; знак не мыслим без интерпретатора. Знак «есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» [Лосев, 1999, с. 96].

В теории знака одним из открытых вопросов остается вопрос классифицирования (типологии) знаков и знаковых систем¹⁹. Хотя лингвисты и подчеркивают коммуникативное предназначение любого языкового знака, тем не менее трансформация этого знака в процессе общения обусловила различие знаков языка и знаков речи. О разграничении языковых и речевых знаков говорит Ф. Ф. Фортунатов [Фортунатов, 1956], понимая под речевыми знаками видоизменения знаков языка, которые происходят в процессе речи. Современная лингвистика различает эти знаки прежде всего функционально: «основная функция знаков языка обслуживать отражательные процессы и мыслительную деятельность человека (фиксировать, обобщать, дифференцировать, выделять, интерпретировать получаемую информацию). Основная функция знаков речи репрезентативная – быть средством манифестации и обозначения нужного в данном акте общения предмета, средством идентификации и узнавания

¹⁸ О знаках, значениях, значимости см., например, [Васильев, 1990].

¹⁹ О типологии знаков в различных областях гуманитарного знака см., например, [Катаев, 2016].

обозначаемых предметов или явлений» [Алефиренко, 2008, с. 11-15]. Различные функции²⁰ знаков языка и речи обусловили и их отличительные признаки.

Отметим, что речевые знаки, так или иначе связанные с языковой знаковой системой, не исчерпывают проблему знака, функционирующего в человеческой коммуникации: *система языковых знаков существует в коммуникации наряду с другими знаковыми системами*. Данный факт обусловил введение понятия **коммуникативного знака**, функционирующего в научном дискурсе, но недостаточно определенного. Так, А. В. Соколов определяет коммуникационный²¹ знак как социально признанное единство значения и имени [Соколов, 2002]. Условие социального признания, или конвенциональность, позволяет разграничить коммуникационные знаки от знаков-образов (индексов, иконических знаков). Коммуникационные знаки делятся на поведенческие, нестабильные, представляющие собой акты действия в реальном масштабе времени, и стабильные, документальные, способные сохраняться с течением времени. Так, к поведенческим коммуникационным знакам ученый относит устную речь, письменная же речь – знак документальный. Кроме этого, коммуникационные знаки он разделяет на одиночные, единичные знаки-символы (отдельный жест) и языки как знаковые системы.

5. Теория знака позволяет определить молчание как знак [Богданов 195, 1986; Крестинский 1990; Меликян 2000; Почепцов, 1986 и др.]. Молчание обладает признаками знака:

- «1) наличие реципиента,
- 2) акциональность,
- 3) интенциональность» [Почепцов, 1986, с. 90].

²⁰ О различных функциях знаков языка [Васильев, 2009]

²¹ А. В. Соколов для терминологического обозначения выбирает единицу *коммуникационный* – прилагательное от единицы *коммуникация* в 1 значении ‘путь сообщения, линия связи’. На наш взгляд, более удачно употребление **коммуникативный**, указывающий на коммуникацию как ‘сообщение, общение’, например, коммуникативные функции [ТСРЯ].

Молчание – это знак определенного, стоящего за ним, содержания, которое слито с молчанием как означаемое и означающее [Арутюнова, 1994; Seville-Troike, 2006]. «Подобно значащим строевым единицам языка, молчание может использоваться как принятый в данном языковом сообществе знак, наделенный содержанием и относительно однозначно интерпретируемый членом данного сообщества» [Ефимова, 2005, с. 22].

Знак материален, в силу этого молчание обозначается как нулевой знак, определяемый лишь по отношению к другим (ненулевым) знакам в системе. Исследуя молчание в контексте коммуникации, ученые опираются на теорию нулевого знака в языке²², базирующуюся на тезисе Ф. де Соссюра о языке как системе взаимосвязанных синхронных противопоставлений [Соссюр, 1977], развиваемую Ш. Балли, Р. Якобсоном и др. [Балли, 1955; Кибрик, 2001; Мельчук, 1974; Ширяев, 1967; Якобсон, 1985].

Подобно тому, как в функционирующей системе языка противопоставляется «некоторый факт ничему» [Якобсон, 1985], в коммуникации высказывание как функционирование языковых форм в речи противопоставлено молчанию как нулевому тексту, маркированный член коммуникации противопоставлен немаркированному, материализованный знак – нематериализованному.

Таким образом, обращение к теории речевых актов, теории знака позволяет сделать вывод, **молчание – это нулевой текст, нулевое высказывание, нулевой знак, функционирующий в особом рода акте – нулевом акте, акте молчания.**

²² Настоящее диссертационное исследование пересекается с работами, посвященными проблемам языкового нулевого знака: в лингвистике единица «молчание» может обозначать нулевой знак разного порядка (например, нулевая фонема, нулевая морфема, синтаксический ноль). Так, М. Эфратт отличает молчание коммуникативное и молчание грамматическое [Ephratt, 2011]; В. В. Богданов молчанию на синтактико-конструктивном уровне (например, эллипсису) противопоставляет молчание как нулевой заместитель вербальной реакции [Богданов, 1987]. Проблема функционирования нулевого знака, широко освещенная в трудах [Адамец, 1990; Бондарко, 1990; Булыгина, Шмелев, 1990; Карцевский, 2004; Падучева, 2012; Пешковский, 2001; Тихонов, 1998 и др.], соотносится с проблемой неопределенности [Акимова, 1999; Вороновская, 1984; Иванян, 2015; Кери, 2001; Пушкарева, 2012; Сеничкина, 2003], теорией подтекста и материально невыраженных смыслов (см., например, [Донецких, Лелис, 2013; Пушкарева, 2012, 2016]) и др.

Однако развитие данных теорий требует уточнения, каким именно знаком является молчание; от решения данного вопроса зависит и решение следующего: в каком именно акте может успешно функционировать молчание как нулевой знак, то есть быть воспринятым и интерпретируемым объектом в коммуникации.

1.6. Подходы к анализу молчания

1. Многозначность и многофункциональность молчания обусловили тот факт, что в лингвистике на сегодняшний день создано обширнейшее поле исследования молчания.

Выделим подходы к анализу молчания²³.

Молчание может анализироваться с точки зрения различных позиций.

1. С точки зрения коммуникативной роли молчащего.

В. В. Богданов, в зависимости от основных функций (ролемаркирующей, информационной, синтактико-конструктивной), выделяет молчание слушающего, молчание вместо говорения, молчание как элемент синтаксически построенного текста (пауза, хезитация) [Богданов, 1987]. С. В. Меликян, продолжая данные исследования, доказывает, что функции говорящего и слушающего различны, следовательно, можно выделить молчание говорящего и молчание слушающего [Меликян, 2000].

2. С точки зрения сфер употребления молчание может быть институционально обусловленным, коллективно обусловленным и индивидуальным [Saville-Troike, 1985].

3. С точки зрения коммуникативной ситуации Э. Эстерберг выделяет следующие виды:

1) молчание, вызванное неопределенностью;

²³ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2016а].

- 2) молчание, вызванное настороженностью;
- 3) молчание, вызванное гневом;
- 4) молчание, вызванное размышлениями;
- 5) оскорбленное молчание;
- 6) молчание от усталости;
- 7) молчание, вызванное простым желанием отдохнуть;
- 8) молчание от уныния;
- 9) молчание от удивления и смущения [Эстерберг, 1996, с. 21].

В продолжение логики Э. Эстерберга Е. С. Радионова предлагает различать молчание, вызванное эмоциями, и молчание, вызванное размышлениями [Радионова, 2000].

4. С точки зрения причины, вызывающей молчание.

Дж. Версейрен, исследуя лексические аспекты глаголов речи и ее отсутствия, выделяет 8 причин молчания, которые и легли в основу предложенной ученым классификации. Человек молчит, когда

- 1) не склонен говорить в силу темперамента, характера;
- 2) не может решить, что говорить дальше (неуверенность);
- 3) не способен говорить от изумления, горя и других сильных эмоций;
- 4) не знает, что сказать;
- 5) забыл, что хотел сказать;
- 6) молчит, потому что говорят другие;
- 7) что-то скрывает;
- 8) он равнодушен к предмету разговора [Verschuieren, 1999].

К подобным выводам приходит и А. А. Кибрик. В фокусе его анализа находится молчание в диалоге. Участник диалога может молчать, если:

- 1) он не знает, что сказать или как ответить;
- 2) он хочет выразить пренебрежение или гнев;
- 3) он потерял интерес к диалогу;
- 4) он изумлен репликой собеседника (вопросительное молчание);

- 5) он хочет посмеяться над собеседником, поставить его в неловкое положение (ироническое молчание);
- 6) он не хочет выдать свое мнение и сдерживает свое коммуникативное намерение;
- 7) он не согласен с собеседником, но не решается это выразить (вежливое молчание) [Кибрик, 1991, с. 49-50].

5. С точки зрения коммуникативной цели.

Целенаправленность молчания обуславливает интерес исследователей к изучению молчания относительно цели коммуникации – молчания как стратегии. Понимание под стратегией «когнитивного плана общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [Иссерс, 2008, с. 100] сосредоточивает внимание на молчании как самостоятельной линии речевого поведения, которая может характеризоваться следующими стратегиями:

- 1) сокрытие информации;
- 2) выражение протеста;
- 3) оправдание;
- 4) защита;
- 5) покорность, подчинение;
- 6) поддержка коммуникации и др. [Носова, 2010].

В этом же контексте можно привести классификацию видов молчания В. Н. Бабаян, который, обобщая современные исследования стратегических ресурсов молчания, выделяет «группы намерений», к которым относит:

- 1) молчание как согласие;
- 2) молчание как незнание / избегание ответа, молчание как некомпетентность;
- 3) молчание как выражение негативных эмоций, а также аффективных состояний, психологически и физиологически парализующих речь;
- 4) молчание как потеря интереса к ситуации общения, к собеседнику;
- 5) молчание как вопрос;

- б) молчание как стратегия защиты;
- 7) молчание как несогласие;
- 8) молчание как протест;
- 9) молчание как невмешательство [Бабаян, 2009].

6. С точки зрения психологического (эмоционального) фактора.

Связь молчания и психики человека – частотный предмет исследования в лингвистике [Argyle, 1981; Miller, 1993; Heath, 1988; Malandro, 1989; Ruggieri, 1982]. В поиске ответа на вопрос, почему замолкает человек, М. Аргайл связывает молчание коммуниканта со стрессовыми ситуациями:

- 1) близости;
- 2) напористости;
- 3) нахождения в фокусе внимания;
- 4) социальных процедур и этикета;
- 5) отказа;
- б) боли, страдания, горя;
- 7) утраты, урона.

В различных ситуациях адресант мог бы использовать речь, но более частотной реакцией являлось молчание [Argyle, 1981, с. 328-330].

7. С точки зрения функционирования молчания в коммуникативном акте.

В самом общем виде молчание классифицируется с точки зрения носителей, их роли в акте молчания – *молчание говорящего* и *молчание слушающего*, *молчание как стимул* и *молчание как реакция* [Богданов, 1987; Крестинский, 1990; Gurevich, 1989]. С. В. Меликян показывает зависимость функций молчания от его вида: молчания инициированного или молчания ответного [Меликян, 2000], обозначая коммуниканта, отказавшегося от вербальной деятельности, как молчащего.

8. С точки зрения иерархичности молчания.

Очевидно, что участники коммуникации имеют неравные позиции относительно власти [Kedar, 1987; Kaufman, 1980]. Подобный ракурс открывает в исследовании молчания новые грани: молчание задающего вопросы и задерживающего ответ в вопросно-ответном единстве, молчание носителей,

играющих определенные социальные роли (учитель – ученик, таможенник – турист, врач – пациент) и др. Вопросно-ответная пара может выступать во множестве контекстов. Задавая вопрос, адресант влияет на адресата, угрожая его лицу [Brown, Levinson, 1987; Heath, 1988; Sacks, 1974]. Молчание власть имущих и молчание неимущих актуализируют лингвистические исследования политического дискурса, дискурса мужчин и женщин, делового дискурса и др.

9. С точки зрения принципов кооперации.

Первые подобные исследования мы встречаем в работе С. Бекера, который делит молчание на положительное и отрицательное, вызывающее дискомфорт у адресата [Baker, 1955]. Молчание, противоречащее принципам кооперации, рассматривается самими авторами теории вежливости и впоследствии становится предметом исследования многих работ [Brown, Levinson, 1987; Серль, 1986; Sifian, 1997]. Ученые связывают молчание с дистанцией в общении: дистанцирующее молчание нарушает многие принципы кооперации, указывает на деструктивный тип общения (см., например, работы [Gurevich, 1989, 1990]).

Подобное разнообразие подходов к классификации молчания говорит, с одной стороны, о том, что, во-первых, в современной науке признается роль молчания в человеческой коммуникации, молчание утвердило себя как предмет научного исследования; во-вторых, молчание – феномен коммуникации, так как, несмотря на материальную невыраженность, обладает несомненной многозначностью; в-третьих, на сегодняшний день накоплено достаточно знаний о молчании, они создают широкое поле его изучения. И именно данное поле позволяет обозначить молчание как широкомасштабный научный концепт, многогранный конструкт, что, несомненно, осложняет определение его как термина, как понятия. Отсюда мы сталкиваемся с таким толкованием, как «молчание – это не ничто, а нечто» [Крестинский, 1991b, с. 2]. А. Яворски отмечает, что понятие молчания едино для множества областей научного знания: лингвистической, дискурсивной, литературоведческой, социальной, культурной, духовной, метакоммуникативной [Jaworski, 1997], поэтому молчание одновременно выступает и как пауза, и как прагматическая или дискурсивная

стратегия, и как реализация табу, и как средство манипуляции, и как часть слушания во взаимодействии, и как оборот речи; молчание как философская и культурная традиция, как целая картина мира. **Лингвистика не свободна от поэтизации молчания**, где о молчании больше говорится как о феномене, нежели как о научной категории [там же, с. 4-10]. О недопустимо размытых границах термина молчания утверждает в своих трудах и М. Эфратт [Ephratt, 2008, 2011].

Анализ подходов к изучению молчания позволил обозначить следующие проблемы:

- функционирования в научном лингвистическом дискурсе единицы «молчания», скорее как метафоры, а не как термина;
- многозначности термина «молчание» в научном лингвистическом дискурсе, что противоречит принципам терминологии;
- определения границ термина «молчание» как предмета лингвистического исследования.

2. Материальная невыраженность знака актуализирует проблему методики анализа молчания в коммуникации²⁴.

Решая данную проблему, исследователи исходят, во-первых, из тезиса о контекстуальной зависимости молчания, привязанности его к говорению: молчание возможно подвергать анализу только на фоне разворачивающейся речевой деятельности; во-вторых, из разграничения молчания говорящего и слушающего. В целом, лингвистические работы по анализу молчания в коммуникации сводятся либо к определению его функций, либо к попыткам реконструкции интенции. Так, С. В. Меликян разрабатывает методику определения значения молчания по формальным признакам. Методика заключается в 4-х последовательных шагах:

²⁴ В ряде работ бытует мнение о невозможности восприятия нулевого знака (см., например, [Сухачев, 2007]). С проблемой восприятия и интерпретации материально невыраженных смыслов связаны исследования Н. В. Пушкаревой и др. [Пушкарева, 2016, 2018].

«1. Вычленение минимального смыслового контекста, содержащего акт молчания.

2. Определение принадлежности молчания адресанту / адресату.

3. Анализ вербального контекста, нахождение маркеров определенной функции (вербальных, невербальных).

4. Анализ пресуппозиций собеседников, намерений использующего акт молчания собеседника» [Меликян, 2000b, с. 6].

Д. Курзон, опираясь на свою теорию интенциональности / неинтенциональности молчания, связывает молчание с модальностью в языке [Kurzon, 1998]. Изучая вопросно-ответную пару, ученый акцентирует внимание на молчаливом ответе, что позволило ему выделить три базовые модели:

1-ая модель «молчание неинтенциональное»:

I cannot speak (Я не могу говорить).

2-ая модель «молчание интенциональное», выражающее намеренность субъекта:

I will / shall not speak (Я намереваюсь не говорить).

3-я модель «молчание интенциональное», выражающее долженствование:

I must / may not speak (Я должен не говорить).

Данные модели легли в основу алгоритма анализа молчания (см. таблицу 3).

Модальная интерпретация заключается в замене акта молчания на акт, имеющий следующее языковое выражение (применительно к английскому языку):

1. *I may not say anything.*

2. *I must not say anything.*

3. *I will not say anything.*

4. *I shall not say anything.*

Содержание (интенция) молчания заключается в семантике модальных слов [там же, с. 40].

Таблица 3. Алгоритм анализа молчания [Kurzon, 1998, с. 45]

Ответ				
↓		↓		
есть		нет		
↓		↓		
речь		речь	молчание	
↓	↓	↓	↓	↓
знать	не знать	↓	интенциональное	неинтенциональное
		↓	↓	↓
		отказ от ответа	модальная интерпретация	психологическая неспособность что- либо сказать

Еще один подход к анализу молчания представлен в работах А. Яворски [Jaworski, 1993, 1997]. Ученый пытается уйти от дилеммы *молчание – говорение* и объединяет возможные релевантные признаки молчания в единую шкалу с целью создания общего алгоритма анализа различных видов молчания (см. таблицу 4).

Таблица 4. Алгоритм анализа различных видов молчания [Silence and Silenced: Interdisciplinary Perspectives, 2013]

молчание				
добровольное	значимое	неожиданное	динамичное	временное
↓	↓	↓	↓	↓
недобровольное	случайное	ожиданное	статичное	стереотипное

Так, добровольное молчание указывает на тот факт, что молчащий может говорить, но выбирает не делать этого; молчащий полностью держит контроль над своим коммуникативным поведением, в то время как недобровольное молчание контролируется другим субъектом, является вынужденным. Значимое молчание, в

отличие от случайного, сопряжено с интенцией и реализацией ее в коммуникации. Третья и четвертая формы молчания могут указывать на молчание слушающего и т. д. Временное / стереотипное молчание актуализирует исследование молчания в социополитическом, в культурно-философском контексте. Данная дифференциация молчания позволяет осуществить выбор подхода (метода) среди существующих в современной лингвистике.

Как видим, каждый из исследователей вносит свой вклад в решение проблемы способа анализа молчания: от общих подходов к разработке конкретных схем. **Подобная «механистичность» анализа нулевого текста оставила без внимания адресата.** Именно от возможности адресата воспринять (зафиксировать) молчание как текст, а затем его адекватно интерпретировать и зависит коммуникативная способность молчания. Следовательно, **решение вопроса, какое молчание, как и в каком случае интерпретируется объектом в коммуникации, становится залогом полного научного описания молчания.** Отметим, и проблему, которая в лингвистике не находит должного решения, – **проблема влияния лингвокультуры коммуникантов на интерпретацию молчания.**

1.7. Молчание в современной лингвистической научной парадигме

1. Анализ лингвистической литературы, посвященной проблеме молчания, позволяет составить научное описание данной категории. Молчание функционирует в коммуникации, создает множество смыслов, которые раскрываются в контексте речи. Молчание многозначно и полифункционально, но дефицитно по отношению к речи, так как способно выполнять не все функции и проявлять свою функциональность относительно речи.

Молчание – масштабный лингвистический конструкт, выступающий в лингвистическом дискурсе как пауза, стратегия, средство воздействия, оборот

речи, нулевой знак (текст), нулевой акт, часть слушания в речевом взаимодействии, а также как концепт, как философская и культурная традиция.

Попытка ученых всесторонне исследовать человеческое молчание привела к тому, что в современной лингвистике функционирует множество терминологических единиц: *доречевое молчание; молчание коммуникативно значимое и коммуникативно незначимое; молчание интенциональное и неинтенциональное; молчание психологическое, интерактивное, социокультурное; молчание слушающего и говорящего; молчание вместо говорения, молчание как элемент синтаксически построенного текста (пауза, хезитация); молчание институционально обусловленное, коллективно обусловленное, индивидуальное; молчание как стимул и молчание как реакция; молчание инициированное и ответное; молчание положительное и отрицательное; дистанцирующее и кооперативное; молчание добровольное / недобровольное, ожидаемое / неогuardаемое, динамичное / статичное, временное / стереотипное* и др. Данные терминологические единицы вычленяют молчание на основании коммуникативной цели, стратегий, реализующихся посредством молчания, причины и мн. др. Отметим, однако, что данные единицы, во-первых, чаще всего не определены, во-вторых, дублируя друг друга, создают избыточность. По признанию многих ученых, в научном описании молчания не хватает последовательности, строгости, а понятийный аппарат в теории молчания практически не разработан. Молчание как лингвистический термин не определено.

Наиболее полно в лингвистике представлена теория *коммуникативного молчания* (в зарубежной лингвистической традиции), *коммуникативно значимого молчания* (в отечественной). Наиболее частотно употребление данного термина в трактовке С. В. Крестинского: это «акт молчания, который, будучи включенным в структуру языкового общения как один из его невербальных компонентов, способен выполнять некоторую коммуникативную функцию, т. е. способен быть единицей общения, знаком, коммуникативным актом» [Крестинский, 1990b, с. 6]. С данным определением сложно согласиться. С точки зрения современной науки вызывают полемику тезисы, связанные с сужением молчания до акта, знака

(молчание, значимое для коммуникантов, но не являющееся актом, выпало из поля исследования), с однозначным обозначением молчания как компонента невербальной коммуникации.

Понимание молчания как акта, знака в контексте науки XXI века требует своего развития: к какому типу знака и акта относится молчание, способное быть воспринятым и адекватно интерпретируемым адресатом.

Определение коммуникативного статуса молчания именно как речевого акта выявляет множество противоречий и ставит новые вопросы.

1. В структуре речевого акта основное место занимает иллокуция. Не случайно речевые акты часто называют иллокутивными актами, их анализ сводится к анализу иллокутивного потенциала, заключающегося в тексте. Таким образом, текст (высказывание) – центр в структуре речевого акта. А эффект (перлокуция) остается за рамками анализа речевого акта. Молчание – особый текст, его материальное отсутствие, нулевой текст. Иллокутивная сила молчания как нулевого текста восстанавливается из произведенного эффекта на адресата. Если эффекта (реакции) не последовало, молчание перестает быть текстом, теряет свою коммуникативность.

2. Речевой акт отличается однонаправленностью, движением от субъекта речи. Молчание проявляет свою знаковость благодаря адресату-интерпретатору, то есть становится коммуникативно значимым в момент принятия сообщения адресантом и попыткой его истолковать. Речевой акт – это «элементарная единица сообщения, то есть передачи информации в одном направлении. В речевом акте не отражается двусторонняя природа человеческого общения» [Сусов, 1984, с. 5].

3. В акте молчания акцент с текста, в силу его материальной невыраженности, переносится на адресата и его способность воспринимать молчание как текст и интерпретировать его, выводя смысл из общей коммуникативной ситуации. Как говорит В. З. Демьянков: «Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме» [Демьянков, 2003, с. 120].

Исходя из данных рассуждений, можно сказать, что вопрос статуса коммуникативно значимого молчания в коммуникативном взаимодействии требует дополнительного осмысления.

Как уже неоднократно отмечалось, изучение молчания проходит на фоне развивающейся теории речевых актов, что определило во многом направление исследования. Современная лингвистика с *когнитивно-дискурсивной парадигмой научного знания*²⁵, с одной стороны, «инкорпорировала в себя теорию речевых актов» [Маслова, 2008, с. 17], с другой – обнаруживает недостаточность данной теории как базы концептуального аппарата для развития теории коммуникации [Франк, 1986]. Начиная активно развиваться в последней трети XX века, когда абстракция в познании языка достигает достаточно высокой степени [Арутюнова, 1990], когнитивно-дискурсивная парадигма в XXI веке открывает новые возможности в исследовании молчания.

Новый подход к языку – интегративный, полипарадигмальный²⁶ [Кубрякова, 1995, 2008; Маслова, 2008; Сусов, 2007] – расширяет в силу идеи междисциплинарности и интеграции предмет лингвистики; речевая практика создает «безграничную базу данных для изучения общения» [Иссерс, 2008, с. 8].

Данный подход рассматривает коммуникацию как процесс, как результат познавательной деятельности носителя определенной лингвокультуры, как деятельность, реализованную в речи [Алефиренко, 2005; Арутюнова, 1990; Маслова, 2008], а минимальную единицу речевой деятельности высказывание (текст) – в процессуальном аспекте [Алефиренко, 2005; Красных, 2001], коммуникативную ситуацию – как коммуникативно-прагматическую, в которой реализуется языковой знак и в которой обеспечивается адекватное понимание

²⁵ Более подробно об антропологической парадигме, современных научных парадигмах в языкознании и соотношения их в рамках антропологической парадигмы см. в [Алефиренко, 2006; Бенвенист, 2002; Гумбольдт, 1985; Демьянков, 2008; Кожина, 2003; Комарова, 2013; Красных, 1999; Кубрякова, 2008; Милютина, 2014; Пушина, 2014; Сусов, 2007; Формановская, 2002; Шейдаева, 2005 и др.].

²⁶ О комплексности в современных лингвистических исследованиях см., например, [Бутакова, Гуц, 2020].

коммуникантами языкового значения [Алефиренко, 2005, с. 221]. В центре когнитивно-дискурсивной парадигмы находится человек – коммуникант, порождающий тексты и интерпретирующий их, носитель «культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2002, с. 22]. Отсюда языковой (речевой) знак не существует автономно, а погружен в социокультурный контекст, создаваемый человеком. Дискурс, речь, присваиваемая говорящим [Бенвенист, 2002, с. 27], – целое «коммуникативно-прагматическое событие социокультурного характера» [Алефиренко, 2005, с. 104], текст – единица коммуникации, результат дискурсивной деятельности, содержащая сообщение о фрагменте мира, созданная по замыслу автора [Маслова, 2008, с. 33]. Данный подход обнаруживает «появление нового смысла, до сих не замеченного» [там же, с. 49].

Исследования молчания в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет перенести акцент с текста, нулевого знака, на его автора, молчащего, и рассмотреть молчание с точки зрения адресанта и адресата с их личностными и социокультурными особенностями.

2. Понятие речевой деятельности восходит к работам Л. В. Щербы применительно к методике преподавания языков [Щерба, 1974], а как разновидность деятельности человека вообще – к теории деятельности Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева [Теория речевой деятельности, 1968; Леонтьев, 1969]. Деятельность характеризуется мотивом, целью, действием, операцией как способом выполнения действия, результатом (продуктом), личностными установками. Одним из критериев различения видов деятельности является внешний (материальный) и внутренний (мысленный) характер. Внешняя и внутренняя формы взаимосвязаны и переходят друг в друга [Асмолов, Петровский, 1973; Зинченко, 1971].

Речевая деятельность – «вид деятельности (наряду с трудовой, познавательной, игровой и др.)» [ЛЭС, 1990, с. 412], «сложная совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного

результата, который является вместе с тем объективным побудителем данной деятельности, т. е. тем, в чем конкретизируется та или иная потребность субъекта» [Леонтьев, Панов, 1963, с. 415]; это система речевых действий.

Исследование речевой деятельности активизирует проблему соотношения понятий *говорение – речь – речевая деятельность*. Часто речь соотносится с говорением. Б. В. Беляев же обозначает речь как двустороннее взаимное общение [Беляев, 1965]. Таким образом, говорение является составной частью речи, как и слушание.

И. А. Зимняя понимает речь как способ осуществления речевой деятельности: «речевая деятельность представляет собой целенаправленный, мотивированный, активный процесс приема и (или) выдачи сообщения, организованного социально отработанными средствами (язык) и способом (речь) формирования и формулирования мысли в общении людей друг с другом» [Зимняя, 2001, с. 65]. Речепорождение как процесс проходит этапы мотивации, замысла, реализации замысла и сопоставления реализации и замысла [Леонтьев, 1969].

Речевая деятельность может быть представлена либо в виде речевых действий, включенных в неречевую деятельность, либо как целый акт деятельности, характеризующийся специфической мотивацией, не реализуемой другими видами деятельности [Жинкин, 1982; Леонтьев, 1969; Рубинштейн, 1940].

Речевая деятельность имеет ряд отличительных признаков [Асмолов, Петровский, 1973; Леонтьев, 1969]:

- «предметность деятельности, ее связь с предметным окружающим миром;
- целенаправленность;
- мотивированность;
- иерархичность, иерархическая организация ее единиц» [Леонтьев, 1969, с. 10];
- «фазность, горизонтальная организация деятельности» [Асмолов, Петровский, 1973, с. 37].

Выделяется три фазы речевой деятельности [Анохин, 1968; Гальперин, 1976; Жинкин, 1982; Зимняя, 1991]:

1. Мотивационно-побудительная.
2. Ориентировочно-исследовательская, нацеленная на выбор и организацию средств и способов осуществления деятельности; фаза планирования, программирования и внутренней языковой организации речевой деятельности при помощи ее средств и способов.
3. Реализующая, состоящая из исполнительной и регулирующей подфаз. На этой фазе реализуются речевые высказывания (их восприятие и понимание), анализируется результат, соотносится с замыслом.

Третья фаза не является обязательной, например при слушании. На основе вышесказанного различают речь внешнюю (устную и письменную) и внутреннюю. Если внешняя речь соотносится с письмом и говорением, то «внутренняя речь как внутренний способ формирования и формулирования мысли, так же, как и оба вида внешнего способа, «входит», как бы «включается» субъектом деятельности в разные виды РД в зависимости от ситуации общения» [Зимняя, 2001, с. 65]. Внутренняя речь может предшествовать видам речевой деятельности (говорению, например), может сопровождать их.

Внутренняя речь – достаточно сложное явление по своей природе [Беляев, 1965; Жинкин, 1964; Зимняя, 1985]. Различают внутреннюю речь как «планирование и контроль «в уме» речевых действий», как «один из этапов внутреннего программирования как фазы порождения речевого высказывания (то же, что планирование, замысел)», как внутреннее проговаривание – «беззвучная речь «про себя», выполняющая те же функции планирования и контроля и возникающая в определенных ситуациях деятельности» [ЛЭС, 1990, с. 85]. Согласно А. А. Леонтьеву, «...внутренняя речь, внутреннее проговаривание и внутреннее программирование суть три разных психологических процесса, сходных, но не идентичных» [Леонтьев, 1967, с. 6]. Внутренним проговариванием характеризуется прием речевого сообщения, внутренняя речь – действие, перенесенное «во внутрь», внутреннее программирование – «неосознаваемое

построение некоторой схемы, на основе которой в дальнейшем порождается речевое высказывание» [там же, с. 7].

Такое понимание деятельности, соотношения речи и говорения возвращает нас к новому осмыслению следующих аспектов в исследовании молчания:

- является ли молчание деятельностью²⁷,
- какой из видов молчания характеризует деятельностный характер,
- является ли молчание речью,
- какое место в структуре речевой деятельностью занимает молчание,
- как соотносится понятие *молчание* и *внутренняя речь*, можно ли отождествлять данные понятия²⁸.

Новый – коммуникативно-деятельностный – подход к языку поднимает еще один вопрос: является ли молчание универсальной категорией коммуникативной деятельности человека либо оно наделено национально-культурной спецификой.

²⁷ Известен тезис Г. Е. Крейдлина о молчании как недеятельности, недействии, противодействии [Крейдлин, 2005, с. 26].

²⁸ С. В. Крестинский определяет молчание как форму внутренней речи [Крестинский 1998, 77].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Анализ теоретической литературы, посвященной молчанию как феномену человеческого общения, позволил сделать следующие выводы.

Во всех религиозно-философских системах молчание рассматривается как обязательное условие духовного развития человека, погружения в тайны бытия, диалога с Богом. Молчание характеризуется и художественным осмыслением. В разные культурно-исторические эпохи раскрываются новые смыслы молчания, которые впоследствии получают научное (лингвистическое) освещение.

В лингвистике молчание начинает исследоваться в контексте речевой коммуникации как универсальная категория. В отличие от физиологического молчания, молчание в коммуникации так же значимо, как и слово; как и слово, способно функционировать в общении, порождая многие значения. Несмотря на свою многозначность и полифункциональность, оно способно раскрывать свои значения только относительно речи.

Многозначность и многофункциональность молчания позволили нам выделить различные подходы к изучению молчания на основе следующих критериев:

- с точки зрения реализуемых функций,
- с точки зрения сфер употребления,
- с точки зрения коммуникативной ситуации,
- с точки зрения причины, вызывающей молчание,
- с точки зрения коммуникативной цели,
- с точки зрения психологического (эмоционального) фактора,
- с точки зрения характеристики коммуникантов,
- с точки зрения места молчащего в иерархии общения,
- с точки зрения принципов кооперации.

Традиционно лингвистов привлекает коммуникативно значимое молчание, отнесенное к невербальной коммуникации. Тем не менее статус молчания как

средства невербальной коммуникации до сих пор не определен, а концепции, в которых молчание рассматривается как тождественное речи, в лингвистике остались без развития.

Сужение молчания как предмета исследования до знака, акта обусловлено развивающейся в середине XX века теорией речевых актов. Представляется, что в лингвистическом освещении молчания существует множество белых пятен, связанных с молчанием, не являющимся актом, знаком, но несущим информацию, то есть значимым для коммуникации. Да и исследование коммуникативно значимого молчания не доведено до конца, так как до сих пор не решена проблема типологии и определения данного знака, нулевого акта.

По мнению многих ученых, для полного объективного научного описания молчания недостаточно того понятийно-терминологического аппарата, который используется в языкознании с целью исследования материально выраженных знаков. В рамках данной работы мы вводим в русский лингвистический дискурс термин *вокализация*, который определяем как процесс звукового выражения вербальной и невербальной речи, акт произнесения, характеризующий завершающую стадию порождения речи. Как и весь речевой процесс, вокализация является частью коммуникативной деятельности человека.

В связи с материальной невыраженностью молчания в поле лингвистического исследования попадает и проблема восприятия и интерпретации молчания. На сегодняшний день учеными созданы схемы, алгоритмы анализа молчания, при этом механизмы восприятия молчания с последующей адекватной интерпретацией его адресатом изучены недостаточно.

В силу общепризнанной универсальности молчания за рамками научного исследования остается влияние специфики лингвокультуры на интерпретацию молчания реципиентом.

Данные вопросы могут быть решены, благодаря коммуникативно-деятельностному подходу к языку.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАТЕГОРИИ МОЛЧАНИЯ

Анализ различных типов коммуникативного взаимодействия, во-первых, указывает на частотность обращения участников общения к молчанию, как инициативному, так и ответному, во-вторых, показывает, что объективное всестороннее описание видов молчания требует уточнения понятий и терминов. Функционируя в коммуникации, молчание может либо замещать другие коммуникативные элементы, либо не иметь подобной альтернативы. В зависимости от этого обозначим **молчание** как **эквивалентное** и как **безэквивалентное**.

2.1. Безэквивалентное молчание

2.1.1. Пауза как безэквивалентное молчание

Традиционно молчание соотносится с паузой в силу того, что во время паузы «речевые органы не артикулируют» [Введенская, Павлова, 2000, с. 376], «пауза есть молчание» [там же]. Прерывание речи обозначено в русском языке как *помолчать*, *замолчать*, *смолчать*, *молчать*, имеет разные функции и цели:

(1) *Уже в середине ночи обеспокоенный Фома подошел к ложу Иуды, присел на корточки и спросил:*

— *Ты плачешь, Иуда?*

— *Нет. Отойди, Фома.*

— *Отчего ты стонешь и скрипишь зубами? Ты нездоров?*

Иуда помолчал, и из его уст, одно за другим, стали падать тяжелые слова, налитые тоскою и гневом (Л. Андреев. Иуда Искариот).

(2) *Случилось, что после одного из таких вопросов Иуда вдруг замолчал и удивленно с ног до головы оцупал его взглядом: увидел длинный, прямой стан, серое лицо, прямые прозрачно-светлые глаза, две толстые складки, идущие от носа и пропадающие в жесткой, ровно подстриженной бороде, и убедительно сказал:*

— *Какой ты глупый, Фома!* (Л. Андреев. Иуда Искарот).

(3) *Несколько секунд длилось молчание. «Он изучает меня», — подумала Маргарита и усилием воли постаралась сдержать дрожь в ногах. Наконец Воланд заговорил, отчего его искристый глаз как бы вспыхнул:*

— *Приветствую вас, королева, и прошу меня извинить за мой домашний наряд* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Говорящий прерывает речь, чтобы собраться с мыслями, обдумать, проанализировать услышанное, выбрать наиболее оптимальный коммуникативный ход, вспомнить, то есть молчание может быть обусловлено мыслительной деятельностью человека (примеры 2, 3). Говорящий замолкает и под влиянием эмоций, чувств, переполняющих его (пример 1).

Подобное прерывание речи рассматривается в лингвистике с точки зрения невербальных средств коммуникации [Крейдлин, 2002, 2005; Мартынова, 2016], сегментации речевого потока (о роли паузы в речи, особенностях функционирования, типологии см., например, [Александрова, 2004; Александрова, Иваницкий, 2003; Блохина, Потапова, 1986; Борисова, 2001; Бурая, 1983; Иванова-Лукьянова, 1990; Яковлев, 1998]) и в контексте изучения молчания в коммуникации. Известен тезис С. В. Меликян о разграничении преднамеренного длительного отсутствия речи (молчания) и ненамеренного кратковременного (пауза) [Меликян, 2000].

Данный тезис подвергается сомнению благодаря обширным смежным исследованиям средств сегментации речи и законам логики. В первом случае доказывается, что паузы (в частности, паузы-колебания) могут быть не ограничены во времени (см., например, [Александрова, Иваницкий, 2003]) и могут

характеризоваться интенциональностью²⁹. Во втором случае логически можно предположить, если кратковременное прерывание речи – это пауза, а долговременное – это молчание, то пауза с течением времени может становиться молчанием.

Таким образом, считаем вопрос о соотношении молчания и паузы открытым.

1. Рассмотрим публичные выступления историка, публициста Э. Радзинского.

Риторические вопросы, восклицания, обращения к собеседникам, неожиданные сравнения, многочисленные повторы, повышение / понижение тона, изменение темпа речи – далеко не полный перечень средств воздействия автора на слушателя. Кажется, что только сейчас, в данный момент, рассуждая о том или ином событии, автор приходит к интересному решению исторической задачи. Эффект озарения передается публике: еще одна тайна истории раскрыта, раскрыта легко и изящно, ответ лежал буквально на поверхности. Особая композиция речи Э. Радзинского позволяет создать интригу, захватить все внимание слушателей, держать их в напряжении до самой кульминации. Не самое последнее место в замысле публициста занимает и молчание-пауза.

В выступлении, посвященном Великой Октябрьской революции, Э. Радзинский задается вопросом, почему это событие вообще стало возможным в такой сильной и благополучной Российской Империи. Его не интересуют исторические предпосылки, он ищет ответ в психологии людей того времени³⁰. И находит: люди, подобно героям чеховского «Вишневого сада», много говорят о надвигающемся событии (*Апокалипсисе!*), но ничего не делают, чтобы предотвратить его. Уже само по себе сравнение революции с пьесой А. П. Чехова

²⁹ Так, в исследованиях [Александрова, 2004; Баева, 2018; Зонтова, 2016; Рослова, 2009 и др.] подчеркивается функционирование разных видов пауз, в том числе хезитации, в подготовленной или частично подготовленной речи именно с целью решения определенной коммуникативной задачи говорящего.

³⁰ Отрывок из интервью Юрия Зинчука с Эдвардом Радзинским (URL: <https://topspb.tv/programs/stories/463886/> (дата обращения: 04.01.2020)).

– неожиданный прием, и эффект неожиданности многократно усиливается долгими паузами:

(4) Но Вы знаете / что меня поражает в начале века / то / что Вы тоже знаете / это ощущение Апокалипсиса / который вдруг совершенно надвигается на Россию (пауза 1) // Но если бы меня спросили / что такое вот тогда Россия / я бы не рекомендовал исторических сочинений / была цензура в начале века (пауза 2) // Я бы рекомендовал одну пьесу / называется «Вишневый сад» (пауза 3) // В ней много людей знают точно / что вишневый сад должны продать / и они страшно обеспокоены тем / чтобы его не продали / при этом они не делают ничего / чтобы его не продали (пауза 4) // При этом они не делают ничего / чтобы его не продали (пауза 5) // Они разговаривают (пауза 6) // Они разговаривают / они разговаривают об ужасе этой продажи (пауза 7) // Потом приходит человек и объявляет / вишневый сад продан (пауза 8).

Большое количество длительных пауз создает напряженность, динамичность текста, приводит к неожиданным выводам. Автор как будто играет с публикой, создает интригу (пауза 1) и дальше постоянно подогревает интерес собеседника: паузы длятся ровно столько, чтобы слушатель в нетерпении воскликнул: «А что бы вы посоветовали?» или «При чем здесь «Вишневый сад»?». Дальнейшее рассуждение автора держит собеседника в дискомфортном состоянии недоумения, которое достигается благодаря паузам (4-7).

В публичных выступлениях Э. Радзинского отметим интересное употребление пауз – сочетание паузы с повторами, с умолчанием (дозированной информацией), с другими средствами выразительности. Все это усиливает воздействие автора на адресата: *Они разговаривают (пауза 6) / Они разговаривают / они разговаривают об ужасе этой продажи (пауза 7 усиливают интригу, придают значимость финальной фразе) // Потом приходит человек и объявляет / вишневый сад продан (пауза 8).* И в последней паузе 8 – озорство автора: *ну что, наконец-то поняли, как это связано с революцией.*

Следующая часть выступления зеркальна первой: подобно героям пьесы А. П. Чехова, в предреволюционной России *«все говорят о революции / все*

абсолютно // Вы можете прочитать и у директора Департамента полиции / с ним встречается Витте // Они говорят / будет революция / обязательно будет / надо что-то делать //»

К концу монолога темп речи замедляется, паузы учащаются, подчеркивается значимость каждого слова, значимость произошедшего для России, причем пауза акцентирует предшествующее целое:

(5) ... повторяю / что все говорят // и никто ничего не делает // И на улице выходит толпа // неорганизованная / страшная / случайная // И Розанов напишет / было / было // и нету // И никто не будет знать // как это произошло // Никто не готов к этому // ни большевики / ни меньшевики // Вышла толпа / были одни разговоры // заговора не было // Никакой // организации не было // Пьеса // продолжалась // Он понял / что толпа заполнила улицы / повернул назад / чтобы навести порядок / было поздно // оказался на станции Дно //.

В устном публицистическом дискурсе пауза является достаточно частотным средством воздействия. Наряду с другими средствами (тоном, интонацией, ритмом), пауза определяет уровень воздействия на целевую аудиторию и помогает адресанту достичь поставленной цели. Чередуя паузу с другими средствами фонации, создавая коммуникативный ритм, субъект передает информацию таким образом, чтобы аудитория интерпретировала содержание речи адресанта в нужном направлении.

Журналист Дмитрий Киселев, автор и ведущий программы «Вести в субботу с Дмитрием Киселевым», с помощью пауз активно использует нарушение привычных для носителя русской коммуникативной культуры интонации и ритма.

Паузы расставляют логические ударения, посредством чего ведущий программы «Вести недели» акцентирует внимание зрителей на событиях особой важности; реализуется этот прием и при помощи растягивания слова, произнесения его по слогам, удлинения гласного звука, изменения тона и темпа речи говорящего на логически выделенном слове.

(6) Безнаказанным и нерасследованным остается расстрел более сотни украинцев на Майдане // Безнаказанным и нерасследованным остается массовое

сожжение одесситов / в Доме профсоюзов // Зверства и массовые убийства тысяч людей карательными националистическими батальонами на Востоке Украины неподсудны // Нерасследованным также остается варварское убийство прошлой весной / наверное / величайшего украинца в своем поколении / писателя и журналиста Олесь Бузины (выпуск от 13.03.16).

Одним из главных приемов воздействия является использование пауз в частях предложений, не предназначенных для синтаксического членения. Употребление пауз позволяет адресанту подчеркнуть важность произнесенной информации, обратить этим особое внимание зрителя на его слова, акцентировать их внимание на значимых фразах, показать уверенность говорящего в его позиции. Ведущий делает особенно длинные паузы после фраз, имеющих важное, первостепенное значение. Как средство выделения особо значимых слов, паузы придают тексту повышенную выразительность, экспрессивность.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что ведущий употребляет большую часть пауз перед словом, загруженным логическим ударением.

(7) Поэтому-то Эрдоган в ярости и готов бросить свою страну в пламя войны (долгая пауза) Но ради чего все это? // Ради национальных интересов? // Нет // Но / может быть / Эрдоган идет в бой ради экономической выгоды страны? // Тоже нет! // Ведь лишь потери от испорченных отношений с Россией (долгая пауза) уже оцениваются в десятки миллиардов долларов // Туризм вымирает как индустрия // Так все же (долгая пауза) ради чего война? (долгая пауза) Семейный бизнес // Дешевая нефть для сына и зятя застилает Эрдогану глаза (выпуск от 21.02.16).

Паузы вкупе с другими средствами подчеркивают своеобразие дискурса Д. Киселева, придают его речи особую напряженность, заинтересовывают слушателя, убеждают в правдивости сказанных им слов.

Таким образом, пауза является средством воздействия на адресата; она способна создавать необходимый коммуникативный ритм, совместно с другими средствами фонации расставлять необходимое логическое ударение, формировать эмоцию, в которой заинтересован субъект речи. **Употребление паузы может быть**

осознанно, преднамеренно, оно контролируется говорящим, пауза может отличаться интенциональностью. Однако, в отличие от молчания как знака, не наделена смыслом, самостоятельным значением. Она готовит почву для воздействия, которое несет в себе слово (предшествующая пауза), либо усиливает его (последующая пауза).

2. Традиционно количественный параметр рассматривался как один из основных при научном описании паузы³¹. По сравнению с долговременным коммуникативным молчанием, пауза кратковременна.

Данный параметр вызывает несколько вопросов:

1) что первично для обозначения прерывания речи как кратковременного или долговременного: время звучания или восприятие адресатом;

2) является ли длительность объективным показателем, то есть характеризующим восприятие всеми носителями русской коммуникативной культуры, или субъективным, присущим восприятию конкретного слушателя;

3) зависит ли восприятие прерывания речи как кратковременного или долговременного от типа паузы.

Данные вопросы легли в основу лингвопсихологического эксперимента, в ходе которого участникам были предложены звучащие тексты с просьбой охарактеризовать особенности восприятия паузы, выбрав заданные варианты: *естественно / долго / неестественно долго, комфортно / некомфортно / нейтрально*; (в случае отрицательной реакции) *мешает / нервирует / раздражает*. Эксперимент проводился на базе Института языка и литературы ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» с 1.02.2020 по 31.12.2020. Всего приняло участие 146 человек. Отличие эксперимента от проводимых ранее

³¹ Интонация, паузирование, логическое ударение в русском тексте являются частотным предметом исследований (см., например, [Иванова-Лукьянова, 1968, 1971, 1989, 2004, 2009]). В рамках данной работы рассматривается пауза не как ритмико-интонационное строение текста, а как разновидность молчания с отличительными релевантными признаками.

заключается в том, что исследование направлено не на паузу как таковую, а на восприятие временного прерывания речи адресатом.

1. На этапе I участникам предлагались аудиотексты, состоящий из вопроса и ответа с различным временным интервалом. Особенность микротекста заключалась в том, что для реципиентов предмет речи был нейтральным, говорящий и коммуникативная ситуация неизвестны; паузы отличались незаполненностью. В ходе анализа реакции слушателей были важны следующие параметры: фиксация / нефиксация адресатом звучащей паузы, оценка ее реципиентами с точки зрения краткости / долготы, естественности / неестественности долготы. Для данного этапа эксперимента были выбраны синтаксические паузы, то есть паузы, отражающие естественный ритм и закономерности синтаксического членения речи; из них – паузы межфразовые и паузы межсинтагменные. В текстах 12-17 употреблялись паузы, нарушающие естественную сегментацию речевого потока (хезитация)³².

На этапе I были получены следующие результаты (см. таблицу 5). Адресат не замечает паузу протяженностью в 0,175 с и менее, хотя она фиксируется при автоматической обработке. Межфразовые паузы фиксировались адресатом и воспринимались как естественные при интервале 0,723 с-1,000 с. При временном интервале 1,127 с. 57% характеризовали ее как долгую, но естественную. При интервале 2,014 с. количество реципиентов, воспринимающих паузу как долгую, увеличивается до 72%, как неестественную – до 70%. В тексте 5, 6 паузы с временной протяженностью 2,466 с и 2,703 с всеми реципиентами (100%) оценивались как долгие, неестественные.

Межсинтагменные паузы в текстах 6, 7 (с 0,282 с. до 0,895 с.) воспринимались как естественные. В тексте 8 паузу протяженностью 1,095 с. оценили как долгую 62% реципиентов. В текстах 9, 10, 11 паузы длились 1,578 с, 1,835 с и 2, 327 с, были восприняты как долгие, неестественные.

³² Здесь и далее при обработке звучащих текстов был использован многоплатформенный аудиоредактор звуковых файлов «Audacity» (URL: <https://www.audacityteam.org/copyright/> (дата обращения 02.02.2020)).

Пауза-хезитация в тексте 12 с протяженностью 0,173 с не фиксировалась адресатом. В тексте паузы 13, 14 (0,578 с и 0,953 с) фиксировались как естественные, в тексте 15 (1,322 с) – как долгая, но естественная, в текстах 16, 17, 18 (2,093 с, 2,338 с и 3,016 с соответственно) – как долгие, неестественные.

Таблица 5. Восприятие адресатом незаполненной паузы в нейтральном тексте

Реакция адресата	Межфразовая пауза / долгота (с)	Межсинтагменная пауза / долгота (с)	Хезитация / Долгота (с)
Не фиксируется	–	–	0,173
Воспринимается как естественная по долготе	0,723	0,282 0,895	0,578 0,953
Воспринимается как долгая, но естественная	1,127 2,014	1,095	1,322
Воспринимается как долгая, неестественная	2,466 2,703	1,578 1,835 2,327	2,093 2,338 3,016

2. На этапе II участники эксперимента оценивали паузы законченного смыслового звучащего отрезка. Требования к подбору текстов: 1) разная степень подготовленности (подготовленный текст, частично подготовленный текст, неподготовленный текст³³); 2) разные характеристики говорящего (пол, возраст, статус, профессия и др.). Всего 15 видеотекстов (текст №№19-33) с временем звучания от 2,43 минут до 8,34 минут.

Анализ результатов включал следующее: фиксация паузы адресатом, восприятие паузы адресатом как естественной / неестественной по долготе, зависимость восприятия паузы от ее типа, зависимость восприятия паузы от говорящего, зависимость восприятия паузы от предмета речи. Из многочисленных

³³ Классификация И. Н. Борисовой [Борисова, 2001].

классификаций пауз³⁴ с целью решения задач эксперимента были выделены паузы физиологические, синтаксические, паузы хезитации, риторические (в некоторых классификациях прагматические, соотносимые с замыслом говорящего). Принципиальное отличие этапа II от этапа I заключается в том, что реципиенту известна коммуникативная ситуация, в силу чего он может по отношению к говорящему и предмету его речи формировать оценку.

Из огромного массива зафиксированных реципиентами пауз прежде всего выделили паузы, которые воспринялись как *неестественно долгие*. Из них синтаксические паузы – 22 фиксации, физиологические паузы – 23, риторические – 123, хезитация – 191. Как неестественно долгая синтаксическая пауза в среднем характеризуется в 0,817 с, хезитация – 0,936 с, физиологическая – 0,487 с, риторическая – 0,580 с.

Сопоставим количественные показатели неестественно долго звучащей паузы, полученные на I и II этапах эксперимента. Как видно из рисунка 4, долготы звучания неестественной синтаксической паузы и хезитации в текстах 1-18 (вопросно-ответная группа) не совпадает с долготой паузы, когда адресат формирует оценку по поводу предмета речи или ее субъекта, то есть порог неестественной долготы паузы значительно снижается.

Анализ результатов, полученных на этапе II, показал, что из выделенных неестественных по времени звучания пауз:

- 1) физиологические паузы фиксируются реципиентами, но не вызывают отрицательной оценки (восприятие нейтрально) в 86% случаях;
- 2) синтаксические паузы фиксируются, но не вызывают отрицательной оценки в 52% случаях; синтаксические паузы характеризуются как неестественные всегда, когда приблизительно равны или превышают показатель длительности, полученный в ходе этапа I;

³⁴ См., например, [Зонтова, 2016; Михасенко, 1984; Яковлев, 1998].

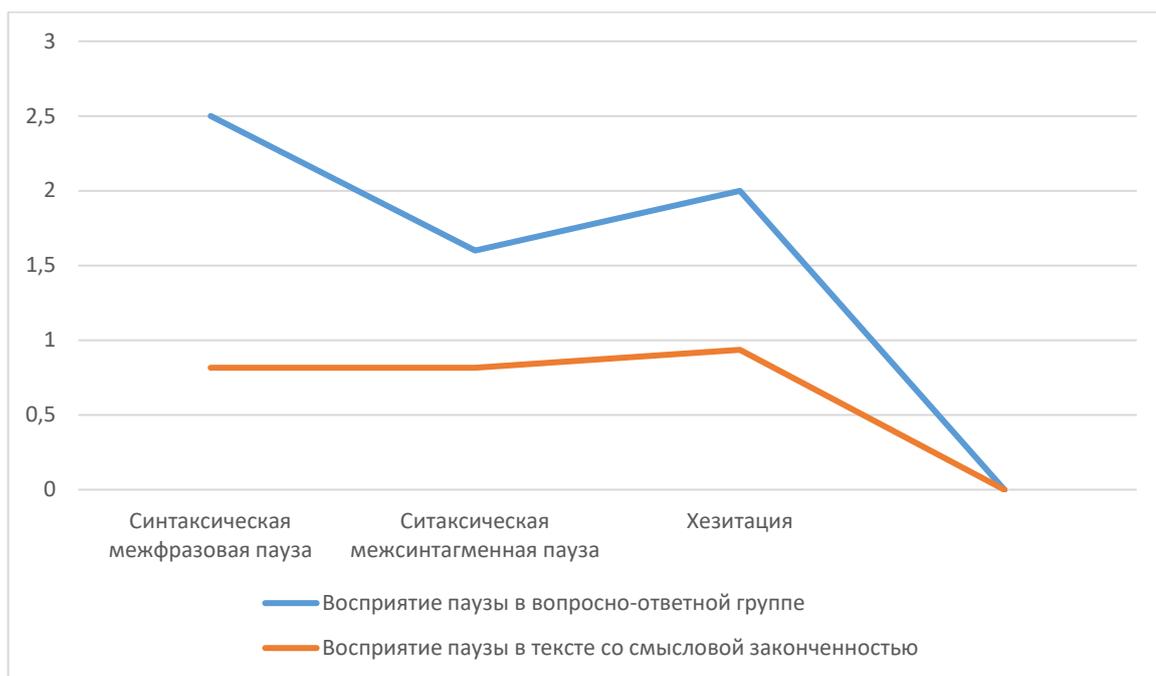

Рисунок 4. Временные показатели паузы при восприятии текста и вопросно-ответной группы

3) паузы хезитации фиксируются реципиентами как неестественные всегда, когда приблизительно равны или превышают показатель длительности, полученный в ходе этапа I;

4) неестественные паузы хезитации в 187 случаях из 191 всегда вызывают негативную оценку; их употребление характеризуется реципиентами как «некомфортно», «мешает», «нервирует», «раздражает»;

5) фиксация реципиентами пауз хезитации с меньшим временным показателем, чем на этапе I, обусловлена, во-первых, количеством пауз данного типа в рамках одного законченного речевого продукта, во-вторых, их локализацией: совпадает ли хезитация с паузой синтаксической или не совпадает (в первом случае хезитация не фиксировалась большинством реципиентов);

6) часто неестественно долгая пауза хезитации носит явный преднамеренный характер и в этом случае оценивалась нами как риторическая;

7) неестественные риторические паузы оценивались участниками эксперимента как отрицательные в 121 случаях из 123;

8) анализ показал, что пауза риторическая может восприниматься реципиентом как естественная, даже если значительно превышает средний показатель, например, пауза длительностью в 2,416 с в тексте 19, либо как неестественно долгая, даже если звучит намного меньше среднего показателя (0,314 с в тексте 21);

9) из всех типов речи (спонтанной, подготовленной, частично подготовленной) реципиенты фиксировали риторические паузы в подготовленных текстах: адресат как бы улавливал воздействующий эффект риторической паузы.

Таким образом, длительность паузы может быть относительно объективным показателем для паузы синтаксической. Для других типов паузы данный параметр относителен. Чем может быть обусловлен данный количественный показатель?

Сопоставим эмоционально-оценочные особенности восприятия текстов №№19-33 (предмет речи / личность говорящего) с количеством зафиксированных неестественных риторических пауз. На рисунке 5 видна зависимость зафиксированных реципиентами риторических пауз от негативной оценки темы разговора, ее интерпретации говорящим, самой личности говорящего. Так, в тексте 21 зафиксировано 68 неестественных пауз, их восприятие обозначено реципиентами как «воздействует», «нервирует», «раздражает»; и предмет речи (критика позиции либералов о военном параде в Москве), и позиция говорящего, и сама личность говорящего (Дмитрий Киселев) были оценены негативно.

Таким образом, можно предположить, что **количественный показатель временной протяженности риторической паузы субъективен, то есть зависит от восприятия адресатом, его эмоционально-оценочного отношения к коммуникативной ситуации в целом; в подготовленной речи адресат чаще фиксирует неестественные по длительности риторические паузы, чем в спонтанной.**

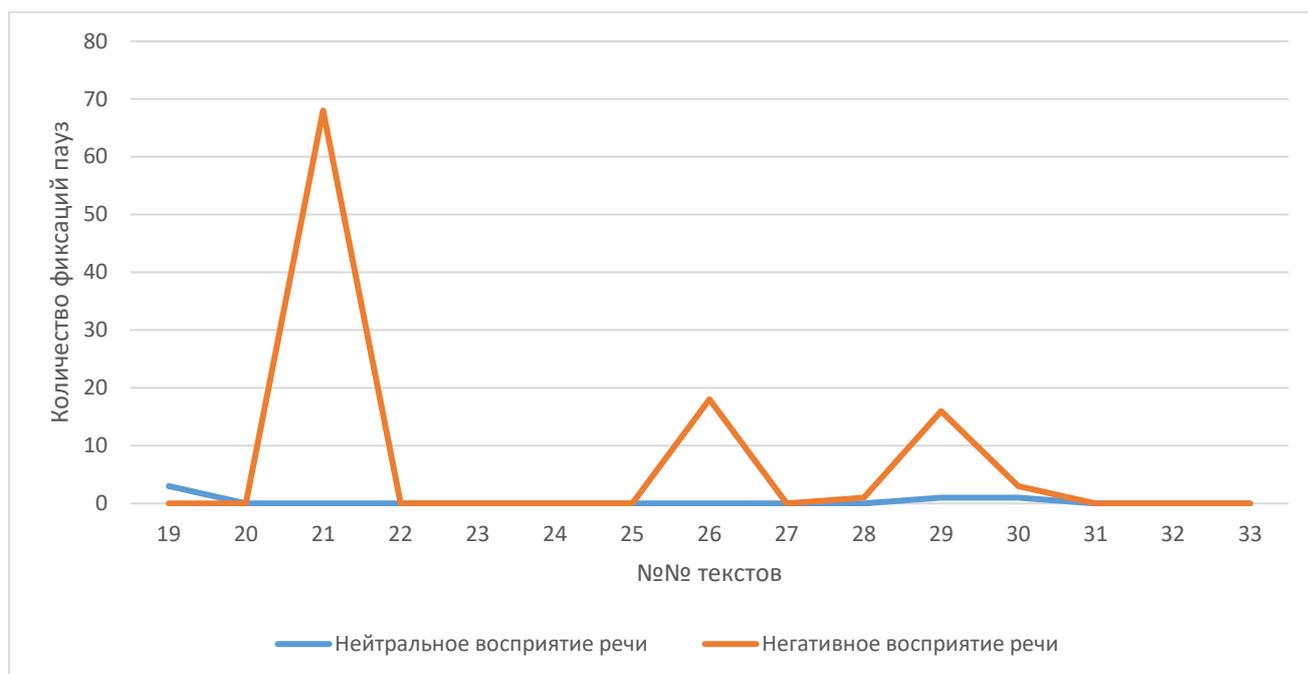

Рисунок 5. Обусловленность фиксации риторических пауз эмоционально-оценочным восприятием предмета / субъекта речи

3. На этапе III реципиентам были предложены два видеотекста: спонтанный – вопрос-ответ на встрече В. Познера с Э. Радзинским (тема «Покаяние человека») и подготовленный – репортаж Дмитрия Киселева, показанный в информационно-аналитической программе «Вести недели» (тема «Повышение пенсионного возраста»). Реципиентам необходимо было выделить неестественные по кратковременности / долговременности паузы, дать оценку предмету текста / говорящему.

3.1. Беседа В. Познера с Э. Радзинским³⁵. В конце интервью с Э. Радзинским, посвященному покаянию, В. Познер предложил публицисту короткие вопросы из опросника Марселя Пруста, неожиданные для интервьюера. Испытуемыми было зафиксировано 8 пауз. Данные паузы могут быть охарактеризованы как паузы хезитации, взятые говорящим для обдумывания ответа, из них 4 паузы занимали от 1,296 с до 2,075 с и были охарактеризованы как «нормальные» по временной

³⁵URL: <https://clck.ru/aovAk> (дата обращения: 01.03.2018).

продолжительности. Часть вопросов, предложенных В. Познером: каким вам представляется абсолютное счастье, каким вам представляется абсолютное горе, что вы считаете своим важным достижением, где бы вы больше всего хотели жить – вызвали у Радзинского определенные затруднения, и длительность пауз намного превысила средний показатель: 3,432 с (пауза 1), 3,947 с (пауза 2), 4,662 с (пауза 7), 3,907 с (пауза 8). При этом паузы 1, 2, 8, заполненные паралингвистическими элементами, указывают на некую растерянность говорящего, на сложность в поиске ответа; пауза 7 – незаполненная (см. рисунок 6).

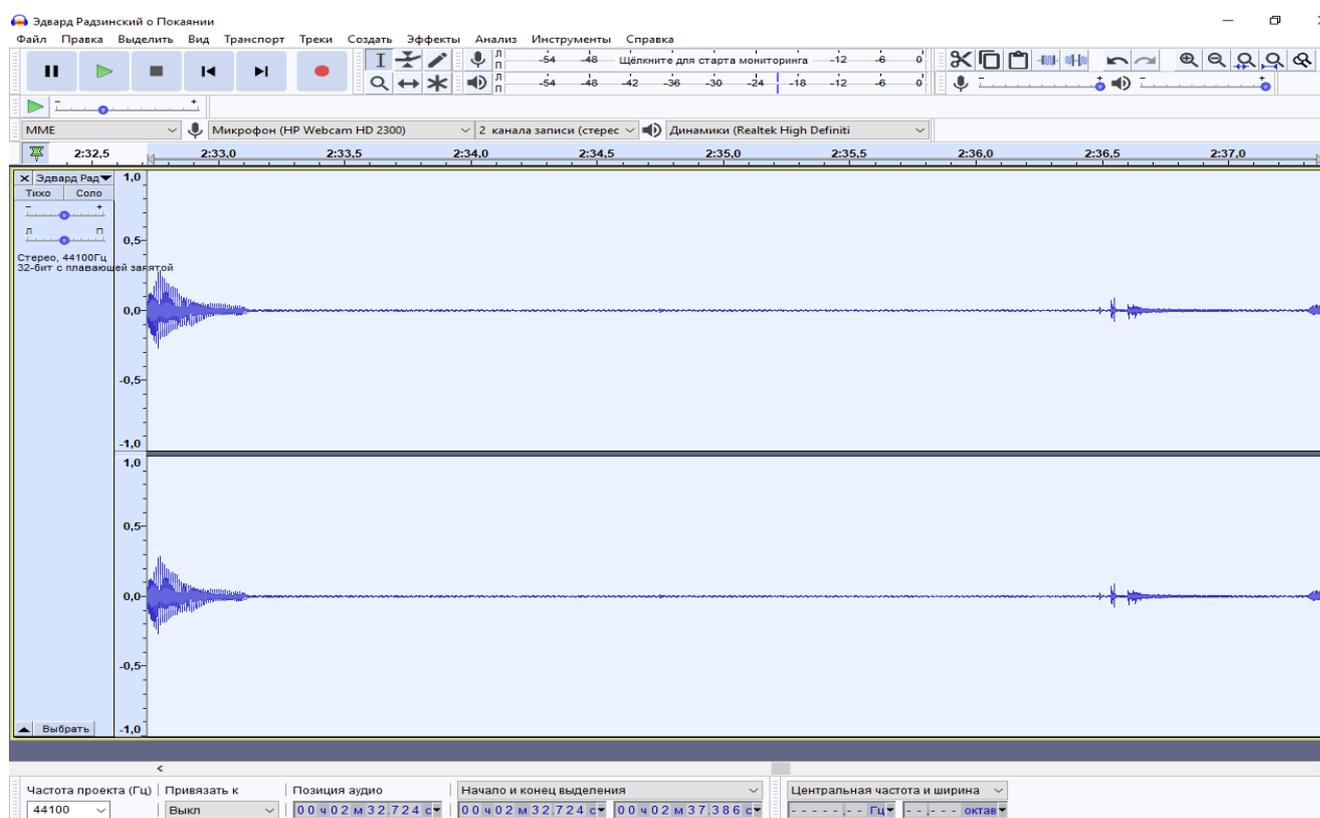

Рисунок 6. Незаполненная долговременная пауза 7 (4,662 с)

Рассмотрим восприятие видеотекста реципиентами (см. таблицу 6). Паузы 1, 2, 7, 8 оцениваются как долговременные; паузы 2, 7 – неестественные, 1, 8 – естественные. При обозначении паузы неестественными восприятие адресатом было либо нейтральным, либо положительным, обусловленным пониманием ситуации, в которой находится говорящий. Реципиенты не оценивали

долговременное прерывание речи как искусственное, вызванное желанием воздействия.

Таблица 6. Восприятие адресатом длительных пауз в тексте «Интервью В. Познера с Э. Радзинским о покаянии»

№№ паузы	Временной интервал звучания / с	Длительность /с	Восприятие адресатом по параметру кратковременность / долговременность	Эмоционально-оценочное восприятие адресатом
1	27,704-31.136	3,432	долговременно, естественно	нейтральное
2	35,599-39,546	3,947	долговременно, неестественно	нейтральное понимающее
3	46,829-48,644	1,815	нормальное, естественно	нейтральное
4	02,905-04,461	1,556	нормальное, естественно	нейтральное
5	13,017-15,092	2,075	нормально, естественно	нейтральное
6	29,333-30,649	1,296	нормально, естественно	нейтральное
7	32,724-37,386	4,662	долговременно, неестественно	нейтральное понимающее сочувствующее
8	49,560-53,467	3,907	долговременно, естественно	нейтральное

3.2. Репортаж Дмитрия Киселева о повышении пенсионного возраста в информационно-аналитической программе «Вести недели» (выпуск от 17 июня 2018 г.). Реципиентами было выделено 11 пауз длительностью от 0,231 с до 1,326 с, среди них 1 пауза синтаксическая межфразовая (1,018 с), 2 паузы синтаксические межсинтагменные (0,849 с; 0,278 с), остальные могут быть охарактеризованы как риторические, не совпадающие с синтаксическими. Все паузы были обозначены испытуемыми как неестественно длительные (см. рисунок 7), сопровождающиеся негативным восприятием предмета речи / личности говорящего, искусственные; часть реципиентов отмечали воздействующий характер (см. таблицу 7).

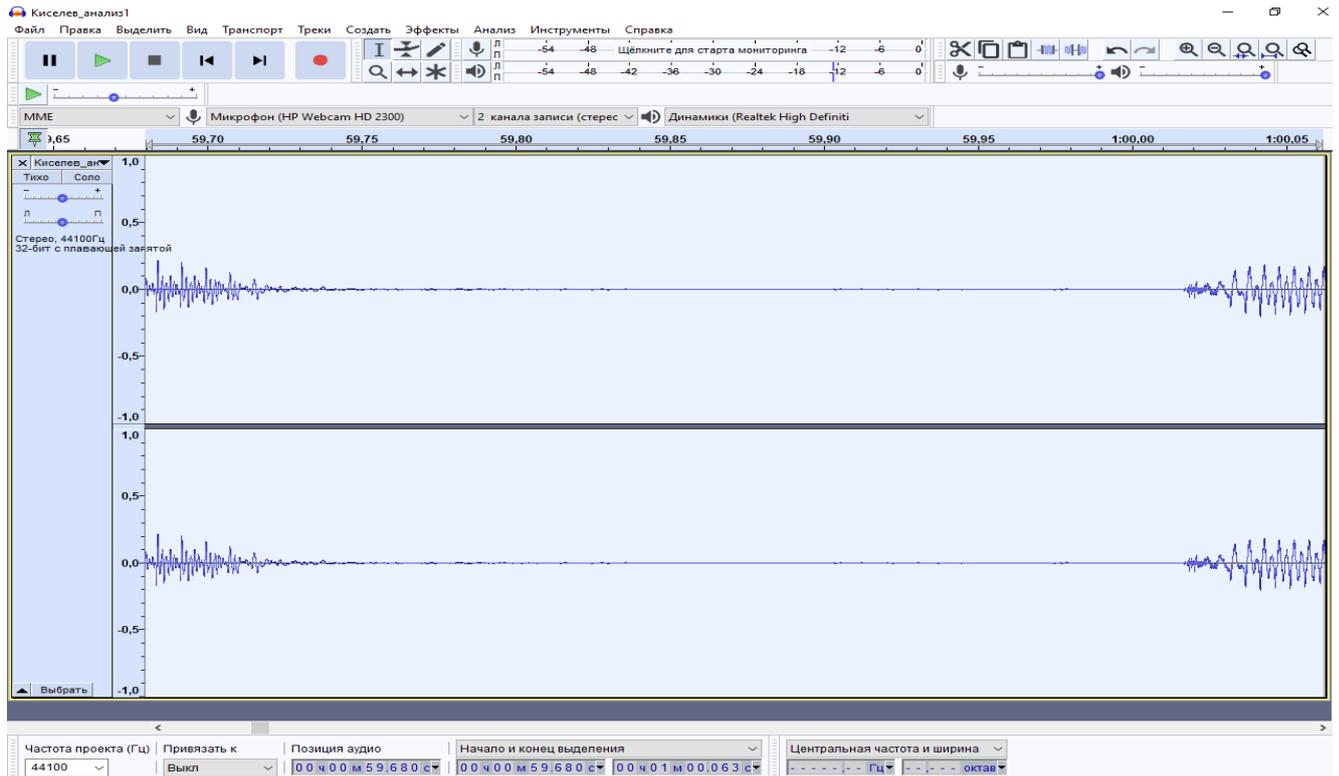

Рисунок 7. Неестественно длительная пауза, акцентирующая следующее слово (пример 9)

Анализ функционирования пауз, зафиксированных реципиентами как неестественно длительные, показал, что Дмитрий Киселев использует паузу с акцентирующим эффектом перед словом, которое хочет выделить, перед информационным блоком, содержащим главную мысль (выделительная функция).

Ср.:

(8) В четверг правительство России одобрило законопроект по пенсионной реформе в стране // Предлагаемое решение оказалось на удивление мягким и / я бы даже сказал // нежным. Основной смысл / улучшение качества жизни пенсионеров при продлении трудоспособного возраста для мужчин до 65 лет / для женщин / до 63-х. Но очень и очень <0,359 с> плавно //

Таблица 7. Восприятие адресатом длительных пауз в тексте «Репортаж Дмитрия Киселева о повышении пенсионного возраста»

№№ паузы	Временной интервал звучания / с	Длительность /с	Восприятие адресатом по параметру кратковременность / долговременность	Эмоционально-оценочное восприятие адресатом
1	22,164-22,812	0,648	долговременно, неестественно	негативное
2	25,123-25,482	0,359	долговременно, неестественно	негативное, нервирует
3	32,599-33,047	0,448	долговременно, неестественно	негативное, нервирует
4	51,246-52,572	1,326	долговременно, неестественно	негативное раздражает
5	54,731-55,580	0,849	долговременно, неестественно	негативное раздражает
6	56,366-56,644	0,278	долговременно, неестественно	нейтральное
7	55,976-56,207	0,231	долговременно, неестественно	нейтрально
8	55,940-56,958	1,018	долговременно, неестественно	негативное / нейтральное
9	2,048-2,433	0,385	долговременно, неестественно	негативное нервирует
10	49,984-50,800	0,816	долговременно, неестественно	негативное нервирует
11	59,680-00,063	0,410	долговременно, неестественно	негативное раздражает

(9) *За исключением ежегодного повышения пенсий / как и предусмотрено законопроектом / каждый последующий год ежемесячная пенсия станет увеличиваться на <0,410 с> **1000 рублей** //*

(10) *Альтернатива / повышение подоходного налога / но правительство **повышать подоходный налог <1,326 с> отказалось** //*

(11) *Позже тот же пенсионный возраст распространился и **на <0,648 с> другие отрасли** //*

(12) *Если оставить все как есть / в один прекрасный момент число работающих и пенсионеров может у нас если не сравняться / то*

катастрофически сблизиться // И сколько же тогда работающий должен будет отчислять в пенсионный фонд? <1,018 с> Такого нет ни в одной стране мира //

(13) Такого нет ни в одной стране мира. Разве что в <0,0,385 с> Китае //

Сопоставим количественный показатель неестественных пауз в текстах, где тема речи и ее субъект воспринимаются адресатом нейтрально / позитивно и где тема и субъект речи воспринимаются адресатом негативно / нейтрально (см. рисунок 8). На рисунке наглядно показана обусловленность параметра «длительность» от восприятия текста адресатом.

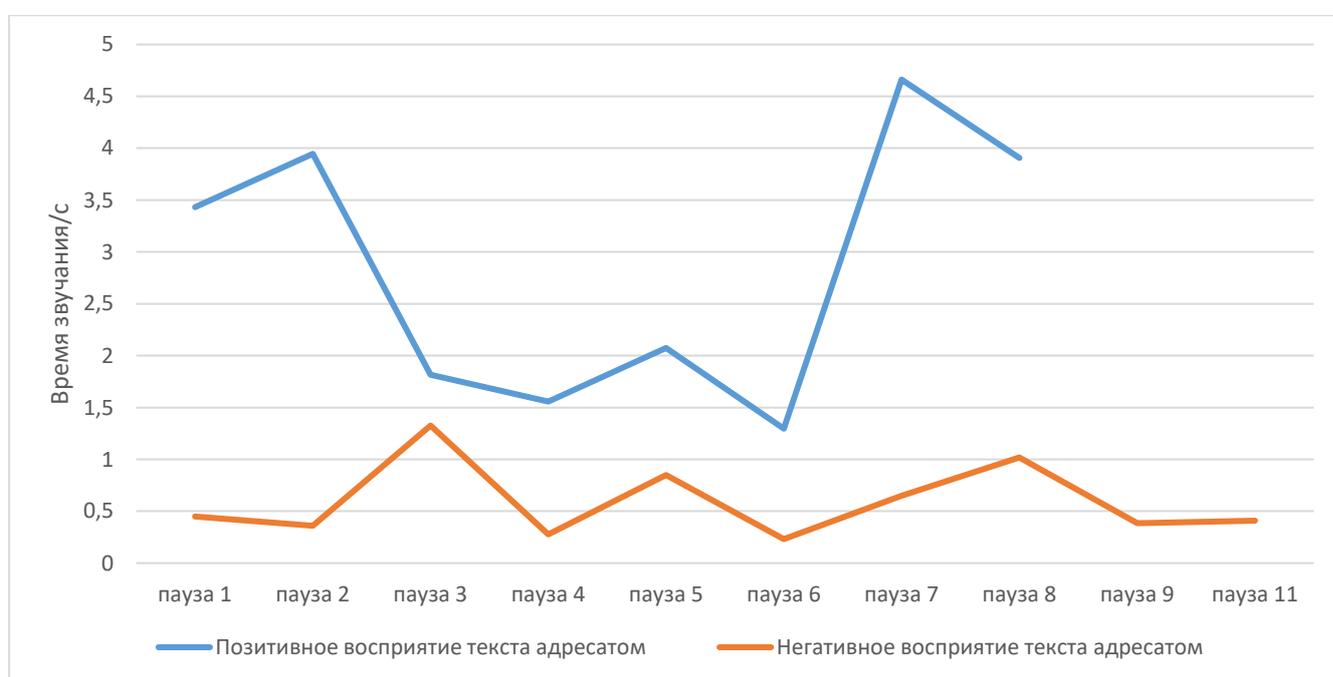

Рисунок 8. Зависимость количественного показателя длительности паузы от восприятия текста адресатом

Таким образом, длительность паузы – показатель относительный, зависит от типа паузы и восприятия адресатом не только временного прерывания речи говорящим, но и всей коммуникативной ситуации в целом. Объективностью отличаются количественные показатели паузы синтаксической, отражающей естественный ритм и закономерность членения речи русского национального языка.

Как показатель относительный, краткость / длительность не может быть релевантным признаком при разграничении паузы и молчания, как и ненамеренность / преднамеренность паузы. Пауза прерывает звучащую речь. Если восстановить разрыв речевого потока, убрать паузу, с информационной точки зрения высказывание будет равно самому себе. Речевое высказывание с паузой и речевое высказывание без паузы по содержанию эквивалентны, они отличаются по времени звучания либо по времени звучания и силе воздействия на адресата.

Пауза – безэквивалентна. Это разновидность безэквивалентного молчания, которая, в зависимости от типа, выполняет свои определенные функции (членения речи, выделения и др.). В силу этого длительная пауза не переходит в молчание как знак; она становится *затянувшейся, тягостной, вызывающей коммуникативный дискомфорт.*

Коммуникативно значимое молчание – текст во взаимодействии, знак, а пауза – средство членения речи, средство воздействия, элемент, значимый для успешной коммуникации.

2.1.2. Опустошенное молчание

1. Обратимся к повести Л. Андреева «Молчание»³⁶. Вера, дочь отца Игнатия, после сильной душевной травмы приезжает в родной дом, но бесполезны все попытки матери Ольги Степановны, да и самого Игнатия, узнать, что же произошло, чтобы хоть как-то помочь ей словом: *Вера молчала*. Только молчание свидетельствовало о том, как Петербург, «что-то большое, гранитное, страшное, полное неведомых опасностей и чуждых, равнодушных людей» (с. 100), погубил Веру, *одинокую, слабую*, нанес ей непоправимый вред; и теперь на отчаянный призыв «Вера, скажи, что с тобой?» (с. 99) девушка отвечала *угрюмо, закрыв глаза*:

³⁶ Здесь и далее цитирование по (Андреев Л. Н. Молчание. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 2009. С. 99-109).

«А со мною ничего», «Ну, так, скучно мне немножко... я спать хочу» (с. 100). Эта скука, душевная пустота, выраженная в молчание, закончилась смертью.

Со смертью Веры в молчание погружается весь дом, «это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» (с. 103). Смерть дочери лишила смысла жизни мать Ольгу Степановну; замолчав от горя, какое-то время она живет, обвиняя мужа в черствости, в неумении помочь Вере. И на попытки Игнатия поговорить у нее еще остались силы бросить на него *упорный, тяжелый взгляд*. Но страстное желание отца понять, почему умерла Вера, желание приобщить к этому страшному разговору и жену, лишают Ольгу Степановну чувств навсегда: «Когда она пришла (в себя), *глаза ее молчали*, и нельзя было понять, помнит она, что говорил ей о. Игнатий, или нет» (с. 102).

В повести Л. Андреева молчание и говорение приобретают символический смысл. Говорят те, кто живет, чувствует, радуется или страдает; человек жив чувствами. Еще жива была дочь Вера, когда под воздействием последних эмоций, отчаянного горя нетерпеливо перебивает: «Ах, мама!». Жива Ольга Степановна, когда борется за дочь, плачет, злым шепотом выговаривает мужу: «У-у! Это ты, поп, сделал ее такой. У тебя переняла она эту манеру. Ты и ответишь. Ах я несчастная...» (с. 101). И прежде чем погрузиться в молчание окончательно, Ольга Степановна лишилась чувств и пришла в себя только через несколько часов. Но пришла ли? В тексте Л. Андреева: «И когда пришла, глаза ее молчали» (с. 102). Не умолкает только сам отец Игнатий: бросая вызов молчанию, он бросает вызов и самой смерти. Вначале он мысленно обращается к мертвой дочери, хочет договорить с ней, продолжить диалог, начатый еще до смерти; а затем и в ее комнате, и перед ее портретом, и даже на ее могиле в отчаянной горе, разбавленном нежной любовью, он восклицает *Вера!.. Скажи!* в надежде, что «невысказанное слово Веры ... должно разрешить все». Но молчит мертвая дочь, молчит и жена:

«— Родная!

Всем большим телом потянулся он к жене – и встретил взгляд серых глаз. В них не было ни сожаления, ни гнева. Быть может, жена прощала и жалела его, но в глазах не было ни жалости, ни прощения. Они были немые и молчали» (с. 109).

2. Молчание вследствие того, что душевные силы покидают человека, – *опустошенное молчание*. *Опустошенный* толкуется как «лишенный нравственных сил, не способный к творческой, активной жизни» [МАС]; *опустошенный взор, взгляд* – «выражающий духовную пустоту, бессилие» [Кузнецов, 2014]. Опустошенное молчание вызвано тяжелой душевной драмой; это не просто отказ от речи. Это вообще не-деятельность, апатия, пассивность. Такое молчание возникает, когда уже ничего не надо, нет желания, оно вне мотива, вне интенциональности.

Опустошенное молчание, несомненно, говорит о внутреннем состоянии человека, но оно не значимо для коммуникации, оно вне коммуникации, вне любой другой деятельности, а любые попытки втянуть собеседника в общение бессмысленны. Однако опустошенное молчание мы рассматриваем в контексте коммуникации, в отличие, например, от физиологического, в силу того что молчащий является частью коммуникативного пространства другого и его коммуникативное поведение корректирует коммуникативное поведение партнеров по общению.

2.2. Эквивалентное молчание

Под *эквивалентным молчанием* мы понимаем молчание, функционирующее вместо других коммуникативных (вербальных и невербальных) элементов, имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения. Отличительной чертой эквивалентного молчания является возможность реконструировать материально выраженный аналог. Данный признак положен в основу алгоритма анализа функционирования молчания в разных типах взаимодействия.

2.2.1. Молчание как эквивалент невербальных компонентов

1. Под влиянием сильного эмоционального состояния человек не способен *вымолвить ни слова*; страх, волнение, неожиданность, удивление, радость и другие сильные эмоции могут выражаться криком, возгласом, восклицанием, дрожью в голосе и другими неречевыми вокализованными единицами. В языке обозначено и поведение человека, когда сильные эмоции буквально сковывают его, и он не может *произнести ни звука*: человек *остолбеваает, впадает в ступор, цепенеет, обомлевает, его берет оторопь*. От страха человек может *вскрикнуть, испустить крик*, но состояние сильного страха выдает дрожь, судорожные движение, искры в глазах. И вместо крика – молчание.

(1) *Я вздрогнул... Мне почудился скрип отворявшейся двери, потом легкий треск переломанного сучка. Я в два прыжка спустился с развалины – и замер на месте. Быстрые, легкие, но осторожные шаги неслышно раздавались в саду. Они приближались ко мне. «Вот он... Вот он, наконец!» – промчалось у меня по сердцу. Я судорожно вынул нож из кармана, судорожно раскрыл его – какие-то красные искры закрутились у меня в глазах, от страха и злости на голове зашевелились волосы <...> Шаги направлялись прямо на меня* (И. С. Тургенев. Первая любовь).

Подобное поведение характеризует человека, испытывающего и другие эмоции, в том числе позитивные: и от радости можно *захлопать в ладоши, закричать, запрыгать*, а можно, когда *радость переполняет, стоять, не в состоянии выдать ни звука, молча плакать*.

Молчание может сопровождаться жестами, определенной мимикой, позой, телодвижениями и другими знаковыми кинетическими формами. Молчание может быть и единственной характеристикой русского коммуникативного поведения³⁷:

³⁷ Так, Г. Е. Крейдлин различает два типа молчания: молчание с паразытовым и жестовым заполнением и молчание с полным отсутствием языковых звуков [Крейдлин, 2005, с. 74].

(2) Он, казалось, не понял, что она обращается к нему. Узнал! **Окаменел!** **Лишился дара речи!** **Его глаза наполнились слезами.** **Попытался привстать...** **Но не смог!** (А. Мишарин. Белый, белый день).

(3) В нескольких шагах от меня – на поляне, между кустами зеленой малины, стояла высокая стройная девушка в полосатом розовом платье и с белым платочком на голове <...> в движениях девушки (я ее видел сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое, что я **чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия** и, кажется, тут же бы отдал все на свете, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу. Ружье мое соскользнуло на траву, я все забыл, я **пожирал взором** этот стройный стан, и шейку, и красивые руки, и слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком, и этот полузакрытый, умный глаз, и эти ресницы, и нежную щеку под ними (И. С. Тургенев. Первая любовь)

(4) Увидев Наташу, Николай Иванович **обомлел**. Несколько справившись с собой, весь красный как рак, он объявил, что счел долгом поднять рубашечку, лично принести ее <...> Расслабившись в спальне, Наташа мазнула кремом Николая Ивановича и сама **оторопела от удивления**. Лицо почтенного нижнего жильца свело в пятячок, а руки и ноги оказались с копытцами (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Состояние, когда человек, находясь под властью сильных эмоций, не способен вымолвить ни звука, обозначим как **аффектное молчание** (аффект – «приступ сильного нервного возбуждения (ярости, ужаса, отчаяния)» [МАС]; «состояние кратковременного сильного нервного возбуждения (обычно с потерей самоконтроля)» [Кузнецов, 2014]). Накал эмоций так силен, что буквально парализует как артикуляцию, так и моторику человека:

(5) Она вдруг вскочила, вдруг вся затряслась и – чтобы вы думали – вдруг затопала на меня ногами; это был зверь, это бы припадок, это был зверь в припадке. Я **оцепенел от изумления** (Ф. М. Достоевский. Кроткая).

Аффектное молчание, как и опустошенное, тоже не-деятельность, оно тоже вне интенциональности. Но если опустошенное молчание говорит о

нежелании, аффектное молчание – о невозможности совершить какое-либо действие, как речевое, так и неречевое. Опустошенное молчание продолжительно, длительно. Молчание вследствие невозможности совершить действие – мимолетно, кратковременно. Субъект достаточно быстро возвращает контроль над своей деятельностью. Аффектное молчание – не интенциональное, но значимое для коммуникации: оно позволяет коммуниканту считывать состояние собеседника. Кроткая, увидев, какую реакцию вызвала своим минутным бунтарством («это бы зверь, это был припадок, это был зверь в припадке»), захохотала в лицо и вышла из квартиры («Дело в том, что выходить из квартиры она не имела права. Без меня никуда, таков был уговор еще в невестах»).

В каком случае невербальные элементы замещаются молчанием?

Во-первых, в случае, когда субъект находится под воздействием сильных эмоций, как отрицательных, так и положительных. Буквально, он физически не способен к материально выраженной реакции на внешний раздражитель. Причем субъект может не быть способным как к выражению всех неречевых кодов (паралингвистических, кинестических и т.п.), так и выражению только одного вида (паралингвистических). В последнем случае молчание сопровождается другими невербальными средствами (взглядом, жестами, телодвижениями и др.). Данное молчание носит спонтанный характер, оно не контролируется субъектом, оно не направлено на другого.

(6) *Вешая халат на гвоздик, профессор услышал во дворе хохот, выглянул, натурально, оторопел. Через двор пробежала в противоположный флигелек дама в одной рубашке. Профессор даже знал, как ее зовут, – Марья Александровна* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В коммуникативном взаимодействии подобное молчание несет информацию о состоянии молчащего.

(7) *Буфетчик, волнуясь, вытащил из кармана пачку, развернул ее и остолбенел. В обрывке газеты лежали червонцы.*

– *Дорогой мой, вы действительно не здоровы,* – сказал Воланд, пожимая плечами (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

(8) *Положив трубку на рычажок, опять-таки профессор повернулся к столу и испустил вопль. За столом этим сидела в косынке сестры милосердия женщина с сумочкой с надписью на ней «Пиявки». Вопил профессор, взглядевшись в ее рот. Он был мужской, кривой, до ушей, с одним клыком <...>. Прошло два часа. Профессор Кузьмин сидел в спальне на кровати, причем пиявки висели у него на висках, за ушами и на шее. В ногах у Кузьмина на шелковом стеганом одеяле сидел седоусый профессор Буре, **соблезнующе глядел на Кузьмина и утешал его, что все это вздор** (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).*

Во-вторых, субъект может сознательно отказаться от невербальных элементов в пользу молчания, иметь интенцию.

(9) – *Ой ли! Ну смотри... И он прямо из горлышка влил ему в оба отверстия раны черноватой, жгущейся жидкости. Сергей сдержал крик, вынес боль молча. – Эх молодец!* – заговорил Федька. – *А у нас этого ёду боятся, – страсть!* (А. Гайдар. В дни поражений и побед).

(10) – *Что дальше?* – спросил он, взглянув на старика в зеркало заднего вида, и вдруг увидел на его лысине «опознавательный знак», о котором говорил Варламов. Родимое пятно. Совпадение он исключил сразу и потому **едва сдержал возглас удивления**. Заглаживая свою оплошность, Савелий улыбнулся. Однако старик заметил его замешательство. – *Есть проблемы?* (В. Доценко. Срок для Бешеного).

(11) *Колька был полон агрессивных намерений, но Женька своими поцелуями его сковывала и держала слишком лирическую и, на его, Колькин, взгляд, слишком затянувшуюся ноту. Сердце Женьки (она много дней скучала) исходило нежностью, она никак не могла нацеловаться досыта. «Да дай же я поцелую тебя!» – **чуть не вскрикнул Колька и потянулся к ней, тут произошла короткая бессловесная стычка – и вот Женька уже строгим и холодноватым голосом отчитывала его и объясняла, что она не хочет так быстро, что девушку надо***

уважать и не надо торопить и что они оба будут после стыдиться, если сейчас поспешат (В. Маканин. Голоса).

(12) При ее-то скромном положении, окладе в сто семьдесят рублей и, само собой, положительной характеристике, она практически неуязвима. Вот вам! Только присутствие секретарши удерживало от желания показать язык оставшемуся за пухлой дверью уважаемому Петру Ивановичу (Н. В. Кожевникова. Ловушка).

Невербальное интенциональное молчание не имеет множество смыслов: посредством него реализуется практически только одна коммуникативная цель – скрыть информацию от собеседника. Такая функциональная дефицитность обусловлено тем, что намерение субъекта не имеет вообще никакой материальной выраженности, в отличие от молчания вместо слов (коммуникативно значимого молчания), сопровождающегося невербальными компонентами, которые вместе с коммуникативной ситуацией позволяют создавать множество смыслов. Молчание как невокализованный эквивалент невербальной коммуникации контролируется субъектом, оно интенционально, адресно, однако не фиксируется, следовательно, не интерпретируется собеседником.

2.2.2. Молчание как табу: нереализованный текст

Исследование тем-табу в той или иной культуре имеет свою историю [Васильев, 2005; Кашкин, Смоленцева, 2005; Крысин, 1994; Маковский, 2000]. В широком смысле табу понимается как «запрет совершать определенные действия или запрет произносить те или иные слова, выражения» [Мечковская, 1998, с. 62]. О. А. Рутер различает табу как запрет жестов, паралингвистических единиц (тона, интонации) и табу как запрет на употребление определенных слов, обусловленный сложившейся коммуникативной культурой, то есть молчание-табу вместо слов [Рутер, 2007].

Ученые отмечают социально-культурную обусловленность речевых табу, зависимость от временной эпохи, дискурсивной практики [Замерченко, 2015].

В рамках данной работы интерес представляет табу как преднамеренный уход от невысказанного текста либо преднамеренная подмена исходного, «запрещенного», текста другим. С этой точки зрения, табу можно определить как свод неких конвенциональных норм, нацеленных на запрет, которые в речи реализуются с помощью, во-первых, эвфемизации, во-вторых, подмены текста, в-третьих, отказа от высказывания. Во всех этих случаях мы имеем дело с невысказанным, то есть нереализованным текстом.

Эвфемизация. Под эвфемизацией понимается употребление «эмоционально нейтральных слов или выражений, употребляемых вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [Арапова, 1990]. Так, в русской лингвокультуре эвфемизмы призваны смягчить негативную оценку (*оставляет желать лучшего, поправиться (=пополнить), нельзя назвать красавицей* и мн. др.), служить заменой словам, вызывающих у адресата чувство социальной ущербности (*заслуженный отдых (=пенсия), быть в местах не столь отдаленных (=находиться в тюрьме), попросить (уволить)* и мн. др.). Одна из самых многочисленных групп эвфемистических единиц связана с обозначением физиологических процессов (*быть в положении (=быть беременной), последний путь (=смерть), плохо себя чувствовать (=болеть), одно место (=туалет), это дело, праздник (=менструация)*). Эвфемизмы на языковом уровне сигнализируют коммуникантам, какие темы могут вызвать чувство дискомфорта у собеседника.

Подмена текста / отказ от текста. Определим основные темы табуированного текста, тактики ухода / отказа от его реализации, основные интенции нереализованных текстов.

Ранее в научной литературе были обозначены табуированные темы, связанные с национальной принадлежностью, сексуальной ориентацией, физическими, умственными, психическими отклонениями, болезнью и смертью,

выделениями из организма, сексуальными отношениями, возрастом [Замерченко, 2015].

Материалом данного исследования послужили тексты интернет-форумов, виртуального межличностного общения, где пользователи обсуждают неприятные темы и рассказывают, как они избегают их в общении³⁸. Выбор данного материала не случаен. Во-первых, обращение к интернет-коммуникации позволяет проанализировать большое количество современных текстов, получить достоверные результаты. Во-вторых, интернет-общение максимально полно отражает коммуникативную культуру современных носителей. В-третьих, немаловажным фактором в выборе материала исследования послужили и особенности интернет-коммуникация. Анонимность и снижение психологических рисков позволяют пользователям откровенно отвечать на запрос модератора, приводить примеры из своей личной жизни.

2. В ходе анализа интернет-форумов было выявлено³⁹, что пользователи четко осознают область табуированного, запретного, понимают обусловленность табу культурой, социумом, эпохой (варианты ответов: *у русских не принято; в нашем обществе; у нас; в России* и др). Сам запрет в общении выражен как *лучше об этом не говорить, этот вопрос вообще не поднимается, об этом лучше не спрашивать, об этом говорить нельзя* и др. Наиболее часто из тем-табу называется тема национальной принадлежности (*в жизни не спрашивала, какой человек национальности; мой друг – просто человек, я его не спрошу же: ты мариец?; спросить о национальности – значит, сказать, что что-то в тебе нет, что-то отличает тебя от других; мы 17 лет дружим, я понятия не имею, кто он по национальности, а что, это важно?*), затем следует тема сексуальных отношений,

³⁸ URL: <http://forum.justlady.ru/> (дата обращения: 05.03.2017); <http://www.woman.ru/health/> (дата обращения: 15.03.2017); <http://forum.westhome.spb.ru/index.php?showtopic=12817> (дата обращения: 13.07.2016); URL : <http://tema-vmeste.ru/> (дата обращения : 09.01. 2016); <https://otvet.mail.ru/question/> (дата обращения: 01.02 2017); <http://www.b17.ru/forum/> (дата обращения: 01.17.2016); URL : <http://www.bagiramagic.com/forum/2-6226-1> (дата обращения: 01.08.2016); https://www.lady-real.ru/tema_dlya_razdogovora/ (дата обращения: 02.10.2016).

³⁹ Материал данного раздела опубликован в статье [Корылова, Маруненко, 2017]

обозначенная пользователями, как *половая жизнь, вещи интимного характера, постель, вопросы личной жизни, секс* и т. п. Интересно, что тема «сексуальная ориентация», с точки зрения пользователей, не входит в сферу сексуальных отношений, а называется вместе с темой «политические взгляды». Пользователи объясняют это личным выбором каждого, личными предпочтениями.

Одной из самых крупных тематических групп является группа «физиология человека». Об этом говорить *не принято, неприятно* для собеседника, не нравятся *шутки ниже пояса*.

Отметим, что пользователи четко разводят табуированные темы для общества в целом и табу для отдельного человека: для общества – это то, о чем *невыгодно говорить*, для человека – это то, о чем *неприятно говорить*. Часто табуированные темы расходятся: на уровне государства табу является, например, тема невыгодных политических взглядов, а на индивидуальном уровне такое табу отсутствует. Возможно, поэтому пользователи интернет-форумов часто уточняют запрос модератора: неприятные темы для общества или лично для человека. В ответах пользователи конкретизируют: *в стране; в нашем государстве; для политиков; для чиновников, что касается меня; для меня лично; вообще человеку неприятно; меня вообще бесит; терпеть не могу, когда мне говорят* и др. Отметим и отличие табуированных тем для женщин и мужчин (*А для кого неприятно – для женщин или мужчин?; запретных тем для женщин много; мужчинам вообще все равно*⁴⁰ и др.).

Запретные темы либо умалчиваются, не поднимаются, либо о них говорят шепотом (*Ты знаешь, у Ленки-то рак // Да ты что!*). К запретным темам может относиться то, что воспринимается как очень болезненное для большинства носителей русской культуры. Одним из ярких примеров запретной темы является тема конфликта с Украиной. Имея большое количество украинских родственников, друзей и коллег, россияне в бытовом общении предпочитают вообще не поднимать

⁴⁰ Орфография и пунктуация источника сохранены.

эту тему (ср., в политической и массовой коммуникации это самая частотная тема обсуждения).

Тема может быть запретной только для определенного носителя, не характеризовать массовое коммуникативное сознание в целом. Запрет в этом случае обусловлен личностными характеристиками человека, событиями из его жизни, его опытом, мировоззрением, индивидуальными ценностями. В таком случае в русской лингвокультуре принято предупреждать других о запрете на ту или иную тему при общении с данным собеседником: *«Не люблю как "штопор" вкручиваться в людей»; «Запретная тема для меня та, на которую я не получаю разрешение от собеседника... Разрешение конечно носит невербальный характер. По взгляду, по интонации я понимаю, готов человек либо нет».* Реципиенты обозначают такие темы как *неудобные, скользкие, щепетильные, больные (болезненные), личные.*

Анализ постов интернет-форумов показал следующее.

Неудобная тема (неудобный вопрос) носит индивидуальный характер. Она вызывает чувство дискомфорта у конкретного человека: *«Если есть неудобные вопросы, значит Вы неудобно живете»*). К неудобным вопросам относятся те, которые противоречат позиции адресата, его мировоззрению: *«Навальный ... – вон его недавно Собчак в интервью за яйца взяла с неудобными вопросами, он наверное литров 5 воды выпил за время разговора с ней ... ».*

Неудобные вопросы реципиенты часто называют острыми, разоблачающими; они принуждают сказать правду, выводят на чистую воду: *«Всем руки выкручивала на выборы пойти. Чего сама-то на дачу еще в четверг уехала?».*

Неудобные темы, как правило, характеризуют конфликтное общение, изначально призваны вызвать чувство дискомфорта у собеседника, сильную эмоцию, провоцируют на речевой поступок, выгодный адресанту, приводят к растерянному молчанию *(На словах все любители животных. На деле как надо помочь фонду. Все в кусты. Что замолкли-то?).*

В неудобные темы входят *темы скользкие.* Словарями единица *скользкий* определяется как *«таящий в себе что-л. опасное, затруднительное или*

сомнительное, двусмысленное» (МАС). На вопрос модератора, какие темы являются скользкими, носители, как правило, начинают со слова *правда* (*Правда глаза режет*).

Щепетильные темы (=деликатные) чаще затрагивают область политики. Если неудобные темы провоцируют адресата на действие (*выкручиваться, крутиться как уж на сковороде, говорить правду, выходить из скользкого положения, переводить разговор*) либо приводят к молчанию, то щепетильные темы вызывают отрицательные эмоции (чаще обиды). В бытовом общении щепетильный вопрос затрагивает личное, интимное, противоречащее общей морали. Участники форумов к щепетильным темам относят: вопросы о замужестве (*Почему ты до сих пор не замужем?*), о детях (*Деток-то нет? А что так?*), о разнице в возрасте между супругами, суждения о внешних недостатках (*Марин, ну что-то ты пополнила, обабилась*), уличение в поведении, позиции, отличающихся от принятых (*Ты че по ночам-то жрешь? Вообще после 6 не едят*).

Больные (болезненные темы) затрагивают глубокие чувства людей (*Больную тему и затрагивать больно; Это разговор, который задевает настоящие чувства людей и то, что им дорого. Например, детские воспоминания; Больные темы затрагивать имеет право лишь тот, кто эти проблемы имеет*). К болезненным темам относят смерть близких, особенно неожиданную, преждевременную, детскую инвалидность, бесплодие, нежелание детей учиться, заводить семью и т. п. У каждого участника общения своя больная тема: *«Больная тема: УДАЧНО выйти замуж)))))) // Это не так!!! Больная тема "Куда девался второй!!!?)»*.

По степени индивидуализации выделяются **темы личные**. В отличие от других неприятных тем, личные темы практически не поддаются обобщению: *«У каждого человека есть индивидуальные табу и круг частных тем»*. Например, пользователи называют проблемы со свекровью, неудачное образование, провалы на работе, моменты из жизни, которые вызывают стыд и мн. др.

Таким образом, запрет на высказывание может носить как общий характер, присущий русскому коммуникативному поведению в целом, так и индивидуальный, определяющий речевое поведение отдельного носителя.

Рассмотрим основные тактики, позволяющие реализовать табу в ходе речевого взаимодействия. Материалом исследования послужили тексты виртуального межличностного общения на тему «беременность женщины» и «личная жизнь».

3. Тема беременности в структуре запретных тем занимает особое место. С одной стороны, она входит в область физиологии, с другой – беременность, как и все хорошее, можно сглазить, навлечь разговорами плохое. Поэтому о беременности лучше молчать. Табуированность этой темы связана с древними верованиями, корни которых уходят во времена язычества, являются сакральными, поскольку представляют этап рождения новой жизни и интимный процесс одновременно. Сложность этого периода осознается женщинами, пользователи признают, что они становятся суеверными, боятся сглаза, и поэтому многие пытаются скрыть, по мере возможности, свое состояние. На вопрос о их беременности они пытаются уйти от ответа или ищут другой способ, чтобы показать собеседнику нежелание обсуждения этой темы.

Рассмотрим примеры ухода от ответа при обсуждении темы «беременность женщины». В отличие от респондентов на улице, участники интернет-форумов отвечают без боязни осуждения и упрёка, благодаря анонимности общения.

Один из самых распространенных способов уйти от ответа, согласно анализу интернет-форумов, – это *отшутиться*. Очень часто пользователи прибегают к отговоркам с юмористическим оттенком, связанным с употреблением пищи или напитков (*просто жру много; пива напилась*) или с физиологическими свойствами организма (*пучит маленько; яблок зеленых объелась, вот и вспучило слегка*). Комизм достигается и с помощью употребления просторечных слов (*жрать, маленько, пучить*). Часто тактика «отшутиться» реализуется с помощью прецедентного текста. Автор использует заведомо готовые шаблоны с

юмористическим оттенком (*Как в фильме "Немножко беременна"...*). Один из способов достижения комизма ситуации является абсурдный ответ (*Вы беременны? // Да... Слегка...// Фууух... а я думала, что это только мне кажется!; Так, чуть-чуть...; А что у тебя с животом? // Размножается...*). Шутка является одним из самых распространенных уходов от ответа, негрубым способом завершения коммуникации. Это удобный ответ для обеих сторон, так как собеседники не выходят из собственной зоны комфорта.

Следующая тактика, которую используют для ухода от ответа, состоит в том, что адресант намеренно **неправильно интерпретирует вопрос**. В результате происходит прагматическая ошибка – ответ правильный, буквальный, но коммуникация прерывается (*Ты что ТОГО? // Нет, обследовалась, отклонений в психическом здоровье не обнаружили; Ты кого ждешь? Я так же отвечала иногда ребенка, маму, такси... что в голову приходило...*). Данная тактика дает понять собеседнику, что вопрос некорректен, не способствует успеху коммуникации, один из партнеров не готов к продолжению разговора и уходит от него.

Тактикой ухода от неприятного разговора является и **неопределенность ответа**. Данная тактика хоть и приводит к нарушению максим ясности (неопределенность, двусмысленность) и качества информации (ложная информация), но позволяет сохранить принцип вежливости (такт, одобрение, согласие) (*Ты беременная? // Время покажет; Я говорила "Не знаю" и улыбалась...; Я отвечала, что мы планируем, но пока не знаем, получилось ли; Нуууу.. это сложный вопрос; Это смотря с какой стороны посмотреть; А что с животиком? - отвечайте: не знаю, но с каждым днем все хорошеет*).

Следующая тактика заключается в краткости и однозначности ответа – **лаконичный однозначный ответ** (*Ты беременна? // Да, беременна! И все; Ты беременна? – Ответить «да». Кого ждешь? – Не знаем пока. Кого хотите? – все равно. Как себя чувствуешь? – Спасибо, хорошо; Решила родить? // да. Кого ждете? – Ребенка...; Вы с мужем сошлись? – Я говорю «нет». А чей же ребенок? – Я говорю «лично мой»; А кого ждете??? – Ребенка однозначно!!!*). Для усиления эффекта употребляются невербальные средства коммуникации (*лучше отвечать с*

улыбкой), используется приема лексического повтора (*Ты случайно не беременна? – Случайно беременна; Надо говорить: "Беременна, и НЕ случайно!; Ты что это???" – Да это!!!*), употребления синонимы (*Что опять???" – Нет, снова!!!*).

Следующий вариант реакции на вопрос, к которому могут прибегнуть участники разговора, – **заведомо грубый ответ** (*Просто отвечаю, что если б это было ваше дело уже сообщила бы; Отвечайте примерно так: «Да беременна, надумала рожать потому что пришло время! А что тут такого?»; Особо любопытным и надоедавшим жутко отвечала просто: «А что, законом запрещено?»; Я рявкнула, что это мое личное дело и обсуждать я это не буду; Ну вы сколько еще работать то будете???? я говорю, что рожать отсюда поеду и др.*). Грубый ответ обычно заключается в последней фразе, которая часто является вопросом (*Законом запрещено?; А что тут такого?*), указывающим на то, что собеседник ограничивает адресата в свободе, выводит его из зоны комфорта. Это один из самых быстрых способов окончания неприятного разговора.

Иногда коммуниканты **говорят неправду** (*Ты беременна? – Нет, нет! Ты, чтоооо! Это мне от давления врач прописал лекарства; Ты случайно не беременна? Отвечайте нет, не случайно; Можно ответить, что поправилась*). Для усиления ложности предположения партнера диалога о беременности коммуникант использует интонацию и восклицание, чем показывает свое удивление и ошибочность доводов участников разговора (*молча; делала круглые глаза и брови поднимала; вроде странный вопрос, ты в своем уме?*)

Можно встретить тактики, которые состоят в том, что коммуникант отвечает **утвердительно с подчеркнутым (утрированным) указанием на некорректность** заданного вопроса (*я беременна, а на остальные вопросы отвечать, что это очень личное, что потом расскажу все...; можно отвечать с улыбкой "Вы сегодня уже седьмой, кто меня об этом спросил, простите, но меня об этом спрашивали позавчера, вчера и завтра будут интересоваться. Я хочу просто отдохнуть, и не говорить на тему про женщин в положении; странно. меня все время об этом спрашивают; какой странный вопрос, даже не знаю, что и ответить...*) Для усиления эффекта используется невербальная коммуникация

(улыбка), повтор слов (*Четвертый раз спрашивают и четвертый раз мне смешно*) или перечисление слов одного семантического поля (*позавчера, вчера и завтра*).

Можно также ответить **вопросом на вопрос** (*С чего взяли?; А что, уже хотите дарить подарки; А так почему вы спрашиваете?; А что такое?; Кто? Я?; А Вы с какой целью интересуетесь?*). Часто используется тактика **отзеркаливания**, то есть собеседнику задается похожий вопрос с целью указания на некорректность разговора (*Если девушки докапываются с вопросом "ты беременна?" можно ответить "А ты?"*).

Последней зафиксированной тактикой ухода от ответа является **смена темы разговора** (*Обычно перевожу тему на неприятного собеседнику. Типа: "А вы уже подыскали себе съем или пока с родителями?" или "А ты уже простила свою сестру, что она приревновала тебя к своему мужу?"*). Часто коммуникант прибегает к невербальной коммуникации (*загадочно улыбайтесь, пусть думают что хотят; я на такие вопросы с вопросом в глаза смотрю и хитрой улыбкой и протяжию ммммм...т.е. и ни да и ни нет и перевожу тему*).

4. Одним из вопросов, который респонденты часто обходят ответом, является вопрос о личной жизни. Одни не хотят отвечать, потому что это «больной вопрос», поскольку их личная жизнь не состоялась, и поэтому ответить нечего, другие просто не хотят рассказывать о своей жизни, третьи боятся сглаза. Какие бы то ни были причины, участники диалога часто пользуются различными тактиками ухода от неприятного разговора. Рассматривая примеры из женских форумов, можем выделить следующие тактики отказа от высказывания (текста).

Одна из основных тактик – это **отшутиться** (*Скажи, на этом фронте много ваших полегло?*). Коммуникант может прибегнуть к прецедентному выражению (*как кинозвезды, БЕЗ КОМЕНТАРИЕВ; Бог создал каждой твари по паре. Я одна. Следовательно я не тварь!; Бог создал каждой твари по паре. Свою тварь я еще не нашла*). Комический эффект достигается с помощью противопоставления (один – пара) и элементов десекрализации (использование сакрального текста в повседневности). Пользователи могут прибегнуть к

гиперболе, которая подчеркивает комический эффект (*Просто я социопат с маниакальными наклонностями, поэтому предпочитаю везде появляться одна; Замужем, но сколько муж получает и чем занимается, не знаю. Иногда приносит в больших черных мешках подработку домой и спускает в подвал*). Использование экспрессивных эпитетов с негативной оценкой тоже придает комический эффект ситуации (*я такая плохая, отвечаю на любые вопросы, кроме личной жизни*).

Следующая тактика – **ирония** – показывает, что человек не доволен вопросом; адресат отвечает с мнимой благодарностью, искажая смысл (*спасибо, что спросили*) или делает встречное предложение с иронией, зная заблаговременно, что будет отказ (*А давай, если ты так переживаешь за меня, я буду на сегодняшнем чудном вечере только с тобой?*). Отметим, что часто ответным высказыванием собеседник ставит человека, который задавал вопрос, в неловкое положение.

Краткий ответ без дополнительной информации (*Все отлично; не замужем, детей нет; все в порядке; пока никто не приглянулся; Нет, не замужем, не планирую пока; ВСЕ ПУТЕМ!; все хорошо, жизнью довольна*) тоже является довольно распространенной тактикой.

Тактика **прямого отказа от ответа** (*Ребят это не ваше дело. Обсуждать это не собираюсь*) подчеркивает неадекватность вопроса и нежелание продолжать коммуникацию. Очень часто используются лексические средства (отрицательные наречия, озвучивание знака препинания «точка», которое обозначает завершения сообщения информации) для того, чтобы подчеркнуть категоричность ответа и намерение адресата прекратить общение (*моя личная жизнь – тема закрытая и я никогда и ни с кем ее не обсуждаю; не хочу об этом разговаривать и точка*). Иногда категоричность смягчается тактикой формального извинения (*Понимаю Ваш интерес, но пока это закрытая информация; извини, но я не хочу говорить об этом; извини, это уже личное. Лучшие сменим тему*).

Тактика **неопределенности** часто сопровождается тактикой ухода в пространные рассуждения, демагогию (*Всему свое время. Я молодая и не спешу. У меня другие цели. Все по порядку; Ты не замужем? / Нет. / А почему? / Не встретила пока любимого человека; Дети есть? / Нет / А почему? / Будут*

обязательно, дайте только время). Отдельно выделим неудобный вопрос, заканчивающийся единицей *(а) почему?*, вызывающий сильное раздражение у коммуникантов. Многие из пользователей интерпретируют данное употребление как нарушение всех норм межличностного общения (*Не до вежливости тут; Какой вопрос такой и ответ; Сама напросилась*), допускают грубый ответ: *«А потому; А по калачу»*.

Грубый ответ – частотная тактика на попытки вторжение в личное пространство коммуниканта; пользователь дает четко понять, что коммуникация в данном направлении развиваться не может и что говорящий причинил ущерб партнеру, сделал больно. Используется тактика **«прямой вопрос на вопрос»** (*А какая тебе разница?; С какой целью интересуетесь?; А почему детей нет? // А вы гинеколог?; А тебе-то что?; Вам подробно или в двух словах? в двух словах – не ваше дело; Ну и кому моя личная жизнь жить мешает?*). Респондент может ответить комментарием с указанием на отсутствие культуры или глупость человека (*Приличные люди о личной жизни не спрашивают; Неужели ты думаешь, что я этот вопрос буду обсуждать всем коллективом, в нашей столовой?*) либо акцентирует внимание на тот факт, что спрашивающий не принадлежит к близкому кругу общения (*Понимаю Ваше любопытство, но – личная жизнь для того она и личная, чтобы в нее не влезали посторонние люди*). Неприятный разговор прекращается вследствие нанесения прямого коммуникативного и эмоционального ущерба собеседнику (*Нефиг задавать интимные вопросы; Некоторым же лишь бы замуж выйти да детей родить. И пофиг, что при этом не на что и негде жить; Не ваше дело; Это никого не касается; Не твое дело, отвяжись*).

Достаточно часто носители русской лингвокультуры прибегают к тактике **смены темы разговора**, при этом тема может быть нейтральной (*Перевожу разговор на них самих, на их детей; и тут же перехожу к вопросам – ух ты какая у тебя кофточка, сережки, макияж, а как ты вчера сходила туда то, у начальников что-нибудь по делу спрашиваю, типа совета; Начинаю говорить о каких-нибудь пустяках типа что сегодня видела в магазине*) или личной, которая может привести к окончанию коммуникативного акта, поскольку тема может быть

«больной» для задавшего вопрос (*На любой вопрос можно отвечать нейтрально "все нормально", "и тут же спрашивать: "а тебе зарплаты до конца месяца хватает?", "папа все болеет? еще не умер?", "еще не разошлась с мужем?", "как думаешь, у твоего мужа любовница точно есть?", "чет у тебя круги под глазами.*). Часто подобное взаимодействие сопровождается тактикой **отзеркаливания вопроса** (*Сначала, расскажи как у тебя дела?; А у тебя как?*).

Нереализованный табуированный текст часто сопровождается **молчанием**. Молчание может указывать на факт, что партнер по общению некорректно вторгается в личное пространство объекта речи. В этом случае молчание восстанавливает дистанцию общения, комфортную для коммуниканта, выполняет ограничивающую функцию. Молчание может давать время на выбор тактики прекращения неприятного разговора. Зафиксированы случаи, когда молчание само по себе прекращает разговор, сопровождается уходом от коммуникации, демонстрацией обиды. Респондентами признается, что подобный уход от общения является грубым, жестким, агрессивным (*Это когда уже совсем достали; Ухожу в свою комнату и закрываюсь, пусть знают, что надоели мне все эти разговоры*).

Анализ текстов интернет-форумов показал, что уход от невысказанного текста, подмена исходного текста имеют следующие **основные интенции**: реализации запрета по социокультурным либо индивидуальным причинам, уход от некомфортной коммуникативной ситуации, защита собственного коммуникативного пространства.

5. Анализ интернет-форумов позволяет констатировать факт: русская коммуникативная культура сохраняет табуированность; несмотря на влияние глобальной культуры, интегративных процессов, традиционные структура и содержание табуированности сохраняется. Так же, как и ранее, под табу попадают темы физиологии, болезней, смерти, внешнего вида, недостатков, ущербности человека, возраста (для женщины). Под влиянием новой идеологии табуированность приобретает вопрос национальной принадлежности: на первый

план выходят индивидуальные качества человека, приобщение его к общероссийской культуре. Эти темы неприятны для собеседника.

На категорию табуированности не оказывает существенного влияния западная культура. До сих пор не имеют статуса запретности темы, связанные с доходом человека, экономическим статусом и тому подобное.

Насколько участники общения способны поддерживать некомфортную коммуникации, быть настроенными на собеседника? Ответы пользователей интернет-форумов позволяет сделать вывод – не способны. Современный коммуникант стремится выйти из некомфортной коммуникации, прекратить ее любыми способами. Современный коммуникант нацелен на сохранение собственного коммуникативного пространства, пресекает любые попытки вторжения в него, не заботясь о сохранении лица партнера по общению.

Отметим, что с целью защиты собственного коммуникативного пространства пользователи употребляют в речи грубо-просторечную и обценную лексику, причем данный факт не обусловлен гендерно: это характерно как для речи мужчин, так и для речи женщин. Таким образом, можно сделать вывод, что в современной коммуникативной культуре на периферию уходит табу на отдельное слово, в отличие от табуированных тем, которые потенциально могут иметь развитие в тексте. **Табу в современной коммуникативной культуре – осознанно не свершившийся речевой поступок с нереализованным высказыванием, мотивированный как выполнением внешнего запрета, так и уходом от дискомфортной коммуникации.**

2.2.3. Коммуникативно значимое молчание: молчание вместо слов

2.2.3.1. Слово и молчание: особенности воздействия

Практически всю логику лингвистических исследований молчания можно свести к тезису – молчание функционирует вместо слов⁴¹. Замещая слова, молчание выступает как несказанное, непроговоренное, невысказанное.

(1) *Я взял записку. На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом: «Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю – нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово – я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!» Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал ей, я не сказал его ей, что я люблю ее...* (И. С. Тургенев. Ася).

«Не удостоить ответом», «не проронить ни слова, ни звука», «не найти слов», «не знать, что сказать», «нет слов», «нечего сказать» и многое другое – ключевые моменты в русской коммуникации.

Молчание, являющееся ответом вместо ожидаемых слов, обладает огромной силой воздействия: (2) «*Молчание хуже любого шума*» (А. Рыбаков. Тяжелый песок), (3) «*Молчание – вот что хуже всего*» (И. Греков. Перелом), (4) «*Полное молчание. Ни слова упрека. Это молчание было всего страшнее. Молчание может казнить*» (Ю. Трифонов. Дом на набережной). (5) «*Я выходил из себя – жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить как бактериологическое оружие*» (С. Довлатов. Наши).

Молчание, замещающее вербальные элементы, является наиболее частотным предметом лингвистического исследования (вспомним даже соответствующий термин – *нулевая реплика*). Изучение данного вида молчания позволил ученым

⁴¹ Материал данного раздела опубликован в статьях [Копылова, 2011а; Копылова, 2012].

сделать достаточно важные выводы: прежде всего, молчание способно выражать то же самое множество смыслов, что и говорение; молчание может быть нулевым знаком и актом в структуре коммуникации.

Сразу же оговорим, что молчание способно замещать вербальный элемент не только в устной, но и письменной форме (вспомним ожидание Татьяны Лариной ответного письма от Евгения Онегина).

Как отмечалось ранее, молчание функционально дефицитно по отношению к слову, поскольку раскрывает смысл только в контексте. Однако есть ситуации, когда нулевой знак более точен и информативен, чем материальный. Речь идет о выражении чувств и эмоций человека. «Вербальная невыразимость некоторого содержания» [Богданов, 1986, с. 14].

Обратимся к опыту художественного освоения молчания, когда молчание связывается с богатством внутреннего мира человека, наделяется способностью выражать, в отличие от материального слова, всю гамму человеческих чувств.

Тобою в чувствах оживаю:

Их выразить душа не знает стройных слов...

(К. Н. Батюшков. Есть наслаждение и в дикости лесов...)

Яркий пример молчания как языка чувств мы встречаем в произведении Л. Андреева «Герман и Марта»⁴².

Еще в молодости Марта Иконен и Герман Метанен «молча прошли вместе по лесу восемь километров; у большой дороги они простились и каждый пошел дальше по своему делу», но на всю жизнь осталось *нечто милое сердцу* и без слов обоим было понятно, что это начало их *любви*. За долгие годы жизни они *молчание ни нарушили ни разу, сказать ничего не сказали*. Да и излишни были слова, потому что оба в унисон чувствовали одно и то же: как молодая *поросль, медленно, весною и летом быстрее, зимою совсем останавливалась*, росла их необыкновенная любовь.

⁴² Здесь и далее цитирование по (Андреев Л.Н. Герман и марта. – URL: <https://clck.ru/apn3t> (дата обращения: 09.09.2017)).

Носители русской лингвокультуры молчат, когда их переполняет обида, горечь, боясь сказать хотя бы одно слово и тем самым выпустить эмоцию наружу: (6) *«Он хотел бы высказать самое нутро обиды, выкинуть из себя накипь, боль жгучую – и не находил слов»* (И. С. Шмелев. Гражданин Уклекин). Молчание может говорить о силе духа, желании противостоять, сохранить себя: (7) *«Она была своей жертвой по лицу, по голове; но Елена упорно молчала, и ни одного звука, ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она»* (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Молчание часто подчеркивает бессилие, ограниченные возможности слов, их бесполезность: (8) *«Я стал спорить, ругаться с ними, но вдруг почти с ужасом почувствовал, что у меня нет желания, нет слов защищать студентов»* (М. Горький. Мои университеты). В русском молчании отражаются ценности русской культуры, ментальности. Лучше промолчать, чем обидеть. Словом можно ранить, сделать больно, молчание более сочувственно: (9) *«Несмотря на то, что, готовясь к этому свиданию, она учила себя презирать и обвинять его, она не знала, что сказать ему, и ей было жалко его. И так молчание продолжалось довольно долго»* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

Герои на страницах русской литературы страдают, не понимают, сердятся, обижаются, смотрят молча, в то время как *«в глазах их сквозят ужас и отчаяние»*, молчат, *«зачарованные колдовской волшебной царицей лени и сладкой неподвижности»*, молчат, *«точно боясь нарушить что-то великое»*, молча удивляются и пугаются, *«безропотно выносят судьбу свою»*, молчат, *«пронизывая взглядом один другого»*, молчат, проверяя слова другого, сравнивая *«с тем, что написано на лице»*, молчат, когда уходят в последний путь: (10) *«И поняв по лицам окружающих, что "уже", Семенов только удивился, что это так просто и естественно, как конец трудного, измучившего непосильной заботой, дела. <...> молча, широко раскрытыми и полными слез глазами смотрел вокруг, стараясь одним взглядом охватить все и страдая, что не может до мельчайших подробностей удержать в памяти весь мир, с его небом, людьми, зеленью и синеватыми воздушными далями»* (М. П. Арцыбашев. Санин).

Слово слишком материально, чтобы выразить то, чем живет сердце. (11) *«Ни чувство радости, ни чувство стыда, ни чувство ужаса»* Анна Каренина не могла выразить словами и даже говорить об этом, и потому, что не хотела *«опошливать эти чувства неточными словами»*, и потому, что не находила слов, *«которыми бы она могла выразить всю сложность этих чувств»*. Ибрагим в «Арапе Петра Великого» не находит слов *«для изъявления благодарности»*. Для радости, любви, нежности, смущения перед любимым – (12) *«для таких сцен есть чувства и нет слов»* (А. А. Бестужев).

2.2.3.2. Молчание в структуре речевой деятельности

В традиции русской художественной литературы познавать природу человека, его внутренний мир через молчание. Обратимся к творчеству Ф. М. Достоевского, для которого молчание, подобно слову, диалогично, *«значимо как выражение определенной позиции и оценки в общении между двумя сознаниями»* [Маркова, 2015, с. 12]. В произведениях автора – яркие образцы молчаливого коммуникативного поведения человека, осмысление которого может обогатить теорию молчания⁴³.

1. В повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» рассказчик, «отставной штабс-капитан блестящего полка, родовой дворянин»⁴⁴, вынашивая план мести с целью взять реванш, отомстить за понесенный ущерб и обиду, методично, шаг за шагом, выстраивает линию поведения, где он «суров, горд и в нравственных утешениях ни в чьих не нуждается, страдает много» (с. 16). В его коммуникативном сценарии определенное место отводится жертве: «Сирота. У теток три года была в рабстве. Поденная безжалостная работа. Попросту они даже ее били, попрекали куском.

⁴³ Материал данного раздела опубликован в статьях [Копылова, 2017; Копылова, 2018].

⁴⁴ Здесь и далее цитирование по (Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Публицистика и письма. Том 24. Ленинград, 1982, с. 5-35).

Намеревались продать» (с. 10). Перенося свою месть с общества на существо, значительно слабее и незащищенное его, герой мечтает, как в результате его блестящего плана она, как и мир, оскорбивший и униживший его, должна понять, оценить, увидеть его великодушие и пасть «в прах, сложа в мольбе руки» (с. 17). Это минута триумфа – цель его жизни. Он четко представляет себе эту цель, представляет живо, наполненно, эмоционально. С этой целью он сопоставляет все свои действия: вот он суров и горд, чтобы скрыть свои страдания, так как «в нравственных утешениях ни чьих не нуждается» (с. 16), вот он заводит кассу, чтобы собрать деньги и «окончить жизнь где-нибудь в Крыму, на Южном берегу, в горах и виноградниках <...>, а главное, вдали от всех» (с. 16). В реализации своего плана, *идеи своей*, герой создает целую систему, *порядок*. Из всего многообразия средств достижения цели адресант выбирает только одно – молчание.

Почему именно молчание становится средством доминирования над миром, некогда оскорбившим его? Может, молчание является чертой характера адресанта?

Нет, ранее он был открыт миру, искренен, импульсивен, но на его страстный порыв ответили обидой, изгнанием. «Видите, господа, есть идеи <...>, если иную идею произнести, выговорить словами, то выйдет ужасно глупо. Выйдет стыдно самому» (с. 16). С того самого момента у рассказчика складывается коммуникативный стереотип – через слово можно показаться смешным, глупым, недопонятым. В ситуации, когда Кроткая запела, он опасается выплеснуть свои чувства наружу: «Моим волнениям засмеются, но никогда никто не поймет, почему я заволновался» (с. 27). Его попытки объяснить, все проговорить наталкивались на стену, на смех. Именно поэтому он старается отдавать предпочтение молчанию, нежели словам. Он *мастер говорить молча, не проговаривать вслух, а все больше про себя*: «Разумеется, хорошо, что я это сам про себя говорю, а то что могло быть глупее, если б я тогда ей вслух расписал?» (с. 16). Он про себя не только *разрешал вопросы, приготовлялся к будущему*, говорил и проговаривал, но и *стенал* он тоже про себя и «стоны давил даже от Лукерьи» (с. 23).

Молчание строго, холодно, оно как нельзя лучше вписывается в его систему, основанную на порядке во всем («Порядок!»), молчание *выстраивает стену*; «тон джентельменский: мало слов, вежливо и строго» помогли герою достичь определенного успеха («держать кассу») и осуществить задуманное, приблизиться к его мечте. И каждая маленькая победа вызывает в нем *удовлетворение, довольство*. В коммуникативном опыте рассказчика молчание – максимально эффективное средство достижения поставленной цели.

Спустя годы, обрстая богатством и властью над просящими, рассказчик в достижении своей главной цели взять реванш обращается к испытанному средству – молчанием заставить молчать другого, лишить права на собственную речь, а вместе с тем и права на собственные желания, чувства, эмоции.

Кроткая – борец, бунтарь, деятельная натура, гордая. На все удары судьбы она отвечает деятельно, принимая вызов. Ее хотят вопреки ее воле выдать замуж – она ищет работу; поиски работы ни к чему не привели – она пришла сдавать свои вещи. И здесь мы видим, как она меняется одновременно с отказом от слова: ранее была *заносчивой*, а теперь согласна работать даже *без жалования, из хлеба*. В этом положении, когда «к отчаянию подошло», ее и встретил рассказчик, и встретил уже как *кроткую, покорную, добрую*; да и сама она *как будто конфузилась*.

Увлечшись своим планом, рассказчик не видел в Кроткой ума и пронизательности («Вы мстите обществу? Да?» (с. 9)), ее глубокой эмоциональности и искренности («Она с самого начала, как не крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) все свое детство» (с. 13)). Даже тонко замеченное им желание Кроткой любить («она желала любить, искала любить» (с. 16)) не заставили рассказчика отказаться от вынашиваемой идеи. Он «знал, что женщина, да еще шестнадцати лет, не может не подчиниться мужчине вполне», «в женщинах нет оригинальности, это – это аксиома» (с. 15). Его миропорядок, состоящий из аксиом, – это система противоположностей, где женщина противостоит мужчине, молодость – зрелости, эмоции – холодности, он – всему миру: он всегда хотел в жизни *или всего, или*

ничего, и говорил он, и действовал *pro et contra*. На все попытки Кроткой быть самой собой, «на восторги я отвечал молчанием» (с. 13), «я все это упоение тут же обдал сразу холодной водой» (с. 13) – «вот в том-то и была моя идея» (с. 13); Кроткая должна была увидеть, что «мы разница», «кто был я и кто была она» (с. 6). Он в молодости вынужден был молчать, скрывая свои идеи, чувства, эмоции, и ее безмолвие – плата за его молчание.

В отличие от рассказчика, у Кроткой была постоянная потребность рассказать, проговорить. И несмотря на то, что герой все время налегал на молчание, она успела рассказать ему очень многое. Она так эмоционально богата, что эти эмоции все время стремятся вырваться наружу. Для Кроткой молчание несвойственно, оно дается ей тяжело. Не случайно, когда она заговорила, она *засияла, как солнце*. Она наивна, коммуникативно неискушена, по сравнению с рассказчиком. Иногда он видел, как вспыхивают, загораются ее глаза, *голубые, большие, задумчивые*, как на губах появляется *насмешливая складка* или довольно *едкая насмешка*, но он, «как бы из высшего мира», никогда не сомневаясь в своем *могуществе*, только *объяснял ей безжалостно и усиливал молчание*. Лукерья, прислуга, предупреждала его о гордости Кроткой, только в его системе гордый он, а она *горденькая* – так он снисходительно обозначал все, что было связано с ней: *бледненькая, тоненькая, белокуренькая*, и *личико* у нее серьезное, и *длинненький медальончик*, и *вещицы* всякие.

Сначала она спорила, на молчание отвечала словом. На предложение сделать свадьбу *à l'anglaise воспротивилась, не позволила*. Но он только *налег на молчание*. «И так налег, что она все больше и больше начала умолкать» (с. 13), «раскрывала большие глаза, слушала и умолкала» (с. 13). Если раньше она и *перебить могла*, то теперь *ничего не говорила, не препятствовала*, и уже не только он, а они оба «молча ходили и молча возвращались» (с. 15), и уже *не вспыхивала* она, а *лишь исподтишка глядела*. Взамен пылкой искренней речи приходит молчание. Кроткая молчание приняла, но внутренне все еще бунтовала: *Батюшки, как вспыхнула!*, глаза – *как загорелись!* Она *ни спорила, ни проронила ни слова, ни сказала* – а *сдержалась, смолчала, приняла*.

Умолкая уже будучи женой, Кроткая опять *не препятствует, не спорит*, только чем больше она молчит, чем больше *сдерживает слова свои*, тем «больше дерзкий вид с ее стороны», «и все пуще и пуще насмешливая складка» (с. 15), и тем активнее ее действия: то она «вздумала выдавать деньги по-своему, ценить» (с. 17), то уходит из дома и возвращается только вечером, то захохочет прямо в лицо. Вынужденная *сдерживать слова свои*, Кроткая стремится к свободе физической. И эта физическая свобода в какой-то момент позволяет ей раскрепоститься и эмоционально, и тогда она говорила *все и прямо*. Словно нащупывая границы этой свободы, она берет в руки револьвер, и даже хватая духу приставить железное дуло к виску мужа. Это был момент *страшного поединка на жизнь и на смерть*. Для рассказчика этот поединок – борьба между ней и ним. Сможет ли он, вчерашний трус, сдержать этот ужас перед гибелью? Для Кроткой этот поединок – борьба самой с собой: позволит она себе или не позволит, решится или не решится, имеет право или не имеет. Не имеет. Такая явная параллель с раскольниковскими метаниями приводит к иному решению – побеждает старуха-процентщица: он «победил, – и она была навеки побеждена!». Последние попытки к жизни Кроткой (уже *бледно*, но еще «усмехнулась бледными губами», уже в *робких глазах*, но все-таки вопрос) наткнулись на равнодушие, стену, и опять молчание. И еще больше физического ограничения (*железная кровать в зале и ширма*). И это она уже приняла без слов. Кроткая безмолвствовала.

С этим безмолвием в доме становится тихо. Ночной поединок закончился бредом, болезнью, но даже и выздоровление не принесло оживления. Этот поединок впустил в дом *тишину*. И Кроткая уже *как бы рада была не сказать лишнего слова*. Более того, предложение поговорить по душам вызывает в ней сильный испуг («она вздрогнула, отшатнулась в сильном испуге» (с. 28)). Ни ножки, ни усмешки, ни улыбки, ни складки, ни блеска в глазах – в ней нет эмоций, чувств, она опустошена. Сам герой замечает, что Кроткая имела вид робкой кротости, бессилия, и ее нежелание говорить – не молчание, а странная задумчивость. «Она слишком потрясена и слишком побеждена» (с. 23). Такое

молчание подобно тишине, оно – «ничто», свидетельствует о смерти души, приводит к физической смерти.

2. Среди прочих средств воздействия молчание занимает особое место: в зависимости от его интенсивности и продолжительности во времени, молчание меняет силу своего воздействия. Данное свойство позволяет субъекту достигать коммуникативной цели, лишь *усиливая молчание, налегая на молчание, напирая на молчание*. В этом случае молчание не просто действие, оно может расширяться до действия, деятельности.

Прибегая к молчанию каждый раз, когда коммуникативное поведение Кроткой не соответствует роли, предназначенной для нее, рассказчик методично, шаг за шагом добивается своей цели – доминировать над ней, убедить ее в своем превосходстве. Однако воздействие молчания так глубоко, что борьба адресата за коммуникативную самостоятельность перерастает в борьбу за слово, а затем – и в борьбу за жизнь. Вместе со словом уходят эмоции, чувства, желания. Молчание агрессора приводит к молчанию жертвы.

Молчание героя – часть хорошо спланированного действия, дела всей его жизни. Герой не просто осознанно реализует свой план, он постоянно анализирует каждое свое действие, не отступил ли он от идеи своей, и, если не отступил, он был доволен: и когда он решил предложение ей сделать *в самом неотложном виде*, был собой доволен, и когда в общении с Кроткой выбрал молчание *строгое и благосклонное*, был доволен, а когда ее стала покидать болезнь, он *восторжествовал и был доволен, как никогда не бывал*. Любое, даже самое минимальное действие подвергается тщательному анализу и вердикту – *доволен*, о чем он вспоминает *с наслаждением и гордостью о себе*: «я помню это выражение, я его, дорогой идя, тогда сочинил и остался доволен».

Постоянная рефлексия героя по поводу своего плана позволяет ему корректировать запланированное, выбирать действия, которые максимально быстро приведут его к цели. И не сразу Кроткая стала частью его плана. Он несколько раз задал вопрос себе «стоит ли? стоит ли?», и только тогда ответил на

него «в утвердительном смысле». Выбор Кроткой в качестве жертвы – результат не эмоционального порыва («это было не дурное чувство»), это результат другого уровня – «я с умыслом, с намерением; я ее испытать хотел, потому что у меня вдруг забродили некоторые на ее счет мысли», это результат *особенной мысли об ней*, когда он узнал *всю «подноготную»*.

Молчание героя – это сознательно выбранное им коммуникативное поведение; молчание как ничто другое позволяет достичь цели, оно адресно, направлено на другого. **Молчание является отличительной чертой речи героя, оно – особенность его дискурса. Молчание входит в структуру его речевой деятельности.**

3. Какой деятельностью является молчание: внешней или внутренней? Повесть Ф. М. Достоевского «Кроткая» строится на исповеди-монологе рассказчика, обращенной неизвестному слушателю. В ней можно выделить вкрапления прямой речи, обрывков диалогов, а также внутренние монологи, позволяющие составить более полную речевую характеристику героя.

Во внутренней речи герой предстает довольно искренним, эмоциональным человеком; речь его изобилует восклицаниями, риторическими вопросами, эмоционально-оценочной лексикой («Ага! <...> вот ты какая», «О искренность!», «А в ней как было прелестно!», «О боже!»); она не так рафинирована, как учтивая внешняя («Тьфу! опускаю грязь подробностей», «Да и наплевать на меня!!»); тетки – «обе скверные, твари», Ефимович – «подлец»). В речи, обращенной самому себе, нет необходимости говорить «прилично, выказав человека с воспитанием»; герой честен и откровенен в оценке как окружающего мира, так и самого себя: положение Кроткой *было ужасно*, ей предстоял жестокий *выбор из двух несчастий* («А кто был для нее тогда хуже – я аль купец? купец или закладчик, цитирующий Гете?») (с. 12)).

Внешняя речь зафиксирована в тексте посредством обрывков диалогов, реплик, собственно прямой речи. Интересно, что в тексте представлена речь, обращенная только к людям, зависимых от героя и находящихся в более низком

положении (те, кто приходил в скупку, Лукерья и сама Кроткая). Ее отличает покровительственный тон, учтивость, холодность, малословие, снисходительность – все, что подчеркивает превосходство, дистанцию, отстраненность от мира его собеседников, их проблем; умение говорить полушутками, полутонами, намеками вызывает у всех чувство дискомфорта, неуверенности в себе, растерянности.

Сопоставление внешней речи и внутренних монологов создает у читателя ощущение, что перед нами два героя. Первый холоден и расчетлив, говорит с гордостью, прямо, *не смягчая ничего, безжалостно, нарочно усиливая*. Мы сталкиваемся с неким безнравственным негодяем, подчеркивающим свою власть, данную ему деньгами. Герой играет и играет искусно. Он нарочито *не особенно талантлив, не особенно умен, даже не особенно добр, довольно дешевый эгоист* – закладчик, одно слово, «закладчик закладчиком и останется», и для убедительности добавляет лакейскую с: «Знаем-с». И вдруг неожиданно цитирует «Фауста». Его коммуникативная задача (о чем мы узнаем благодаря внутренней исповеди) *создать загадку* искусно решается каждым его коммуникативным ходом. Игра, которую он вел с другими, героя веселила, увлекала («с таким шиком спросил: «Ну что же-с?» – с словоерсом» (с. 12)). Внешняя речь выстраивается героем скрупулезно и методично: подконтрольно каждое слово и его отсутствие, жест, взгляд («Я ведь это только для Вас <...>. Слово «для вас» я особенно подчеркнул» (с. 7)). Внешнюю речь и характеризует молчание.

В обращении к самому себе он вспоминает и вновь переживает унижения прошлого, восклицает, радуется, сомневается. Он откровенен сам с собой («Меня не любили товарищи за тяжелый характер и, может быть за смешной характер...», «меня всегда и везде не любили» (с. 23), «мы все дрянь и правды не выносим» (с. 16)). Внешне же *холодная, строгая, сухая* его речь прерывается тягостным молчанием. Посредством молчания он добивается задуманного, заставляет людей действовать по его плану и внутренне вновь проговаривает весь цинизм своих поступков (отчаянное положение Кроткой – «все мне на руку»), анализирует и старается как можно более четко обозначить свои отношения с людьми (*уколол, удивил*).

Таким образом, молчание не характеризует внутреннюю речь, в диалоге с самим собой нет необходимости воздействия молчание. **Молчание сопровождает внутреннюю речь (физиологическое состояние человека вне говорения), это условие познания себя. Внутренняя речь не адресна.** Даже в том случае, когда герой мысленно обращается к своим товарищам по полку, он спорит с собой, доказывает свою правоту только себе.

4. Молчание как внешняя речевая деятельность имеет цель, направлена на адресата, призвана воздействовать на него, изменить его поведение на выгодное герою. Молчание как внешняя речевая деятельность характеризуется всеми необходимыми фазами: мотивационно-побудительной; ориентировочно-исследовательской, где осуществляется планирование коммуникативных действий, программирование речи, выбор молчания (не-слова) в качестве средства; реализующей фазой, где вместо речевого высказывания «звучит» молчание, молчание воспринимается адресатом, понимается, приносит результат. **Молчание – это речь в значении «способ формулирования мысли»; это двусторонний процесс общения, продуктивный вид речевой деятельности, способ смысловыражения и в структуре речепорождения проходит этапы мотивации, замысла, реализации замысла и сопоставления реализации и замысла. Молчание от речи отличается отсутствием вокализации.**

2.2.3.3. Молчание: проблема интерпретации

Интерпретация молчания адресатом – ключевой вопрос в исследовании данной категории. Молчание теряет свою коммуникативность, если оно не фиксируется объектом, не воспринимается, адекватно не интерпретируется.

Рассмотрим, при каких условиях молчание способно быть интерпретируемым?

1. В повести Ф. М. Достоевского «Кроткая» развернутых диалогов с молчанием практически нет. В основном, мы узнаем из исповеди рассказчика, как он налегал на молчание, усиливал молчание. Но разговор с Кроткой после того, как она узнала правду о поступке своего мужа, воспроизведен рассказчиком дословно; его стремление вспомнить все до мелочей, чтобы уяснить, придают этому диалогу документальную точность. Отметим и комментарии героя по поводу его собственного коммуникативного поведения и интерпретации коммуникативного поведения Кроткой.

(1) – *А правда, что вас из полка выгнали за то, что вы на дуэль выйти струсили? – вдруг спросила она, с дубу сорвав, и глаза ее засверкали.*

(2) – *Правда; меня, по приговору офицеров, попросили из полка удалиться, хотя, впрочем, я сам уже подал в отставку.*

(3) – *Выгнали как труса?*

(4) – *Да, они присудили как труса. Но я отказался от дуэли не как трус, а потому, что не захотел подчиниться их тираническому приговору и вызывать на дуэль, когда не находил сам обиды. Знайте, – не удержался я тут, – что восстать действием против такой тирании и принять все последствия – значило высказать гораздо более мужества, чем в какой хотите дуэли.*

Я не сдержался, я этой фразой пустился в оправдание себя; а ей только этого и надо было, (6) этого нового моего унижения. (5) Она злобно рассмеялась.

(7) – *А правда, что вы три года потом по улицам в Петербурге как бродяга ходили и по гривеннику просили, и под биллиардами ночевали?*

(8) – *Я и на Сенной в доме Вяземского ночевывал. Да, правда; в моей жизни было потом, после полка, много позора и падения, но не нравственного падения, потому что я сам первый ненавидел мои поступки даже тогда. Это было лишь падение воли моей и ума и было вызвано лишь отчаянием моего положения. Но это прошло...*

(9) – *О, теперь вы лицо – финансист!*

То есть это намек на кассу ссуд. (10) Но я уже умел сдерживать себя. Я видел, что она жаждет унижительных для меня объяснений и – не дал их. /.../ После, уже

через час, когда она вдруг оделась, чтоб выйти, остановилась передо мной и сказала:

(11) – *Вы, однако ж, мне об этом ничего не сказали до свадьбы?* (12) *Я не ответил, и (13) она ушла* (с. 19).

Цель Кроткой – не просто получить информацию, а удостовериться в правде. Ее выбор языковых средств полностью соответствует ее намерению. То, что она узнала, позволяет ей обвинять мужа. Она искренне и открыто выражает свое отношение к собеседнику, испытывая злую иронию, доведенную до презрения (*О, теперь вы лицо – финансист!*). Ее интонация (восклицания, вопросы), смех, выражение глаз (*глаза ее засверкали*) говорят о сильном эмоциональном напряжении, когда человек уже не способен сдерживать себя, контролировать выбор средств: она заговорила *вдруг, с дубу сорвав*. Ее коммуникативное поведение производит эффект неожиданности, ослабляя волю собеседника. И герой на какое-то время потерял контроль над собой: стал говорить искренне, открыто, как считал; он перестал действовать запрограммированно. И читателю вдруг стала явной его истинное коммуникативное намерение – оправдать себя, многие годы скрытое под маской загадки превосходство.

Представим данное взаимодействие как сценарий коммуникативных ходов (см. таблицу 8).

Данный сценарий наглядно показывает, насколько эффект, произведенный на адресата, определяет следующий ход (речевой акт), его цель и средства реализации. Общей коммуникативной целью инициатора взаимодействия является обвинение в сокрытии информации, важной для принятия решения связать свою судьбу с этим человеком; целью объекта – оправдать себя, доказать свою невиновность, более того, переубедить собеседника, изменить точку зрения о его поступке не как трусливом и подлом, а как мужественном и единственно верным. Столкнувшись с тем, что герой не только не признает себя виновным, но и защищается, вызывает чувство жалости к себе как жертве, требует восхищения своим решением противостоять тирании, Кроткая корректирует свою цель, обвиняя мужа уже в безнравственности и подлости всей его жизни.

Молчание в данном взаимодействии выступает как инициированное и как ответное. Своим злым смехом Кроткая унизила героя, сделала ему больно. Находясь под властью эмоций, герой не может (или не успевает) ей ответить (6), пропускает свой ход, чем вызывает удовлетворение Кроткой. В конце Кроткая убеждается в бессмысленности этого разговора: герой возвращается к обычному своему холодному молчанию, как будто и не случилось этого горячего спора. Ей нечего сказать. Она уходит молча (13). Ответное молчание может быть как контролируемое (13), так и неконтролируемое (6). Инициированное молчание полностью контролируется субъектом, оно интенционально, оно направлено на собеседника (10, 12). Такое молчание способно если не блокировать воздействие высказывания оппонента, то скрыть эффект, произведенный этим высказыванием (9, 11). При этом намерение субъекта молчания невозможно определить на уровне одного акта (вербального и невербального) в силу его однонаправленности.

Ср., (5) Она злобно рассмеялась (молчание, сопровождаемое смехом). (10) Я не ответил.

В случае данного взаимодействия интерпретировать молчание, то есть раскрыть коммуникативную цель субъекта, возможно на уровне единицы, большей, чем просто речевой акт. Мы понимаем молчание героя только из общего контекста – целого коммуникативного события. И понимаем, почему молчание оказывает сильное воздействие на Кроткую, имеющую такие сильные коммуникативные позиции (информированность, эмоциональность, неожиданность и др.).

Анализируемый диалог не типичен для взаимодействия героя и Кроткой. Именно поэтому Кроткая, применяя неожиданно новые для нее стратегии, вначале воздействует на адресата, наслаждаясь эффектом (его унижением), усиливает выбранную линию поведения. Но его молчание возвращает Кроткую в привычный, выработанный временем, тип взаимоотношений. И его молчание сломало ее коммуникативную волю.

Таблица 8. Сценарий коммуникативных ходов

Коммуникативные ходы Кроткой	Средства воздействия	Результат воздействия	Коммуникативные ходы героя	Средства воздействия			
(1) запрос информации, оценка	вопрос						
	невербальные средства (<i>глаза сверкают</i>) эмоционально-оценочная лексика (<i>струсил</i>)						
	→				неожиданность, вовлечение в обсуждение	(2) согласие	утверждение (<i>Да, правда</i>)
←		неприятие его позиции, несогласие	←				
					предоставление информации	повествовательное предложение	
					несогласие	уступка (<i>хотя</i>)	
(3) уточнение информации, негативная оценка	вопрос						
	сравнение (<i>как труса</i>) эмоционально-оценочная лексика						
	→				эмоциональное негативное воздействие; желание оправдаться	→	утверждение
						(4) уточнение информации	
	несогласие	причина (<i>потому что</i>), сравнение (<i>гораздо более мужества, чем</i>)					
←	неприятие; усиление раздражения попыткой оправдать себя		←				
(5) несогласие	злой смех						
	→				унижение	→	
					удовлетворение состоянием собеседника	(6) [...]	молчание
			←				

(7) запрос информации	вопрос				
усиление воздействия	повтор (<i>А правда</i>)				
негативная оценка	эмоционально-оценочная лексика; сравнение (<i>как бродяга</i>)	→	желание доказать свою правоту	→	
				(8) информация	утверждение повествовательное предложение
				несогласие	противопоставление оценочная лексика повтор (<i>много позора и падения, но не нравственного падения</i>)
				аргументация	причина (<i>потому что</i>)
←			неприятие; раздражение попыткой оправдать себя	←	
(9) несогласие, намек на нечестную деятельность ростовщика	интонация иронии восклицание (О!) антитеза (бродяга - финансист) ирония (лицо)				
→		∅	(10) [...]	молчание уход от коммуникации	
←			неудовлетворение	←	
(11) обвинение	усиление отрицания (ничего не сказали)				
попытка вызвать извинения	вопрос				
→		∅	(12) [...]	молчание	
←			неудовлетворение	←	
(13) уход от коммуникации	молчание				

Молчание является сильным текстом (знаком) для адресата только как часть общей деятельности героя.

Рассказчиком описан диалог, где одно молчаливое действие сменяет другое.

(14) *«Я сел к столу молча и принял от нее стакан чая. Минут через пять я на нее взглянул. Она была страшно бледна, еще бледнее вчерашнего, и смотрела на меня. И вдруг – и вдруг, видя, что я смотрю на нее, она бледно усмехнулась бледными губами, с робким вопросом в глазах. «Стало быть, все еще сомневается и спрашивает себя: знает он иль не знает, видел он иль не видел?» Я равнодушно отвел глаза. После чая запер кассу, пошел на рынок и купил железную кровать и ширмы. Возвратясь домой, я велел поставить кровать в зале, а ширмами огородить ее. Это была кровать для нее, но я ей не сказал ни слова. И без слов поняла, через эту кровать, что я «все видел и все знаю» и что сомнения уже более нет. На ночь я оставил револьвер как всегда на столе. Ночью она молча легла в эту новую постель: брак был расторгнут, «побеждена, но не прощена» (с. 22).*

В данном взаимодействии, растянутого во времени, не прозвучало ни одного слова. И это не факт отказа от взаимодействия вообще: адресат подчеркивает молчание как сознательно выбранное средство в их поединке. Молчание сопровождается невербальными средствами коммуникации, усиливая его эффект (то посмотрел, то *равнодушно* отвел глаза). Обращаясь к своему опыту общения с этим человеком, безоговорочно приняв все его правила, Кроткая все *без слов поняла*: «он все видел и все знает» (с. 22).

Таким образом, молчание приобретает способность интерпретироваться в коммуникативном фрагменте, большем, чем однонаправленное речевое действие (речевой акт). **Чем крупнее по охвату коммуникативных действий событие, тем более информативным становится молчание для адресата, тем больше возможностей для его интерпретации. Вовлеченность адресата в коммуникативное пространство субъекта речи, в его дискурсивную деятельность позволяет вести эффективное взаимодействие без слов.**

2.2.3.4. Акт молчания. Типы актов молчания

1. Как показало исследование, молчание становится текстом в момент адекватной интерпретации адресатом. Следовательно, свою коммуникативность, то есть способность восприниматься и интерпретироваться, молчание приобретает в коммуникативном фрагменте, содержащем реакцию адресата. Таким образом, минимальная структурная единица с молчанием как высказыванием может представлять собой акт однократного обмена действиями (интеракция); акт молчания – двусторонняя единица. При этом, чем больше интеракций включает в себя коммуникативный фрагмент, тем адекватнее интерпретация молчания как текста, тем ближе она к замыслу адресанта.

Единый коммуникативный контекст, единые правила коммуникативного взаимодействия, ценностные установки, то есть единое коммуникативное пространство, делают возможным коммуникацию *без слов*, состоящую из череды актов молчания. Подобно акту говорения, **акт молчания многоинтенционален**: согласие, несогласие, нерешительность, игнорирование, презрение⁴⁵ и др. Вспомним, «она бледно усмехнулась бледными губами, с робким вопросом в глазах (*запрос информации*). «Стало быть, все еще сомневается и спрашивает себя: знает он иль не знает, видел он иль не видел?» (*сомнение*). «Я равнодушно отвел глаза» (*демонстрация нежелания отвечать*).

Модель акта молчания включает в себя те же компоненты, что и другие акты коммуникации, но осложняется обратной связью, несущей информацию об эффекте, произведенном молчанием на адресата. В модели акта молчания центром становится перлокутивный акт. Отсутствие перлокутивного эффекта лишает молчание коммуникативности, молчание из деятельности переходит в молчание как физиологическое состояние человека. Коммуникация может считаться успешной, если коммуникативная цель адресанта выполнена. Адресант

⁴⁵ См. также [Богданов, 1986].

(молчащий) анализирует произведенный текст эффект воздействия, сопоставляя его со своей целью (см. рисунок 9).

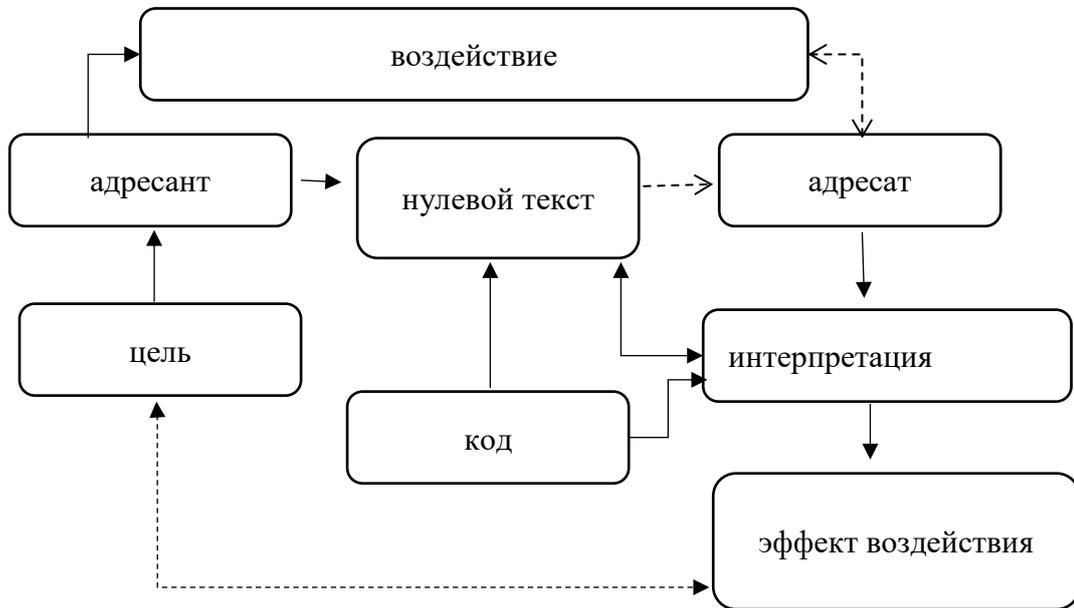

Рисунок 9. Модель акта молчания

Интенция и цель обуславливают выбор адресата и тех средств, с помощью которых адресант составляет текст (сообщение), призванный воздействовать на адресата. Текст не имеет материальной выраженности, он условен, поскольку восстанавливается адресатом из общей коммуникативной ситуации. Молчание становится текстом только в момент интерпретации его адресатом.

Таким образом, акт молчания – двусторонняя единица, акт однократного обмена действиями (интеракция) с центром в перлокуции и отсутствием локуции. Своеобразие акта молчания обусловлено нулевым текстом.

Молчание – это текст, высказывание в акте молчания. Чем характеризуется молчание как текст?

Молчание становится текстом в момент восприятия и интерпретации его адресатом; внешнее выражение смысла этот текст приобретает только после его прочтения адресатом.

Молчание в силу своей материальной невыраженности сложно в интерпретации. Адресат, воссоздавая текст, может лишь приблизиться к замыслу субъекта, реализуемому молчанием. Часто адресат создает совершенно новый текст, отличный от текста адресанта. Вспомним рассказ С. Довлатова «Наши», где природную молчаливость жены рассказчик наделяет смыслом и уже это молчание оказывает на него воздействие: *«Я выходил из себя – жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить как бактериологическое оружие»* (С. Довлатов. Наши).

В случае с нулевым высказыванием во взаимодействии целесообразнее ставить вопрос не столько об интерпретации, сколько о ее адекватности. Под **адекватной интерпретацией** мы понимаем *раскодирование адресатом молчания как текста, максимально приближенное к коммуникативному замыслу адресанта.*

Молчание приобретает свою материальность в коммуникативном поведении адресата, измененном под воздействием этого текста. Так, смирилась и ушла в покорное молчание Кроткая («я победил, – и она была навеки побеждена!»).

Молчание как текст может быть интерпретировано адекватно, то есть понимание его адресатом полностью соответствует коммуникативному замыслу молчащего (например, молчаливый диалог Кроткой с героем повести после ночного инцидента). Но чаще адресат в своей интерпретации только лишь приближается к замыслу молчащего.

(1) *Петрович замолчал, видно вылив самое горькое. Он помолчал, а потом спросил, поднимая на Корытина по-детски недоуменный взгляд: – Неужели там, наверху, не поймут, что губят крестьянство – значит, губят Россию? Чужой горбушкой сыт не будешь* (Борис Екимов. Пиночет).

(2) – *А как я тебя узнаю? – крикнул Кямал. – На мне будет шарфик в горошек. Если я тебе не понравлюсь, пройди мимо. Кямал странно замолчал. Ирина догадалась, что он плачет. Плачет от стыда за то, что просит. От благодарности – за то, что не отказала* (Виктория Токарева. Своя правда).

Интерпретации молчания как текста способствует весь коммуникативный контекст, особую роль играют невербальные средства общения, сопровождающие молчание:

(3) *Все это он отбарабанил впопыхах как по писаному, а потом замолчал и вдруг положил руку мне на плечо жестом сожаления* (Андрей Волос. Недвижимость).

Адресант в попытках интерпретации молчания иногда создает новый, уже свой собственный текст:

(4) *Князь Андрей вскоре после приезда своего, как камергер, явился ко двору и на выход. Государь два раза, встретив его, не удостоил его ни одним словом. Князю Андрею всегда еще прежде казалось, что он антипатичен государю, что государю неприятно его лицо и все существо его* (Л. Н. Толстой. Война и мир).

Идеи Р. Барта о том, что слово не имеет постоянного значения, и, получая сообщение, адресат создает свой собственный текст [Барт, 1989], применительно к молчанию приобретают особый смысл.

Молчание как текст – это интерпретация его адресатом.

2. По степени адекватности интерпретации молчания выделим пять типов актов молчания:

- *1 тип*, когда субъект речи достигает своей коммуникативной цели, то есть объект воздействия воспринимает молчание, интерпретируя, достаточно полно / точно раскрывает смысл нулевого текста.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА = ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(5) *Вновь Андрей услышал сладостное щебетание заморской птицы, дверь открыла большеглазая и большеротая женщина, которая все поняла без слов.*

Московский инженер Сургеев был вымыт, накормлен и напоен отварами целебных трав (А. Азольский. Лопушок).

- **2 тип**, когда субъект речи частично достигает своей коммуникативной цели, то есть объект воздействия воспринимает молчание, но, интерпретируя, наделяет текст субъекта и своим содержанием, частично изменяет его.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА \approx ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(6) *Мешал и сидевший впереди шофер, и их с Бастрюковым обоюдное служебное положение. Бастрюков **понял его молчание по-своему**. «Замолчал, потому что нечем крыть», – подумал он и от чувства собственного превосходства подобрел настолько, что все же решил выставить к ужину водку (К. Симонов. Так называемая личная жизнь).*

- **3 тип**, когда субъект речи не достигает своей коммуникативной цели, так как объект воздействия не фиксирует молчание, не воспринимает его как коммуникативный стимул или воспринимает, но не реагирует (коммуникация не состоялась).

ТЕКСТ СУБЪЕКТА = \emptyset

(7) – *А вчера у меня опять Лидка была... интересная, брат, девка!.. Огонь!.. Танаров **обиженно молчал**. Зарудин, **не замечая**, медленно прошелся по комнате, и глаза у него оживленно смеялись каким-то воспоминаниям. Здоровое, сильное тело млело от жары, и горячие, возбуждающие мысли подмывали его. Вдруг он громко, точно коротко заржав, засмеялся и остановился (М. П. Арцыбашев. Санин).*

- **4 тип**, когда субъект речи не достигает своей коммуникативной цели, так как объект воздействия воспринимает молчание как текст, но интерпретирует не адекватно.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА \neq ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(8) *Он понимал, к чему клонились эти вопросы князя. Он сознавал, что счастье его жизни должно было решиться сегодня, и князь начал разговор об этом именно сегодня, почти сразу после того, как Карл мог воочию убедиться, что*

счастье не суждено на его долю... А князь, довольный своими мечтами и довольный тем, что пора приводить их в исполнение, не спеша рассказывал, что он в переписке с отцом Карла решил многое: что старик барон выедет на днях из Петербурга и что если Карл не знает, в чем дело, то это «многое» заключается в сватовстве его, Карла, к княжне, для чего-де и едет сюда барон Эйзенбах.

– Твой батюшка, вероятно, писал тебе о наших предположениях, – со мной можешь говорить без обиняков, – продолжал князь. – И едва ли, я думаю, ты будешь несчастлив... Карл молчал.

Князь истолковал это молчание по-своему и продолжал:

– ... мне желалось бы услышать от тебя самого, что она будет счастлива с тобою, потому что только тогда я буду спокоен окончательно, чтобы прожить остаток дней своих в ненарушимой радости.

– Этого быть не может! – вырвалось вдруг у Карла (М. Н. Волконский. Воля судьбы).

- **5 тип**, когда субъект речи не вступает во взаимодействие, не имеет намерения, не создает текст, но объект воспринимает «ничто» за молчание, интерпретируя его, создает свой собственный текст. Предполагаемый субъект – невольный участник взаимодействия.

∅ = ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(9) Он долго не замечал любовного напряжения, исходящего от новой аспирантки ... Главное препятствие – о чем Валентина и не догадывалась — состояло в том, что Илья Иосифович оценивал женскую привлекательность по одному-единственному показателю: насколько рассматриваемый предмет приближался к образу его покойной жены (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).

2.3. Молчание в коммуникативном взаимодействии: виды молчания

В коммуникации молчание может выступать как эквивалент других коммуникативных элементов (*эквивалентное молчание*), может не иметь альтернативы, создавая определенный коммуникативный ритм говорящего либо указывать на психологическую неспособность человека осуществлять коммуникативную деятельность, быть вне этой деятельности (*безэквивалентное молчание*).

К безэквивалентному молчанию мы отнесли паузу, молчание опустошенное.

Пауза расставляет необходимые логические акценты, вместе с другими средствами фонации создает определенный коммуникативный ритм и формирует эмоцию, определяя своеобразие дискурса говорящего. Как и любая другая коммуникативная единица, пауза может обладать потенциалом воздействия. Пауза может быть интенциональна, значима для коммуникации, в совокупности с другими средствами способствует решению коммуникативной задачи, реализует стратегии субъекта речи, однако не несет никакого смысла, не имеет самостоятельного содержания, в отличие от молчания как знака. Коммуникативный потенциал паузы зависит от временной протяженности и индивидуального восприятия субъектом. Умение держать паузу – настоящее искусство воздействия. Но длительная затянувшаяся пауза вызывает дискомфорт у коммуникантов, активизирует их к продолжению речевой деятельности.

Опустошенное молчание – это неспособность субъекта к коммуникативной деятельности в силу психологического бессилия, духовной пустоты; это результат тяжелой душевной драмы, сопровождающейся апатией, пассивностью. Опустошенное молчание не интенционально, коммуникативно не значимо, так как субъект находится вне коммуникативного процесса, попытки вернуть его в общение безрезультатны.

Эквивалентное молчание полифункционально, полиинтенционально. Помимо множества частных функций, имеет одну универсальную –

заместительную. В коммуникации способно замещать как вербальные элементы, так и невербальные.

Наиболее частотно молчание, функционирующее вместо слов (высказываний, речевых поступков), способное выступать нулевым знаком, образуя акт коммуникации, в лингвистике обозначенное как *коммуникативно значимое молчание*. Несмотря на функциональную дефицитность по сравнению со знаком материальным, молчание способно более точно выражать чувства и эмоции человека. Молчание, наряду с эвфемизацией, является заместителем табуированных слов, речевых поступков и событий,

Молчание функционирует и вместо параязыковых неречевых кодов, как под контролем субъекта, реализуя его намерение, так и неподконтрольно ему. В силу своей материальной невыраженности невербальное интенциональное молчание не имеет множество смыслов: посредством него реализуется практически только одна коммуникативная цель – сокрыть информацию от собеседника. Отсюда подобное молчание в случае успешного решения коммуникативной задачи адресатом не фиксируется, следовательно, не интерпретируется собеседником.

Невербальное неинтенциональное молчание чаще всего выражено в молчании аффектном, временной неспособности субъекта осуществлять коммуникативную деятельность в силу сильного нервного возбуждения, сопровождающегося потерей самоконтроля. Данное молчание мимолетно, кратковременно. Субъект достаточно быстро возвращает контроль над своей деятельностью. *Аффектное молчание* – не интенциональное, но значимое для коммуникации: оно позволяет коммуниканту считывать состояние собеседника, корректировать стратегии поведения.

Молчание – особый вид коммуникации, способный замещать как речевые, так и неречевые элементы, в зависимости от чего функционировать как коммуникация вербальная и невербальная. Молчание в говорении и письме как продуктивных видах речевой деятельности характеризуется отсутствием материальной выраженности; в устной речевой деятельности – последней фазы произнесения, озвучивания голосом, вокализации.

Проведенный анализ позволяет разграничить понятия *коммуникативное молчание* и *молчание интенциональное*. **Под коммуникативным молчанием мы понимаем молчание, включенное в структуру коммуникативного взаимодействия, способное передавать информацию о молчащем коммуниканте, интерпретироваться другими участниками данного взаимодействия либо способствовать коммуникативному процессу.**

Коммуникативное молчание может быть коммуникативно значимым, то есть выступать как нулевой знак, и коммуникативно незначимым, то есть не иметь знаковой природы. **Интенциональное молчание** – молчание преднамеренное, адресное, это средство достижения коммуникативной цели субъекта. Коммуникативно значимое молчание всегда есть молчание интенциональное, но интенциональное – не всегда коммуникативно значимое, например пауза, табу. Таким образом, понятие *коммуникативное молчание* более широкое по отношению к понятиям *молчание интенциональное*, *молчание коммуникативно значимое* и включает в себя, например, аффектное молчание (см. таблицу 9).

Таблица 9. Разновидности молчания

молчание				
вне коммуникации		в коммуникации		
некоммуникативное		коммуникативное		
физиологическое	психологическое	интенциональное		неинтенциональное
естественное состояние человека	молчание, психологически обусловленное (например, опустошенное молчание)	коммуникативно значимое	коммуникативно незначимое	
		акт	не акт	--
			пауза табу	аффектное молчание

Коммуникация, в ходе которой обмен информацией происходит посредством голосовых элементов, может быть обозначена как **вокализованная коммуникация**. Вокализованная коммуникация, осуществляемая с помощью речевого кода, – **вокализованная вербальная коммуникация**, с помощью неречевого звукового кода – **вокализованная невербальная коммуникация**. Вербальная коммуникация

без завершающей стадии порождения речи произнесения, без внешней выраженности – *невокализованная вербальная коммуникация (молчание)*. Параязыковые элементы (паралингвизмы) в системе данной терминологии могут быть обозначены как *вокализованная невербальная коммуникация*; молчание как заместитель данных неречевых элементов – *невокализованная невербальная коммуникация*; речь (говорение) – *вокализованная вербальная коммуникация*; молчание как заместитель речевых элементов – *невокализованная вербальная коммуникация* (см. таблицу 10).

Таблица 10. Молчание в структуре вербальной и невербальной коммуникации

коммуникация			
<i>вербальная</i>		<i>невербальная</i>	
вокализованная	невокализованная	вокализованная	невокализованная
говорение	молчание как заменитель речевых элементов	паралингвизмы	молчание как заменитель неречевых элементов

Таким образом, уточнение понятийно-терминологического лингвистического аппарата, введение новых терминологических единиц позволили обозначить разнообразные виды молчания, значимого для коммуникативного процесса. Обладает ли данная категория специфичным, раскрывающим свое содержание только в координатах национальной лингвокультуры?

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Молчание, универсальная категория человеческого общения, образует сложную систему видов.

Физиологическому молчанию как естественному состоянию человека вне говорения противопоставлено молчание коммуникативное. Коммуникативное молчание, включенное в структуру взаимодействия, передает информацию о молчащем коммуниканте, интерпретируется другими участниками данного взаимодействия и может способствовать коммуникативному процессу. Вне коммуникативного пространства находится не только молчание физиологическое, но и молчание, имеющее психологическую обусловленность.

Коммуникативное молчание может быть коммуникативно значимым, обладающим деятельностной природой, образующим акт, и коммуникативно незначимым, не менее важным элементом коммуникативного взаимодействия, несущим информацию и корректирующим коммуникативные ходы участников общения (например, аффектное молчание).

Молчание – это особый вид коммуникации, поскольку, в зависимости от того, какой элемент оно замещает, относится либо к невербальной коммуникации, либо к вербальной; принципиальным отличием молчания от других коммуникативных компонентов является отсутствие вокализации. Молчание – невокализованный вербальный или невербальный элемент.

Молчание, функционирующее вместо других вербально-вокализованных элементов, имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения, обозначено нами как молчание эквивалентное. Молчание, не имеющее во взаимодействии вербальной или невербальной альтернативы, определяется как безэквивалентное (пауза, опустошенное молчание).

Пауза создает определенный коммуникативный ритм; совместно с другими средствами фонации расставляет необходимое логическое ударение, формирует эмоцию, в которой заинтересован субъект речи. Пауза может отличаться

преднамеренностью, но она не наделена смыслом, самостоятельным значением. В этом главное отличие паузы от коммуникативно значимого молчания. Интенциональная пауза готовит почву для воздействия, которое несет в себе слово (предшествующая пауза), либо усиливает его (последующая пауза).

Опущенное молчание указывает на внутреннее состояние человека, находящегося вне коммуникации, но, в силу того что молчанием является частью коммуникативного пространства другого и его коммуникативное поведение корректирует коммуникативное поведение партнеров по общению, опущенное молчание значимо для изучения коммуникативного взаимодействия.

Эквивалентное молчание в структуре невербальной коммуникации обусловлено сильным эмоциональным состоянием коммуниканта (аффективное молчание) либо указывает на ситуацию, когда субъект сознательно отказывается от невербальных элементов в пользу молчания с целью скрытия информации; данный тип молчания не фиксируется, следовательно, не интерпретируется собеседником.

В структуре вербальной коммуникации к эквивалентному молчанию относится коммуникативно значимое молчание, табу как преднамеренно нереализованный текст.

Табу в современной коммуникативной культуре – осознанно не свершившийся речевой поступок с нереализованным высказыванием, мотивированный как выполнением внешнего запрета, так и уходом от дискомфортной коммуникации. Табу на отдельное слово уходит на периферию, в отличие от табуированных тем, которые могут иметь потенциальное развитие во взаимодействии.

Коммуникативно значимое молчание может быть характерной чертой целой коммуникативной деятельности человека, сознательно выбранным коммуникативным поведением. Деятельностное молчание отлично от внутренней речи, так как имеет цель, направлено на адресата, воздействует на него, изменяет его поведение в соответствии с собственным коммуникативным сценарием субъекта речи.

Молчание приобретает способность интерпретироваться в коммуникативном фрагменте, большем, чем однонаправленное речевое действие (речевой акт). Чем крупнее по охвату коммуникативных действий событие, тем более информативным становится молчание для адресата, тем больше возможностей для его интерпретации. Вовлеченность адресата в коммуникативное пространство субъекта речи, в его дискурсивную деятельность позволяет вести эффективное взаимодействие без слов.

Молчание в структуре речевой деятельности образует акт с нулевым текстом, в силу материальной невыраженности сложным для восприятия и последующей интерпретации адресатом. Если раскодирование нулевого текста объектом максимально приближено к коммуникативному замыслу субъекта, мы говорим об адекватной интерпретации молчания.

По степени адекватности интерпретации молчания как текста в работе выделено 5 типов актов, функционирующих в коммуникативном взаимодействии.

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ СПЕЦИФИКА КАТЕГОРИИ МОЛЧАНИЯ

Тезис о связи языка, мышления и культуры приобретает в когнитивно-дискурсивной парадигме особую актуальность. Исходя из того, что в языке фиксируется то, что значимо для культуры и ее носителей, рассмотрим фиксацию идеи молчания в различных языках. Обращение к истории позволяет выявить основные этапы формирования данной категории, а сопоставление языков – специфичное, национально обусловленное. «Поскольку культуры познаются в сравнении, то и «культурное» в смысле выявляется в сопоставительном анализе и задается менталитетом народа» [Бутенко, 2008, с. 326].

3.1. Языковая репрезентация понятия молчания

1. Основной тезис исследований молчания – молчание как универсальная категория объединяет все человечество. «Им случалось говорить по-коптски и по-еврейски, по-гречески и на латыни, по-грузински и по-сирийски или же молчать на всех этих языках» (М. Павич. Пейзаж, нарисованный чаем).

Ученые, изучающие молчание, обнаруживают факт, что многие языки различают как минимум 2 типа молчания:

фр.	<i>silence</i>	<i>se taire</i>
нем.	<i>schweigen</i>	<i>stille</i>
польс.	<i>milczenie</i>	<i>cisza</i>
исп.	<i>silencio</i>	<i>callar</i> и др.

Несомненным является и тот факт, что более богатая фиксация идеи молчания в том или ином языке культурно обусловлена, является следствием определенного мировоззрения, оказывающего влияние на становление языкового

сознания в целом, национального коммуникативного поведения в частности [Sobkowiak, 1993].

В современном русском языке идея молчания выражена множеством языковых единиц: *молчание, тишина, тишь, безмолвие, ничто, пустота, пауза* и др. Все это для носителей русской лингвокультуры знаково: разные репрезентанты наделены и различным содержанием. Вспомним в пьесах Л. Андреева в авторском тексте: «*Молчание – Взволнованное молчание – Тишина – Мертвая тишина*» (Л. Андреев. Самсон в оковах). Молчание в ремарках автора не равно тишине, отсутствию звуков: «*Молчание (слышна канонада)*», «*Молчание (Беспорядочный шум за окном растет)*» (Л. Андреев. Самсон в оковах).

В произведениях Л. Андреева молчание и тишина – явления разных миров, и молчание характеризует мир человека: «Со дня похорон в маленьком домике наступило молчание. Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» (Л. Андреев. Молчание).

Такое явное различие значений лексем *молчание* и *тишина* обращает на себя внимание многих исследователей [Йоко, 2002; Логинова, 2003; Мартынова, 2012; Эпштейн, 2006].

Обращение к текстам русской литературы позволяет построить поле сочетаемости данных единиц.

Как и мир человека, молчание проникнуто эмоциями⁴⁶: оно может быть *глубоким, индифферентным, холодным, укоризненным, невозможным, осторожным, обреченным, гробовым, тяжелым, тягостным, угрюмым, тревожным, напряженным, настороженным, неодобрительным, ватным, безнадежно глухим и неотзывчивым, невразумительным, затруднительным, благовейным, натянутым, томительным, странным* и т. д.

⁴⁶ Материалом анализа послужили тексты русской литературы XIX и XX вв.

Молчание может *наступить, воцариться, обрушиться*. В молчание можно *погрузиться*, его можно *разбить, нарушить, прервать*, на молчание можно *обречь, осудить*.

Молчание в русской культуре самодостаточно, субъектно. На страницах русской литературы молчание *выносит приговор, проклинает и наказывает, обижает и больно бьет*, в то же время *возбуждает любопытство, звучит согласием, уверяет, ласкает, дарит надежду, господствует*.

Герои на страницах русской литературы молчания *не выдерживают, чумают, сходят с ума, пугаются, не могут вынести «невидимых уз свинцового молчания»* (Л. Андреев. Жизнь Василия Фивейского), но молчание для них – это и *дар, надежда, вера, сладость, искус, «сдерживаемая сумятица чувств»* (там же).

Единица «тишина» – еще один репрезентант идеи молчания в русской культуре. Однако, если молчание знаково для коммуникации, тишина толкуется как «отсутствие говора, звуков, шума» вообще [МАС]. Это осознается носителями русской лингвокультуры: тишина *немая, безмолвная*. Она не подвластна человеку, она не характеризует отношения, в которые вовлечен человек. И поле сочетаемости лишь подтверждает ее индифферентность по отношению к человеку: тишина *бесстрастная, неземная, глубокая, невозмутимая, торжественная, священная, безмятежная, бесконечная, «чуждая всему миру»* (И. А. Бунин. Тень птицы).

Тишина прекрасна, когда *молчит природа*. Тишина в природе *царствует, зачаровывает*, она *естественна, светла*. Такая тишина является несомненной ценностью в русской культуре, она эстетична, созерцательна. Такая тишина *лечит душу: «Погода была волшебной. Морозно и ни ветерка, падал легкий пушистый снег, тишина, но знаешь, такая тишина, которая полна звуков, хруста снега под ногами, гулом города и во всем этом было какое-то по-настоящему зимнее спокойствие. Засмотревшись, я даже не заметил, как пролетело время... Это действительно очень красиво»* (В. В. Розанов. Опавшие листья).

Тишина в мире природы противопоставлена тишине в мире человека как тишине *неестественной, невыносимой, глухой, жестокой, равнодушной, жуткой, давящей душу: «Что значит эта тишина, – думал Бельтов, – глубокую думу или*

глубокое бездумье, грусть или просто лень? Не поймешь. И отчего мне эта тишина так тягостна, что хоть бы повернуть оглобли; отчего она меня так давит? Я люблю тишину. Тишина на море, в селе, даже просто на поле, на ровном, вдаль идущем поле, наполняет меня особым поэтическим благочестием, кротким самозабвением. Здесь не то. Там – ширь с этим безмолвием, а здесь все давит <...>» (А. И. Герцен. Кто виноват?). Часто такая тишина ассоциируется со смертью, последним покоем, будто сама по себе является смертью.

Молчание, тишина, тишь, безмолвие... Особый статус молчания в русской лингвокультуре, молчания на стыке материального и идеального, складывался исторически.

2. Слово *молчание* – ключевая лексема репрезентации категории молчания в русской лингвокультуре – имеет неясную этимологию⁴⁷. В древнерусских текстах с XI века функционируют единицы *мълчати (мльчати), мълчаливый (мльчаливый)*, восходящие к общеславянскому корню **мылк-*, означающему ‘мягкий, слабый, вялый, глупый’, что вполне может наводить на мысль о некой негативной коннотации, связанной с компонентом ‘глупый, не владеющий словесами, не могущий говорить’ [Черных, 1999].

В словаре старославянского языка [Цейтлин, 1994] зафиксированы лексемы *мльчание, безмльвие, безмльвьствие, тихость, тихота, тишина*. Анализ словарных статей выявляет общее, позволяющее обозначить единицы *мльчание, безмльвие, безмльвьствие* как синонимы.

Ср.:

мльчание – ‘молчание, тишина’, ‘немота’, ‘монашеский или отшельнический подвиг молчания’;

безмльвие – ‘безмолвие, тишина’, ‘монашеский или отшельнический подвиг молчания’;

безмльвьствие – ‘безмолвие, покорное молчание’.

⁴⁷ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2015d].

(1) *Паче же безмльвие любяше и мльчанию прилежаше, отъ того и мльчалникомъ прозван бысть. Рог. лет., 153-154 [СРЯ XI-XVII вв.].*

Обращение к глаголу *мльвити* позволяет уточнить семантику анализируемых единиц. Данный глагол функционирует в значении ‘шуметь, волноваться’, ‘заботиться, беспокоиться’. То же, что и *говорити* (‘шуметь’), *мясти* (‘находиться в смятении, тревожиться’), *плищевати* (‘беспокоиться, волноваться’). Отсюда *мльва* – ‘шум, волнение, смятение’ (то же, что и *възмущение, говоръ, мятежь, плищь, съмущение*), *говоръ* – ‘шум, гул’ (то же, что и *мльва*) [Словарь древнерусского языка]. Таким образом, единицы *безмльвие* и *безмльвьствие* связаны с покоем в душе, отсутствием эмоций или умением их сдерживать. *Безмльвие* как ‘монашеский или отшельнический подвиг молчания’ указывает на смирение и покорность – ‘покорное молчание’:

(2) *Безмолвие съ трезвѣниемъ оудержавы чрево. оумалить стр(с)ти. ИларПосл XI сп. XIV, 198 [Словарь древнерусского языка].*

Как синоним единицам *мльчание, безмльвие* рассматривается и лексема *тишина*: *тишина* ← *тихий* – ‘тихий, мирный, спокойный’, то же, что и *кротъкъ*; глагол *тишити* имеет значение ‘умерять, успокаивать’; производные *тихость, тихота* толкуются как ‘кротость’, ‘мягкость’.

Таким образом, в древнерусском языке ключевая лексема *мльчание* создает широкие семантические связи с единицами *безмльвие, безмльвьствие, тихость, тихота, тишина*, обусловленные влиянием христианского мировоззрения, становление которого происходит параллельно с развитием письменной языковой системы. Молчание как ритуал сопровождается смирением и душевным покоем, обозначенным в языке как *безмльвие*, приводящим к кротости, спокойствию – *тишине*.

(3) *Не подобьна ли дша (душа) кротъкаго пустыни, въ неи же велико мльчание есть и тихо все. Златостр., 92. XII в. [СРЯ XI-XVII вв.].*

(4) *Егда той преподобный Иоаннь въ послушании старца своего со смиренномудриемъ заповедь его исполняя, прохождаше путь безмолвия, уста святая въ молчании соблюдая. Ирм. Сол. м., 355. 1687 [там же].*

(5) *Въ тишинѣ пребываетъ душа и въ мирѣ глоубоцѣ. Никиф. м. Посл. Влад. Мон. 62* [Срезневский, 1912].

Несомненно, перед нами факт влияния религии, христианской картины мира на язык, на становление концепта «молчание» в славянской модели мира. Скорее всего, мы имеем некое переплетение ритуала молчания, свойственного разным мифо-религиозным системам, начиная с античной, – обета молчания [Аверинцев, 2004], и христианской аскетической традиции молчальничества, нацеленной на познание Бога «безмолвствующим славословием» [Денисов, 1839]. В данном контексте сочетание *безмолвствующее славословие* не является избыточным, так как *безмолвствующее* не предполагает отсутствие слова, речи, а указывает на душевный покой, на победу над земными страстями. Вспомним слова Серафима Саровского о том, что «совершенное безмолвие есть крест, на котором человек должен распять себя со всеми страстями и похотьми» [там же].

Анализ исторических словарей позволяет сказать, что значения анализируемых единиц со временем расширяются за счет увеличения компонентов, связанных с молчанием и успокоением как христианскими ценностями, при этом компоненты значений могут приобретать самостоятельную языковую фиксацию: *млъчание* – ‘молчание, безмолвие’, ‘духовность, созерцательность, молитвенное состояние духа’; *млъчати* – ‘молчать, безмолвствовать’, ‘хранить обет молчания’, ‘предаваться посту и молитве’; *млъчальными* – ‘исполненный молчания, связанный с обетом молчания, безмолвный, непроносимый вслух’, ‘безропотный, беспрекословный’; *млъчальница* – ‘монашеская келья’, *млъчальникъ* – ‘тот, кто принял обет молчания’; *безмълвити* – ‘жить отшельником, давшим обет молчания’, *безмълвникъ* – ‘отшельник, давший обет молчания’ и др. [Словарь древнерусского языка].

Компоненты, связанные с душевным успокоением, покоем позволяют расширить данное семантическое поле и другими единицами, производными от *тихьи*. Помимо значений, характеризующихся отсутствием шума (‘имеющий небольшую силу звучности, негромкий, не производящий шума, бесшумный, беззвучный’), выделяются и такие компоненты, как ‘молчаливый’, ‘мирный’

[Черных, 1999], ‘спокойный’, ‘безопасный’, ‘кроткий’, ‘добрый, благожелательный’, ‘благостный’ [Словарь древнерусского языка]. Данные значения характеризуют и производные: *тихость* (‘спокойствие’, ‘кротость’, ‘титул, который придавали себе иерархи’), *тихота* (‘успокоение’, ‘душевная тишина’, ‘благость’), *тишина* (‘тишь’, ‘мир’, ‘спокойствие’, ‘покой’), *тишьство* (‘спокойствие’). Вместе с глаголом *тишати* как ‘усмирять, успокаивать’ функционирует и существительное *тишение* (‘успокоение’), указывающее на результат [Срезневский, 1912].

Ср.:

(6) *Тишинѣ суши, морю оукротившюся, абѣ бурѣ вѣста с вѣтромѣ. Пов. вр. л. 6374 г.*

(7) *Въ радости и тихомѣ. Жит. Феод. Сик. Мин.*

(8) *Многоу тихотоу пріатъ оумъ мои. Прохор. Жит. Ио. Бог.*

(9) *Избра Богъ и святая Софгѣя и престолъ Божіа мужа добра, тиха, смирена Иоана, игумена святаго Спаса. Новг. I л. 6896 г.*

(10) *Притѣкающе вѣроу, приѣмлемъ тишениѣ и лютыхъ избавленіѣ. Мин. 1097 [Срезневский, 1912].*

Семантика единицы *млъчание* имеет еще один вектор развития – указание на отсутствие речевой деятельности: *млъчати* – ‘в млъчании быти’.

(11) *А ему де Акаску дали за молчалъ (млъчание) пай, чтобы онъ на нихъ не сказалъ. А., кунгур., 26. 1675 г. [СРЯ XI-XVII вв.].*

Глаголу *млъчати* противопоставляется *глаголати*, то есть ‘говорить, проповедовать’, ‘высказываться против кого-л., жаловаться на кого-л., обвинять кого-л. в чем-л., ‘противоречить, возражать, ‘говорить попусту’, ‘говорить кратко, скупыми словами’, а существительному *млъчание* – *глаголаніе*, то есть ‘говорение, речь, многословие’, то же, что и *глаголь, гласъ, речь*. В словарном толковании зафиксировано сочетание *безъ гласа* как ‘молчаливый, тихий’, ‘молча, тихо’. На взаимосвязь единиц *млъчание* и *глаголаніе*, *млъчати* и *глаголати* указывают и некоторые их компоненты: *млъчание* – это и ‘немота’, *не глаголати* – ‘быть немым’ [Цейтлин, 1994].

В дальнейшем в древнерусском языке основные значения единиц расширяются: *гласити* – это не только ‘звать, вопить’, но и ‘издавать звуки’; *говорити* – это не только ‘роптать, жаловаться’, но и ‘разговаривать’; *мълвити* – не только ‘беспокоиться, суетиться’, но и ‘говорить, наговаривать на кого-л.’. Значение корня единицы *мълва*, связанное с выражением чувств, эмоций, сохраняется и обуславливает значения других однокоренных единиц: *мълва* – ‘шум, волнение, смятение’, ‘раздоры, ссоры, беспорядок’; *безмълвный* – ‘безмятежный, тихий, спокойный’; *безмълвство (безмълвие)* – ‘молчание, безропотность, спокойствие’ [Словарь древнерусского языка].

Если характеризовать единицу *мълчати* как действие, противоположное *глаголати*, то следует отметить, что в древнерусском языке находит реализацию и идея преднамеренного молчания: глагол *мълчати* (‘умалчивать что-л., о чем-л.’), причастие *мълчимый* (‘умалчиваемый’). Словарями фиксируются и единицы, характеризующие человека, предпочитающего молчать, любящего молчать (*мълчнолюбыць* – ‘тот, ко любит молчать’) [Словарь древнерусского языка].

3. Отметим, что в древнерусском языке идея прагматического молчания репрезентируется и с помощью приставочных образований. Языковое явление префиксации, характеризующее славянские языки, создает на основе базовой единицы *мълчати* ряд производных с новыми или корректирующими смыслами: *помълчавати* (‘молчать некоторое время’), *помолчати* (1) (‘молчать некоторое время’, ‘успокоиться, прекратить движение’, ‘прекратить общение с кем-л.’), *помълкнути* (‘промолчать, помолчать’, ‘успокоиться, уняться, прекратить что-л.’), *промолчати* (‘молчать чаще долгое время’), *замолчати* (‘перестать говорить’, ‘сдержаться, смолчать’), *смолчати* (‘оставить без внимания’) [Словарь древнерусского языка].

(12) *А я тебѣ в послѣдние говорю! Замолчи, зажми рот, и отцу своему не противься. Лук. Пуст. 159 [СРЯ XVIII в.].*

(13) *Отступник же помолчав немного и рече: добр на вас ныне царь, горазд он вас бить кнутом да огнем жечьчи, да ребра ломать. Прение верн. инока, 288. XVII [СРЯ XI-XVII вв.].*

(14) *А ще бы помълкль, тогда... велика бы дарованья сподобилъся за молчанье. Пч., 197. XIV-XV вв. [там же].*

Помимо сужения, конкретизации значения за счет префикса, единицы, производные от *млъчати*, могут приобретать и новые смыслы: *помолчати* (1) – ‘успокоиться, прекратить движение’, ‘прекратить общение с кем-л.’; *помлъкнути* – прекратить что-л.’; *смолчати* – ‘оставить без внимания, утаить’.

(15) *Царь еси, господине княже, въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнѣмъ и нелицемѣрнемъ судиши Христовѣ, аже смолчиши митрополиту (Посл. Акикд. РИБ VI, 158. 1505 г.) [СРЯ XI-XVII вв.].*

Отметим и тот факт, что приставочные образования становятся языковым репрезентантом идеи преднамеренного молчания: *помолчати* (1), *помолкнути*, *замолчати*, *смолчати*. Компонент значения глагола *млъчати* ‘умалчивать что-л., о чем-л.’ приобретает собственную языковую фиксацию *помлъчение*.

(16) *Яко инѣмъ инако... поборено бысть, или худѣ прѣмудрися, или помлъчению подобно, или не зѣло похваленѣ? Гр. Наз., 53. XI в. [там же].*

(17) *Здѣ мудрость, иже имать умъ, да почтетъ число звѣрино, число человекеско и число его 666. Но семъ помолчю и слезами потру. Исп. Авр., 50. 1670 г. [там же].*

Историческими словарями зафиксированы приставочные образования и от глаголов *тишати*, *тихнути* – *утишити*, *затихати*, *утихати* [Черных, 1999] в значении ‘успокаивать, усмирять’, употребляемых как в отношении человека, так и природы.

(18) *Утишися градъ. Игн. Тут. (Пал. 13) [Срезневский, 1912].*

(19) *Повель всадити ихъ в порубъ людии дѣля, абы утишился мятежь. Лавр. л., 6685 г. [там же].*

4. В исторических словарях русского языка [СД; СРЯ XI-XVII вв.; СРЯ XVIII в.] мы можем наблюдать трансформацию значений анализируемых единиц. Прежде всего зафиксируем развитую словообразовательную парадигму: глаголы *молчать*, *молкнуть*, *малчивать*, *молкать*, принимающих на себя и значения древнерусской лексемы *безмолвствовать* ‘тихнуть’, ‘затихать’, ‘не шуметь’, ‘не говорить’, ‘не издавать звука’, ‘терпеливо сносить’, ‘не роптать’, а также слова *молчанье*, *молчка*, *молчба*, *молк*, *молчок*; *молчная дума* (‘немая’), *молчбище* (‘немое сходбище’), *молчун*, *молчунья*, *молчаливый человек* (‘неразговорчивый, малобеседливый, малословный’), *молчаливость* (‘склонность к молчанью’); *молчеватый* (‘малословный’), *молчанка* (‘безмолвье, молчанье, общий молк’), *молчатель* (‘скрывщик, скрыватель, утайщик’), *молчальный* (‘к молчанью относящийся’), *молчальник* (‘кто наложил на себя обет немоты’); *молчальница* (‘келья молчальника’), *молчальников*, *молчальницын* (‘ему, ей принадлежащее’), *молчальничий*, *молчальнический*, *молчальничать*, *молчальствовать* (‘вести молчальную жизнь’).

Эта парадигма свидетельствует о том факте, что постепенно компонент ‘молчание как религиозный акт’ уходит на периферию значения единицы *молчание*, но умение созерцать, молчать с целью самопогружения, самопознания обуславливает новые компоненты, связанные, с одной стороны, с немногословием, неразговорчивостью как чертой характера человека, с другой – со способностью носителя русской лингвокультуры ‘выражать и понимать без слов’ как особенностью русского коммуникативного поведения. Молчание направлено на совершенствование души, погружение в молчание нацелено на качественное изменение внутреннего Я, на согласие с самим собой.

(20) *Нравится в ней мнѣ паче, ея Молчание, Скромность, Уединение, и в трудах неусыпна Прилѣжность. Трд. Тилем. II 181. Когда ты хочеш быть здѣсь весел и щастлив? Так ты не должен быть дѣтинушка болтлив; Молчание всево на свѣтѣ сем дороже. Майк. Ел. 35. [СРЯ XVIII в.].*

(21) *Хотяб уста и замолчали, Но сердцу можно ли молчать Когда разят его печали? Спб. ж. I 257. Природа вся жива, и жизнью вечно дышет .. Лишь сердцем не молчи, С тобой бесѣдуют и горы и ключи. ММ III 39. [там же].*

(22) *Гармония заключила во объятия своего супруга, и сим молчащим отвѣтом увѣрила его, паче нежелъ словесами, что она Кадма не оставит. Хрс. Кадм 94. [там же].*

К XIX в. значение единицы *молчание* ‘религиозный акт’ все реже фиксируется словарями, уступая место компоненту ‘выражать и понимать без слов’.

(23) *Но в изумленье молчаливом Кого же в рыбаке счастливом Наш юный витязь узнает? РЛ V 343 [Словарь языка Пушкина].*

(24) *На игры младости глядишь С молчаньем хладным укоризны. С2 70.4 [там же].*

(25) *Но может быть вздохну в восторге молчаливом, Внимая звуку струн твоих. С2 13.26 [там же].*

Развивается и компонент ‘преднамеренное молчание’, приобретающий все больше и больше самостоятельных языковых репрезентантов. Лексема *безмолвие* толкуется через единицы *молчанье, тишина, тишь* как ‘отсутствие говора, голоса, звука, полная тишина’, сохраняется функционирование единицы *безмолвник*, то есть ‘наложивший на себя обет молчания’. Интересно зафиксированное употребление *безмолвить кого* в значении ‘лишать речи’: *обезмолвить* может, например, чувство сильного страха. Отметим и трансформацию значения *тишина*, теряющего компонент ‘благость’ и обозначающего ‘отсутствие крика, шума, стука’ и ‘мир, покой, согласие и лад’; *тихий* толкуется как ‘глухой, слабый’ [СД].

Приставочные образования, зафиксированные в «Словаре живого великорусского языка» [СД], позволяют сказать, что, благодаря префиксации глагола *молчать*, многие компоненты ключевой лексики приобретают в русском языке самостоятельную языковую фиксацию (см. таблицу 11).

Усиливается компонент «преднамеренное молчание», приобретающий все большее количество репрезентантов, например *умалчиватель, умолчатель (-ница)*

– ‘человек, у(с, про)молчавший о чем-либо’. Все большее количество единиц, указывающих на склонность к молчанию: *умолчивый человек* – ‘человек себе на уме, который лишнего не выскажет, скрытный’, *помолчка* – ‘привычка молчать’.

Таблица 11. Языковая фиксация компонентов значения ключевой лексики

«молчать»

<i>Компонент значения</i>	<i>Языковая фиксация</i>
‘знать про себя, не разглашать, скрывать, таить’	<i>умалчивать,</i> <i>смалкивать</i>
‘недосказать, не упомянуть, пропустить в рассказе’	<i>умалчивать</i> <i>смалчивать</i>
‘перестать говорить’	<i>умолкнуть</i> <i>замолкнуть</i> <i>смолкнуть</i>
‘не возражать, не прекословить, не отвечать’	<i>смалкивать, смолкать</i> <i>смолкнуть</i> <i>умолкать</i> <i>замолкать</i> <i>примолкать</i> <i>утихать</i> <i>затихать</i> <i>притихать</i>
‘потакать, потворствовать, поноравливать, баловать, глядеть сквозь пальцы, послаблять, давать повадку’	<i>смалчивать, смолчать</i> <i>промолчать</i>
‘перестать издавать звуки’	<i>замолкать</i> <i>затихать</i> <i>занеметь</i>
‘перестать’	<i>замолкать</i> <i>затихать</i> <i>занеметь</i>
‘перестать говорить’	<i>замолкать</i> <i>затихать</i> <i>занеметь</i>

Приставочные глаголы *утихать, стихать, затихать, притихать* зафиксированы в основном в значении ‘успокаиваться, становиться тише, утихомириваться’ и употребляются с единицами, указывающими на явления природы (*шум, ветер, буря, погода; затишье* как ‘отсутствие ветра, шума; штиль,

безветрие'), с единицами, обозначающими чувства и эмоции (*волнение, гнев*), боль, беспокойное состояние человека, а также с единицами *молва* ('общий говор', 'громкая, шумная беседа', 'слава', 'народные толки'), *голос* в значении 'становиться слабее'. Толкуются данные лексемы через приставочные образования от глагола *молкнуть*. Производные же от глагола *молчать* характеризуют только деятельность человека. Так, при толковании единицы *замолчать* уточняется 'говорится только о речи и голосных звуках'.

В словаре В. И. Даля зафиксировано употребление единиц *намолчать / намалчивать беду* ('нажить ее молча или молчанием') и *намолчатся вдоволь*.

5. Идея молчания имеет богатую репрезентацию во всех славянских языках⁴⁸. Общее культурно-историческое прошлое, единый праязык, префиксальность позволяют не только зафиксировать в языках идею молчания как отсутствие шума и речи, но и показать различные компоненты значений, что обуславливает выделение молчания как особой категории в славянской картине мира (см., например, исследование [Петкова-Калева, 2013]). Сопоставление репрезентантов молчания в славянских языках позволяет сказать, что, во-первых, сохраняют функционирование во всех славянских языках единицы, восходящие к индоевропейскому корню **мылк-*: бел. *маўчанне*, укр. *мовчання*, болг. *мълчание*, чешск. *mlšení*, польск. *milczenie* [Речник, 1998; Словник, 1970-1980; Słownik języka polskiego; Akademický slovník]. То же самое характеризует и единицы, по всей вероятности, связанные с индоевропейским корнем **teis-* [Черных, 1999]: рус. *тишина*, бел. *цішыня*, укр. *тишина*, болг. *тишина*, серб. *тишина*, хорв. *tišina*, чешск. *ticho*, словац. *ticho*, польск. *cisza*. Единица *тишь* в значении 'отсутствие шума' функционирует в восточнославянских языках (бел. *ціш*, укр. *тиша*), в других славянских языках ей соответствуют единицы со значением 'мир, покой, спокойствие' (болг. *спокоен, спокойствие*; серб. *миран, цалм, смирен*; хорв. *smiren*,

⁴⁸ Материал данного раздела опубликован в статье [Корулова, Marynenko, 2015].

calm, mir; чешск. *klidný*; польск. *spokój cisza*). Единицы *безмолвие, бязмоўе, безмовність* характеризуют только восточнославянские языки (см. таблицу 12).

Таблица 12. Функционирование репрезентантов идеи молчания в современных славянских языках

Русский	<i>молчание</i>	<i>безмолвие</i>	<i>тишина</i>	<i>тишь</i>
Белорусский	<i>маўчанне</i>	<i>бязмоў</i>	<i>цішыня</i>	<i>ціш</i>
Украинский	<i>мовчання</i>	<i>безмовність безгомінність безголосся</i>	<i>тиша тишина тиш</i>	<i>тиша тиш</i>
Болгарский	<i>млъчане</i>	<i>млъчане тишина</i>	<i>тишина</i>	<i>спокоен спокойствие calm</i>
Сербский	<i>тишина силенце</i>	<i>тишина силенце</i>	<i>тишина силенце</i>	<i>миран цалм смирен</i>
Хорватский	<i>tišina</i>	<i>tišina šutnja</i>	<i>tišina šutnja</i>	<i>smiren calm mir</i>
Чешский	<i>mlšení</i>	<i>ticho mlšení</i>	<i>ticho</i>	<i>klidný</i>
Словацкий	<i>ticho</i>	<i>ticho</i>	<i>ticho</i>	<i>klidný</i>
Польский	<i>milczenie cisza</i>	<i>milczenie cisza</i>	<i>cisza</i>	<i>spokój cisza</i>

6. Современная репрезентация идеи молчания в русском языке сохраняет тенденцию, обусловленную исторически: *молчание, безмолвие, тишина, тишь, ничто, пустота, пауза*.

Единица *молчать* вбирает в себя компоненты, связанные с отсутствием речевой деятельности ('ничего не говорить, не издавать звуков голосом'), с отсутствием шума ('не нарушать тишины, не производить звуков'), с социальной пассивностью ('не высказывать жалоб, не протестовать, молча сносить что-л'). На

значение данной единицы повлияли современные реалии: *молчать* употребляется, когда речь идет о приборах, подающих звуковые сигналы ('не действовать, не работать'), об огнестрельном оружии ('не стрелять'). Сохраняется компонент 'преднамеренное молчание'. *Молчать* могут и чувства, переживания: 'не проявляться, не давать о себе знать' [МАС]. Как мы видим, компонент, связанный с религиозным молчанием, не зафиксирован. В словарях современного русского языка сохраняются единицы *молчальник* (*молчальница*) как 'монах, отшельник, взявший обет молчания из религиозных соображений', но данный компонент сопровождается пометой «устаревшее», а современное функционирование характеризует компонент 'тот, кто обычно молчит, не любит говорить'. Вообще склонность к молчанию как особенность человека широко представлена в словарях: *молчаливость* – 'неразговорчивость', *молчун* – 'молчаливый, неразговорчивый человек', а *молчаливый* – это не только 'не любящий много говорить, неразговорчивый', но и 'осуществляемый, понимаемый без слов' [МАС], 'выражаемый и понимаемый без слов' [ТСРЯ].

Единица *безмолвие* толкуется через единицу *молчание*, глагол *безмолвствовать* – через глагол *молчать*, но словари современного русского языка уточняют, что в данных единицах заключается значение 'полная тишина' [МАС], 'полное молчание' [ТСРЯ]: *безмолвствовать* – 'хранить полное молчание'. Компоненты 'не нарушать тишины, не производить звуков', 'быть исполненным тишины' позволяют говорить о единицах *молчание*, *безмолвие* и *тишина* как о синонимах: *тишина* – 'отсутствие звуков, говора, шума'. Сохраняет единица *тишина* и значение 'душевное спокойствие, умиротворение'. В современном русском языке продолжает функционировать единица *тихость* в своем исконном значении 'состояние умиротворения, покоя или покорности'. *Тишь* характеризует состояние природы – 'тихая, безветренная погода' [МАС].

(26) *Величайшее безмолвие царило окрест. Сдавалось, что всяческое звучание гложет в густой воде и тяжком воздухе пустыни. Паустовский, Кара-Бугаз* [МАС].

(27) *Дремлет чуткий камыш. Тишь – безлюдье вокруг. Н. Никитин, Утро [там же].*

(28) *Гордыней-то ничего не возьмешь, а ежели тихостью, смиренством, ну так... С баринoм завсегда можно обoйтись, потому, барин – он добрый. Эртель, Записки степняка [там же].*

В современном функционировании тенденция к языковой фиксации отдельных компонентов значения сохраняется: значение конкретизируется благодаря приставочным / конфиксальным образованиям от глагола *молчать*:

за – ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’ – *замолчать*;

по – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени (чаще недолгого)’ – *помолчать*;

про – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение какого-н. времени (чаще длительного)’ – *промолчать*;

с – ‘однократно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ – *смолчать*;

на... ся – ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в достаточной степени или избытке’ – *намолчаться*;

от...ся – ‘избавиться, уклониться от кого-чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ – *отмолчаться* [Русская грамматика, 1980, с. 355-372].

В современном русском языке расширяется словообразовательная парадигма глагола *молчать*: *промолчать, смолчать, помолчать, умолчать, замолчать, намолчаться, отмолчаться*. Глаголы *отмолчаться, умолчать* и *замолчать* имеют видовую пару – *отмалчиваться, умалчивать, замалчивать* (существительные *умолчание / умалчивание, замалчивание*).

Является ли репрезентация идеи молчания в русской картине мира национально специфичной? Обратимся к фактам других языков.

7. В испанской лингвокультуре репрезентация идеи молчания имеет свою историю и свои особенности⁴⁹. Молчание как явление, как феномен репрезентируется в ключевой лексеме *silencio*, а действие, противоположное *говорить*, – *callar*.

Единица *callar* имеет сложную этимологию, восходящую к латинскому *chalāre*, означающему ‘*bajar la voz / понижать голос*’ и греческому *χαλᾶν* – ‘*hacer bajar / делать ниже*’ [Moliner, 2000]. На сложную этимологию и связь с греческим словом *callar*, функционирующим в испанском и португальском языках, указывает Франциско дель Росаль, в его же труде мы находим толкование *callar* как ‘*es cerrar los labios / закрыть рот*’ [Rosal, 1601-1611]. Многие источники говорят о связи *callar* и с латинским глаголом *calleo* [Covarrubias, 1611] с неожиданной семантикой – ‘*иметь жесткую кожу, быть мозолистым*’, ‘*быть закаленным*’, ‘*набить руку, быть искусным, опытным, знать толк*’. Такое заимствование становится не столь неожиданным, если мы вспомним, что носители латинского языка именно глагол *calleo* употребляли в фразе «*знать, о чем говорить и о чем молчать*» – «*dicenda tacendaque calles*». Недоумение пытается развеять и Diccionario de Real Academia (1739) [DRA, 1739], где не только указывается на связь с латинским словом *calleo*, но и поясняется: ‘*callar... viene del verbo Latino Calleo, es, que significa ser astúto, porque de ordinário son silenciosos y callados / callar... происходит от латинского глагола calleo, что означает быть изворотливым, потому что обычно молчат хитрецы*’.

Таким образом, уже первые толкования анализируемых единиц позволяют сказать, что основная единица, репрезентирующая идею молчания в испанском языке, связана с отсутствием речи, факта говорения, с хитростью, с изворотливостью, с умом (*Si calla el nécio, a las veces será tenido por sabio y cuerdo / Если дурак молчит, часто может сойти за умного и здравомыслящего*) [DRA, 1739], а умение *молчать / смолчать* формируется как одна из коммуникативных стратегий, преследующая прагматический интерес говорящего.

⁴⁹ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2011b].

Анализ разных издательств «Словаря Королевской Академии» XVIII, XIX, XX вв. [DRA, 1739, 1780, 1817, 1884, 1925, 1936, 2001] показывает наращение компонентами основного значения глагола *callar* – ‘no hablar, ni dar a entender con la voz cosa alguna / не говорить, не дать понять ничего с помощью голоса’, ‘no expresar alguno con palabras sus pensamientos / не выражать мысли с помощью слов’, ‘disimular no dándose por entendido de lo que oye, o sabe / скрыть, не дать понять, что знаешь или слышишь’, ‘omitir, o pasar en silencio alguna cosa / упустить что-то’, ‘guardar silencio, abstenerse de hablar / хранить молчание, воздерживаться от говорения’, ‘cesar de hablar / прекратить говорить’, ‘cesar de llorar, de gritar, de cantar, de tocar un instrumento músico, de meter bulla o ruido / прекратить плакать, кричать, петь, играть на музыкальных инструментах; прекратить шум или переполох’. Все эти компоненты, несомненно, связаны с речью, голосом, звуком, вернее, их отсутствием. Отметим, что в словаре 1780 г. выделяется еще одно значение, связанное с молчанием ветра, моря, реки, с покоем и тишиной в природе (‘hablando del viento, del mar, de los rios, se dice quando va calmando, ó suavizando el ruido que hacian / говорится о ветре, море, реках, когда шум успокаивается или ослабевает’), сохранившееся и в современном испанском (‘dicho del mar, del viento, de un volcán, etc.: dejar de hacer ruido / говорится о море, ветре, вулкане и т.д., когда перестают шуметь’) [DRA, 2001].

В словообразовательной парадигме *callar* можем выделить *callando* (‘действие в полной тишине, без шума’), *callado*, *callador* (‘тот, кто делает кое-что без шума’), *callada* (‘результат от *callar*’) [Zero, 1985, с. 477]. Энциклопедический словарь испанского языка обозначает единицей *callado* человека не просто молчаливого по своему складу, но и сдержанного, осмотрительного, осторожного, себе на уме, чем указывает на сохранение компонента ‘хитрый, изворотливый’ к XIX веку [Diccionario Enciclopédico, 1853, с. 444].

Как мы можем видеть, единица *callar* в своем значении не содержит одного компонента, характеризующего русские репрезентанты молчания, – молчание как часть христианского мироощущения, как сознательный выбор образа жизни,

молчание как путь к познанию Бога. Эти значения в испанской лингвокультуре исторически репрезентировались лексемой *silencio*.

Diccionario de Real Academia прямо указывает на происхождение слова *silencio* от латинского *silentium*. В средневековых словарях толкование данной единицы отсутствует, указывается лишь ее заимствование из латинского языка [Vittori, 1609]. Себастьян де Коваррубиас пишет, что *silencio* обозначает то же, что и лат. *taciturnitas*, ‘молчаливость, сдержанность, скромность’, которые символизируются языческим богом молчания Гарпократом, изображавшимся с пальцем, приложенным к губам [Covarrubias, 1611]. О том, что единица *silencio* отражает молчание, которое формировалась еще в античную эпоху под влиянием античной культуры, говорит и толкование данной единицы в «Словаре кастильского языка с терминами науки и искусства и их соответствиями в трех языках: французском, латинском и итальянском»: *silencio* – в латинском языке ‘противоположное шуму, галдежу, крику, беспорядкам и смуте, говорению’, *silenciarlo* – ‘говорится о скрытом уединенном месте, где нет шума; о тех, кто хранит молчание, молчалив’.

Исконное значение, связанное со сдержанностью, отказом от речи, с языческой культурой молчания, обуславливает тот факт, что именно единица *silencio* в католицизме начинает обозначать обет молчания. В «Словаре Королевской Академии» (1739 г.) первым, а значит, основным указывается значение *silencio* – ‘privacion voluntaria de hablar / добровольное лишение речи’, ‘santo silencio / святое молчание’. Помимо этого компонента, выделяются и другие: ‘metaphoricamente vale la quietud ó sosiego de los lugares, en donde no hay ruido / метафорически о спокойствии и тишине в местах, где отсутствует шум’, ‘imponer silencio: prohibir el que se controvierta alguna question, ó se hable en alguna diferencia, ó pléito / установить молчание: запрещать оспаривать какие-л. вопросы; говорится о разногласии или о тяжбах, раздорах’ [DRA, 1739].

В самых ранних редакциях словаря видно, как наращивается значение лексемы компонентами, например ‘entregar alguna cosa al silencio. Olvidarla, callarla, no hacer mas mencion de ella / предавать что-л. молчанию. Забыть об этом, молчать

об этом, не упоминать' [DRA, 1817], но неизменным и основным на протяжении всего XVIII и XIX вв. остается значение 'privacion voluntaria de hablar, ó que no procede de impedimento físico / добровольный отказ от речи'. В редакции 1884 г. основными становятся значения 'abstención de hablar / воздержание от речи', 'falta de ruido / отсутствие шума', 'efecto de no hablar por escrito / не писать, 'el silencio de los historiadores contemporáneos / молчание историков-современников'.

Анализ словарных статей позволяет зафиксировать процессы трансформации значения, схожие с русской лингвокультурой: уходят на периферию компоненты, связанные с молчанием как христианской ценностью, как частью христианского мировоззрения. Зато появляются другие, связанные с жизнью социума, например 'el silencio de la ley / молчание закона'. Особенно это выражено в XX в.: 'el silencio – sin protestar, sin quejarse / не протестовать, не жаловаться' [DRA, 1925], 'desestimación o recurso por el mero vencimiento del plazo que la administración pública tiene para resolver / ресурс, используемый администрацией в связи с истечением срока, данного для принятия решения' [DRA, 1936]. *Silencioso* называют того, кто много молчит, имеет привычку молчать [Salvá, 1844, с. 999].

Таким образом, в испанской лингвокультуре идея молчания передается с помощью двух единиц – глагола, обозначающего действие, противоположное говорению, *callar*, возникшего под воздействием латинского и греческого языков и употребляемого в испанском и португальском языках, и существительного *silencio*, функционирующего со значением латинской единицы. В католицизме *silencio* приобретает значение 'святое молчание, добровольный отказ от речи', которое впоследствии утрачивается. Кстати, подобный процесс, когда употребление латинизма *silencio* связано с христианскими практиками, характеризует не только испанский язык. И. Срезневский, давая толкование единицы *безмолвие*, пишет, что это «то же, что и *silencio*» [Срезневский, 1912]. *Silence* функционирует и в словенском языке, наряду с исконными *molk*, *tišina*. В сербском языке различаются *силенце* и *тишина*.

В современном испанском языке функционируют единицы *callar*, *silencio*, *silenciar* и их производные. Сравним основные значения единиц [Moliner, 2000] (см. таблицу 13).

Как мы видим, современный глагол *callar* указывает на отсутствие речевой деятельности, фиксирует момент перехода к молчанию, тишине, связан с контролем над актом говорения. Это подтверждают и комментарии «Словаря употребления испанского языка» [Moliner, 2000], где говорится, что единица *callar/se* употребляется в случае воздержания от речи или прекращения ее. Существительное *silencio* указывает на состояние без шума, говорения – состояние тишины. В словаре зафиксированы и выражения типа *Silencio administrativo*, когда говорится о порядке отказа в удовлетворении просьбы или жалобы в связи с окончанием срока принятия решения администрацией; *Imponer silencio*, связанное с прекращением или подавлением протестных настроений.

В испанском языке единицы, фиксирующие молчание, имеют и компонент ‘молчание умышленное’, с целью скрыть, утаить – *silenciar*, *callar/se*, *guardar silencio* (‘хранить молчание’), *pasar en silencio* (‘молчать намеренно’).

Таблица 13. Сравнение значений единиц молчания в испанском языке

<i>Callar</i>	<i>Silencio</i>	<i>Silenciar</i>
1) no hablar / не говорить; 2) no decir cierta cosa / не говорить что-то; 3) menos frec., prnl. dejar de cantar, de gritar, de sonar, etc. / реже: прекращать петь, кричать, звучать и т.д.; 4) aguantarse: no replicar, no protestar, etc. / сдерживаться: не отвечать, не протестовать.	1) circunstancia de no haber ningún sonido en un sitio o en un momento / отсутствие звучания в определенном месте или в определенный момент; 2) circunstancia de no hablar las personas / отсутствие речи; 3) circunstancia de no hablar de cierta cosa / ситуация, когда не говорят что-то. 4) mús. pausa / муз. пауза.	1) guardar deliberadamente silencio sobre cierta cosa / хранить молчание умышленно о чем-л. явном.

Помимо этих единиц, функционируют в современном испанском языке и единицы *silenciar* (= *silenciero*), то есть ‘тот, кто хранит молчание, в том числе в церкви’, *silencioso* – ‘тихий’, о человеке, предметах, месте и т.д., *callado* (= *callador*)

– ‘тот, кто молчит’, *callada* – действие и результат от глагола *callar*, ‘интервал, спокойствие между порывами ветра или сильными волнами’, ‘молчаливый ответ’ [DRA, 2012].

8. Сопоставление основных значений репрезентантов молчания в русском и испанском языках позволят выявить общее и специфичное.

1. В испанском языке единицы, отображающие идею молчания, заимствованы из латинского и древнегреческого языков с их исконным значением, складывающимся под воздействием языческой, а не христианской религиозно-философской системы. Примечателен тот факт, что единица *silencio*, выражающая впоследствии святое молчание, соотносилась с богом Гарпократом, символизирующим молчание как сдержанность от болтливости, как воздержание от речевой деятельности в прагматических целях. Именно прагматика молчания и характеризует основное употребление единиц. Если *callar* обозначает действие, то *silencio* – состояние.

В русском языке идея молчания реализуется с помощью единиц, восходящих к индоевропейским корням **mьlk* и **teis-*, сохраняющим свое функционирование во всех славянских языках. Связанные с корнем **mьlk* единицы *молчать* и *молкнуть* характеризуют отсутствие речевой деятельности, причем *молчать* указывает на процессуальное действие, а *молкнуть* – на фиксацию момента перехода от речи к ее отсутствию. Влияние старославянского языка, христианской системы ценностей обусловили тот факт, что молчание как возможный диалог с Богом сопряжено с отказом от суеты, пустых волнений, эмоций, то есть с безмолвием.

2. Как в испанской лингвокультуре, так и в русской, язык фиксирует влияние христианства на становление молчания как культурного и коммуникативного феномена. И в том, и в другом языке, помимо молчания прагматического, отражено молчание святое как добровольный отказ от речи, как религиозный ритуал, как возможный путь к познанию Бога. Впоследствии данный компонент уходит на периферию значений единиц либо исчезает полностью.

3. Анализ словарных значений репрезентантов в русской лингвокультуре позволяет сказать о развитии молчания как отсутствии речевой деятельности (прагматическое молчание) и молчания как некой духовной практики (см. Приложение А). Последнее сближает единицы *млъчати* и *безмълвьствовати*: *млъчати* как некая ступень к *безмълвию*, душевному успокоению, кротости, и, как следствие, к *тишине*, состоянию благодати. Данное молчание находит свое особое место в русской культуре. Со временем оно перестает быть только ритуальным, становится больше ритуала – частью русской культуры. Так, идея молчания лежит в основе русской иконописи – молчаливой живописи, где молчание граничит с созерцанием, молитвенным актом, направленным на постижение смысла бытия (см., например, [Булгаков, 1991; Гаврюшина, 1993; Трубецкой, 1991; Успенский, 1999]). Такое молчание – это не просто отказ от говорения, это глубокое самопогружение, «духовная работа, созидание внутреннего человека» [Грек, 1994; Гриненко, 2000; Языкова, 1995 и др.].

С молчанием как некой духовной практикой связана и философия юродства, которая перерастает идею аскетизма, характеризующую и западную католическую культуру. Молчание юродивого – это своеобразная автокоммуникация [Лотман, 1973], это, несомненно, путь познания Бога, смысла бытия, но познания через себя. Молчание юродивого – это «речь-молитва, обращенная к себе и к богу. Она имеет прямое отношение к пассивной стороне юродства, то есть к самопознанию и самосовершенствованию» [Панченко, 1984, с. 95].

Именно такое молчание, нацеленное на познание себя, бытия, Бога, граничащее с умением созерцать, ‘вникать во что-либо мысленно, разумомъ, духомъ’ [СД], становится несомненной ценностью русской культуры, частью русского мировосприятия и обуславливает репрезентацию молчания в русском языке. Речь идет не только о единицах, реализующих компонент ‘ритуальное молчание’, но и об основных репрезентантах идеи молчания в целом: для русской культуры важно разделить молчание как отказ от речи, безмолвие как отказ от мирской суеты и тишину как достигнутое состояние благодати.

4. Впоследствии молчание как религиозный акт уходит на периферию значения, но умение созерцать, молчать с целью самопогружения, самопознания обуславливает компоненты, связанные с немногословием, неразговорчивостью как склонностью человека, с одной стороны, с другой – со способностью выражать и понимать без слов как особенностью русского коммуникативного поведения. Молчание как религиозный ритуал трансформируется в молчание как духовную практику, направленную на совершенствование души, как автокоммуникацию, где адресант и адресат – сам человек, а цель воздействия – качественное изменение внутреннего Я, согласие с самим собой.

5. Молчание как диалог с самим собой обуславливает и актуализацию компонента, связанного с выражением чувств, переживаний, – внутреннего Я. Отметим, что данный компонент отсутствует в испанской языковой репрезентации.

6. Исторически единица *молчание* семантически более узка по сравнению с единицей *тишина*. *Тишина* – это отсутствие звуков вообще, *молчание* – отсутствие речи. *Тишина* – состояние и человека, и природы, и окружающего мира. *Молчание* в основном изначально характеризует человека. Религиозно-духовная практика, отражающаяся в парадигме *молчание – безмолвие – тишина*, повлияла на современное функционирование, сделало его более сложным, обусловило употребление слов *безмолвие* в значении ‘полное молчание’, ‘полная тишина’, а слов *тишь, затишье* – ‘спокойствие в мире природы’, слова *тихость* – ‘кротость, покой в душе’.

7. Репрезентация идеи молчания в русском и испанском языках характеризуется как общим, так и специфическим. Общими являются компоненты, связанные с отсутствием речевой деятельности, звуков, шума, с отсутствием жалоб и протестов, с отсутствием ответа, в том числе письменного; и в русском языке, и в испанском выражен компонент, связанный с преднамеренным, умышленным, молчанием. До XX века на значения анализируемых единиц оказывают влияние католицизм и православие, что отражается в компонентах, связанных с добровольным отказом от речи, с названием лиц, отказавшихся от речи, мест, способствующих святому молчанию. В XX веке данные компоненты уходят на

периферию значения либо вообще не фиксируются словарями, в то же время актуализируются компоненты, связанные со склонностью человека к молчанию. И в русском, и в испанском языках выделен компонент, связанный с контролем человека над своей речевой деятельностью. Можно сказать, что **общим является то, что характеризует молчание прагматическое.**

Специфичным для русского языка является большое количество единиц, репрезентирующих молчание как духовную практику, указывающих не только на факт добровольного отказа от речи как некоего церковного ритуала (как, например, *silencio*), но и на молчание как на отшельнический образ жизни, как состояние человека, связанного с духовной созерцательностью, молитвенным состоянием духа (*млъчание*), с успокоением, душевной гармонией, душевным состоянием благости (*тишина, тихота*, совр. рус. – *тихость*). Для русской лингвокультуры является релевантным и молчание чувств, эмоций, волнений. Помимо компонента ‘молчаливость как склонность человека к молчанию’, есть компонент, отсутствующий в испанской лингвокультуре, – ‘выражаемый / осуществляемый и понимаемый без слов’, указывающий на широкую возможность интерпретации в русской молчаливой коммуникативной культуре.

Отметим и расширенное количество компонентов, связанных с преднамеренным молчанием, где важным моментом является недосказанность, то есть частичное молчание, неупоминание, либо полное молчание.

В русской лингвокультуре отсутствуют компоненты, зафиксированные в испанском языке, связанные с молчанием закона, правительства, истории, с социальной пассивностью.

8. Релевантными, как следствие, приобретающими свою собственную языковую фиксацию, для русского языка становятся следующие компоненты:

- преднамеренное, умышленное молчание (*умалчивать / умолчать, умолчание; замалчивать / замолчать, замалчивание; промолчать*);
- момент наступления молчания (*умолкать / умолкнуть, смолкать / смолкнуть, замолкать / замолкнуть, замолчать*);

- сдержанность коммуникантов в речевой деятельности (*смолчать, промолчать*);
- контроль коммуникантов над своей речевой деятельностью, воздержание от ответа, подавление эмоций (*смолчать*);
- отсутствие ответа (*промолчать, смолчать*);
- продолжительность молчания (*помолчать, промолчать, намолчаться*);
- склонность к молчанию (*молчаливость, молчаливый*);
- носитель признака (*молчун*).

Богатая языковая фиксация молчаливого коммуникативного поведения стала возможна благодаря развитой префиксации в русском языке.

9. Репрезентанты в русском языке могут указывать как на поведение говорящего (*замолчать, помолчать, умолчать, замолчать*), так и на поведение слушающего (*смолчать, промолчать, помолчать*).

10. И в русском, и в испанском языках молчание развивается как элемент красноречия (риторическое молчание).

3.2. Специфика функционирования глаголов молчания

Идея связать семантику глаголов молчания со стоящими за ней особенностями лингвокультуры уже прорабатывалась в лингвистике⁵⁰. Так, Дж. Версейрен [Verscheueren, 1999], анализируя значения глаголов речи и ее отсутствия, выделяет различные типы коммуникативного поведения.

Определим поведение молчащего коммуниканта как молчаливое коммуникативное поведение (*молчаливый* – (2) ‘выражаемый и понимаемый без слов’ [ТСРЯ]). Анализ функционирования глаголов молчания позволяет описать различные коммуникативные действия молчащего, а также ответить на вопрос, насколько богаты ресурсы языка, для того чтобы наиболее полно и адекватно

⁵⁰ О взаимообусловленности семантики и прагматики глагольных форм в [Пушкарева, 2020].

описать молчаливое коммуникативное поведение, в том числе его релевантные признаки, обусловленные лингвокультурой.

Процесс приема молчания вместо ожидаемого ответа обозначим как рецепцию. Само по себе понятие рецепции (от лат. *reception* – принятие, прием) связано с восприятием и трансформацией сигнала (знака). В различных гуманитарных науках рецепция толкуется через единицы *освоение, заимствование, воспроизведение*. В теории обучения языкам под рецепцией понимается прием сообщения [Азимов, Щукин, 2010]. Все это позволило И. А. Стернину выделить особый вид коммуникативного поведения, связанного с «адекватным пониманием вербальных и невербальных действий собеседников, принадлежащих к определенной национальной, возрастной и т.д. группе», – рецептивное коммуникативное поведение [Лемяскина, Стернин, 2000, с. 11, 33-34].

Анализ глаголов молчания и их функционирования в текстах позволит описать особенности как инициативного молчаливого коммуникативного поведения субъекта, так и рецептивного.

1. В русском языке, помимо глагола *молчать*, функционируют единицы *смолчать, помолчать, промолчать, умолчать, замолчать, намолчатся, отмолчатся*, позволяющие обозначить различные нюансы в коммуникативном поведении молчащего.

Ср.:

(1) *Петрович замолчал, видно вылив самое горькое. Он помолчал, а потом спросил, поднимая на Корытина по-детски недоуменный взгляд* (Б. П. Екимов. Пиночет).

Коммуникативное поведение Петровича в данном примере абсолютно понятно носителям русской лингвокультуры. Петрович перестал говорить, затем, через небольшой промежуток времени, спросил.

(2) – *Я ее встретил на Птичьем рынке. А знаете, что она там делала? – Я сделал длинную паузу, чтобы – окончательно поразить дядю Шуру: – Она искала собаку... породы чау-чау для своей дочери!*

Тут я замолчал и молчал долго-долго, но все-таки перемолчать дядю Шуру не смог. Известно, у него редкая выдержка (В. Железников. Жизнь и приключения чудака)⁵¹.

Герой рассказа В. Железняка замолчал, то есть перестал говорить, долгое время пребывал в состоянии молчания, тем не менее не смог молчать так же долго, как и дядя Шура, заговорил первым. За производными глаголами, благодаря префиксам, закрепляются определенные значения, сужающие, конкретизирующие значение глагола *молчать*.

Рассмотрим особенности функционирования данных глаголов⁵².

Молчать, безмолвствовать

Глагол *молчать* характеризуется как отказ от речевой деятельности в целом, указывает на различные аспекты молчаливого коммуникативного поведения, на отсутствие шума, звуков вообще. Выделенные словарями компоненты значения обуславливают широкое контекстуальное употребление данной единицы:

1. ‘Ничего не говорить, не издавать звуков голосом’, ‘Не высказывать жалоб, не протестовать, молча сносить что-либо’. 2. ‘Не нарушать тишины, не произносить звуков’, ‘Не действовать, не работать (о приборах, подающих звуковые сигналы)’. 3. ‘Не рассказывать, не говорить о чем-, ком-л., хранить в тайне что-л.’, ‘Не высказывать открыто своего мнения, обходить молчанием что-л.’ [МАС] / ‘Соблюдать что-н. в тайне, не рассказывать о чем-н., не высказываться’ [ТСРЯ], ‘Не писать писем, не отвечать на них’. 4. ‘Перен. Не проявляться, не давать о себе знать (о чувствах, переживаниях и т.п.)’ [МАС]. Синоним *безмолвствовать*. Словари прямо указывают: «безмолвствовать – то же, что молчать (в 1 знач.)», подчеркивая ограниченность в употреблении – *книжн.* Однако сопоставление контекстов позволяют выявить отличия в функционировании данных единиц.

⁵¹ Примеры в данном параграфе взяты из информационно-справочной системы «Национальный корпус русского языка» [<https://ruscorpora.ru>].

⁵² Материал данного раздела опубликован в статьях [Копылова, 2014b; Копылова, 2015a; Копылова, Kilina, 2020].

Глагол **безмолвствовать** характеризует субъектно-объектный тип общения, подчеркивает социальный статус либо власть имущих со специально избранной стратегией поведения, либо угнетенных, их вынужденное коммуникативное поведение: *«Печать на устах. Кляп во рту. Амбарный замок на губе. Десятилетия мы **безмолвствовали**. Раскланивались с негодями. Улыбались стукачам. Мирились с любыми гнусностями* (С. Довлатов. Марш одиноких).

Подобных примеров много как в художественной литературе, так и публицистике:

(3) *А избиратели лишены возможности даже путем референдума высказать свое мнение об итогах работы такого горе-руководителя или досрочно отозвать его с выборного поста. Народу предоставлено только одно право: **безмолвствовать!!!*** (Б. А. Макаров. Голос в тумане (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15).

(4) *Правоохранительные органы **безмолвствовали** два месяца, пока Совет Федерации РФ не потребовал от МВД проверить факты, изложенные в одной из газетных публикаций* (Зачем Петр Латышев нужен УрФО? – журналистское расследование // Новый регион 2, 2006.05.29).

Глагол **безмолвствовать** указывает и на молчаливое поведение, вызванное сильными чувствами, эмоциями, чаще всего, изумления, удивления, страха, возвышенными чувствами, когда человек не может *вымолвить ни слова*, когда дух захватывает:

(5) *Порой он ценил, объяснял, плодил мысль автора, но порой, когда бывал тронут глубоко, тихие слезы катились по лицу его, книга скользила из рук, и мы долго **безмолвствовали**, проникнутые каким-то неизъяснимо полным ощущением высокого, изящного* (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона).

(6) *Туристы, толпой окружавшие газетчика, большей частью **безмолвствовали**, потрясенные открывающимся видом, и только некоторые от избытка чувств издавали возгласы типа: «Ах, красота какая!» и «Боже, какое чудо!»* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике).

(7) Как отмечено Б. П. Городецким, в описании события у Карамзина совмещаются в одной фразе обе возможности пушкинского финала: «Тысячи воскликнули, и рязанцы первые: «да здравствует же отец наш, государь Димитрий Иоаннович!». Другие еще **безмолвствовали в изумлении**» (С. Г. Бочаров. О возможном сюжете: «Евгений Онегин»).

Глагол *безмолвствовать* подчеркивает и тишину природы, ее безразличие к миру человека:

(8) В растерянности я заметался от пропасти к Чертову пальцу, от Чертова пальца к расщелине, и снова к пропасти, и снова к Чертову пальцу. **Но горы безмолвствовали...** (Ю. М. Нагибин. Эхо).

Промолчать / помолчать / смолчать

Данные единицы характеризуют коммуникативное поведение русскоговорящих в диалоге (*промолчать, помолчать, смолчать*) и монологе (*помолчать*). Словарные статьи указывают на их некую избыточность, так как семантические поля единиц пересекаются: глаголы *промолчать* и *помолчать* указывают на молчание в течение определенного временного отрезка; *промолчать* и *смолчать* – на отсутствие ответной реакции. Ср., *промолчать* – «1. Не ответить, ничего не сказать. 2. Молчать в течение какого-л. времени»; *помолчать* – «Молчать некоторое время»; *смолчать* – «Воздержаться от возражения, от ответа на обиду, оскорбление и т. п. || Разг. Промолчать» [МАС].

Обращение к контекстам позволяет охарактеризовать коммуникативное поведение, обозначенное глаголами *промолчать, смолчать, помолчать*, как различное, обусловленное определенными коммуникативными ситуациями.

Единицей *промолчать* может быть охарактеризовано молчание как говорящего, так и слушающего. Компонент значения ‘не ответить, ничего не сказать’ характеризует коммуникативное поведение слушающего, при этом молчание замещает собой ожидаемую вербальную реакцию.

(9) – Ну что, молодой человек? Поняли, наконец, что к чему? И как вы думаете, стоит вам ходить туда после этого? // Я **промолчал**. Он **пожал**

плечами, повернулся и ушел (В. Белоусова. Второй выстрел).

Отметим и осознанность выбора единицы *промолчать* как репрезентанта коммуникативного хода: «я, *разумеется, промолчал*», «(он) *что-то* почувал во взгляде и в голосе своей собеседницы, *что-то понял и промолчал*» (Б. П. Екимов. Пиночет).

Ход, обозначенный единицей *промолчать* коммуниканты (и адресант, и адресат) рассматривают как возможность уйти от невежливого, грубого поведения, нарушающего морально-этические или коммуникативные нормы, принятые тем или иным обществом, или поведения, некомфортного для собеседника.

(10) *Я обязан быть снисходительным с нею. Я промолчал.* (И. С. Тургенев. Ася).

(11) *С подаренным арбузом в руке говорить о долге было как-то неудобно, и я промолчал* (Ф. Искандер. Должники).

Глагол *не промолчать* в русской коммуникативной культуре оценивается носителями как некая демонстративная, нарушающая принятую норму, вызывающая чувство дискомфорта линия поведения.

(12) *Когда свекольного цвета комочек упал с тарелки на клавиши пианино, хозяин не стал изображать из себя воспитанного по Чехову интеллигента, не промолчал, а обратил внимание супруги на допущенный гостем ляпсус, и та устранила беспорядок, ободряюще улыбнувшись Андрею* (А. Азольский. Лопушок).

Нарушение вежливого поведения, вызванного тем, что коммуникант не промолчал, как правило, вызывает негативную ответную реакцию. Контексты подчеркивают общепринятый характер *промолчать* как нормы: «*все промолчали, а он один...*», «*другой промолчал бы, а ты*» и т.д.

(13) *...разве можно так / в конце концов другой бы просто промолчал / ничего не сказал...* (О. Б. Сиротина. Беседы с О. Б. Сиротиной).

Глагол *не промолчать* часто употребляется в значении ‘не сдержался, распустил язык, проболтался’.

(14) *Скварыш припомнил ночную передачу «Свободы» и с несвойственной ему горячностью пересказал ее. Конечно, все из-за коньяка и парилки, иначе он бы,*

скорее всего, **промолчал** (В. Быков. Бедные люди).

Контексты употребления позволяют нам выявить обусловленность выбора данного коммуникативного хода или линии коммуникативного поведения.

- Бессмысленность акта говорения:

(15) *Я хотел сказать, что тоже буду счастлив от них избавиться, но промолчал. Что значило мое мнение против мнения пятнадцати образцовых акульих любимцев? Вместо протестов и объяснений я незаметно рассматривал обстановку* (Мариам Петросян. Дом, в котором...).

- Ответная реакция на риторический вопрос:

(16) – *А разве отличнику и комсомольцу драться полагается? Щупленков промолчал* (А. А. Бек. В последний час).

- Уход от ответа, нежелание говорить:

(17) – *А на винтовке, между прочим, найдены его отпечатки пальцев.*

Я промолчал.

– *Не хотите говорить?* (А. Приставкин. Вагончик мой дальний).

- Попытка утаить, скрыть информацию:

(18) *Утром про ночное происшествие он, естественно, промолчал* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

(19) *Он промолчал, храня военную тайну* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья).

- Незнание, невладение информацией:

(20) *Человека этот простейший вопрос поставил в тупик. Он промолчал* (А. Слаповский. Синдром Феникса).

- Несогласие:

(21) *Я подумал, что это еще ничего не доказывает, хотя выглядит, действительно, странно – но, разумеется, промолчал* (В. Белоусова. Второй выстрел).

Коммуникативное поведение адресата, обозначенное единицей *промолчать*, может быть обусловлено определенными эмоциями, чувствами. Как правило, это трусость, неловкость, стыд, удивление, изумление.

(22) Но ему было, наверное, **стыдно сознаться**, что он отрекся от своей веры, и он **промолчал**... (А. Рыбаков. Тяжелый песок).

(23) <...> говорить о долге было как-то **неудобно**, и я **промолчал** (Ф. Искандер. Должники).

(24) Ты что, действительно, в него стрелял? Бригадир **изумленно промолчал** (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей).

(25) На суде он **трусливо промолчал**, что создал диверсионную группу из множества предателей Родины на этом заводе (Б. Кенжеев. Из Книги счастья).

Данное поведение может сопровождаться невербальными средствами общения, которые позволяют максимально адекватно интерпретировать молчание коммуникантов.

(26) **Сцепив зубы**, он промолчал (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

(27) Я промолчал и невольно **отвел глаза** (В. Г. Короленко. Мороз).

(28) **Вымученно усмехнувшись**, он промолчал (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).

Употребление единицы *промолчать* характеризует говорящего, когда он хочет скрыть истинные намерения, помыслы, мысли. В отличие от молчания адресата, молчание говорящего является инициированным. В этом случае коммуникация просто не имеет место либо истинное намерение скрыто, подменено ложным.

(29) Чуть не сорвалось с языка, что тоска по Лиде смягчится со временем, но разумно **промолчал**, а вслух повторил: – *Нельзя тебе одному быть!* (Д. Рубина. Окна).

Коммуникативное поведение, характеризующееся как *промолчать*, достаточно адекватно интерпретируется собеседником. Инициатор молчания априори уверен в том, что будет понят.

(30) Саша **промолчал** – так, чтоб Матвей **понял**, что он ждал иного ответа (З. Прилепин. Санька).

(31) Георгий **промолчал**. По его молчанию и неловко застывшей фигуре было ясно, что смысл предложения Ренаты он вполне **понял** (А. Слаповский).

Синдром Феникса).

Близкой по значению к глаголу *промолчать* является единица *смолчать*. Контексты употребления позволяют определить их как взаимозаменяемые синонимы:

(32) *Писатель смолчал (= промолчал), потому что и это была правда* (Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик).

(33) *Он подумал: «Ну, какой я мужчина, настоящий мужчина не смолчал (= не промолчал бы) бы после отстранения Чепыжина»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

В основном мы можем говорить о полной синонимии, когда данные единицы употребляются в значении ‘не ответить, ничего не сказать’. Однако, как показал контекстуальный анализ, единица *смолчать* имеет и свою определенную, свойственную именно ей, коннотацию – ‘избежать негативной ответной реакции’, ‘не ответить на обиду, оскорбление, критику’, ‘воздержаться от спора, конфликтного диалога’. Данное значение зафиксировано словарями («воздержаться от возражения, обиды, оскорбления» [МАС]). Интерпретация молчаливого поведения, обозначенного как *смолчать*, указывает и на сдержанность, умение держать себя в руках, контролировать эмоции в русском коммуникативном поведении.

(34) *В ответ на слова историка: станьте сейчас же к стенке; вы не умеете себя прилично вести, – я смолчал* (Г. А. Газданов. Вечер у Клэр).

(35) *Непонятно, почему все это меня так сильно задевало, еще вчера я бы только хихикнул и смолчал, а сегодня вот ругаюсь, кричу* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

Таким образом, единица *промолчать* обладает более общим значением по отношению к единице *смолчать*. На это указывает и частотность употребления глаголов. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано 2059 контекстов со словоформами *промолчать* и только лишь 354 – *смолчать*. Играет роль здесь и стилистический фактор: употребление глагола *смолчать* воспринимается как разговорное.

Единица **помолчать** может рассматриваться как антоним к глаголу *промолчать* по значению (2). Производные от глагола «молчать» под влиянием значений префиксов сужают свое значение:

ПО + НСВ – ‘действие кратковременное, длящееся определенный отрезок времени’;

ПРО + НСВ – ‘действие долговременное, длящееся определенный отрезок времени’.

Ср.:

(36) *Мысль, которая открылась мне в это мгновение, так меня поразила, что я весь остаток вечера промолчал...* (Ф. Искандер. Письмо).

(37) *Лизавета секунду помолчала и заметалась по квартире* (Е. Козырева. Дамская охота).

Контексты подчеркивают значение префикса: *помолчать чуть, чуть-чуть, немного, секунду, ответила не сразу.*

(38) *Ольга помолчала, наверняка спешно соображая, кто же он такой, и непозволительно нескоро отозвалась...* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта).

(39) *Валя захлопнула рот, помолчала мгновение и уже другим тоном ответила <...>* (Д. Донцова. Микстура от косоглазия).

(40) *Толпа немного помолчала, потом помялась, потом попятилась* (А. Трушкин. 208 избранных страниц).

Благодаря контекстам употребления, мы можем выявить обусловленность поведения коммуниканта, характеризующегося русской единицей *помолчать*. Кратковременная пауза берется коммуникантами для того, чтобы собраться с мыслями, обдумать, проанализировать услышанное, выбрать наиболее оптимальный коммуникативный ход, вспомнить. Значение единицы *помолчать* связано с мыслительной деятельностью коммуниканта:

Помолчала, будто обдумывала нечто важное <...>;

Она задумалась, помолчала <...>;

Помолчала, обглядывая последнюю фразу <...>;

Помолчала, наверняка спешно соображая, кто он такой <...>;

Нонна помолчала, подумала, подулась и попросила <...>;

Она помолчала, интригуя <...>;

Помолчала, собираясь с мыслями <...>;

Помолчала, как будто не сразу поняла, о чем речь <...>;

Помолчала, словно перебирая в памяти и др.

Вынужденная пауза может указывать на эмоции и чувства, переполняющие человека:

С горечью помолчала <...>;

Помолчала нервно <...>;

Разочарованно помолчала <...>;

Участливо помолчала <...> и др.

Данная единица употребляется участниками коммуникации, и когда коммуникант возвращается к общению, часто при этом сменив линию поведения: *помолчала и вдруг жестко добавила; разочарованно помолчала, потом шепнула; задумалась, помолчала, потом спросила; помолчала, подняла на него глаза и тихо проговорила; (Валя) захлопнула рот, помолчала мгновение и уже другим тоном ответила; (она) поперхнулась, помолчала, потом сказала более спокойно* и др.

Особенности употребления единицы *помолчать* как паузы для обдумывания своего коммуникативного хода подчеркиваются и определенной жестикомией, обладающей подобным значением в русской коммуникативной культуре: *помолчала <...> трогательно наморщила лоб; помолчала нервно, теребя щеку; помолчала, сдвинув брови* и т.д.

Отмалчиваться / отмолчаться

Данные глаголы употребляются в значении ‘уклониться от ответа, отделаться молчанием’, которое в контекстах конкретизируется, расширяется. Подобно глаголам *смолчать, промолчать*, они указывают на контроль субъекта над своей речевой деятельностью, фиксируют в языке следующие коммуникативные действия:

- уход от коммуникации, нежелание говорить:

(41) *Время пасмурное... Бывают дни, когда я даже не знаю, говорить ли мне или лучше помолчать. Сидеть молчуном или болтуном. **Отмолчаться** – или превратить свое молчание в поступок* (Время под названием «Руины» (2003) // «Театральная жизнь», 2003.07.28);

- нежелание говорить, боясь обидеть, огорчить, вызвать негативные эмоции у собеседника:

(42) *Ты что думаешь, мне самому по душе все это гробить? – Тогда – деньги есть! – с некоторой торжественностью произнесла Лариса, одновременно чисто по-женски оценивая произведенный эффект. Эффект, впрочем, не был оглушительным: Коломнин, боясь ее обидеть, **отмолчался*** (С. Данилюк. Бизнес-класс);

- скрывать информацию, хранить в тайне:

(43) *Сашика поблагодарил, а на вопрос **отмолчался** – незачем лейтенанту раньше времени знать, все у него впереди: и обгорит, и наголодуется, и в грязи изваляется* (Ю. М. Нагибин. Когда погас фейерверк);

- не ответить на обиду, на оскорбления:

(44) *Меня встретили хохотом и криком: «Расскажи, как ты ходил на свидание!». Я **отмолчался**. Уже тогда я умел отвечать молчанием на обиду* (И. Шамякин. Некрасивая // «Огонек», 1961);

- игнорировать; употребляется, характеризуя деятельность органов, правительства, общества, СМИ (Советские «Известия» и «Голос солдата» **отмолчались** на тему шпионажа <...>; Газеты вопреки обыкновению **отмолчались** <...> и др.):

(45) *Премьера. До заката советской власти было далеко, печать **отмолчалась**, отзывы были только устными. Ну, конечно, и букетно-цветочными. И, конечно, хлопали в зале громко. Но громче хлопнул выстрел по радио: ночью премьеру горячо похвалили по «Голосу Америки» и по «Би-би-си»* (В. Смехов. Театр моей памяти).

В отличие от глаголов *смолчать*, *промолчать*, единица *отмолчаться* фиксирует не отдельное коммуникативное действие, а характерную коммуникативную реакцию на тот или иной стимул. Часто в контексте подчеркивается длительность периода (эпоха, время, возрастной период, временное событие). Так, в примере (44) подчеркивается временной отрезок *тогда*, в школьные годы, в молодости. В примере (46) герой *отмалчивался* на протяжении всего ужина, на все попытки подтрунить над идеями материализма.

(46) *Висленев попробовал было подтрунить над материализмом дяди, но тот отмолчался, тронул он было теткину религиозность, посмеявшись, что она не ест раков, боясь греха, но Катерина Астафьевна спокойно ответила <...>* (Н. С. Лесков. На ножах).

Глагол *отмолчаться* имеет форму и несовершенного вида – *отмалчиваться*.

Намолчаться

Глагол *намолчаться* обозначает ‘вдоволь, долго помолчать’, в словарях зафиксирован с пометой *разг.* [МАС].

(47) *Дванов взял коптильник в руку и прочел стенные скрижали ревзаповедника. – Почитай, почитай, – охотно советовал ему Пашинцев. – Другой раз молчишь, молчишь – намолчишься и начнешь на стене разговаривать: если долго без людей, мне мутно бывает* (А. П. Платонов. Чевенгур).

Анализ контекстов указывает как на вынужденное молчание на протяжении долгого времени (1), приводящее к желанию общения, так и добровольное молчание, желаемое состояние (2).

(48) *Обнялись двое на причале*

У отплывающей Земли,

И все молчали, все молчали,

И намолчаться не могли.

И в том молчаньи стали грубы

Слова – обычный мелкий сор

(А. Клейн. Мама Даси, представитель Бога на земле).

Перемолчать

Глагол функционирует в значении «1. Обойти молчанием, никак не отозваться на что-л, 2. Молча переждать некоторое время» [МАС]. В контексте он указывает на коммуникативное действие субъекта, подобное действию, обозначенному как *отмолчаться*, ‘ответить молчанием’, подчеркивается контроль субъекта над речевой деятельностью, часто обозначенный в контекстах как *терпеть, перетерпеть*:

(49) – *Я бы, – говорит отец, – не знаю, что сделал, чтоб из дурня моего толк вышел. Одна надежда на вас... Кое-как покончат с Шуркой. Это ведь только перетерпеть, перемолчать умненько. А дальше пойдет у Клаудии Васильевны с отцом чудной такой разговор* (Л. Р. Кабо. Ровесники Октября).

(50) *Мне уже немало лет, многое с чем пришлось повстречаться, многое чего перетерпеть, перемолчать, – но лицемерия и фарисейства на самом святом, что есть у меня и моей страны, – на нашей общей Победе не заметить и не отмести нельзя* (Неправильная Победа // РИА Новости, 2005.04.27).

Перемолчать употребляется и в значении ‘перетерпеть (чувства, эмоции) без слов’:

(51) – *Формообразующая роль среды! Вот в субботу мне позвонили. Сейчас как раз к месту... Подошла минута, товарищи, – в его фаготе что-то сорвалось, он перемолчал накатившую бурю чувств. – Минута, ради которой я собрал вас. Великая минута! Сейчас вы получите ответ, кому еще неясно* (О. Павлов. Асистолия).

Единица *перемолчать* употребляется и в значении ‘молчать сверх’, ‘молчать больше других, заставить говорить других’:

(52) *Держаться независимо года, перемолчать друг друга: кто кого. Остаться беззащитной навсегда и ждать твой голос – больше ничего...* (Л. Костенко. Из голоса напиться твоего)

Замолчать

Глагол *замолчать* толкуется как (1) «перестать говорить, петь, кричать, издавать какие-нибудь звуки» [МАС], указывает на момент перехода от говорения к молчанию:

(53) *Кот ввязался и тут: – А я действительно похож на галлюцинацию. Обратите внимание на мой профиль в лунном свете, – кот полез в лунный столб и хотел еще что-то говорить, но его попросили **замолчать**, и он, ответив: – Хорошо, хорошо, готов молчать. Я буду молчаливой галлюцинацией, – **замолчал*** (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

С аналогичным значением в русском языке функционируют и единицы *смолкнуть* ('перестать звучать или перестать говорить' [МАС]), *замолкнуть* ('перестать говорить, затихнуть' [там же]), *умолкнуть* ('то же, что и замолкнуть' [там же]), отличающиеся менее частотным употреблением, характеризующие как момент прекращения речевой деятельности человека, так и наступление тишины. Хотя в словарях отсутствует помета *книжн.*, статистика Национального корпуса русского языка указывает на функционирование данных единиц именно в художественной речи (436 словоформ (86,85 %) зафиксировано в тестах художественной литературы, 45 словоформ (8,96 %) – в публицистике).

(54) *Он выждал некоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить **умолкнуть** толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не **смолкнет** сама. И когда этот момент наступил, прокуратор выбросил вверх правую руку, и последний шум сдуло с толпы. Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал, и сорванный его голос понесло над тысячами голов: – Именем кесаря императора!* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Умалчивать / умолчать, замалчивать / замолчать, промолчать

1. В русской лингвокультуре идея преднамеренного молчания имеет богатое языковое выражение. Подобно другим европейским языкам, в русском языке компонент 'не рассказывать, не говорить о ком-, чем-л., хранить в тайне что-л. || не высказывать открыто своего мнения, обходить молчанием что-л.' [МАС]

реализуется с помощью ключевой лексемы *молчать*.

(55) *Мы поклялись друг другу, что никому не скажем о нашем чудовищном проступке. Я молчал о нем сорок лет и только сейчас поведал эту страшную тайну* (Э. Рязанов. Подведенные итоги)⁵³.

Однако данная лексема настолько многозначна, что употребление ее именно в значении ‘хранить в тайне’, ‘обходить молчанием’ недостаточно частотно. Так, в Национальном корпусе русского языка зафиксировано 14408 контекстов употребления единицы *молчать*, из них в значении ‘хранить в тайне’, ‘обходить молчанием’ – лишь 183 контекста. Русская единица *молчать* характеризуется широким семантическим полем. Сужается же значение, конкретизируется в производных от глагола *молчать*. В частности, преднамеренное молчание реализуется в русском языке с помощью единиц *промолчать*, *умолчать*, *замолчать*. Причем о молчании с умыслом как особом виде молчания говорит тот факт, что глаголы *умолчать*, *замолчать* имеют видовую пару – *умолчать* / *умалчивать*, *замолчать* / *замалчивать*. Молчание с умыслом в русской лингвокультуре обозначено как *умолчание* и *замалчивание*.

Современные словари определяют *умолчать* как ‘не сказать о ком-, чем-л., обойти молчанием что-л. || умышленно не сказать о ком-, чем-л., желая скрыть, утаить что-л.’. Подобное же толкование характеризует единицу *замолчать* – ‘умышленным молчанием скрыть, не дать узнать что-л.’ [МАС]. Большой толковый словарь русского языка подчеркивает целенаправленность данного речевого действия: ‘умолчать – не сказать о ком-, чем-л., обойти молчанием что-л. (обычно желая утаить что-л., преследуя какие-л. цели)’. Толковый словарь современного русского языка [ТСРЯ] разделяет *умолчание* как ‘молчание умышленное’ и *замалчивание* – ‘преднамеренное’, то есть ‘заранее обдуманное, умышленное (обычно о чем-нибудь плохом)’. Таким образом, *замалчивать*

⁵³ В данном разделе при подборе примеров были использованы следующие электронные ресурсы: информационно-справочная система «Национальный корпус русского языка» [<https://ruscorpora.ru>], «Фундаментальная электронная библиотека» [<http://feb-web.ru>], «Narodowy Korpus Języka Polskiego» [<http://nkjp.pl>], «Korpus języka polskiego PWN» [<https://sjp.pwn.pl/korpus>].

приобретает коннотацию ‘злого умысла’. Лексема *умолчать* связана с речью, с ее отсутствием, ‘не сказать’; *замолчать* – с информацией, знанием, ‘не дать знать’.

Контексты употребления позволяют говорить о глаголах *умолчать* и *замолчать* как о разных речевых действиях.

Умолчание всегда связано с речью, говорением.

(56) *Прослушка оказалась неуклюжей, назойливой, когда быстро становится понятным, что надо говорить, а о чем лучше **умолчать*** (А. Горшков, А. Политковская. Хроника убийства и последних дней жизни).

Контекстуальные синонимы позволяют конкретизировать значение данной единицы: *намек, недоговоренность, недосказанность*.

(57) *Рассказ полон **намеков и недоговоренностей**. Остается впечатление, что автор стремился не столько сообщить нечто существенное, сколько **умолчать** о чем-то главном* (Э. Герштейн. Надежда Яковлевна).

(58) *Но чтобы **умолчать** о чем-то, надо знать, чего ты **недосказываешь**, следовательно, собирать все-таки больше того, что намерен изложить* (В. Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике).

Употребление единиц *умолчать / умалчивать, умолчание* всегда связано с неполной предоставляемой (высказываемой) информацией. Частичная недосказанность, недоговоренность обуславливает и идущий далее неопределенный объект (*о чем-то, о кое-чем, о кое-каком*), и употребление некоторых лексических единиц типа *частично, единственно, только* (умолчать).

(59) *Это единственное, о чем моя мама сумела **умолчать*** (Д. Симонова. Сорванная слива).

(60) *Госпожа Панфилова накануне вчерашней встречи предпринимателей была принята генпрокурором Владимиром Устиновым. После чего объявила, что это знак будущего примирения силовиков с бизнес-кругами. Но о том, что именно пообещал ей генпрокурор, она предпочла **умолчать*** (К. Смирнов. Олигархи тоже люди).

Умолчание обладает не только отрицательной коннотацией: оно может быть предпочтительнее говорения.

(61) *Я могу о чем-то **умолчать**, но говорить не то, что думаю, у меня не получается* (Л. Шинкарев. Лучше по своей прихоти нуждаться, чем по своей воле преуспевать).

Глагол *умалчивать / умолчать* имеет особое управление: объект может стоять как в предложном падеже, так и в винительном без предлога [ТСРЯ]: *умолчать + о + ПП; умолчать + ВП*.

Например, *умолчать об аварии, о катастрофе, качестве питания* и др.; *умолчать факты, проблему* и др.

С иной ситуацией мы сталкиваемся при анализе функционирования единиц *замолчать / замалчивать*, выступающих в тексте как антонимы говорения. Об этом свидетельствуют и зафиксированные нами контекстуальные синонимы: *не говорить, не сообщать, утаивать, игнорировать, скрывать, не замечать, не произносить вслух, не признаваться самому себе, «гробовая тишина», «живое захоронение без легенд и преданий»*. Контекстуальный анализ расширяет значение данной единицы и позволяет выделить следующие компоненты:

- ‘не говорить’

(62) *Почему Вы так думаете? Он Вам говорил? Браун усмехнулся. – Напротив, так старательно **замалчивал** еще в Петербурге, что это было вернее всяких исповедей* (М. А. Алданов. Пещера).

- ‘не сообщать’

(63) *Иосиф мог **замалчивать** и христианство, как **замалчивал** другие мессианские движения. Однако кое-какие, хоть и краткие, сведения о евангельских событиях историк все же сообщает* (А. Мень. Сын Человеческий).

- ‘не признаваться самому себе’

(64) *Целые годы он **замалчивал** свое раздражение, сдерживал его, замыкал его в своей душе* (Л. И. Шестов. Шекспир и его критик Брандес).

- ‘не произносить вслух’

(65) *Старый одноухий Клюня сам себе дал зарок **не произносить** слова «воля». <...> Боясь слова, он его **замалчивал**, зажевывал* (В. Маканин. Буква А).

- ‘скрывать, утаивать, искажая’

(66) *Некоторые исследователи даже считают, что Бекон умышленно искажал и замалчивал открытия Гильберта (В. П. Карцев. Приключения великих уравнений).*

- ‘прятать’, ‘оставлять в тайне’

(67) *Руководители страны своих детей не то чтобы не имели, но как бы прятали от публики, замалчивали, не упоминали, подчеркнуто обнимаясь на публике с чужими (А. Привалов. Саги о детях).*

- ‘игнорировать, обходить вниманием’

(68) *К тому же лорд Сноуден...неизменно тактично замалчивал бестактные вопросы, просто отвечал на заумные, приятно отшучивался и честно старался понять родной язык в устах русских (О. Кабанова. Знаменитости лорда Сноудена).*

- ‘не замечать’

(69) *Сделавшись редактором, я сейчас же написал сам небольшую рецензию по поводу ее прекрасного рассказа «За стеной», появившегося в «Отечественных записках». Я первый указал на то, как наша тогдашняя критика замалчивала такое дарование (П. Д. Боборыкин. Воспоминания).*

Замалчивание может быть как преднамеренное, так и не преднамеренное.

(70) *Убийство Распутина, хотя еще и свежая новость, как-то мало интересовала фронт, или ее умышленно замалчивали (Н. П. Карабчевский. Что глаза мои видели).*

(71) *Западноевропейская историография отчасти по неведению, отчасти умышленно замалчивала Ушакова (Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море).*

Интересно управление данного глагола: замалчивать + что? / кого?

Объект – конкретное, реже абстрактное существительное, прилагательное или причастие в роли существительного. Объект может быть как неодушевленным, так и одушевленным.

(72) В СССР, где любовь раньше была не в моде, *Ахматову* долго *затирали* и *замалчивали* (Л. Вертинская. Синяя птица любви).

(73) *Кнайфель* (его *замалчивали* так же, как *Шнитке*, *Тищенко*, *других талантливых авторов*) по тому же поводу написал «Письмо Ленина к членам ЦК» для мужского хора (М. Токарева. «Петербургские тайны» семьи Петровых // «Общая газета», 1998.02.04).

Частотность употребления одушевленных объектов из зафиксированного употребления – 29 % (см. таблицу 14).

Таблица 14. Особенности объекта глагола *замалчивать* / *замолчать*

Замалчивать +	
объект одушевленный	объект неодушевленный
своих детей писателей нас его Столыпина Ушакова дарование оппонентов Ахматову Шнитке Тищенко других талантливых авторов	<ul style="list-style-type: none"> • все интересующие нас факты • опыт колхоза и его достижения • учение • проблему • имя • истину • свежую новость • дело • радиационное излучение • все, что было связано с духовной эволюцией Пушкина в сторону религиозности • достижения советской литературы, советского искусства, советской культуры • эти статьи • ситуацию • страх перед наполненной бедствиями «политической» жизни • христианство • мессианские движения • худшие проявления вероломства • самые вопиющие преступления • свое раздражение • роль и значение Советского Союза • роль и значения второго фронта и сопротивления • бестактные вопросы • открытия Гильберта • слово

Таким образом, единицы *умалчивать* и *замалчивать* противопоставляются друг другу по шкале «частичность – полнота». Замалчивается, предается забвению *теория, учение, истина, творчество, историческое событие, сам человек*. Часто это подчеркивается и контекстуально – «*все интересующие нас факты*», «*полностью замалчивали все, что было связано с духовной эволюцией Пушкина*».

Преднамеренное молчание в русской лингвокультуре может быть выражено и с помощью единицы *промолчать* как уход от ответа, нежелание говорить, попытка скрыть, утаить информацию.

(74) *Утром про ночное происшествие он, естественно, промолчал* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

(75) *Он промолчал, храня военную тайну* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья).

Как мы видим, компонент ‘преднамеренно скрыть, утаить информацию, обойти молчанием’, характеризующий ключевую лексику-репрезентант молчания во многих языках, в русском языке приобретает самостоятельное языковое выражение. Характеризует ли данное явление другие славянские языки, также отличающиеся развитой префиксацией, или мы можем сделать вывод о специфичном в репрезентации идеи молчания в русской лингвокультуре, следовательно, специфичном в русском коммуникативном молчаливом поведении?

2. Подобную ситуацию мы можем наблюдать в восточнославянских языках. Так, в украинском языке преднамеренное молчание зафиксировано единицами *умовчати (вмовчати) – умовчувати (вмовчувати), замовчати – замовчувати, промовчати – промовчувати*, характеризующимися аналогичным функционированием, что и в русском языке [Словник української мови, 2010].

Специфичное в русской репрезентации молчания по отношению к другим славянским языкам рассмотрим на примере польского⁵⁴.

В польском языке ключевая лексема *milczeć* имеет близкое к русскому глаголу значение ‘nie poruszać jakiejś sprawy; też: nie reagować na coś, nie protestować

⁵⁴ Материал данного раздела опубликован в статье [Кирина, Копылова, 2014].

przeciwno czemuś / не касаться какого-либо вопроса, не реагировать на что-либо, не протестовать против чего-либо' [Słownik języka polskiego PWN]. В словаре польского языка Витольда Дорошевского (50-60 гг. XX в.) значение глагола *milczeć* расширяется за счет компонента 'nie poruszać jakiejś sprawy, nie rozgłaszać czego, dochowywać tajemnicy / не касаться какого-либо вопроса, не разглашать что-либо, хранить тайну' [Słownik Doroszewskiego]:

(76) *Jesteśmy świadkami procesu delegitymizacji wartości demokratycznych. A prezydent milczy / Мы являемся свидетелями процесса утраты легитимности демократических ценностей. А президент молчит (Gazeta wyborcza)⁵⁵.*

(77) *W Starym Testamencie odnotowany został strach i donosicielstwo Adama, lecz o reakcji Ewy Pismo milczy / В Ветхом Завете засвидетельствован был страх и доносительство Адама, но о реакции Евы Священное Писание молчит (Kofta Krystyna. Wychowanie seksualne dla klasy wyższej, średniej i niższej).*

Если в первом примере (76) молчание предполагает политику невмешательства, нежелание касаться какого-либо вопроса, то есть отсутствие реакции на событие, происшествие и т. д., то во втором – молчание указывает на неполноту информации, иначе говоря, утаивается только какая-то часть сообщения, что в большей степени соответствует русскому глаголу *умалчивать*.

Обходить молчанием можно, как правило, определенную тему, в таких случаях в польском языке частотно употребляется фразеологизм *milczeć na temat* (букв. *молчать на тему*). В контекстах употребления указанного польского фразеологизма обычно зафиксирована ситуация, которая предполагает отсутствие высказывания, сообщения вообще, например:

(78) *15 lat temu nawet najwięksi optymiści wśród naukowców milczeli na temat perspektyw leczenia HIV lub szczepionki» – powiedział prezes / 15 лет назад даже самые большие оптимисты среди ученых молчали о перспективах (=замалчивали перспективы) лечения ВИЧ или вакцины», – сказал председатель (Gazeta.pl).*

⁵⁵ Здесь и далее переводы с польского языка на русский Л. Ф. Килиной [Килина, Копылова, 2014].

Глагольный компонент данной фразеологической единицы может заменяться существительным *milczenie* (молчание), в таких случаях в русском языке обычно употребляется существительное *замалчивание*:

(79) *Standardem naszej pracy jest milczenie na temat strategii prowadzenia sprawy, która została obrana przez klienta – nawet byłego / Стандартом нашей работы является замалчивание стратегии ведения дела, выбранного клиентом, – даже бывшим.*

Другим польским глаголом, употребление которого также характерно для описания ситуации преднамеренного молчания, является глагол *zmilczeć*, имеющий значения ‘zareagować na coś milczeniem’ / ‘отреагировать на что-либо молчанием’ и ‘celowo nie powiedzieć o czymś’ / ‘сознательно не сказать о чем-либо’ [Słownik języka polskiego PWN].

Несмотря на то, что русско-польские переводные словари этот глагол приводят в качестве соответствия к русскому глаголу *смолчать*, судя по приведенным значениям, *zmilczeć* больше соответствует русским глаголам *промолчать* в значении ‘не ответить, ничего не сказать’, *умолчать* (‘умышленно не сказать о ком-, чем-либо, желая скрыть, утаить что-либо’, ‘не сказать о ком-, чем-либо, обойти молчанием что-либо’) и *замолчать* (‘умышленным молчанием скрыть, не дать узнать что-либо’). На соответствие польского глагола *zmilczeć* и русского *промолчать* указывает и контекстуальное употребление:

(80) *W Charkowie Komorowski odpowiedział: – Tak mnie wychowano w domu, żeby na brak manier nie odpowiadać brakiem manier, więc ja zmilczę w tej kwestii / В Харькове Коморовский ответил: Меня так воспитали, чтобы на отсутствие манер не отвечать отсутствием манер, следовательно, я промолчу в этой ситуации (Gazeta wyborcza).*

Если в русской лингвокультуре частичность / полнота утаиваемой информации становится релевантным критерием для выбора единиц *умалчивать* / *замалчивать*, то в польском языке данные значения являются компонентом одной – *zmilczeć*:

(81) *Sama partia dotąd próbowała zmilczeć referendalny problem swojej*

wiceprzewodniczącej / Сама партия до тех пор пробовала замолчать проблему референдума своего вице-председателя (Gazeta.pl).

(82) *O tym, co wyprawia w filmowym hotelu Zbigniew Buczkowski, wolałbym w ogóle **zmilczeć** / О том, что вытворяет в кинематографической гостинице Збигнев Бучковский, я желал бы вообще умолчать (Gazeta wyborcza).*

Следует заметить, что в последнем случае мы могли бы употребить и глагол *промолчать*, который также в определенных контекстах указывает на целенаправленное утаивание информации:

(83) *Sam jej miałem ochotę powiedzieć, że jakby nas w czasie drugiej wojny nie okradli, tobyśmy dziś żyli jak Niemcy. Ale **zmilczałem**. Nie możemy Niemców obrażać / Сам я имел желание ей сказать, что если бы нас во время Второй мировой войны не обворовали, мы бы сегодня жили как Германия. Но я промолчал. Мы не можем немцев обижать (Gazeta wyborcza).*

Идея преднамеренного молчания в польском языке может быть реализована и единицей *przemilczeć*, имеющей широкий спектр значений, в числе которых ‘świadomie coś zataić’ (сознательно что-то скрыть), ‘nic nie odpowiedzieć na coś’ (ничего не ответить на что-либо), реализующих идею сокрытия, утаивания информации, некой недоговоренности.

Таким образом, мы можем говорить о семантической избыточности русского языка по сравнению с польским, что, несомненно, актуализирует проблему поиска соответствующей единицы, повышает роль контекста, в котором выступает тот или иной репрезентант.

(84) *Kościół katolicki ma, jak wiadomo, dwie podstawowe metody reagowania na wszelkie nieprzychylne dla siebie informacje czy niepomyślne wydarzenia. Jedna metoda to **przemilczenie**. Ale trudno jest **przemilczeć** coś, co ma kilkadziesiąt milionów nakładu w skali światowej / У католической церкви есть, как известно, два основных метода реагирования на всевозможную неблагоприятную для себя информацию или неблагоприятные события. Один метод – это **замалчивание**. Но трудно **замолчать** что-то, что имеет несколько десятков миллионов тиража в мировом масштабе (Jerzy Prokopiuk. Herezja znaczy wolność).*

(85) *Rosyjskie telewizje państwowe przemilczały falę niedzielnych protestów przeciw drastycznemu podniesieniu ceł na przywożone z zagranicy samochody / Росийское государственное телевидение замалчивало волну воскресных протестов против резкого поднятия пошлин на автомобили, которые привозились из-за границы (Gazeta wyborcza).*

(86) *Tymczasem premier do kilku z tych spraw odniósł się zdawkowo, inne zupełnie przemilczał / Тем временем премьер к некоторым из этих проблем отнесся равнодушно, другие полностью замалчивал (Gazeta wyborcza).*

(87) *Żaden kraj nie jest godny nazywać się wolnym, jeżeli choć jeden człowiek zmuszony jest do niewoli. Żadne ustawodawstwo nie może więc przemilczeć praw człowieka, żadne społeczeństwo nie może poświęcać jednego człowieka dla innych / Ни одна страна не достойна называться свободной, если хоть один человек вынужден жить в неволе. Ни одно законодательство не может, следовательно, замолчать права человека, ни одно общество не может жертвовать одним человеком для других (Kancelaria Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne z obrad Sejmu RP z dnia 21.01.1993, 1 kadencja, 35 posiedzenie, 1 dziec. Warszawa, 1993).*

(88) *Przemilczę fakt, że podróż z hotelu na dworzec z takim rozłożeniem ciężaru wydłużyła się dwukrotnie / Я умолчу о том факте, что время путешествия из гостиницы на вокзал с таким расположением груза увеличилось вдвое (Gazeta wyborcza).*

Обращение к русской и польской лингвокультурам позволяет прийти к выводу о том, что идея преднамеренного молчания в славянских языках имеет самостоятельное выражение. Русский язык в репрезентации идеи молчания избыточен по отношению, в частности, к польскому. Для русского языка 'частичность / полнота' утаиваемой информации более релевантна, чем для польского, что обуславливает фиксацию данного компонента значения самостоятельными единицами.

3.3. Национально-культурная обусловленность языковой фиксации коммуникативных действий молчащего

Итак, репрезентация молчания как деятельности человека в русском языке богата и разнообразна, даже относительно славянских языков. За каждой единицей-репрезентантом скрываются особенности русского коммуникативного молчаливого поведения. Важно, что это поведение не просто фиксировано средствами языка, оно одинаково понятно для всех участников общения – носителей русской лингвокультуры, способных *выражать и понимать без слов*.

С целью выявления национально-культурной специфики русского коммуникативного молчаливого поведения сопоставим функционирование глаголов молчания в речи носителей русской и испанской лингвокультур⁵⁶. Для достижения данной цели был проведен эксперимент, где испанским специалистам по испано-русскому переводу были предложены контексты, содержащие описание молчаливого коммуникативного поведения, с заданием обозначить испанской языковой единицей то, что делает молчащий коммуникант и его собеседник.

Эксперимент проходил на базе Гранадского университета (Испания). Всего в эксперименте приняли участие 38 специалистов-носителей испанского языка.

Далее приведены варианты соответствий, данных респондентами (см. таблицу 15).

Как мы видим, в испанской лингвокультуре молчаливое коммуникативное поведение описывается с помощью ключевых единиц *callar(se)*, *silenciar*.

Для более точной вербальной фиксации поведения носители испанской лингвокультуры используют перифрастические конструкции – сочетания служебного глагола с неличной формой, когда служебный глагол утрачивает свое лексическое значение, одновременно придавая действию, выражаемому смысловым глаголом, особый характер или оттенок [Nueva gramática, 2009], в данном случае – *estar + gerundio* ('длительность продолжительного действия'),

⁵⁶ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2015a].

quedar + participio (‘состояние, являющееся результатом действия, значимым в момент речи’), *permanecer + participio* (‘нахождение в прежнем состоянии’).

Таблица 15. Результаты эксперимента по выявлению специфики языковой фиксации молчаливого коммуникативного поведения

Контексты с описанием коммуникативного поведения молчащего	Варианты фиксации коммуникативных действий на испанском языке
(1) Он неожиданно замолчал на этой сухой и скупой фразе, но Мижуев с теплым чувством услышал за ней много больше и глубже (М. П. Арцыбашев. Миллионы).	<i>de repente se calló</i> <i>de golpe se ha callado</i> <i>se quedó callado</i>
(2) Мазарди глубоко вздохнул, словно устал от слов своих или от лет своих, помолчал и продолжил тонким голосом очень старого человека (Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха).	<i>estuvo callado</i> <i>se calló</i> <i>se quedó callado</i>
(3) И как вы думаете, стоит вам ходить туда после этого? / Я промолчал . Он пожал плечами, повернулся и ушел (Вера Белоусова. Второй выстрел).	<i>me callé</i>
(4) Басардин, на своей полковой тройке, молодецкато приехал, промолчал весь визит , потом через неделю, по приглашению той же молодой хозяйки, опять был и опять промолчал весь день (А. Ф. Писемский. Взбаламученное море).	<i>permaneció callado</i> <i>se quedo callado</i> <i>estuvo callado</i>
(5) Видимо, он знал это за собой, а потому предпочитал отмолчаться там, где другие находили удобный повод для шутки (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002).	<i>quedarse callado</i> <i>no quiso hablar</i>
(6) Уже неделю она без квартирантов, намолчалась , рвется к общению, точнее — к монологу (Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут).	<i>estuvo mucho rato callado</i>
(7) И лишь за то, что он прогрессировал, пытался сказать новое слово, только за то, что «шел своей дорогой» — его замалчивала и травила круговщина (И. В. Игнатъев. Эгофутуризм).	<i>silenciar a</i>
(8) — Есть, — торопливо созналась Евгения, умолчала только, откуда он; принес тот самый поклонник и даже не спросил для чего (Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем).	<i>silenciar a</i>

<p>(9) Она это сказала с каким-то тихим сожалением. Я похолодел от обиды, но промолчал. Ведь не станешь доказывать, что ты сегодня лучше, чем вчера, а завтра будешь лучше, чем сегодня, хотя доказывать это очень хотелось (Фазиль Искандер. Письмо).</p>	<p><i>guardó silencio</i> <i>no dijo ni una palabra</i></p>
---	---

Таким образом, эксперимент показал, что и в испанском, и в русском языках подчеркивается длительность молчаливого коммуникативного поведения (примеры 4, 6); в испанской лингвокультуре, в отличие от русской, на уровне языка не зафиксировано отличие отсутствия речевой деятельности говорящего и слушающего (ср., примеры 3, 5, 9); компонент ‘скрыть, утаить, недосказать’ реализуется ключевыми лексемами, не имеет собственной языковой фиксации (7, 8). Носители русской лингвокультуры способны не только различать в коммуникационном потоке информационное молчание, выделять момент наступления молчания, продолжительность и интенсивность степени его проявления, разграничивать молчание как контроль коммуникантов над своей речевой деятельностью, над эмоциями, молчание как преднамеренную стратегию скрыть, утаить, но и интерпретировать все состояния молчащего человека (1, 3).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Молчание – универсальная категория коммуникации. Тем не менее исследование репрезентации понятия молчания в различных языках, контекстуальный анализ функционирования глаголов молчания, экспериментальные данные позволяют сделать вывод: категория молчания в коммуникативной деятельности отличается и специфичным, формирующимся исторически под влиянием национальной культуры и религиозно-философской системы.

Так, в русской лингвокультуре идея молчания реализуется несколькими ключевыми лексемами: *молчание*, *безмолвие*, *тишина*, *тишь* и др. В древнерусском языке единица *млъчати* в своем значении имела компонент ‘не говорить’ и указывала на некую ступень к *безмълвию*, душевному успокоению, кротости, и, как следствие, к *тишине*, состоянию благости. Современная единица *молчание* семантически более узка по сравнению с единицей *тишина*. *Тишина* – отсутствие звуков вообще, *молчание* – отсутствие речи. *Тишина* – состояние и человека, и природы, и окружающего мира. *Молчание* в основном характеризует человека. Религиозно-духовная практика, отражающаяся в древнерусской парадигме *молчание* – *безмолвие* – *тишина*, повлияла на современное функционирование, сделало его более сложным, обусловило употребление слова *безмолвие* в значении ‘полное молчание’, ‘полная тишина’, а слов *тишь*, *затишье* – в значении ‘спокойствие в мире природы’, *тихость* – ‘кротость, покой в душе’.

Постепенно молчание как ‘религиозный акт’ уходит на периферию значения; умение созерцать, молчать с целью самопознания обуславливает компоненты, связанные, с одной стороны, с немногословием, неразговорчивостью как склонностью человека, с другой – со способностью выражать и понимать без слов как особенностью русского коммуникативного поведения. Для русской лингвокультуры является релевантным и молчание чувств, эмоций, волнений.

По сравнению с другими языками, в том числе славянскими, репрезентация молчания как деятельности человека в современном русском языке богата и разнообразна. За каждой единицей-репрезентантом скрываются особенности русского коммуникативного молчаливого поведения. Релевантными и, как следствие, приобретающими свою собственную языковую фиксацию, становятся следующие компоненты: ‘преднамеренное, умышленное молчание’ (*умалчивать / умолчать, умолчание; замалчивать / замолчать, замалчивание; промолчать*), ‘момент наступления молчания (*умолкать / умолкнуть, смолкать / смолкнуть, замолкать / замолкнуть, замолчать*)’, ‘сдержанность коммуникантов в речевой деятельности’ (*смолчать, промолчать*), ‘контроль коммуникантов над своей речевой деятельностью, воздержание от ответа, подавление эмоций’ (*смолчать*), ‘отсутствие ответа’ (*промолчать, смолчать*), ‘продолжительность молчания’ (*помолчать, промолчать, намолчаться*), ‘склонность к молчанию’ (*молчаливость, молчаливый*), ‘носитель признака’ (*молчун*).

Особо выделим расширенное количество компонентов, связанных с преднамеренным молчанием, где важным моментом является либо недосказанность, то есть частичное молчание, упоминание, либо пропуск – полное молчание.

Богатая языковая фиксация идеи молчания указывает прежде всего на значимость молчания для лингвокультуры и на взаимообусловленность особенностей репрезентации в языке и национального коммуникативного поведения.

Таким образом, функционируя в национальной лингвокультуре, молчание может быть уникальной константой, в которой наиболее полно отражаются и ментальная составляющая, и ее внешняя поведенческая реализация.

ГЛАВА 4. МОЛЧАНИЕ КАК ЭТНОСПЕЦИФИЧНАЯ ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

4.1. Код молчания

О важности кода во взаимодействии говорить излишне. Несовпадение кода коммуникантов делает не только факт интерпретации, но и само общение невозможным. Код – как семиотическое, так и лингвистическое понятие. В рамках данной работы мы исходим из понимания кода как «генеративно-интерпретативного начала языковой системы» [Савицкий, 2005, с. 7], имеющего особое значение при порождении текста, его восприятии и интерпретации.

Каким кодом создается молчание – материально не выраженный текст? По сути, молчание как эквивалент компонентов вербальной коммуникации – общеязыковым. Молчание в акте коммуникации может быть заменено словом, и молчаливый диалог Кроткой с героем повести может быть озвучен: «она бледно усмехнулась бледными губами, с робким вопросом в глазах (= *знаешь ты или не знаешь о ночном инциденте*) <...> Я равнодушно отвел глаза (= *не скажу*)». Молчание в структуре невербальной коммуникации состоит из невербального кода.

Обратимся к результатам социолингвистического эксперимента, который проводился в г. Ижевске и г. Гранаде (Испания) с 1.09.2014 г. по 1.09.2015. Участники эксперимента – носители русской и испанской лингвокультур (всего 92 человека). Специальной выборки по возрасту, полу, социальному положению проведено не было; релевантным считалась лишь принадлежность к той или иной лингвокультуре.

В ходе эксперимента были предложены одинаковые коммуникативные ситуации с просьбой к участникам интерпретировать молчание адресата.

Результаты показали, что для подавляющего большинства испанских респондентов молчание как ответ было не значимо, в то время как российские

респонденты связывали молчание с негативными событиями адресата (варианты ответов: *заболел, что-то случилось*) либо с негативными эмоциями (*обиделся, забыл, с глаз долой – из сердца вон, разлюбил, игнорирует, не уважает* и подобное). Интересно, что в ситуации «Ваш близкий человек прилетел на самолете и не позвонил, не сообщил о благополучном приземлении» российские респонденты выдвигают версии: *«что-то случилось; прилетел ли; все ли там в порядке»*, а испанские респонденты отвечали: *«значит, все хорошо, было бы плохо, уже сообщили бы»*.

Для испанцев информация должна быть проговорена, материализована, непроговоренное, несказанное не несет информации. Для носителей русской лингвокультуры информативно и молчание. Информация конструируется, исходя из общего культурно-коммуникативного опыта (молчание сопровождается обидой; или принято отвечать, предупреждать, иначе будут беспокоиться и др.), из общего информационного поля (самолеты падают, авиакатастрофы часты в современном мире, возможны теракты и др.). **Молчание, его восприятие и интерпретация напрямую связаны с типом культур, в частности высоко- и низкоконтекстуальностью.**

Эксперимент не предполагал заданных вариантов ответа. Тем не менее, несмотря на разницу в возрасте, социальном статусе, половой принадлежности, респонденты предлагали стереотипные варианты интерпретации молчания. Различие в интерпретации носило, скорее, оценочный характер (см. таблицу 16).

Таким образом, на интерпретацию молчания влияет код, общий для всех участников коммуникативного взаимодействия. Как показал эксперимент, основной код молчания как текста – *код не только вербальный / невербальный, но и культурный*⁵⁷, то есть заключающий в себе специфику национальной лингвокультуры, формирующейся исторически под воздействием множества факторов, отражающей ментальные особенности, выраженные в языке. В этом смысле становятся менее значимы такие компоненты коммуникативной ситуации,

⁵⁷ О кодах культуры и их влиянии на концептуализацию см., например, [Пименова, 2007].

как конкретные время, условие, место коммуникативного контакта, индивидуальные характеристики адресата⁵⁸. Культурный код предполагает некую стереотипизацию, то есть «устойчивое представление о каких-либо явлениях или людях, свойственных представителям той или иной группы» [Казаринова, 2000, с. 17].

Таблица 16. Результаты эксперимента

<i>Ситуация 3. Вы отправили сообщение знакомому с благодарностью за гостеприимство и пожеланием встретиться еще раз. Знакомый Вам не ответил.</i>				
1. Сколько времени Вы бы ждали от него ответа?				
2. Какие чувства Вы бы испытывали в процессе ожидания?				
3. Через какое время ожидания Вы бы начали испытывать эти чувства?				
4. Что могло бы означать отсутствие ответа?				
Испанские респонденты	Российские респонденты			
	Женщины (до 30 лет)	Женщины (старше 30 лет)	Мужчины (до 30 лет)	Мужчины (старше 30 лет)
1) минут 5, потом забыл (а); 2) никаких; 3) --; 4) ничего / некогда и др.	1) в течение дня смотрела телефон; 2) беспокойства; 3) минут через 10 (мог бы уже написать); 4) наверное, обиделся.	1) смотрела несколько раз; 2) беспокойства, обиды (ну и ладно! Не хочет как хочет); 3) минут через 30; 4) обиделся на что-то / не хочет.	1) день; 2) никаких, отметил как факт; 3) когда понял, что не ответил; 4) телефон забыл (зарядку забыл) / обиделся.	1) день; 2) никаких / неприятно / отметил как факт; 3) когда понял, что не ответил; 4) что-то случилось / заработался / телефон забыл (зарядку забыл) / обиделся.

⁵⁸ Интересно сравнивать коммуникативное поведение испанских и российских студентов, обучающихся по обмену. Традиционно студенты встречаются с руководством университета по окончании срока обучения. Испанские студенты детально проговаривают все, что их не устроило в той или иной программе и проживании в студгородке. Можно было засвидетельствовать некий коммуникативно-когнитивный дисбаланс, когда ректору Удмуртского университета стали выговаривать по поводу наличия тараканов в студенческих общежитиях. И, с другой стороны, российские студенты, испытавшие трудности обучения в Гранадском университете, выстраивают свою речь на основе благодарности за опыт, который получили. Дело не в том, что благодарность не является чертой испанцев, просто место (деканат, ректорат), статус собеседника (декан, ректор), время (торжественность делового приема) не позволяют носителям русской коммуникативной культуры говорить о столь незначительных проблемах конкретного человека. Все эти несущественные детали обходятся молчанием. Они проговорятся только своим или собеседникам, не столь статусным.

В стереотипах отражается общественный опыт, общее и повторяющееся в повседневной жизни, многократное повторение однообразных коммуникативных ситуаций.

4.2. Молчание как знак

Общепризнано, молчание – нулевой знак. Рассмотрим, каким знаком способно выступать молчание.

Еще Ф. де Соссюр в контексте изучения знакового характера языка рассматривал соотношение естественных и неестественных (условных) знаков. Языковой знак – условный знак; «слово есть условный знак, принятый миллионами» [Почепцов, 2001, с. 52]. Условные знаки отличаются от естественных намеренностью, интенциональностью.

4.2.1. Молчание как условный знак

Молчание как неестественный знак – знак, наделенный интенциональностью. Однако определить, намеренно молчит коммуникант или ненамеренно, не всегда просто.

Интенция формируется на уровне психики, сама по себе не имеет внешнего выражения, и сложно найти ответ, что послужило причиной молчания: психологический фактор или это продуманное коммуникативное действие, полностью контролируемое молчащим.

В лингвистике предпринимались попытки решить данную проблему. Так, Д. Курзон сводит интенциональное молчание к формуле «я не скажу». Дж. Версейрен изучает коммуникативные ситуации, когда человек молчит:

- 1) не склонен говорить в силу темперамента, характера;
- 2) не может решить, что говорить дальше (неуверенность);
- 3) не способен говорить от изумления, горя и других сильных эмоций;

- 4) не знает, что сказать;
- 5) забыл, что хотел сказать;
- 6) молчит, потому что говорят другие;
- 7) что-то скрывает;
- 8) он равнодушен к предмету разговора [Verschueren, 1999].

Однако даже в конкретной ситуации мы не всегда можем точно определить, намеренно человек отказывается от говорения или нет. Так, молчание в ситуации 1 может быть сведено как к формуле «я не могу говорить» (неинтенциональное), так и к формуле «я не хочу говорить» (интенциональное). С. Миллер [Miller, 1993] рассматривает смущенное молчание, обращая внимание на зыбкость границы между проявлением истинного внутреннего волнения и некой принятой на себя роли.

На наш взгляд, интенциональность молчания будет очевидной, если есть возможность найти материально выраженную альтернативу (общая формула «я не скажу» может быть обусловлена «я не знаю», «я не могу» и др.).

(1) *Когда я появился, она (Анна Андреевна) приняла было меня с недовольной и холодной складкой в лице, едва цедила сквозь зубы и не показывала ни малейшего любопытства, как будто чуть не проговорила: «Зачем пришел? Охота тебе, батюшка, каждый день шляться»* (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Такая конкретизация акта «я не скажу» возможна благодаря тому, что информация адресатом-носителем русской лингвокультуры может считываться из целого коммуникативного контекста, в частности благодаря невербальным элементам, сопровождающим молчание: выражение глаз, взгляд, мимика, жесты, положение тела. В примере (1) о досаде, недовольстве, что герой пришел так поздно, говорят холодная складка в лице Анны Андреевны, стремление не показать свое любопытство, даже манера говорить – цедить сквозь зубы.

Наташа, героиня повести Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», испытывая душевные муки, ведет свой бессловесный диалог, где каждая молчаливая реплика понятна герою:

(2) – *Наташа, Наташа! Что ты делаешь? Воротись! Опомнись!*

Она молчала; наконец, взглянула на меня как будто с упреком, и столько пронзительной боли, столько страдания было в ее взгляде, что я понял, какой кровью и без моих слов обливается теперь ее раненое сердце. Я понял, чего стоило ей ее решение и как я мучил, резал ее моими бесполезными поздними словами; я все это понимал и все-таки не мог удержаться себя и продолжать говорить:

– Да ведь ты же сама говорила сейчас Анне Андреевне, может быть, не пойдешь из дома... ко всенощной. Стало быть, ты хотела и остаться; стало быть, не решилась еще совершенно?

Она только горько улыбнулась в ответ. И к чему я это спросил? Ведь я мог понять, что все уже было решено, невозвратно. Но я тоже был вне себя.

– Неужели ж ты так его полюбила? – вскричал я, с замирающим сердцем смотря на нее и почти сам не понимая, что спрашиваю.

– Что мне ответить тебе, Ваня? Ты видишь! (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Как и в примере (1), мы можем вслед за героем, исходя из общего коммуникативного контекста, восстановить, то есть вокализовать молчание Наташи (см. таблицу 17).

Рассмотрим, может ли молчание, замещающее невербальные элементы, быть интенциональным молчанием?

Молчание вместо невербальных элементов чаще всего вызвано сильными эмоциями, имеет своей причиной психологический фактор. Однако, как уже было сказано, молчание, интенциональное или психологически обусловленное, разграничить очень сложно, так как сама интенция – явление сугубо психологическое. Можно сказать, что пауза в речевом потоке, взятая говорящим с целью воздействия (риторическая пауза), а не в силу замешательства, эмоционального волнения и др., – интенциональное молчание. Молчание, функционирующее вместо параязыковых элементов, может быть вызвано не только сильными эмоциями, но и реализовать интенцию – не дать выдать себя ни

звучом, не проявить себя, несмотря на сильное эмоциональное состояние, не показать чувств, эмоций, боли. В этом случае мы также имеем дело с молчанием как знаком, наделенным интенциональностью.

Таблица 17. Вокализация молчания

<i>Нулевой текст Наташи</i>	<i>Интенция</i>	<i>Вокализация</i>
Она молчала; наконец, взглянула на меня как будто с упреком, и столько пронзительной боли, столько страдания было в ее взгляде, что я понял, какую кровью и без моих слов обливается теперь ее раненое сердце.	– нежелание обсуждать – упрек – информация о своем состоянии	<i>‘Не хочу это обсуждать. Зачем ты делаешь мне больно? Ты же видишь, как я страдаю’.</i>
Она только горько улыбнулась в ответ. И к чему я это спросил? Ведь я мог понять, что все уже было решено невозвратно. Но я тоже был вне себя.	– информация о сложности принятия решения – бесполезность разговора	<i>‘Мне очень трудно далось это решение’ ‘Зачем ты спрашиваешь об этом? Я уже все решила’.</i>

(3) *Моя Настенька так оробела, так перепугалась, что, кажется поняла, наконец, что я люблю ее, и сжалилась над моей бедной любовью <...>.*

– *Знаете ли Вы, отчего я так рада?* – сказала она, – *так рада на вас смотреть? так люблю вас сегодня?*

– *Ну?* – спросил я. *И сердце мое задрожало.*

– *Я оттого люблю вас, что вы не влюбились в меня. Ведь вот иной, на вашем месте, стал бы беспокоить, приставать, разохался бы, разболелся, а вы такой милый!*

Тут она так сжала мою руку, что я чуть не закричал. Она засмеялась (Ф. М. Достоевский. Белые ночи).

(4) – *Где была? Говори! Кому, семя крапивное, жаловалась, кому на меня доносила? Говори, цыганка, маска привозная, говори!*

И в исступлении она бросилась на обезумевшую от страха девочку, вцепилась ей в волосы и гранула ее оземь. Чашка с огурцами полетела в сторону и разбилась; это еще более усилило бешенство пьяной мегеры. Она била свою

жертву по лицу, по голове; но Елена упорно молчала, и ни одного звука, ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она, даже под побоями. Я бросился на двор, почти не помня себя от негодования, прямо к пьяной бабе (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

Таким образом, молчание, наделенное интенцией, – неестественный (условный) знак. Интенциональным выступает как молчание, замещающее в коммуникации вербальные элементы и невербальные (параязыковые). Критерием выделения интенционального молчания является его материально выраженный аналог (речевая или параязыковая альтернатива). Молчание как неестественный знак разворачивается в акте.

4.2.2. Молчание как естественный знак

1. Молчание, не наделенное преднамеренностью, функционирует в коммуникации как естественный знак. Как было рассмотрено ранее, к неинтенциональному молчанию относится аффектное молчание, вызванное сильными эмоциями. Неинтенциональное молчание, связанное с психическим состоянием человека, может иметь внешние проявления: изменение цвета лица, излишние движения (суетливость, отведение глаз, дрожь) либо полную неподвижность. Неинтенциональное молчание неподвластно коммуниканту, субъект не может управлять данным состоянием.

Традиционно считается, что непосредственной причиной неинтенционального молчания является только психологический фактор, несводимый к материально выраженной формуле. Однако анализ текстов позволяет прийти к выводу – неинтенциональное молчание может быть ответом на агрессивное поведение субъекта, это вынужденная реакция на речевую агрессию. Так, к такому типу молчания относится молчание принудительное. **Принудительное молчание** – молчание, когда молчащий вынужден принять предписанную ему коммуникативную роль, так как лишен права на достижение

своих намерений и целей (Кроткая). Адресат принимает чуждые ему условия общения, его речевое поведение выстраивается в соответствии с коммуникативным планом адресанта. Это результат насилия, агрессии, когда вместе с вторжением в коммуникативное пространство адресата происходит и ломка пространств когнитивного, аксиологического.

Принудительное молчание следует отличать от *молчания вынужденного*, когда адресат вынужден принимать на себя роль молчащего в силу сложившихся обстоятельств (например, не звонить, не запрашивать информацию, т. к. подошли сроки); от *молчания, регламентированного* определенными конвенциями, дискурсивной практикой (молчание слушающего или молчание адвоката, дипломата). Регламентированное молчание – сознательный выбор субъекта (слушать, а не перебивать). И вынужденное, и регламентированное молчание подконтрольны субъекту, обладают интенцией.

2. Неинтенциональное молчание может быть обусловлено культурно, быть частью традиции. Как коммуникативный стереотип, молчание может отличаться устойчивостью, неосознанностью. С таким молчанием мы сталкиваемся в произведении Л. Андреева «Герман и Марта».

В Мецикюлях жители испокон веков жили по одним и тем же правилам, по строгим законам природы и маленькой общины. Как и сама природа, как и *молчание зеленых мхов, безгласность снега и глубокая тишина невысоких небес*⁵⁹, люди отличались молчаливостью и скрытностью: законы предков они принимали безоговорочно, считая их естественными, а поэтому правильными, не подлежащими обсуждению. Люди *не должны кричать и жаловаться*.

И вдруг эти многовековые устои были нарушены необыкновенной любовью Марты Иконен и Германа Метанена. Необыкновенной, потому что обыкновенно любовь приходит к молодым, здоровым, а для тех, кому за пятьдесят лет, это

⁵⁹ Здесь и далее цитирование по (Андреев Л. Н. Марта и Герман. – URL : <https://www.litres.ru/leonid-andreev/german-i-marta/chitat-onlayn/> (дата обращения: 09.09.2017))

чувство и желание венчаться противоестественны. Не случайно заключать брак пожилые могут только с разрешения детей. Для всех жителей в Мецикюлях, и в соседнем Выборге было *естественно*, что решили пожениться дети Марты и Германа Вилли и Тильда, но *не естественна* в своей бессмысленности любовь стариков, и никто даже не обсуждал эту ситуацию, все молчали, потому что все было понятно: нечего обсуждать. Попытки влюбленных доказать свое право на любовь, встретить сочувствие хотя бы *по соседям* кончились ничем – *соседи тоже молчали*. Говорили только сами Марта и Герман. Впервые в жизни им стали непонятны эти общие правила, и Марта все хотела узнать, *почему нельзя*, а Герман страшно и громко ругался, бунтовал, добивался: *«Мы еще посмотрим!»*. Но безрезультатны были все попытки разрушить общее молчание, вызванное общим знанием, как следует жить, а как нет. Не нарушила молчание даже смерть Марты: *всё молчало*, все было, как всегда, как обычно, «и снег был бел даже в темноте, а избы и заборы черны, чернее же всего было небо». Удивляло жителей только одно, почему Марта утопилась зимой, ведь все знают, что зимой «гаснет всякая любовь».

Молчание жителей Мецикюли информативно. Это знак того, что все идет по порядку, как надо, по законам. Все, что принято, воспринимается *безоговорочно, молча*. Произнесенное слово свидетельствует о нарушении нормы.

3. Описывая летнюю финскую ночь, восприятие этой тишины финнами, ученые Л. Якко и С. Кари отмечают, что информативным может быть не только молчание человека, но и молчание природы – тишина. Восприятие молчания, его интерпретация культурно обусловлены [Jakko, Kari, 1997]. То, что является просто «отсутствием звуков, ничем» для носителей одной лингвокультуры, для носителей другой – это знак. Знаковым является и тишина природы, и тишина в момент медитации (Диалог с Богом или самим с собой), то есть рассматривать молчание возможно только относительно координат культурной и религиозно-философской систем. Как было доказано ранее, релевантным становится факт презентации идеи молчания в том или ином языке. Язык обозначает то, что важно для той или иной культуры и на что способна та или иная культура.

В русской лингвокультуре, несомненно, знаковой является тишина, безмолвная тишина.

Безмолвная тишина. На страницах русской литературы она *стоит, царит*, ее трудно чем-либо *нарушить*. В русском языковом сознании безмолвная тишина соотносится с глубокой, абсолютной тишиной, когда природа застывает в своей неподвижности, статичности, подчеркивая мимолетность настоящего, непостоянство (*Все замерло в безмолвной тишине*). Безмолвная тишина подчеркивает незначительность человека по сравнению с миром природы, его малость, поэтому звуки, издаваемые человеком, лишь тонут в безмолвной тишине. От безмолвной тишины *захватывает дух, восторг наполняет душу человека*. От нее *веет прохладой вечности*. Безмолвная тишина может *внести покой в душу человека*, а может и *насторожить, вызвать чувство беспричинного страха*. Безмолвная тишина – это концепт в концепте, отражающий все тысячелетнее познание человеком феномена тишины и молчания. Мы не можем сказать *молчаливая тишина, молчаливое безмолвие, тихое безмолвие, безмолвное молчание*. Для носителей русской лингвокультуры это лишено смысла, это избыточно. Безмолвная же тишина понятна, вызывает множество ассоциаций, безмолвная тишина знакова для носителей русской культуры.

Таким образом, молчание природы может быть знаково в координатах той или иной культуры. Молчание природы – естественный знак в русской лингвокультуре.

4. Таким образом, в системе знаков молчание может относиться как к естественному знаку, так и к неестественному. Коммуникативно значимое молчание функционирует как неестественный знак. Молчание как нулевой знак способно замещать другие, материально выраженные, знаки. В зависимости от вербального или невербального кода молчание является структурным элементом как вербальной, так и невербальной коммуникации. В речевой деятельности, направленной не на общение, а на познание, например, самого себя (внутренняя речь), теряет свою знаковость. Поскольку молчание способно быть воспринято

адресатом и адекватно им интерпретируемо только в максимально широком по охвату коммуникативных ходов взаимодействии, обозначим коммуникативно значимое молчание как знак коммуникативный, который мы определяем **как знак, функционирующий в человеческой коммуникации, обладающий свойством быть воспринятым и интерпретируемым носителем той или иной лингвокультуры.**

Анализ показал, что в русской лингвокультуре молчание не только входит в структуру коммуникации, но и является значимой культурной константой, что и обуславливает специфику молчания и его роль в русском коммуникативном взаимодействии. Русское молчание – и знак культуры, что дает нам право обозначить **молчание как поликодовый текст.** Под поликодовым текстом, вслед за другими учеными, мы понимаем текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами [Анисимова, 1992; Богданов, 1978; Ивашина, 1991 и др.].

4.3. Молчание как лингвокогнитивная категория

Молчание характеризует человеческое общение в целом. Как универсальная категория коммуникации, молчание многозначно, полифункционально, оно может выступать как эквивалент других коммуникативных элементов, может и не иметь альтернативы, создавая определенный коммуникативный ритм говорящего (пауза).

Однако обращение к русской языковой культуре расширяет взгляд на молчание, традиционно определяемое лишь как структурный элемент взаимодействия. Молчание – одна из значимых констант национального самобытия, что и находит отражение в русском языке, исторически складывающемся под воздействием различных факторов, прежде всего средневековой религиозной философии. Невыраженность молчания по сравнению со словом в русской лингвокультуре никогда не рассматривалась как ущербность. Напротив, в сложившихся условиях молчание было сопряжено, с одной стороны, с

внутренним миром человека, как правило, более богатым, нежели внешний; с другой – с осознанием принципиальной невыразимости высшего бытия. Вследствие этого молчанию приписывается высочайший коммуникативный статус, так как именно оно способно преодолеть «вербальную невыразимость некоторого содержания» (В. В. Богданов). Не случайно почти все русские писатели, когда-либо обращавшиеся к описанию русской души, говорили о феномене молчания (см., например, хрестоматийное некрасовское «А там, во глубине России – // Там вековая тишина», где тишина эквивалентна молчанию). Молчание изначально наделено в «истории государства Российского» более высоким значением, нежели слово. Вспомним строки из стихотворения Анны Ахматовой: «Настоящие слова прячутся под языком». Носители русского языкового сознания способны обходиться без слов, что обуславливает развернутую языковую репрезентацию самых разнообразных способов выражения молчаливого коммуникативного поведения.

Русское молчание шире, чем его прагматика: оно полностью раскрывает свой потенциал только в координатах культуры в целом. Это и дает основание обозначить молчание как категорию лингвокогнитивную, отражающую особенности восприятия и интерпретацию молчания носителями определенной лингвокультуры.

Лингвокультура – «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура, явленная нам в языке и через язык» [Красных, 2013, с. 10]. Этнокультурная специфика фактов языка и коммуникации является частотным предметом исследования [Воробьев, 2008; Зализняк, 2005; Колесов, 2004; Степанов, 2001; Федяева, 2019; Уфимцева, 2011; Харченко, 2020; Шмелев, 2002 и др.]. Лингвокультура носителя непосредственно связана с процессом категоризации, «особым образом организованным, разноаспектным и многоуровневым динамическим процессом получения информации из окружающей среды и ее структурирования в человеческом сознании в виде лингвокогнитивных категорий» [Дзюба, 2018, с. 206]. Понятие «категория» носит выраженный междисциплинарный характер. В когнитивно-

дискурсивной парадигме это базовая ментальная единица языка, содержащая информацию высокой степени обобщения [Кубрякова, 1996]. Выделяются различные типы и виды категорий в языке [Болдырев, 2006, 2014; Дзюба, 2015; Зенина, 2012; Стернин, 2001; Шаманова, 2008 и др.]. Связь категории с процессом познания реальности обусловили интерес ученых к лингвокогнитивным категориям; отдельным предметом исследования рассматривается категория коммуникативная, которая, по мнению многих исследователей, ограничена речевой деятельностью: коммуникативная категория упорядочивает знание об общении, речи [Попова, Стернин, 2002], ее содержание осуществляется в виде отдельного речевого действия [Дементьев, 2006; Горбачева, 2006].

Молчание с выраженной ментальной и этноспецифической составляющими, отражающимися в поведении носителей, сложнее по структуре и содержанию, чем коммуникативная категория. Категорию молчания, лингвоментальную единицу, максимально полно раскрывающую национальную специфику информации, сочетающую в себе разноуровневые компоненты, реализующиеся в языке и коммуникации, обозначим лингвокогнитивной категорией. Опираясь на опыт ученых [Абишева, 2013; Болдырев, 2006; Горбачева, 2006; Кубрякова, 2010; Лакофф, 2004; Шаманова, 2008], выделим релевантные признаки категории молчания. Под категориальными признаками понимаем «такие существенные характеристики объекта реального / ирреального мира, которые позволяют причислить познаваемый человеческим сознанием феномен к подобным ему объектам и наделить его общим для объектов данной группы родовым именем (т. е. именем категориальным)» [Дзюба, 2018, с. 213].

К категориальным признакам молчания относим следующие. В русской лингвокультуре категория молчания:

- обладает традиционной ментально-исторической неповторимостью;
- отличается выраженной лексико-семантической и эмоционально-оценочной эксплицированностью;
- имеет развитую систему категориальных имен-репрезентантов, культурно обусловленных;

– представляет собой уровневую систему, элементы которой выстраивают определенную иерархию: она состоит из концептов, имеющих в свою очередь развитую лексическую объективацию в русском языке (*безмолвие, тишь, тишина, безмолвная тишина, пустота, ничто* и др.), и в то же время является элементом метакатегорий (*человек, духовность, общение, вера, Бог* и мн. др.);

– формируясь под воздействием многих факторов, обладает высокой степенью абстракции, обобщения; отличается многоплановым проявлением как на коммуникативном уровне, так и на аксиологическом, когнитивном;

– характеризуется общеизвестностью; статична, устойчива.

Таким образом, молчание является **сложным многоструктурным образованием. Разворачиваясь в коммуникации как нулевой коммуникативный знак, имеет глубокую национально-культурную обусловленность, что оказывает влияние и на выбор субъекта речи в сторону молчания, и на его восприятие (фиксацию) реципиентом, его интерпретацию. Молчание в координатах национальной культуры и коммуникации – поликодовый текст, состоящий из общеязыковых и культурных кодов. Молчание – лингвокогнитивная категория, обладающая релевантными категориальными признаками.**

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 4

Молчание в коммуникативном взаимодействии отличается многоплановым проявлением.

Молчание характеризуется сложной кодовой принадлежностью: это сочетание языкового / неязыкового (невербального) и культурного кодов, заключающих в себе специфику лингвокультуры. Именно поэтому молчание способно быть воспринятым адресатом и адекватно им интерпретируемым только в культурно обусловленном и максимально широком по охвату коммуникативных ходов взаимодействии, что позволило обозначить молчание как коммуникативный знак.

В системе знаков молчание может относиться как к естественному знаку, так и к неестественному.

Как неестественный знак в структуре вербальной коммуникации молчание характеризуется интенциональностью. Критерием выделения подобного молчания является возможность реконструировать материально выраженный аналог. В структуре невербальной коммуникации интенциональное молчание указывает на ситуацию, когда субъект сознательно отказывается от невербальных элементов в пользу молчания с целью скрытия информации.

В контексте национальной языковой культуры молчание может быть больше, чем его прагматика и функционировать как естественный знак.

В русской лингвокультуре молчание проявляет себя не только на коммуникативном уровне, но и на аксиологическом, когнитивном. Специфика молчания в русском коммуникативном взаимодействии – его выраженная национально-культурная обусловленность. В координатах русской культуры информативно молчание природы, человека, даже если он не вовлечен во взаимодействие (опустошенное молчание), поскольку способность носителя ‘выражать и понимать без слов’ формировалась и культивировалась исторически, способствовала разнообразному проявлению молчания на уровне общения.

Молчание – сложное по своей структуре коммуникативно-культурное образование, характеризующееся поликодовостью, отличающееся высокой степенью обобщения культурной информации, которая раскрывается как в ходе коммуникативного взаимодействия, так и вне его. Исходя из этого, определим статус молчания. Молчание – это лингвокогнитивная категория, обладающая специфическими категориальными признаками; это лингвоментальная единица высокой степени абстракции и обобщения, максимально полно раскрывающая национальную специфику информации, сочетающая в себе разноуровневые компоненты, реализующиеся в языке и коммуникации.

ГЛАВА 5. МОЛЧАНИЕ В СТРУКТУРЕ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

5.1. Теория речевого поведения и молчание: опыт исследования

Молчание с его способностью выступать эквивалентом как вербально-вокализованных элементов, так и невербальных исследовалось в рамках изучения коммуникативного поведения, которое, помимо речевых элементов, включает в себя и неязыковые: жесты, интонацию, темп, громкость голоса и др. (см., например, [Прохоров, Стернин, 2002]). Толкование «коммуникативного поведения как совокупности норм и традиций общения определенной группы людей, определенной лингвокультурной общности» [Стернин, 2000, с. 4] обусловило исследование молчания с точки зрения его этнокультурной специфики [Меликян, 1998, 2000; Носова, 2008; Стернин, Прохоров, 2006 и др.].

Речевое поведение – частотный предмет современной лингвистики [Воронцова, 2006, 2012, 2016; Иссерс, 2008; Ларина, 2004, 2005; Матвеева, 2003; Харченко, 2003, 2016; Формановская, 2002 и др.]. Несмотря на это, термин «речевое поведение» до сих пор не имеет однозначной интерпретации (см., например, [Винокур, 1993; Дридзе, 1980; Леонтьев, 2007; Chomsky, 1967; Leigland, 2007; Normand, 2001; Skinner, 1957; Wolfson, 1988] и др.). Е. В. Ключев понимает под речевым поведением «совокупность конвенциональных (осуществляемых в соответствии с правилами) и неконвенциональных (осуществляемых по собственному произволу) речевых поступков, совершаемых индивидом или группой индивидов» [Ключев, 2002, с.15]; мотивированность поведения субъекта речи подчеркивается и в определении И. Н. Борисовой: это «эмпирически наблюдаемая мотивированная, намеренная, адресованная коммуникативная активность индивида в ситуации речевого взаимодействия, связанная с выбором и использованием речевых и языковых средств в соответствии с коммуникативной задачей» [Борисова, 2001, с.190].

В рамках данного исследования, вслед за Т. А. Воронцовой, под речевым поведением понимается «целенаправленный, мотивированный, преимущественно контролируемый (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) процесс» [Воронцова, 2006, с. 29].

Одним из основных направлений современной теории речевого поведения является вопрос его типологии. В самом общем виде речевое поведение носит конструктивный либо деструктивный характер. В основе более детальной классификации лежит понятие коммуникативного пространства [Воронцова, 2009; Гаспаров, 1996; Муравьева, 2004; Почепцов, 2001; Сусов, 2006; Шарков, 2002 и др.], способы формирования которого и определяют основные типы поведения [Воронцова, 2012].

Создавая и контролируя пространство, говорящий «либо трансформирует коммуникативное пространство адресата в соответствии с собственной картиной мира, представлениями, оценками и т. д., либо эксплицирует собственные представления и оценки, не стремясь при этом существенно изменить представления и оценки адресата, либо создает общее с адресатом качественно новое для себя и для него коммуникативное пространство» [Воронцова, 2012, с. 570]. В соответствии с данными установками адресанта основные типы речевого поведения обозначаются как *агрессия*, *толерантность* и *вежливость*.

Агрессия чаще всего является предметом социопсихологических исследований [Bandura, 1961; Buss, 1961; Infante, 1996 и др.]. В лингвистике речевая агрессия достаточно полно и системно описана в трудах Т. А. Воронцовой (см. также [Басовская, 2004; Загидуллина, 2011; Михайлова, Федяева, 2018; Шаронов, 2004] и др.). Из релевантных признаков выделим следующие. На уровне интенции субъекта речи характеризует «выражение негативного отношения к кому-либо» и «установка на субъектно-объектный тип общения с адресатом (коммуникативное доминирование)» [Воронцова, 2006, с. 84].

На уровне речевого взаимодействия агрессия проявляется в стремлении захватить коммуникативную инициативу, присвоить приоритетное «право на речь». Адресант при помощи различных смысловых и структурно-смысловых

способов осуществляет вторжение в речевое пространство адресата, то есть стремится навязать собственный сценарий коммуникации, не считаясь с интересами собеседника [там же, с. 85]. На языковом уровне говорящий осуществляет отбор средств, при котором релевантными являются не столько отдельные языковые и речевые единицы (негативная эмоционально-окрашенная лексика, грубо-просторечные слова, жаргонизмы и др.), сколько цель и особенности их употребления [там же]. Молчание рассматривается как средство агрессии, наряду с другими, как сильная коммуникативная позиция ухода от конфликта. Отметим, что отдельных работ, посвященных исследованию молчания как речевому маркеру агрессии, нет.

К конструктивному типу речевого поведения, оптимальному типу общения, отличающемуся стремлением коммуникантов к взаимодействию, гармоничному общению, относятся вежливость и толерантность [Кастлер, 2004; Формановская, 2002; Ларина, 2003, 2004, 2005 и др.].

Вежливость имеет богатую историю исследования, начиная с теорий Р. Лакоффа, В. Грайса. С. Левинсона, П. Браун и др. [Грайс, 1985; Brown, Levinson, 1987; Goffman, 1967; Lakoff, 1975]. Традиционно вежливость изучается как речевая стратегия, направленная на сохранение лица (public self-image face) участников общения, как непрямые речевые акты, как этикет, как социо- и этнокультурно обусловленная коммуникация, как условие гармоничного диалога [Dunn, 2011; Kadar, Naugh, 2013; Henningsen, 2017; Metts, 2009; Mills, 2003; Spencer-Oatey, 2008 и др.]. В отечественной лингвистике отметим работы [Азнабаева, 2005; Балакай, 2002; Дементьев, 2001; Ларина, 2003; Тахтарова, 2010 и др.].

П. Браун, С. Левинсон разграничивают вежливость на два типа: позитивную и негативную [Brown, Levinson, 1987]. Позитивная вежливость направлена на солидарность и единение коммуникантов, что выражается в проявлении внимания и интереса к слушающему, создании атмосферы внутригрупповой идентичности. В основе негативной вежливости лежит свобода человека как абсолютная ценность, реализующаяся в общении как использование косвенных речевых актов,

смягчающей модальности, формул имперсонализации (пассивных и безличных конструкций, неопределенно-личных местоимений) и др. [там же].

В целом в исследовании вежливости можно выделить два направления: узкое, когда вежливость рассматривается как этикет, и широкое, предполагающее эффективное бесконфликтное общение, кооперативно-конформный коммуникативный стиль [Ларина, 2004], отличительной чертой которого является «ярко выраженная ориентированность на партнера по коммуникации» [Ларина, 2005, с. 251]. Вежливость характеризуют коммуникативный оптимизм, демонстрация на позитивное общение, эмотивность, преувеличенный интерес, симпатия к собеседнику, коммуникативные поддержки и др. [Воронцова, 2009, 2016; Ларина, 2004, 2005; Романова, 2009]

Изучение *толерантности* в современной науке носит выраженный междисциплинарный характер [Власова, 2009; Зобов, 2011; Кирвель, Стрельченко, 2012; Мириманова, 2004 и др.]. Как специальный термин, данная единица функционирует в медицинском, психологическом, педагогическом и других видах дискурса. В социологии и философии толерантность – это то, что противопоставлено насилию (ср., интолерантность – агрессия, конфликт) [Круглова, 2011; Власова, 2009; Третьяков, 2011; Хомяков, 2005]. В социокультурном контексте европейского общества толерантность связана со свободой, с правами человека, с уважением инакомыслия, веротерпимостью; с готовностью самоизменяться [Власова, 2009; Мириманова, 2004], достигать взаимопонимания и взаимодействия в процессе диалога [Перцев, 2003]. В работах [Михайлова, 2005; Круглова, 2011] толерантность рассматривается как новый тип сознания современного человека, показатель интеллектуального уровня и духовной зрелости общества (гносеологический подход) [Юровский, 2004]; как ценности человеческого сосуществования с иным (аксиологический подход); как степень признания власти политического плюрализма (политологический подход) [Михайлова, Павлова, 2008]. В лингвистике ученые выделяют лингвокультурный подход (толерантность как концепт) [Аболин, 2009; Михайлова, 2005; Романова, 2015; Стерин, Шилихина, 2001], коммуникативно-прагматический. Так,

толерантность является основным принципом коммуникативного кодекса, выраженного в уважении к собеседнику, признании его интересов [Стернин, Шилихина, 2000; Третьякова, 2011]. Единица «толерантность» функционирует в лингвистическом дискурсе как антоним единицы «конфликтность» в значении «кооперативное общения», «конструктивное взаимодействие» [Непшекуева, 2006], входит в смысловой объем понятия коммуникативной политкорректности [Романова, 2015]. Толерантность – это и особый тип речевого поведения, нацеленный на сохранение коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата [Воронцова, 2006]. Подобная многозначность приводит к размытости содержания данной терминологической единицы в лингвистике⁶⁰, что актуализирует ее отдельное осмысление, уточнение границ.

Что касается исследования молчания в определенных типах речевого поведения, то отметим работы [Гойхман, Надеина 2009], где молчание рассматривается как обязательный элемент слушания. В. И. Карасик связывает нормы вежливости с объемом выражаемой и невыражаемой информации. Наряду с этикетными формулами общения, смягчением категоричности, демонстрацией уважения, вежливо умолчать о том, что табуировано в лингвокультуре, и о том, что не относится к теме диалога [Карасик, 1992].

В целом, не применительно к определенному виду речевого поведения, молчание способно демонстрировать «отказ от совершения очередного высказывания, т. е. нулевой поступок» [Демьянков, 1989, с. 43]. Подобное умышленное коммуникативное рассогласование может рассматриваться как проявление коммуникативной инициативы [Tannen, 1990; Jaworski, 1993]. Данное речевое поведение «моделирует сильного собеседника» [Почепцов, 2001, с. 158] и приписывает ему более высокий статус (мнимый или реальный). Молчание может быть знаком отказа от неудобной темы, неприемлемого стиля общения и т. д. [Макаров, 2003, с. 218].

⁶⁰А. В. Рязанов [2007] называет толерантность размытой универсалью.

5.2. Молчание в бытовом общении

5.2.1. Социолингвистический эксперимент: описание

С целью исследования функционирования молчания в структуре различных видов речевого поведения обратимся к бытовому общению. Отметим, что исследование речевых маркеров проводилось в лингвистике в основном на публичном общении. Одной из особенностей публичного дискурса является низкая доля материально невыраженного (нулевого) текста: общение со множественным адресатом требует, во-первых, подготовленности (преобладает подготовленный текст над спонтанным), во-вторых, максимальной проговоренности, в отличие от межличностного общения, когда молчание, благодаря широкому коммуникативному контексту, может быть информативно.

Бытовая коммуникация отличается спонтанностью, неподготовленностью, персонифицированностью, то есть максимально выражает индивидуальные качества каждого коммуниканта, с одной стороны, с другой – бытовое общение культурно обусловлено. В отличие от институционального общения, регулируемого различными конвенциями с преобладающим надкультурным характером, бытовое общение максимально полно отражает специфику национального коммуникативного поведения.

На этапе I методом лингвистического наблюдения в течение одного года (01.04.2017 г. по 01.04.2018 г.) фиксировались диалоги, из которых были выделены тексты, указывающие на деструктивное (агрессивное) и конструктивное речевое поведение участников общения. Из данного массива текстов проанализируем диалоги с нулевой / нулевыми репликами. Наблюдение проводилось на социально значимых объектах Удмуртской Республики (русское бытовое общения) и г. Гранады (испанское бытовое общения): банки, вокзалы, общественный транспорт, почта, больница, магазины и т. п. Объект наблюдения – бытовая (вне семьи) сфера общения. Цель эксперимента – выявить особенности

функционирования молчания говорящего и слушающего в ходе бытового взаимодействия.

При классификации участников общения, типов ситуаций, коммуникативных ролей учитывались концепции бытового общения и дискурса Е. А. Земской [Русская разговорная речь, 1973], К. Ф. Седова [Антология, 2007], М. В. Китайгородской [Китайгородская, Розанова, 2003], В. И. Карасика [Карасик, 1992], Л. П. Крысина [Крысин, 2000], М. Л. Макарова [Макаров, 2003], С. М. Эрвин-Трипп [Эрвин-Трипп, 1975], а также опыт исследования устной спонтанной разговорной речи [Орлова, 2017, 2019].

При анализе диалогов релевантными считались следующие показатели:

- характеристика участников общения: пол, возраст, коммуникативная роль, степень социальной защищенности с точки зрения оказания / потребления услуги (старший – младший, родитель – ребенок, учитель – ученик, продавец – покупатель, покупатель – покупатель, служащий – посетитель, посетитель – посетитель);
- характеристика участников общения с точки зрения места проживания (Гранада (Испания) – Удмуртская Республика, город – село);
- попытка вовлечения третьих лиц в диалогическое взаимодействие;
- речевые способы деструктивного и конструктивного речевого поведения, речевые маркеры.

На этапе II проводился опрос респондентов, которым предъявлялись наиболее частотные ситуации общения; выяснялось, как они оценивают то или иное поведение коммуникантов в процессе общения: как деструктивное (агрессивное) или конструктивное, нацеленное на диалог, гармоничное взаимодействие. С целью выявления культурной специфики функционирования молчания в речевом поведении к опросу привлекались как носители русской, так и испанской лингвокультур. Всего в эксперименте принимало участие 210 человек.

На этапе III выявлялись особенности функционирования молчания в различных видах речевого поведения.

В целом, диалоги, указывающие на агрессивное речевое поведение, занимают 62,7% от общего количества; 37,3% – на конструктивное поведение участников общения. Отметим сложность разграничения конструктивного речевого поведения на вежливость и толерантность, так как материально не выраженное высказывание не всегда дает возможность понять мотив субъекта речи. Таким образом, эксперимент позволил выявить проблему разграничения толерантного и вежливого видов речевого поведения во взаимодействии с нулевым высказыванием, выявления релевантных признаков данных типов.

5.2.2. Молчание в агрессивном речевом поведении

1. В бытовом межличностном общении речевая агрессия чаще всего проявляется в *вербализованной форме*, реализуется посредством вербализованных тактик⁶¹. Одна из самых частотных тактик – тактика, воздействующая на чувство вины адресанта (*сил уже нет держать*). В реализации данной тактики не последнюю роль играет «фактор возраста», выражающийся как имплицитно (*молодая еще; что вы молчите, вы же молодой мужчина*), так и эксплицитно, в частности через сравнение (*вот мы раньше*), апеллирование к фактам жизни субъекта агрессии (*да я на заводе столько лет*), к собственным заслугам в прошлом (*я между прочим ветеран; мне сам директор завода орден вручал; я на стройке больше 40 лет отпахал*).

(1) (В магазине) Мама – плачущему ребенку: *Не ори уже! // Надоел! //*

(2) (В автобусе) Учитель – школьнику: *Ты – идиот? //*

(3) (В библиотеке, на экскурсии школьников) Учитель – школьнику: *Петросян! // Рот закрыл! //*

⁶¹ Материал данного раздела опубликован в статьях [Vorontsova, Kopylova, 2017; Воронцова, Копылова, 2017; Копылова, 2018].

(4) (В троллейбусе) Пожилая женщина подростку с рюкзаком: *Весь проход закрыл! // Рюкзак-то снимать надо! // Молодежь! // Вообще о людях не думает! //*

Данная тактика часто сопровождается тактикой обезличивания обвиняемого, направленной даже не на понижение его статуса, а на вычеркивание объекта агрессии из коммуникативного взаимодействия, лишение его права голоса (*Ишь-ты, молодая еще мнение иметь / я в твои годы глаза боялась поднять*). Коммуникативная цель в данном случае достигается и путем привлечения третьих лиц, увеличения числа участников конфликта, опосредованного обращение в 3-ем лице (он-дейксис). На языковом уровне реализации тактик отметим употребление оценочной лексики (*барыня, безобразия, обнаглели, возмутительно* и др.), риторические вопросы и восклицания (*Что за порядки тут у вас?*) и др.

(5) Диалог в супермаркете «Вкусный дом», касса. *Участники:* покупатели, стоящие в очереди из 3-х человек. Женщина средних лет, первая в очереди, поставила на кассовую ленту корзину с продуктами (А). Пожилая женщина (Б). Мужчина средних лет (В). Кассир, выкладывающий продукты из корзины первой женщины (Г), оценивает, складывает в пакет.

(Б): *Ох, расставила тут корзину свою / поставить некуда / сил нет уже держать //*

(А): [...]

(Б): *Молчит / как будто не слышит //*

(А): [...]

(Б): *Нет, вы посмотрите на нее / никакого уважения! //*

(А): [...]

(Б): *Могла бы сама продукты свои в пакет складывать / ведь видит, люди ждут // Барыня! // Вот мы раньше [...] // Да я на заводе столько лет! // И детей сама // (кассиру) Что за порядки тут у вас? //*

(Г): [...] (продолжает спокойно складывать продукты в пакет)

(Б): (оборачивает к мужчине) *Безобразие! //*

(В): [...]

(А): (расплачивается, забирает пакет, уходит)

(Г): (вежливо, безучастно) *Здравствуйте! // Пакет брать будете? //*

Поведение субъекта агрессии характеризуется нарушением конвенциональности общения, неупорядоченным выбором языковых средств (просторечная, грубо-просторечная, бранная лексика), употреблением оценочной лексики, прямых средств воздействия, таких как императив (*не ори, не ной, иди нормально, замолчи*), глаголов прошедшего времени и инфинитива в роли императива (*рот закрыл, замолчал уже, быстро пошел; встать, тут не стоять*), глаголов настоящего времени, чаще отрицательных в 3-ем лице (*не думает*), прошедшего времени (*расселся тут, расставила (о сумках)*), а также сравнительных конструкций (*С Сашкой никаких проблем не было, а этот; Другая бы давно прощения попросила*), риторических вопросов (*И что здесь смешного?*). Особую роль играют и личные местоимения, актуализирующие ту или иную эмоцию адресанта, чаще угрозу через апеллирование к авторитету:

(6) *Ты со МНОЙ таким тоном разговариваешь? //*

Маркером агрессивного общения является и обращение по половому признаку: *мужчина, женщина, девушка*. В современном русском речевом этикете культура обращения находится на стадии формирования. Часто функцию обращения выполняют конструкции, изначально призванные обратить внимание собеседника на говорящего (*Извините, ...; Прошу прощения, ...*), слова приветствия (*Здравствуйте!, Добрый день!*). Обращение по половому признаку усиливает воздействие субъекта агрессии, особенно когда употребляется вместе с другими средствами, например вопросом:

(7) (В поликлинике) Уборщица – пациентке: *Женщина! // Женщина! // Не слышите / что ли? // Я Вам говорю! // Не видите / чисто! / Куда без бахил? //*

Обращение по иным признакам также частотно; оно направлено на принижение значимости собеседника, вызывает у адресата чувство ущербности.

(8) (В больнице, в регистратуре) Медработник – пациенту: *Больной! // Сюда не входит! // Ждите у стойки //*

Отметим функционирование в роли обращения обобщенной номинации: *молодежь, женщины, больные, люди*.

(9) (В трамвае) Пожилая женщина – подросткам: *Ну что, молодежь, уступите место? //*

(10) (В больнице) Медработник – пациентам: *Женщины! // Тут не стоять! // Ходить мешаете! //*

Помимо «фактора возраста», влияющего на выбор адресанта в пользу стратегий агрессивного речевого поведения, релевантным становится и «фактор пола», позволяющий слабому полу (женщине) направлять агрессию на сильный (мужчину).

(11) (В транспорте) *Мужчина! // Помогите! // Не видите / что ли / женщина коляску не может поднять // (обращение к соседке) Мужики пошли! //*

Социальный стереотип *мужчина – сильный* обуславливает и коммуникативную роль мужчины, не позволяющую ему нарушать конвенции общения.

(12) Диалог в автобусе. Участники: женщина с ребенком 5-6 лет (А), мужчина средних лет (Б). Переполненный автобус. Мужчина пытается продвинуться в салон.

(А): *Куда?! // Смотри куда прешь! // Ребенок! //*

(Б): [...] (пытается отодвинуться, обойти)

(А): *Зденки-то зальют с утра! //*

Агрессивное поведение может быть способом защиты (мать с ребенком; кондуктор в переполненном автобусе), часто следствием некой социальной ущербности, социальной незащищенности. Однако в общении социально слабый приобретает коммуникативную силу, власть, которая обусловлена социокультурными стереотипами: старших нужно уважать, пожилым нужно помогать, уступать и т. п.

(13) Диалог в гардеробе больницы. Участники: женщина-гардеробщик (А), девушка, сдающая одежду (Б).

(А): (нервно кричит) *Сколько можно объяснять! // Встаем в две очереди / слева отдаем номерки / справа отдаем одежду //*

(Б): (ничего не понимает, протягивает пальто) *Извините / куда? //*

(А): *Справа* (кричит преднамеренно в лицо девушке) *ОДЕЖДДДАААА! //*

(Б): (вздрагивает, отклоняется) [...]

Социальная слабость может приводить к коммуникативной распушенности, вседозволенности, отсутствию контроля над средствами достижения своей коммуникативной цели. **Коммуникативная распушенность** может пониматься как невыдержанность, недисциплинированность в коммуникативном взаимодействии, как нарушение конвенций общения, не обусловленное коммуникативной необходимостью. Коммуникативная распушенность приводит к агрессивному речевому поведению, способы реализации которого приобретают гиперболизированный характер, вызванный обобщениями, приписыванием объекту агрессии не свойственной ему вины, употреблением негативной оценочной лексики, бранных и просторечных слов и т. п.:

(14) Диалог во дворе многоквартирного дома. *Участники:* пожилая женщина (А), обращается к молодому мужчине на велосипеде с балкона 8 этажа; молодой мужчина с длинными волосами, одет в спортивную одежду, ведет велосипед вдоль лужайки.

(А): (кричит) *Эй / девушка / девушка! //*

(Б): (поднимая голову вверх) *Это Вы мне? //*

(А): *Тебе-тебе / кому еще / пакостница //*

(Б): *Я вообще-то не девушка...//*

(А): (перебивает) *Мне какое дело? //* *Ну / сходи с газона / мы тут цветы значит садим / деревья / а ты тут гонишь //*

(Б): (растерянно) *Хорошо / хорошо //* [...]

(А): *Вот такие как вы и портят наше имущество / всю страну изгадили / пьют по дворам / бутылки оставляют / по ночам буянят! //* *Я сейчас выйду в лицо твое бесстыжее посмотреть! //*

(Б): (отворачивается) [...]

(А) *У-у! //* *Сволочи! //* (отходит от балкона, но слышно, что продолжает возмущаться).

(Б) [...] (пытается как можно скорее покинуть место)

Коммуникативная распушенность может быть обусловлена возрастом коммуникантов, в силу которого притупляются тормозные процессы и человек теряет контроль над своими эмоциями, индивидуальными чертами характера (высокая степень конфликтности), состоянием алкогольного (наркотического опьянения) и др.

2. Одним из маркеров, характеризующих агрессивное речевое поведение в межличностном общении, является **молчание**. Молчание как речевой поступок в структуре коммуникативного акта может выполнять различные функции: обозначать согласие, нерешительность, демонстрировать вежливость, нежелание говорить с представителем более низкой статусной группы и т.д. [Jensen, 1973].

В структуре агрессивного коммуникативного акта молчание как коммуникативный знак чаще всего выполняет роль реплики-реакции (ответное молчание); молчание может функционировать и как инициированное.

Выделим тактики, с помощью которых субъект молчания реализует агрессивное речевое поведение:

– игнорирование

(15) Диалог на улице, во дворе дома. Участники: мать (А), ребенок лет 9 (Б); мать молча, дергая за руку, ведет сына домой.

(Б): *Мам / ну давай я немного погуляю //*

(А): [...]

(Б): *Мам / ну все же гуляют. А ты / как всегда [...] //*

(А): [...]

(Б): *Я немного [...] // Мам! //*

(А): (дергает за руку) *Домой / я сказала! // Опять ныть начал! // Вот придем домой! //*

– демонстрация обиды

(16) Диалог на остановке общественного транспорта. Участники: молодая пара – мужчина (А), женщина (Б).

(А): *В магазин зайдём? //*

(Б): [...]

(А): *Вроде дома хлеб закончился //*

(Б): [...]

(А): *Лен / ну хватит уже! // Сколько можно? //*

(Б): [...]

(А): *Б...ь! // [...]*

– лишение права на речь

(17) Диалог на улице. *Участники*: пожилая женщина (А) с внуком лет 7 (В), пожилая женщина (Б). Женщины оживленно разговаривают друг с другом.

(В): *Баб / ну пойдём уже! //*

(А): *Подожди / сейчас // (продолжает разговаривать)*

(В): *Я есть хочу! // Баб! //*

(А): *Не перебивай старших / Сейчас! // (продолжает обсуждение)*

(В): (Спустя несколько минут) *Баб! //*

(А): [...] (молчание сопровождается строгим осуждающим взглядом).

(В): [...]

Молчание сопровождается паралингвистическими средствами общения: жест, взгляд, поджатые губы, неодобрительное покачивание головой и др. Данные неязыковые коды и нахождение адресата внутри коммуникативной ситуации позволяет безошибочно интерпретировать молчание субъекта агрессии.

Преднамеренное молчание речевого агрессора обозначим как **молчание интенциональное** – молчание как осознанный выбор линии поведения адресанта. Причем выбор осуществляется под воздействием разных мотивов.

(18) Диалог в общественном транспорте. *Участники*: кондуктор (А), пожилая женщина (Б) заходит в транспорт, оглядывается в поисках свободного места; молодой человек сидит, слушает в наушниках музыку (В).

(А): *Молодежь / место уступите! //*

(В): [...] (не реагирует, не слышит)

(А): (трогает за плечо) *Уши-то заткнут вечно! // Место уступим? //*

(В): (снимает наушники, слушает, смотрит на кондуктора) [...] (вновь надевает наушники, слушает музыку, сидит на своем месте)

(Б): (обращается к кондуктору) *Ничего! // Я скоро выхожу! //*

Молчание, к которому принуждает адресата агрессивное поведение адресанта, обозначим как **принудительное, неинтенциональное**. Данный вид молчания является результатом достижения коммуникативной цели субъекта агрессии, обуславливающей выбор стратегий, направленных, прежде всего на лишение права голоса адресата (*Чего ты там еще говоришь?; Чего-чего? Что ты сказал?; Рот закрой!; С тобой никто не разговаривает; Заткнись!* и тому подобное), на вычеркивание его из процесса коммуникации (*Вас, мужчина, не спрашивают!; Тебя забыли спросить!; А с тобой вообще никто не разговаривает!; Я не с тобой разговариваю!* и др.). Чаще всего молчание является вынужденным ответом на агрессию, вербализованную с помощью прямых средств воздействия: императивов, вопросительных предложений, усиливающих эффект с помощью повтора вопросительного слова, повествовательных предложений-констативов. Молчание-ответ может быть и следствием молчания как нулевого маркера агрессии (диалог 17).

Принудительное молчание характеризуется тем, что адресант, начиная реализовывать свой собственный коммуникативный сценарий, лишает собеседника права на выбор коммуникативных действий согласно собственным стратегиям: адресат действует в пользу агрессора. Коммуникативное поведение адресата – это результат достижения цели адресанта: он замолкает, не вмешивается, уступает место, уходит из очереди, не беспокоит и т.д. В случае, когда адресант добивается намеченного с помощью агрессивного молчания, ответное коммуникативное поведение адресата материализует данный нулевой маркер:

Нулевой маркер агрессии**Вербализация нулевого маркера****Материализация нулевого маркера**

Молчание адресанта

1) *Я не буду с тобой разговаривать, потому что ты виноват* (диалог 16).

чувство вины адресата

2) *Я игнорирую твою просьбу остаться гулять* (диалог 15).

подчинение, адресат идет домой, склонив голову

3) *Ты должен молчать, не мешать мне общаться* (диалог 17).

подчинение, адресат молчит

4) *Перестань настаивать. Ты не можешь иметь собственную позицию / мнение* (диалог 17).

подчинение, адресант перестает отстаивать свою позицию.

Принудительный характер молчания подчеркивают невербальные средства коммуникации: адресат может смутиться, покраснеть, пойти пятнами; у него могут появиться слезы, задрожать руки; адресат может начать суетиться и т. п. Подобное молчание сопровождается повышенным негативным эмоциональным фоном – обидой, отчаянием, бессилием. Вместе с утратой контроля над своим речевым поведением адресат часто теряет контроль и за своими невербальными действиями:

(19) Диалог в общественном транспорте. *Участники*: женщина (А) сидит, женщина (Б) держится за поручень около сидящей пассажирки, в руках тяжелые сумки. В салоне очень много народу. Женщину с сумками постоянно толкают на сидящую женщину.

(А): *Осторожно! // Вы уже вообще свои сумки на меня положили! //*

(Б): [...] (старается убрать сумки подальше)

(А): *Женщина! // Вы мне все ноги обступали! // Осторожно! //*

(Б): [...] (краснеет, смущается, оглядывается по сторонам в поиске свободного места).

Автобус резко останавливается. Женщина под напором толпы буквально ложится на сидящую пассажирку.

(А): [...] (недовольно морщится, демонстративно подвигается, отряхивает пальто, поджимает губы).

(Б): [...] (смущается еще больше, суетливо перекладывает сумки из одной руки в другую, максимально отодвигается от сидящей пассажирки, растерянно оглядывается; руки дрожат).

Агрессивное поведение часто обусловлено позицией адресанта, считающего, что он имеет право судить, давать оценку (в силу возраста, опыта), требовать помощь и защиту (вследствие социальной слабости, ущербности). Подобное агрессивное речевое поведение обусловлено социокультурными стереотипами, сложившимися в российском обществе.

3. В рамках данного эксперимента информантам-носителям русской лингвокультуры были предложены диалоги с агрессивным речевым поведением; большинство из опрашиваемых (89%) зафиксировали факт агрессии, но оценили подобное взаимодействие как норму, мотивируя свой выбор следующим образом: «надо уступать», «они же старенькие / пожилые / старые / больные», «им и так трудно живется», «это же мать / у нее же ребенок» и др. 5% опрашиваемых зафиксировали факт агрессии и оценили негативно, при этом негативная оценка была направлена прежде всего на способы выражения, а не на требование уступить, помочь и т.д., то есть не на намерение агрессора («можно было сказать по-другому»). 6 % не зафиксировали факта агрессии вообще. Например, описание студентки УдГУ из Южной Кореи: *«У меня был свободный день. Была хорошая погода. Я решила путешествовать на трамвае по всему городу, чтобы посмотреть его. Я села около окна, чтобы все видеть. Вначале все было очень хорошо, мне очень нравилось. Но потом людей стало очень много. И они вначале стали говорить обо мне, а потом сердито говорить мне. Я не поняла, почему я не*

могу сидеть и смотреть в окно. Я же заплатила за проезд. Я вышла из трамвая, села на такси и уехала в общежитие. Эти люди очень злые к корейцам».

Данный случай корейка оценивает как необоснованный факт агрессии в свой адрес, в то время как носители русской лингвокультуры восприняли его обычным, повседневным, нормальным, кроме того, предпринимались попытки объяснить поведение корейки, которое могло вызвать недовольство пассажиров (не уступила место, села на место кондуктора и т. п.).

Эксперимент, проведенный в Гранаде, говорит о низкой частотности речевой агрессии в межличностном общении с заведомо равным коммуникативным статусом участников (2 %). Ср., в общественном транспорте в Испании пожилые люди спокойно стоят около развалившегося на сидении молодого человека. Сценарий, когда они начинают требовать уступить себе место в силу возраста, зафиксирован не был. Испанское коммуникативное поведение складывается под влиянием других стереотипов, когда проявление слабости оценивается негативно, с одной стороны, с другой – все, оплатившие проезд, имеют равные права, важен принцип очередности.

4. Анализ диалогов позволил выявить особенности агрессивного речевого взаимодействия, обусловленные социально-коммуникативной ролью участников общения. В коммуникативистике диалоги в бытовом общении классифицировались с точки зрения прав и обязанностей коммуникантов [Крысин, 2000], иерархии с выраженным проявлением власти [Карасик, 1992; Spencer-Oatey, 1996], повседневности и институциональности, официальности и неофициальности коммуникативной ситуации [Макаров, 2003] и др. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова выделяют различные типы взаимодействия с точки зрения времени, коммуникативного намерения, коммуникативной цели, темы и других прагматических признаков [Китайгородская, Розанова, 2003]. В данной работе релевантным считаем возраст коммуникантов, статус, выполняемая функция, официальность / неофициальность общения в бытовой сфере – все это

обуславливает иерархичность (вертикальный тип) и неиерархичность (горизонтальный тип) бытового общения.

– *Горизонтальный тип общения*

Данный тип взаимодействия предполагает персональность / неофициальность общения, равенство участников общения с точки зрения возраста, статуса. Отличается достаточно свободным выбором маркеров агрессии, однако экстралингвистические средства снижают уровень агрессии, часто позволяют свести ее на уровень шутки. Из всех зафиксированных диалогов неиерархичное агрессивное речевое поведение составляет 17%.

(20) Диалог в транспорте. *Участники*: молодая женщина (А) разговаривает со своей приятельницей (Б).

(А): *Ну че / мясо купишь? // А то у меня работы привалило //*

(Б): *(сжав губы в ухмылке, мотает головой) А ты не приухла уже? // Тебе это дорого встанет! //*

(А): [...] *(смеется) Ладно / сочтемся //*

Молчание-пауза в данном взаимодействии позволяет коммуниканту совладать с эмоциями, собраться с мыслями, продумать дальнейший сценарий коммуникативных ходов.

Молчание часто указывает на обиду, на желание уйти от конфликтной ситуации.

(21) Диалог на остановке. *Участники*: муж (А), жена (Б).

(А): *Терпеть не могу твою Лариску! // Че-то все ходит / ходит // Совсем бабе делать нечего! // А ты (передразнивает) / Ларисочка / Ларисочка //*

(Б): *(отворачивается) [...]*

(А): *Че молчишь? // Скажешь / я не прав? //*

(Б): *(глядя в одну точку) [...]*

(А): *(демонстративно отворачивается) [...]*

(Б): *В воскресенье на дачу-то поедем? // Вроде хорошую погоду обещали //*

В этом тексте один из коммуникантов (Б) выбирает стратегию подмены темы, когда одно высказывание в структуре коммуникативного акта подменяется другим. В данном случае потенциальное молчание (нулевой текст) как реакция на агрессию преднамеренно подменяется вербализованным текстом с иной темой. Данные случаи достаточно подробно рассмотрены в коммуникативистике относительно разных видов дискурса (см., например, [Шелестюк, 2014]). В бытовом общении подмена темы используется с целью ухода от межличностного конфликта.

– *Вертикальный тип общения*

Данный тип взаимодействия разграничим на официальное и неофициальное межличностное общение на бытовые темы. Иерархия в неофициальном межличностном общении обусловлена возрастом коммуникантов, статусом в семье (старший – младший, родитель – ребенок). Неофициальность общения отличается неупорядоченным выбором средств воздействия: негативная оценочная лексика, просторечная, грубая, бранная лексика; невербальные жесты угрозы, жесты, указывающие на неполноценность собеседника (постучать по виску); физические средства воздействия.

(22) Диалог в супермаркете. Участники: мать (А), ребенок (Б).

(Б): *Мам / ну купи киндер / ты вчера Лешке купила / Ну мам! //*

(А): [...]

(Б): *Ну купи! //*

(А): [...]

(Б): (вначале хнычет, затем ревет в голос)

(А): (дергает за руку, шлепает) *Достал ты уже меня! //*

Молчание в подобных диалогах, как правило, выполняет функция игнорирования как собеседника, так и предмета речи, сопровождается жестами угрозы или физическими средствами воздействия.

(23) Диалог на улице. Участники: мальчик лет 14 (А), девочка лет 7 (Б).

(Б): (шлепает по лужам)

(А): (дергает за руку) [...]

(Б): [...] (продолжает шлепать по лужам)

(А): (остановилась, крутит у виска пальцем) *Ты че, дура совсем? //*

Интересно, что иерархия в межличностном неофициальном общении не всегда направлена от старшего к младшему. Часто объектом агрессии становятся пожилые люди. Скорее, иерархичность обусловлена силой, способностью, в том числе физической, независимостью, например экономической.

(24) Диалог в больнице. *Участники*: пожилая женщина, больная, пришла на прием к врачу (А), молодой человек, сопровождающий (Б):

(Б): *Что ты возишься? // Быстрее не можешь? // (забирает сумку) Дай сюда! //*

(А): (заискивающе) *Мы карту не взяли //*

(Б): (в раздражении) [...]

(А): (останавливается) *Карту же надо! // Врач не примет! //*

(Б): *Да блин! // Говорил же уже! // Карта в кабинете! //*

(А): [...] (недоверчиво идет за молодым человеком)

Официальное общение, как правило, носит иерархичный характер, обусловленный заведомо неравным коммуникативным статусом участников общения: служащий – клиент, медработник – больной, таможенник – пассажир, работник паспортного стола – посетитель и др. Особенностью данного типа взаимодействия является функция, выполняемая одним из коммуникантов. В лингвистике подобное бытовое общение обозначено как целеориентированное, протекающее в соответствии с функциональным типом городских структур и объектов [Китайгородская, Розанова, 2003]. Официальное бытовое общение с точки зрения проявления речевой агрессии разграничиваются на:

1) взаимодействие, где коммуниканты включены в административно-правовые отношения. Особенностью данного взаимодействия является тот факт, что один из участников выступает в роли просителя, другой – представляет государство, действует от имени власти, дает, удовлетворяет или не удовлетворяет просьбу;

2) взаимодействие, где коммуниканты, в зависимости от выполняемой роли, либо оказывают услугу (сервис), либо потребляют услугу (банки, почта, салоны связи, парикмахерская, общественный транспорт, места развлечений, кафе и т.п.).

1. Взаимодействие в сфере административно-правовых отношений⁶²

(25) Диалог в больнице, у стойки регистратуры. *Участники:* пожилой мужчина, несколько раз робко пытается протянуть направление в окошко регистрации (А), молодая женщина, работник регистратуры (Б), пожилой мужчина в очереди из 5-7 человек (В).

(А): (протягивает направление) *Здравствуй / дочка //*

(Б): (взглянула) [...] (продолжает заниматься своим делом)

(А): (переминается) *Мне в 7 участок / к Никитиной //*

(Б): [...]

(В): *Она что там / уснула? //*

(А): *Мне к Никитиной //* (кладет направление на стойку)

(Б): *Мужчина / объявления читать надо /* (резко кладет направление на край стойки) *Не задерживайте очередь! / Следующий! //*

(А): [...] (в растерянности отходит, останавливается, не знает, что делать).

В данном диалоге агрессивное поведение, направленное на игнорирование адресата, реализуется посредством молчания. Диалог по схеме *приветствие – молчание – просьба – молчание* достаточно характерен для межличностного общения русского коммуникативного поведения, когда один из коммуникантов наделен властью, пусть даже минимальной, другой – зависим от того, как первый распорядится своей властью.

(26) Диалог в библиотеке. *Участники:* работник библиотеки (А), иностранный студент из Испании (Б).

(Б): *Здравствуйте //*

⁶² В данный вид взаимодействия мы включили общение и в муниципальных бюджетных организациях, руководствуясь классификацией административно-правовых отношений (см., например, [Солдатов, 2006; Юсупов, 1985]).

(А): [...] (смотрит в упор)

(Б): *Можно мне учебник «Дорога в Россию»? //*

(А): [...] (разворачивается и уходит).

Пример (26) примечателен тем, что коммуникант – носитель испанской коммуникативной культуры, где недопустимо отсутствие ответа, так как это является признаком невежливого, более того, грубого поведения, не распознал намерения работника библиотеки выполнить его заказ – принести книгу. Испанец уходит, считая, что его отказались обслужить. Учебник за него получает куратор.

Носителям русской коммуникативной культуры было предложено несколько диалогов, где диалог между коммуникантами (работник паспортного стола – посетитель, таможенник – пассажир, работник аэропорта – пассажир и т. д.) разворачивается по схеме *приветствие – молчание – просьба – молчание*. Респонденты абсолютно точно интерпретируют коммуникативное поведение государственных служащих, не считают его агрессивным, характеризуют как нормальное. В отличие от носителей русской коммуникативной культуры, иностранные респонденты, ожидающие вербализованный отклик, улыбку, проявление участия / заинтересованности, считают такое поведение агрессивным, грубым, часто они не понимают, готов служащий выполнить их просьбу или нет.

Ср., диалоги на таможне в аэропорту Домодедово (Москва, Россия) и в аэропорту Пабло Пикассо (Малага, Испания).

(27) Диалог в аэропорту Домодедово в Москве. *Участники*: представитель таможенной службы (А), пассажир одного из рейсов (Б).

(Б): *Здравствуйте //* (протягивает паспорт)

(А): [...] (смотрит в экран монитора, взглянула мельком на пассажира, берет паспорт) // *Посадочный талон где? //*

(Б): *Что? //*

(А): (громко) *Посадочный талон //*

(Б): [...] (быстро, путаясь в бумагах, ищет посадочный талон, подает) //

(А): [...] (ставит штамп в паспорт, подает документы) //

(Б): *Спасибо / До свидания //*

(А): [...] (не глядя в сторону пассажира, обращается к очереди) *Следующий!* //

(28) Диалог в аэропорту Пабло Пикассо в Малаге. *Участники*: представитель таможенной службы (А), пассажир одного из рейсов (Б).

(Б): *¡Hola!* / *¡Muy buena!* (подает документы) //

(А): *¡Buenas días!* (смотрит на пассажира, вежливая улыбка) // *¿Que tal viaje?* //

(Б): *¡Bien!* / *¡Gracias!* //

(А): (внимательно рассматривает паспорт, сверяет с изображением на мониторе) *¿Hace frío en Rusia, ¿no?* //

(Б): - 15

(А): *¡Uf!* / (ставит штамп в паспорт, подает паспорт пассажиру, улыбается) *¡Buen viaje!* //⁶³

Таким образом, молчание в ходе коммуникативного взаимодействия культурно обусловлено. В русской коммуникативной культуре в общении, где один из коммуникантов представляет государство, вступает в контакт от имени государства, молчание, реализующее тактики, типичные для межличностного общения (игнорирование собеседника, вычеркивание из коммуникации и др.), трансформируется в некий коммуникативный стереотип, указывающий на важность выполняемого действия, значимость отведенной государством роли. Наделенный государством властью выстраивает вертикальное взаимодействие, где конвенциональные условия, в частности доброжелательность, заинтересованность и др., отступают перед функцией. Вступая во взаимодействие с государственным служащим, коммуникант общается с человеком-функцией.

Является ли данный тип речевого поведения агрессивным? Несомненно, так как молчание подчеркивает роль просителя, реализует тактики, направленные на преуменьшение значимости адресата, вплоть до «социального нуля», вызывает у адресата дискомфортные чувства непонимания, беспомощности, дезориентации. Другой вопрос, что респонденты считают данное коммуникативное поведение

⁶³ (Б) Здравствуйте! (А) Добрый день! Как прошло путешествие? (Б) Спасибо! Хорошо! (А) В России очень холодно? Да? (Б) -15. (А) Ничего себе! Приятного путешествия!

нормой, обуславливают его тем, что служащие «выполняют работу», «служебные обязанности», «им некогда», они, что называется, «при исполнении», а «нас много, а они – одни», «устают за день». Интересен факт, что подобной коммуникативной модели соответствует и поведение служащих государственных бюджетных организаций, в частности больниц, школ. Концепт «бесплатное образование», «бесплатная медицина» не претерпевают с советских времен особых изменений; «государство гарантирует право на бесплатную медицинскую помощь», государство предоставляет гражданам данную услугу, финансирует ее, отсюда работники медучреждений, как и других бюджетных организаций, представляют государство, дозируют услугу по своему усмотрению.

(29) Диалог в ведомственной больнице, приемный покой. Участники: дежурный врач (А), медсестра (Б), больная, житель соседних домов (В).

(В): *Здравствуйте / Очень плохо себя чувствую / Еле дошла / Давление у меня / Может / укол какой поставите или капельницу? //*

(Б): [...] (долгое) *Женщина // Это не скорая помощь // Здесь ведомственная больница // Вызывайте скорую //*

(В): *Измерьте давление / вдруг не дойду / хоть таблетку дайте //*

(Б): *Чего сюда-то идете? // Знаете же / что обслуживаем с завода //*
Народ! /

(А): (заходит в кабинет) [...] //

(В): *Вы не примете меня? // Народу-то ведь нет у Вас //*

(А): [...] (долгое) / *Население не обслуживаем //*

Официальность отношений сужает ряд средств воздействия на объект. Определенную значимость в этом случае приобретают обращения, игра местоимениями *ты / вы*.

(30) Диалог в учреждении. Праздничное заседание коллектива. Руководитель (А) – молодой сотруднице (Б):

(А): *Могу отметить и работу нашей молодой сотрудницы Екатерины Анисимовой // Вы / Катя / большой молодец! // Несмотря на отсутствие опыта [...] (переводит взгляд с коллектива на развалившуюся на стуле, жующую*

жевательную резинку молодую сотрудницу) *Встань / когда с тобой старшие разговаривают! //*

(Б): (вскакивает) [...] //

2. Взаимодействие в сфере услуг

Данный вид взаимодействия относится к вертикальному типу. Иерархичность здесь обусловлена неравным отношением коммуникантов к конвенциональным условиям общения: один из участников предоставляет услугу, подчиняется профессиональной и корпоративной этике (например, «Клиент всегда прав» как основной принцип общества потребления или девиз «Улыбка в подарок» из популярной сети «Макдональдс» распространяются в другие сети, проникают даже в банковский бизнес⁶⁴), другой – свободен от всяких условностей. Однако агрессия как вторжение в коммуникативное пространство собеседника характерна для речевого поведения всех участников данного взаимодействия.

(31) Диалог в салоне МТС. Посетитель (А) получает заказ по Интернету у работника салона (Б):

(А): *Заказ по Интернету // Получить можно?*

(Б): *Да / конечно // Последние цифры телефона / пожалуйста //*

(А): *3456*

(Б): *Спасибо / с Вас 1230 рублей / если можно без сдачи //*

(А): *Я карточкой //*

(Б): *Извините / но заказы по Интернету оплачиваются только наличными //*

(А): *Это кто сказал? // У меня нет наличных // Кто сейчас носит наличные? //*

(Б): (вежливо улыбается) [...]

(А): *Мне нечем платить // Я что / сюда зря шла // Это между прочим время / никогда больше в этот салон не закажу // Я буду жаловаться //*

(Б): *Извините за неудобства / на сайте есть предупреждение //*

⁶⁴ См., например, статью председателя правления банка «Хоум кредит» И. Свитека («Банк как "Макдоналдс" – улыбка в подарок!» // Ведомости от 5 мая 2010 г).

(А): *Вы что думаете / я читаю все понатисанное / да вы // вы все делаете / чтобы обмануть // Я теперь что? //*

(Б): *Напротив есть банкомат «Сбербанка» / Снимите там / пожалуйста //*

(А): *Я вообще вашим «Сбербанком» не пользуюсь / те еще мошенники //*

(Б): [...]

В подобных диалогах молчание служит игнорированием агрессивного поведения, ухода от него, как правило, сопровождается вежливой улыбкой, является элементом акта убеждения, уговаривания, аргументирования и др.

(32) Диалог в парикмахерской. Посетитель (А) обращается с просьбой подстричь мастера (Б).

(А): *Девушки / подстричься по-быстрому / это к кому? //*

(Б): *Здравствуйте / извините / сегодня только по записи //*

(А): (с досадой) *Вот ядрена мать //*

(Б): (выжидательно) [...]

(А): *По какой еще записи? // Всегда здесь стригуся // Напридумывают тоже / сами чай вон пьют //*

(Б): *Да / иногда мы принимаем / но сейчас праздник / много идут на стрижки / укладки / Вы же понимаете / народу много / всем надо // Сегодня такой вот день //*

Часто коммуникант, наделенный определенной функцией, стремится объединиться с клиентом, снять с себя груз ответственности, возложить его на третье лицо, на руководство, организацию или систему в целом, то есть применить тактики снятия вины / перекладывание вины / самоотстранения от проблемы, единения с адресатом.

(33) Диалог на почте. Покупатель (А) оплачивает покупку конвертов работнику почты (Б).

(А): *Мне два конверта без марки //*

(Б): *11 рублей //*

(А): (протягивает карту) [...]

(Б): *Терминала нет //*

(А): *Как нет? // В любой забегаловке есть //*

(Б): [...]

(А): (ищет по карманам) [...] *Послушайте / ну здесь же почта / как терминала нет? // Безобразия! //*

(Б): (равнодушно) [...]

(А): *Нет у меня! // Я ради 11 рублей / что / домой / туда и обратно // Я жаловаться буду / почта тоже мне //*

(Б): *А вот это правильно // Пожалуйста // А то ничего у нас нет // Сколько говорить // Начальство не слушает // Хотя так отреагируют // Работаем тут за копейки // Выслушиваем всякое //*

В данном типе взаимодействия речевым агрессором может проявлять себя и коммуникант-функционер. Интересно сочетание строгого соблюдения речевого этикета с агрессией как вторжением в коммуникативное пространство клиента.

(34) Диалог по телефону. Клиент банка ВТБ (А) разговаривает с его работником (Б).

(Б): *Здравствуйте / Вас беспокоит банк ВТБ //*

(А): *По какому вопросу Вы звоните? //*

(Б): *Алена Сергеевна / Вы же клиент банка ВТБ / У нас для Вас персональное предложение //*

(А): *Девушка / я не могу говорить / у меня работа //*

(Б): *Назовите время / я Вам с удовольствием перезвоню //*

(А): *Пожалуйста / не надо перезванивать / меня не интересуют ваши предложения //*

(Б): *Вы вначале выслушайте / Вы не сможете отказаться / только для Вас / очень выгодные условия //*

(А): *Пожалуйста //*

(Б): *Кредит до ДВУХ МИЛЛИОНОВ / под ОТЛИЧНЫЙ ПРОЦЕНТ/ от 11 до 17 % годовых //*

(А): (перебивает) *Девушка / Вы меня не слышите! //*

(Б): *Встретиться в офисе завтра Вас устраивает? / Давайте оговорим время / Буду ждать с нетерпением //*

(А): (устало) *Подождите!* //

(Б): *Не устраивает завтра? / Называется удобное для Вас время //*

(А): (бросает трубку) [...].

Здесь молчание выполняет функцию ухода от коммуникации.

5. Таким образом, агрессивное речевое поведение в бытовом общении достаточно частотно (62,7 % от общего числа зафиксированных диалогов). Субъект агрессии может быть охарактеризован следующим образом: пожилая женщина (58 %), служащий бюджетных государственных учреждений (23 %), женщина с ребенком (9 %), мужчина в состоянии алкогольного опьянения (2 %), продавцы мелких магазинов (2 %), другое (6 %). В качестве объекта агрессии чаще всего выступают: младшие по возрасту (32 %), посетители бюджетных государственных учреждений, чаще пожилые или, наоборот, молодые (47 %), мужчины (11 %), другое (10 %).

Агрессивное поведение, как правило, имеет вербальное выражение. Молчание является одним из компонентов речевой агрессии, характеризует как субъекта речи, так и объекта. В зависимости от типа агрессивного речевого взаимодействия, оно реализует различные тактики: игнорирование, демонстрация обиды, лишение права на речь, вычеркивание из коммуникации, прекращение коммуникации, обвинение, умаление значимости адресата вплоть до «социального нуля», акцент на собственной значимости и значимости выполняемой работы, уход от конфликта, уход от коммуникации и др. (см. таблицу 18).

Молчание *субъекта речевой* агрессии реализует такие тактики, как демонстрация обиды, обвинение, игнорирование (собеседника), лишение права речи, вычеркивание из коммуникации, прекращение коммуникации, умаление значимости адресата, акцент на собственной значимости и значимости выполняемой работы. Тактики же ухода от конфликта, подмены темы, ухода от коммуникации, игнорирования (речевых маркеров агрессивного поведения) характеризуют интенциональное молчание *объекта агрессии*. Неинтенциональное молчание – это вынужденная ответная реакция на воздействие агрессора, это

результат тактики лишения собеседника права речи, вычеркивания его из коммуникации.

Таблица 18. Тактики молчания в структуре агрессивного речевого поведения

Тактики молчания	Интенциональное молчание			
	Горизонтальный тип общения	Вертикальный тип общения		
		Неофициальное бытовое общение	Официальное бытовое общение	
			В сфере услуг	В сфере административно-правовых отношений
Демонстрация обиды Обвинение Уход от конфликта Уход от коммуникации Подмена темы Оттягивание времени	Обвинение Игнорирование Демонстрация обиды Лишение права речи Вычеркивание из коммуникации Прекращение коммуникации	Уход от конфликта Уход от коммуникации Игнорирование	Прекращение коммуникации Вычеркивание из коммуникации Умаление значимости адресата Акцент на собственной значимости и значимости выполняемой работы Игнорирование	

5.2.3. Молчание в конструктивном речевом поведении

1. К конструктивному речевому поведению относят вежливость и толерантность. **Вежливость** – наиболее разработанная коммуникативная категория, под которой понимается «особый тип речевого поведения, подразумевающий стремление говорящего к взаимодействию, то есть к созданию качественно нового речевого, аксиологического и когнитивного поля. Такой тип взаимодействия позволяет не только уважать чужую позицию, но и изменять свою» [Воронцова, 2009, с. 28].

Вежливое речевое поведение отличается богатым арсеналом средств выражения: от речевых этикетных формул до различных косвенных речевых актов. Молчание в данном типе речевого поведения, как правило, конвенционально,

обусловлено социокультурными стереотипами (не перебивать, не спорить со старшими, молчать, когда говорят старшие, и т. д.), нормами коммуникативного поведения.

Анализ диалогов показал, что основной стратегией вежливости в бытовом общении является проявление заинтересованности в позиции субъекта, предмете речи⁶⁵. Данная стратегия обуславливает тактики молчащего и способы их языковой реализации.

(1) Диалог в общественном транспорте. Пожилая женщина (А) рассказывает попутчице (Б):

(А): *В больнице лежала // Думала / все помидоры погибнут // Высохнут // Люся / соседка / как за своими //*

(Б): [...] (внимательное молчание сопровождается кивками головы, участливым взглядом) *Ничего себе! //*

(А): *Соседи все хорошие / чего греха таить / повезло /*

(Б): [...] (кивки головы)

(А): *Как вот без добрых людей? //*

(Б): *И не говори! // Ладно хоть соседи такие //*

Готовность коммуникантов к созданию общего коммуникативного пространства может реализоваться, во-первых, на основе единения чувств, эмоций (иррациональной основе), во-вторых, на основе интеллектуальной составляющей (рациональной). В зависимости от этого выделим **иррациональное** и **рациональное вежливое речевое поведение**.

В первом случае намерение молчащего – сопереживание адресату, гармонизация с адресатом чувств, эмоций, мыслей – становится явным, благодаря общему контексту нулевого и материально выраженных элементов общения. Молчание сопровождается поглаживанием собеседника, покачиванием головы, богатой мимикой (удивления, радости, страха, грусти и других эмоций), сближением дистанции, вздохами, вокализованными паралингвизмами («уф»),

⁶⁵ Материал данного раздела опубликован в статье [Копылова, 2020].

«брр», «угу»), указывающими на сопереживание тех же эмоций, что и у собеседника. Отметим, что молчание редко прерывается вербальными компонентами общения. Молчащий предоставляет право речи своему собеседнику. Однако может сопровождать общение и различными речевыми актами сочувствия, сопереживания, поддержки, согласия, успокаивания и др. Положение корпуса, сокращенная дистанция, преобладание тактильных жестов, характер паралингвизмов, зеркально отражающих состояние собеседника, свидетельствуют о наличии общего коммуникативного пространства, основанного на гармонизации эмоциональной составляющей общения.

(2) Диалог в Центре русского языка. Администратор (А) разговаривает с посетителем (Б).

(А): *Здравствуйте / слушаю Вас //*

(Б): *Здравствуйте / экзамен по русскому языку здесь можно сдать? //*

(А): *Да / слушаю //* [...] (взгляд на собеседника)

(Б): [...] (плачет, достает платок, теребит) //

(А): [...] (поворачивается всем телом к собеседнику, наклон тела в сторону собеседника, голова повернута вправо)

(Б): *У меня муж / не гражданин / он русский / только из Казахстана / заканчивается срок у него / надо сдавать / с инсультом он / еле ходит / плохо говорит //* Тут справки //

(А): [...] (вздыхает)

(Б): *Выписали недавно / как сдавать будет //* Депортируют его //

(А): *Стоп-стоп! //* Не будем о плохом // Позвоним в Головной центр / все узнаем / Не расстраивайтесь //

(Б): [...] (вытирает глаза)

(А): [...] (похлопывает по руке) // Успокойтесь // Завтра мы Вам позвоним / когда все узнаем // Такое / к сожалению / бывает //

Во втором случае, когда единение происходит по рациональному признаку, молчание может прерываться уточняющими вопросами, перефразированием, повтором, парафразой; избылиуют открытые вопросы. Из невербальных

компонентов отметим кивки головы, внимательный взгляд, устремленный на собеседника, легкий поворот головы, легкое раскачивание корпуса. Дистанция нейтральная с эпизодическим сближением. Отметим паралингвистические вокализованные элементы «гм», «угу» с подбадривающей интонацией. Мимика может выражать эмоции, например удивления (поднятые брови), радости (легкая улыбка), но чаще мимика характеризуется как нейтральная либо заинтересованная.

(3) Диалог в общественном транспорте. Мать (А) разговаривает с дочерью (Б).

(А): *Пенсию хочу перевести в другой банк //*

(Б): (скользящий взгляд на собеседника) [...]

(А): *Процент маленький сейчас //*

(Б): [...]

(А): *В Быстробанк хочу.*

(Б): *Что-то репутация у него не очень //*

(А): (заинтересованный взгляд, поворот головы в сторону собеседника, затрагивает рукой) *Вот тоже слышала такое // А тебе кто говорил? //*

(Б): *Да все говорят // По телевизору тоже слышала //*

(А): *По телевизору слышала? //*

(Б): *В ВТБ / говорят / выгоднее.*

(А): *В ВТБ? / Да банкоматов мало / неудобно //*

(Б): *Тожe верно //*

Единение коммуникативного пространства по рациональному типу присуще в основном вертикальному общению. В этом случае используются речевые акты, направленные на детализацию и уточнение информации; мимика, жестикуляция, положение корпуса и головы характеризуются как нейтральные или невыраженные; взгляд сигнализирует собеседнику, что его слушают внимательно. Собеседники преднамеренно держат дистанцию. Данное взаимодействие обусловлено готовностью адресата помочь в решении конкретной коммуникативной задачи, то есть общее пространство имеет временное ограничение и обусловлено длительностью коммуникативного контакта.

Ср.:

(4) Диалог в банке. Мужчина (А) запрашивает информацию о кредите у работника банка (Б).

(Б): *Здравствуйте / Ваш паспорт / Я Вас внимательно слушаю // [...] (легкая улыбка, участливый взгляд, корпус наклонен к собеседнику).*

(А): *Я хочу взять кредит // Автомобиль покупаю / надо 250 тысяч //*

(Б): *Покупаете автомобиль? // Вас интересует автокредитование? //*

(А): *Нет / не выгодно // Страховка дорогая // Просто кредит //*

(Б): *Вы покупаете автомобиль / но хотите сэкономить на страховке / просите потребительский кредит // Я Вас правильно поняла? (наклон корпуса в сторону просителя, поворот головы направо, сосредоточенный взгляд)*

(А): *Да / 250 тысяч на пару лет //*

(Б): *[...] (брови поднимаются вверх, легкая улыбка) // К сожалению / это невозможно // Если мы укажем причину «покупка машины» / потребительский кредит невозможен //*

(А): *О! (интонация досады) / автокредит / дорого обходится / больно проценты у вас / да страховка еще //*

(Б): *[...] (нейтральный взгляд на просителя, корпус отклонен)*

(А): *Девушка! // Напишите там что надо // Просто потребительский //*

(Б): *(смотрит в компьютер) У Вас уже есть потребительский кредит // Не закрытый //*

(А): *Не / нет еще //*

(Б): *То есть Вы уже имеете кредит / имеете долги по кредиту / но хотите взять еще один / на 250 тысяч / как потребительский / чтобы купить машину? //*

(А): *Девушка! / говорю же / срочно надо //*

(Б): *[...] (взгляд на просителя, вздох / откинулась на спинку кресла)*

(А): *У меня квартира есть / можно под залог / я работаю / регулярно все / жена тоже // В чем проблема? //*

(Б): *Вам нужно закрыть предыдущий кредит // [...] (взгляд в компьютер)*

(А): *Надо попробовать / мы даже заявку не подали / давайте попросим //*

(Б): [...] (скользящий взгляд на просителя – в компьютер)

(А): *А залог имущества? //*

(Б): *К сожалению / (улыбка) Надо закрыть первый кредит //*
(отворачивается) [...] (пристально смотрит в компьютер)

(А): [...] (вздыхает, машет рукой, уходит)

Данный диалог примечателен тем, что в ходе одного коммуникативного взаимодействия меняется позиция субъекта речи: от заинтересованности, попытки удовлетворить просьбу собеседника до равнодушия к клиенту, не способного принести выгоду банку. Молчание, сигнализирующее о готовности понять собеседника, разделить его позицию, трансформируется в молчание, выстраивающее дистанцию между коммуникантами. Отметим, что первыми отражают смену коммуникативной позиции (заинтересованность – равнодушие) невербальные элементы: положение тела, взгляд, мимика.

Рассмотрим тип взаимодействия с функционированием молчания, не сопровождающегося другими (вербально-вокализованными / невербальными) компонентами общения.

(5) Диалог в супермаркете. Женщина-покупатель (А) на столе перекладывает продукты из корзинки в пакет. Стол занят ее вещами. Пожилая женщина (Б) с силой ставит свою корзину на этот же стол, задевая вещи первой.

(Б): (бормочет про себя) *Расставилась тут / о других никогда не думают //*

(А): [...] (спокойно переставляет корзину с продуктами, свои вещи на другой, дальний, стол; уходит).

Перед нами законченное взаимодействие, однако по нулевому высказыванию мы не можем восстановить интенцию коммуниканта (А): покупатель уходом от коммуникации предотвратила вторжение в собственное коммуникативное пространство, сохранила его либо из уважения к возрасту коммуниканта (Б) уступила, создав менее комфортные условия для себя. Следовательно, конкретизировать тип данного речевого поведения как толерантность или как вежливость в подобных речевых взаимодействиях представляется невозможным.

2. Толерантность как тип речевого поведения подразумевает «установку на сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата» [Воронцова, 2009, с. 26]. Ранее в работах были выделены релевантные признаки толерантного речевого поведения, однако на материале публичного общения, особенностью которого является максимальное проговаривание информации. Чаще в данном случае говорят о тактиках, когда невысказанный текст заменяется другим, вербально-вокализованным, с иным предметом речи. Нулевое высказывание частотно именно в бытовом взаимодействии, так как часть информации содержится в коммуникативной ситуации. Как показал эксперимент, нулевая реплика (молчание) занимает 12,7% из всех высказываний. Таким образом, считаем важным, во-первых, выделить параметры толерантного речевого поведения в бытовом общении, во-вторых, рассмотреть особенности функционирования молчания в анализируемых диалогах. Исходным моментом считаем тезис о том, что толерантное речевое поведение является внешним проявлением отношения субъекта речи к своему коммуникативному пространству, обусловленного пространствами аксиологическим и когнитивным [Воронцова, 2006]. Отсюда адекватное описание *толерантности* как типа поведения, его речевых параметров возможно только при комплексном подходе: когнитивном, аксиологическом, речевом.

2.1. Рассмотрим употребление единицы «толерантность» в русском языке, выявим ее содержание как лингвистического термина, раскрывающего особенности речевого поведения⁶⁶.

В русской лингвокультуре лексема «толерантность» входит в активный словарь сравнительно недавно. Учеными подчеркивается новизна данного понятия (см., например, [Стернин, Шилихина, 2005]), отмечается его пассивная валентность в национальном корпусе русского языка [Романова, 2015]. В словарном толковании

⁶⁶ Ранее мы уже рассматривали проблему влияния языковой картины мира на содержание научного знания. Была выявлена обусловленность выбора терминологической единицы, ее содержания национальной языковой картиной мира [Копылова, 2007a, b, 2010].

«толерантность» определяется через единицы «терпимость», «снисходительность» [МАС; Ушаков, 2008]⁶⁷. Частотный словарь современного русского языка О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова определяет частоту употребления слов «толерантность» как 3, 3 на 1 миллион слов (ipm), «толерантный» – 1, 1, в то время как ipm слов «терпимость» и «терпимый» равен 5, 0 и 4, 1 соответственно [Ляшевская, Шаров, 2009]. В «Частотном словаре художественной литературы и живой русской речи» частота употреблений анализируемых единиц не зафиксирована [там же].

В Русском региональном ассоциативном словаре-тезаурусе ЕВРА Г. А. Черкасовой и Н. В. Уфимцевой [2014] на стимулы «толерантность» испытуемые ответили «терпимый» (13), «доброта» (1), «мирный» (1); «толерантный» – «терпимый» (23), жестокий (1) [Черкасова, Уфимцева, 2014, с. 58].

В качестве материала исследования можно привлечь и ассоциации на стимул «толерантность» из различных интернет-ресурсов. В частности, словарь ассоциаций WordAssociation фиксирует следующие реакции пользователей: «деликатность», «терпение», «гуманизм», «сдержанность», «глобализация», «уважение», «демократия», «Кавказ» [<https://wordassociation.ru>].

В Национальном корпусе русского языка 1639 вхождений; с 1998 по настоящее время – 1190, из них в газетном подкорпусе 1151. Единица «толерантность» характеризует прежде всего публицистический дискурс, реже научный; 39 вхождений – художественный текст. Контекстуальный анализ позволяет сделать следующие выводы. Толерантность интерпретируется как *правильное понимание других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности, как терпимость, снисходительность, уважение. Осознается как часть западной идеологии, подчеркивается знание, умение приобретенные, навязанные, как некая новая идеология. Преобладающая оценка –*

⁶⁷ Более подробно о функционировании единицы «толерантность» в современном русском языке в [Романова, 2015, с. 39-44].

отрицательная, так как толерантность сопряжена с *равнодушием, безразличием, попустительством*, утратой исконных социокультурных ценностей (см. таблицу 19).

Таблица 19. Контекстуальный анализ единицы «толерантность» по данным справочно-информационной системы «Национальный корпус русского языка»⁶⁸

Положительная оценка	Нейтральная оценка	Отрицательная оценка
<p>– фантастическая, наша, традиционная, своя, этноконфессиональная;</p> <p>– принятие и правильное понимание других культур, способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности.</p>	<p>– полная, европейская, западная, либеральная;</p> <p>– терпимость, снисходительность, уважение, западная идеология, не подразумевается уступка, снисхождение.</p>	<p>– хваленая европейская, переходящая в безучастие и равнодушие, заgrimированная гуманностью, мелкобуржуазная;</p> <p>– мерзость, безучастие, равнодушие, вышколенное умение, либеральная мультка, терпимость к греху, болезнь, безликое слово, модное слово, комфортность, навязывание определенного образа жизни, квазисакральный символ ценностей демократической цивилизации, попустительство, потворство, форма манипуляции сознанием, нравственный нигилизм, индифферентность к различным порокам, религиозной истине, к тем ценностям, которые веками формировались в нашей стране.</p>

Толерантность в текстах характеризуется **как отношение** и **как поведение**, внешнее проявление. Толерантность как отношение можно разграничить на положительную (по отношению к иной вере, к иным национальностям),

⁶⁸ URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.05.2018)

отрицательную (по отношению к другим негативным социально-значимым проявлениям), «молчаливую» (то есть отвержение <нецивилизованных> норм при терпимом отношении к ним (А. В. Юревич. Динамика психологического состояния современного российского общества // «Вестник РАН», 2009.). Толерантность как поведение проявляется даже не как уважение или терпимость, поскольку данные понятия оценочны, а как полная индифферентность к тем или иным явлениям.

Ср.:

(6) *Кроме того, белоярцы регулярно приносят прямо под окна мэра бытовой мусор. Но чиновник демонстрирует фантастическую толерантность: стекла вставляет, а на мусорные горы не обращает внимания* (В. Антипин. Местная власть. Сильно пьющий мэр // «Русский репортер», № 1-2 (080-081), 22-29 января 2009).

(7) *Хотя на самом деле в Medvedeff настораживает другое: след от медвежьих когтей на этикетке. Впрочем, в Кремле проявили толерантность и пообещали не предъявлять претензии производителям, поскольку на бутылке нет изображения президента. Норма НИИЧАВО...* (Что случилось в обществе за неделю // «Русский репортер», № 1-2 (080-081), 22-29 января 2009).

С целью выявления компонентов значения единицы «толерантность» в бытовом сознании обратимся к материалам различных интернет-форумов, где пользователи характеризуются как непрофессионалы. Выбирались тексты с запросами: «Как вы понимаете толерантность?», «Как Вы объясняете детям, что такое толерантность?», «Как вести себя толерантно» и т. п.

В результате частотного анализа текстов были выявлены единицы поля «толерантность» (см. Приложение Б)⁶⁹. Прежде всего, отметим частотность местоимений с акцентом на субъект речи я (1, 51 %), местоимений *мой* (0,33 %), *свой* (0, 22 %), *себя* (0, 11 %), *самый* (0, 15 %), личные глаголы восприятия и

⁶⁹ Частотный анализ текстов произведен с помощью аналитической системы работы с большим массивом данных «NVivo». – URL: <https://www.qsrinternational.com/nvivo-qualitative-data-analysis-software/home> (дата обращения: 25.06.2018).

мыслительной деятельности, желания в форме 1 л. ед. ч.: *знаю, понимаю, думаю, говорю, считаю, желаю, хочу* и др. (0,11 %).

Анализ наиболее частотных единиц на 1000 слов позволил выделить семантические доминанты: «терпимость», «другой», «дистанция», «комфорт», «безразличие». Метод семантических доминант был разработан Я. Мукаржовским применительно к художественным текстам [Мукаржовский, 1967]; в лингвистике – для анализа текстов СМИ [Волков, 2014; Финкельберг, 1994]. Представляя собой «совокупность речевых способов, реализующих коммуникативное намерение адресата, образующих семантический центр текста» [Морозова, 2015, с. 23], семантическая доминанта позволяет вскрыть глубинный замысел адресанта, особенности его когнитивного и аксиологического восприятия.

Семантическая доминанта «терпимость» (см. таблицу 20). Частотность единиц *терпимость* – 0,76 %, *терпимости* – 0,11 %, *терпению* – 0,22 %, *терпеть, терпимо, терпимый, терпимое* – по 0,11 %. Положительная оценка. Осознается пользователями как способность проявлять уважение, принимать; снисходительность к поведению, убеждению, взглядам другого, отличным от собственного. Терпимость чаще всего проявляют к другой точке зрения, взгляду и мнению, обычаям, поведению других, отличным от собственного. Отрицательная оценка. Граничит с лицемерием, хамелеонством, воспринимается как отказ от родовых традиций, собственных ценностей. На уровне внешнего проявления (поведения) выражается в спокойствии, сдерживании агрессии, лояльности.

Таблица 20. Сочетаемость единицы «толерантность»

терпимость	возможность	диалога	конструктивного	
	способность	к	уважению к	образу жизни, другого
	снисходительность		доброжелательности	
	благосклонность		к	
	лояльность			
	отказ	от	традиций	родовых, своих
	лицемерие			

(8) Андрей Пономарев, Просветленный⁷⁰

«Толерантность – это терпимость, но не терпеливость. Терпимость – это способность проявлять уважительное и доброжелательное отношение к другому образу жизни, убеждениям, верованиям, мнениям, традициям, привычкам, поведению и недостаткам людей. Терпеливость – это способность сохранять спокойствие в неприятной ситуации, безропотно и стойко переносить что-нибудь (страдание, боль, несчастья), сдерживать агрессивность к объекту своей неудовлетворенности» (<https://otvet.mail.ru/question/212651259>).

(9) Просто Собака, Искусственный Интеллект

«Снисходительность ..)» (там же)

(10) Виктор Макшин, Просветленный

«Отказ от родовых традиций... Хамелеонство... в угоду дикости. Т. е - защита своей трусости...» (там же)

Семантическая доминанта **«другой»** представлена единицами *другой* (*другие* – 0, 65 %, *другим* – 0, 33 %, *другому* – 0, 25 %, *другой* – 0, 11 %, *другую* – 0, 11 %, *другими* – 0, 11 %), *человек* (*человек* – 0, 43 %, *человека* – 0, 22 %, *человеку* – 0, 11 %), *люди* (*людей* – 0, 43 %, *люди* – 0, 33 %, *людям* – 0, 22%, *людьми* – 0, 11 %), *чужой* (*чужой* – 0,22 %, *чужую* – 0, 11 %), *каждый* (*каждый* – 0,33 %, *каждому* – 0, 11 %), местоимения: *я* – 1, 51 %, *мне* – 0, 76 %, *ты* – 0, 46 %, *они* – 0, 22 %, *она* – 0, 22 %, *свой* (*свой, свое, своего, своей, свои, своими, свою* – по 0, 11 %) и другими единицами с более низкой частотностью (см. таблицу 21). В самом общем виде *другой* – это не я. Оппозиция «свой – чужой» в контексте толерантности переходит в оппозицию «я – не я». Оценка нейтральная. Как другие, воспринимаются люди, национальности, расы, люди нетрадиционной ориентации, политических взглядов, убеждений, вероисповеданий, инвалиды, не свои дети, не свои животные. На уровне поведения: отстранение от другого.

⁷⁰ Орфография и пунктуация источника сохранены.

(11) Гость [4209682609] – 11.04.2012, 07:55

«Я толерантна к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией, инвалидам, людям других национальностей, других политических взглядов и предубеждений. Вообще, я, по сути, толерантна практически ко всему, но только в определенных рамках»

(<http://www.woman.ru/psycho/personality/thread/4170623/#m34040568>).

Таблица 21. Сочетаемость единицы «другой»

другой	люди	других	политических взглядов
			убеждений
			вероисповеданий
			предубеждений
		нетрадиционной	ориентации
	расы		

Семантическая доминанта «дистанция» реализована единицами *дистанция* (*дистанции* – 0,54 %, *дистанцию* – 0,33 %, *дистанция* – 0,11 %), *расстояние* (0,33 %), *границы* (*границы* – 0,22 %, *границ* – 0,11 %), *рамки* (0,22 %), *очерченные* (0,22 %), *самосохранение* (0,22 %) (см. таблицу 22). Соблюдение дистанции связано с уважением себя, своих ценностей и ценностей других, с инстинктом самосохранения. Границы дистанции четко очерчены проявлением терпимости, снисходительности в разумных пределах – ко всему, кроме жестокости, лжи, невежества, желания продвинуть ложные ценности в массы. Нейтральная оценка переходит в отрицательную, если границы нарушаются. Внешнее проявление – спокойное, равнодушное, безразличное поведение.

Таблица 22. Сочетаемость единицы «дистанция»

соблюдать	дистанция	модно	
		круто	когда с обеих сторон
		отгородиться	
		уважать	свои ценности
нарушать		в пределах разумности	
у каждого		своя	

(12) Прозерпина1 [1365723331] – 11.04.2012, 17:38

«Я тебя не трогаю, и ты меня не трожишь. Быть толерантным – значит, соблюдать дистанцию» (<https://www.b17.ru/forum/topic.php?id=169103&p=2>).

Семантическая доминанта **«комфорт»** выражена единицами *удобно* (0,43 %), *спокойно* (*спокойно* – 0,22 %, *спокойнее* – 0,11 %, *спокойствие* – 0,11 %), *благополучие* (*благополучия* – 0,22 %, *благополучной* – 0,11 %, *благополучном* – 0,11 %), *хорошо* (*хороша* – 0,22 %, *хорошим* – 0,11 %, *хорошо* – 0,11 %), *цивилизованно* (0,11 %) (см. таблицу 23). Доминанта тесно связана с доминантой «дистанция». Позитивно оценивается пребывание на расстоянии, на своей территории, земле; жить удобно – прерогатива цивилизованного общества. Позитивной оценке противопоставлена нейтральная: относиться спокойно – значит не разделять, не одобрять, ничего. Внешнее проявление – спокойное, безразличное, равнодушное поведение.

(13) Гвоздика [3970630519] – 11.04.2012, 02:35

«Я, наверное, если поверхностно смотреть толерантна. а по сути отношусь ко всему пофигистично. Живу так как мне удобно. Делаю что нравится. На остальное начхать»

(<http://www.woman.ru/psycho/personality/thread/4170623/#m34040068>)

Таблица 23. Сочетаемость единиц «удобно», «спокойно», «хорошо»

живу	мне	удобно	в	цивилизованном (благополучином) обществе
		спокойно		не разделять
		хорошо	на	расстоянии
отношусь	к каждому		у	своей земле
				себя

Семантическую доминанту **«безразличие»** представляют единицы *безразличие* (*безразлично* – 0,22 %, *безразличие* – 0,11 %, *безразличия* – 0,11 %), *равнодушно* (0,11 %), *начхать* (0,22 %), *пофиг* (0,22 %), *пофигистично* (0,22 %), *все равно* (0,11 %), *нафиг* (0,11 %) (см. таблицу 24). Данная доминанта в основном

характеризует отношение, нейтральную оценку. Самая частотная сочетаемость – *мне*. Внешнее проявление – спокойное, безразличное, равнодушное поведение.

Таблица 24. Сочетаемость единицы «безразлично», ее синонимов

	мне	безразлично пофиг начхать все равно	на	это остальных
не мешать	всем			

(14) N. [3372275758] – 11.04.2012, 00:43

«Могу быть толерантной к тому, что мне безразлично. Если что-то не вписывается в мой кодекс чести, я не терплю никакой толерантности» (<http://www.woman.ru/psycho/personality/thread/4170623/#m34039298>).

Таким образом, в русской лингвокультуре понятие «толерантность» определяется через единицы *терпимость, уважение, снисхождение*. Носители проявляют толерантное отношение к религии, взглядам, поведению другого, отличающихся от собственных, но только, во-первых, до факта нарушения морально-этических норм, во-вторых, до границ собственного коммуникативного пространства. На когнитивном уровне преобладают концепты «равнодушие», «комфорт», на аксиологическом – нейтральная оценка, которая может перейти в негативную в том случае, когда происходит вторжение в пространство субъекта речи, причем не столько в коммуникативное, сколько в аксиологическое и когнитивное, то есть речевое поведение собеседника противоречит морально-этическим нормам адресанта. На уровне внешнего проявления – это спокойное, уравновешенное, отстраненное, лояльное поведение; при столкновении с агрессией – направленное на ее сдерживание либо уход от нее. Толерантность осознается как необходимое условие жизни в цивилизованном обществе, условие конструктивного диалога, как привнесенное европейское мировоззрение. Отсюда слово *толерантность* имеет разные коннотации: позитивную как ‘результат развития человеческого общества’, негативную как ‘чуждая, привнесенная ценность, противоречащая исконно русской’.

2.2. На речевом уровне толерантное поведение реализуется в бытовом общении с помощью следующих тактик⁷¹.

- Выраженная субъективация (*я думаю; я не думаю; мне кажется; по моему; что касается меня; я так считаю; я так понимаю; мое мнение; лично для меня и др.*).
- Акцент на границы личной компетентности (*я не знаю этого; я не разбираюсь в этом; я не понимаю в этом ничего*), личных предпочтений (*это не в моем вкусе; это не в моем стиле; это мое дело; это моя жизнь и др.*). Часто сопровождается указанием адресату или объекту речи на его зону ответственности, компетентности, предпочтений (*как знаешь; сам знаешь; если тебе нравится; делай, что хочешь / как хочешь; не твое дело; им так нравится; врачам лучше знать и др.*).
- Уход от согласия (*посмотрим; пока сказать не могу; давай доживем до праздников, подумать надо и др.*).
- Мнимое согласие (*ну нет так нет; вроде / вроде так / ну вроде, ну ладно; тебе / ему / им виднее и др.*).
- Уход от оценки (*да никак; ничего не думаю; ее дело; не мое дело; кто как хочет, пусть так и одевается и др.*).
- Уход от ответа / темы (*давай об этом не будем; тему смени; наверное; не хочу об этом; чего об говорить и др.*).
- Тщетность разговоров (*ну что теперь об этом; ну что теперь делать*).
- Равнодушие (*мне все равно; пофиг*).
- Обесценивание предмета речи (*ерунда; пустяки; еще это мы не обсуждали и др.*).
- Уход от неадекватного поведения (молчание).
- Уход от коммуникации (молчание).

⁷¹ Материал данного раздела опубликован в статье [Воронцова, Копылова, 2021].

Толерантное речевое поведение в бытовом персональном дискурсе часто характеризуется употреблением субъектом речи просторечной, грубой лексики, вплоть до обсценной, однако, в отличие от агрессивного поведения, только по отношению к себе самому либо по отношению к предмету речи.

Отметим частотное употребление единиц «нормально» (0, 2 %), «дело» (0, 19 %) (*ее дело; не наше дело; ну дело ваше; вам вообще какое дело; их дело* и тому подобное), глаголов интеллектуально-мыслительной деятельности (0, 3 %): «знать», «понимать», «думать», глаголов желаний и предпочтений: «хотеть», «предпочитать» и др. (*делай, что хочешь; кто как хочет; как хочешь* и т. п.).

Слово «нормально» приобретает значение положительной оценки (*Сфоткай меня в инстик красиво! / только норм сфоткай / хочу классную фотку* //). Часто используется коммуникантами как некий отсыл к норме, стереотипу, традиционному восприятию.

(15) Диалог в транспорте. Девушка (А) беседует с подругой (Б).

(А): *Ты слышала / щас трансов убрали из больных? //*

(Б): *В смысле? //*

(А): *Ну / по МКБ транссексуальность типа теперь не считается болезнью //*

(Б): *О / норм //*

(А): *В смысле норм? // Они же реально больные // По-твоему / когда баба считает себя мужиком или мужик считает себя бабой / это норм? //*

(Б): *Ну не знаю / врачам лучше знать // Мне лично вообще на...ть // Пусть хоть че с собой делают // Их дело //*

Помимо этого, зафиксировано употребление данной единицы в акте согласия:

(16) Диалог в примерочной. Жена (А) обращается к мужу (Б).

(А): *Мне идет / беру //*

(Б): *Ага / нормально //*

Особое значение в бытовом межличностном общении приобретает категория неопределенности: в качестве ее выразителя чаще выступают неопределенные местоимения и наречия, формы множественного числа вместо единственного.

(17) Диалог в транспорте. Дочь (А) разговаривает с матерью (Б).

(Б): Ты знаешь / Я вчера из-за этого весь вечер сама не своя ходила //

(А): Ой / мама / кто-то где-то сказал / да больно надо / много их развелось / экспертов /

(Б): Не кто-то / Люся / она в банке работает //

(А): Знаешь / сколько таких Люсь / все эксперты //

(Б): Давай все-таки сходим в банк //

(А): [...] (отворачивается к окну)

(Б): Волнуюсь я //

(А): Завтра посмотрим //

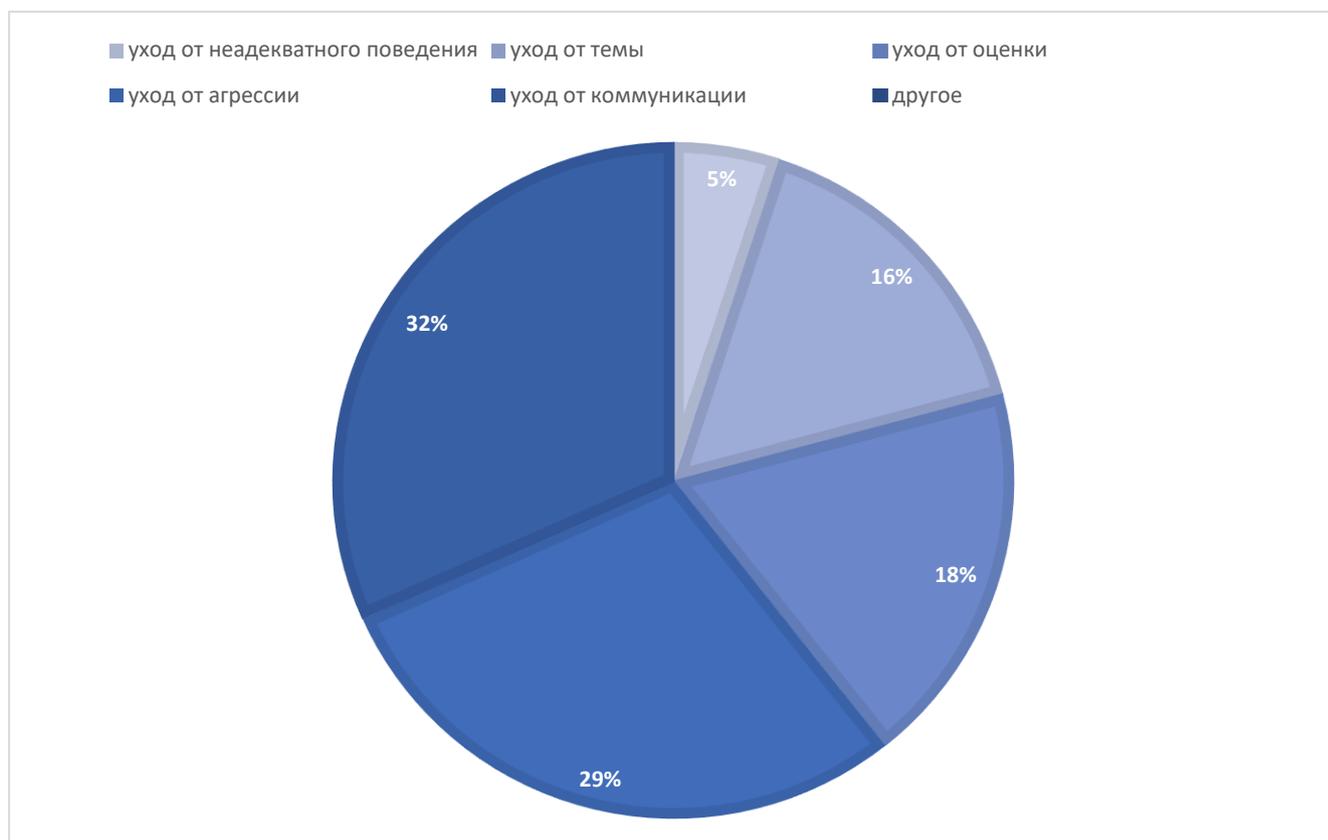

Рисунок 10. Тактики молчания в толерантном бытовом общении

Неопределенность в общении часто противопоставлена субъективации (*Кому-то / может / и нравится / а мне // нет*).

Маркером толерантного речевого поведения является и молчание. Ответная нулевая реплика – достаточно частотный коммуникативный ход в бытовом общении (12,7 %). Наиболее часто она реализует тактики мнимого согласия (0,3 %), ухода от неадекватного поведения собеседника (5 %), неинтересной темы (15,8 %), от оценки (18,4 %), от речевой агрессии (28,9 %), от коммуникативного взаимодействия в целом (31,6 %) (см. рисунок 10).

2.3. Ответное молчание как толерантное речевое поведение является одним из частотных реакций на агрессию, реализующих стратегию ухода от конфликтной коммуникации. Именно в молчании толерантность проявляет свои черты наиболее ярко.

(18) Диалог в магазине (маленький магазин из серии «У дома»). *Участники:* женщина средних лет (покупает) (А), продавец (Б), пожилая женщина (опирается на палку) (В), мужчина средних лет (Г).

(Г): (минуя пожилую женщину, подходит к той, которая покупает продукты)
Сосисок купи еще / килограмм / мама просила //

(А): (кивает) *Угу //*

(В): (в раздражении ударяет мужчину по голени палкой) *Куда?! //*

(Г): [...] (морщится от боли, отворачивается от коммуниканта В)

(Б): [...] (отворачивается, спокойно взвешивает сосиски)

(А): [...] (с понимаем взглянула на коммуниканта Г)

(Б): (с улыбкой) *Ваши сосиски // С Вас 580 руб. //*

(А): (берет товар) *Спасибо! //* (расплачивается, протягивает пакет с продуктами коммуниканту Г) *До свидания! //*

(Б): *Вам спасибо! // Приходите еще! //*

(В): (недовольно бормочет про себя)

Данный диалог наглядно показывает отличие толерантности от вежливости. Молчание коммуниканта (Г) нацелено на подавление собственной реакции на агрессию ради ухода от конфликтной ситуации. Поведение коммуниканта (В) не может быть понято, принято; никто из участников общения даже не пытается

вступить с ним в коммуникацию, оправдаться, объяснить, защитить свою позицию, то есть выстроить с ним единое коммуникативное пространство. Более того, коммуниканты (А), (Б), (Г) выстраивают собственное коммуникативное пространство с целью не допустить конфликтной ситуации, поддержать в этом друг друга, при этом максимально дистанцируясь от агрессора (отворачиваются, спокойно и доброжелательно продолжают свою деятельность, общаются утрированно вежливо).

Толерантное молчание сопровождается определенными невербальными средствами: коммуниканты *отворачиваются, смотрят в другую сторону, пристально изучают какой-либо предмет, недовольно морщатся, поджимают губы.*

Толерантное молчание характеризует поведение и третьих лиц, которых пытаются вовлечь в конфликтное общение субъект агрессии.

2.4. Основное отличие толерантного общения – его дистантность. Дистанция в данном виде общения может быть охарактеризована как социальная, без попыток коммуникантов ее сократить, перевести в разряд личной, интимной. Именно высокая степень дистантности и обуславливает превалирование толерантного типа поведения, который в основном реализуется посредством молчания. Субъектами толерантного речевого поведения являются мужчины и женщины молодого и среднего возраста (20 – 55 лет), что составляет 83 %. Как показал эксперимент, этот тип общения присущ городским жителям. В социологии толерантность обозначена как отличительный признак современной городской культуры с преобладающей индивидуалистской этикой и идеологией, где «современная жизнь мегаполиса трансформирует существование индивида», превращая его в индивид атомарный [Митрофанов, Желтухин, 2008, с. 81-82]. Молчание выступает не столько как тактика ухода от конфликтного общения, сколько – как тактика защиты собственного пространства, попытка не допустить в него чужого. С этой точки зрения **толерантность может быть охарактеризована как деструктивное**

речевое поведение, поскольку конструктивное предполагает нацеленность на взаимодействие, на диалог с учетом интереса собеседника.

(19) Диалог в транспорте. *Участники:* кондуктор (А), пассажир в алкогольном опьянении (Б), водитель (В), пассажиры.

(А): *Все оплатили? // Мужчина! // Билет покупаем //*

(Б): (шатаясь) [...]

(А): *Мужчина / оплачиваем за проезд! //*

(Б): (берет его за руку) *Мужчина! // Платим или выходим //*

(А): (вырывает руку) *Б...дь! //*

(Б): *Выходи давай! //*

Пассажиры на мгновение обращают внимание на инцидент, затем равнодушно отворачиваются, смотрят в окно, в телефон.

(Б): (нажимает на кнопку вызова водителя)

(В): (выходит из кабинки с инструментом, похожим на большой гаечный ключ) *Выходи давай! //* (практически выталкивает из автобуса)

(Пассажиры равнодушно окидывают взглядом, отворачиваются, продолжают смотреть в никуда, некоторые возвращаются к гаджетам. Одна пожилая женщина укоризненно покачивает головой, выражая оценку происходящему).

(20) Диалог в трамвае. *Участники:* мужчина в состоянии алкогольного опьянения (А), женщина лет 25-30 (Б). Мужчина заходит в вагон, садится напротив женщины.

(А): *Почему Вы такая грустная? //*

(Б): (равнодушно посмотрела, отвернулась) [...]

(А): *Улыбнитесь / а то сидите как бука //*

(Б): (равнодушно посмотрела, отвернулась) [...]

(А): *Давайте я Вам анекдот расскажу //*

(Б): [...]

(А): *Нет / ну давайте я все же расскажу //*

(Б): [...]

(А): *Выходит муха из бара / пытается взлететь... / Вы слушаете? //*

(Б): [...] (достаёт телефон, смотрит в телефон)

(А): (встает, пересаживается на другое место).

Толерантность – тип речевого поведения современного жителя мегаполиса. Несмотря на тот факт, что в лингвистической литературе данное речевое поведение рассматривается в одном ряду с вежливостью как конструктивное общение, толерантность с попытками коммуниканта сохранить свое пространство, не допустить в него другого противопоставлено вежливости с ее нацеленностью на другого. На границе толерантности и вежливости часто возникает недопонимание:

(21) Диалог в автобусе. *Участники*: пожилая женщина (А), женщина средних лет (Б). Сидят вместе.

(А): *Весна-то нынче какая / такого не помню / что с рассадой делать будем //*

(Б): (взглянула, улыбнулась вежливо, отвернулась) [...]

(А): (трогает за рукав, привлекает внимание) *Я в прошлом году-то уже в конце апреля посадила / внуки приехали / (с гордостью) они у меня в Москве учатся / а у меня уже огурчики свои //*

(Б): (отняла руку, посмотрела мельком на соседку, улыбнулась, отвернулась) [...]

(А): *А семья-то есть? / Не садишь для деток? //*

(Б): (смотрит в окно) [...]

(А): (ловит взгляд, ожидает ответа) [...]

(Б): (достаёт телефон, надевает наушники) [...]

(А): (тихо, про себя) *Что за люди [...] //*

Отметим, что диалоги, собранные среди жителей с сельским укладом жизни, в основном относятся к вежливому типу поведения (91 %), характеризующимся заинтересованностью участников общения, повышенным вниманием к собеседнику, позитивными оценками, сокращением дистанции до личной, переходом на неофициальность общения.

(22) Диалог на улице около маленького магазинчика. *Участники*: студентки, фиксирующие диалоги (А), женщина, стоящая около магазина (Б), продавец (В).

(Б): *Девочки / что-то ищете? // Заблудились поди? //*

(А): *Нет / спасибо //*

(Б): *А что ищете-то? // К кому вы? //*

(А): (смущаясь от внимания) *У нас просто практика //*

(Б): *Практика? // Учитесь значит // Молодцы! // А практикуетесь-то на чем? // У нас вроде ничего такого нет //*

(В): (выходит из магазина) *Тамара / корм для твоего Федота сегодня привезут //*

(Б): *Спасибо / зайду / вон девчонки / на практике у нас // Учатся //*

(В): *Хорошо // А то сейчас молодежь не очень учиться-то // Девочки / где учитесь? //*

(А): *В УдГУ // На филфаке //*

(В): *Учителями значит будете // (обращается к (А)) Слышь / Это как у Семеновых / дочка / (к студентам) Катю Семенову не знаете / у вас она там //*

(Б): *Не / не знаем // (растерянно оглядываются) Ну мы пойдём / нам надо //*

(В): *Давайте учитесь / что надо / спрашивайте / тут я / в магазине //*

В данном диалоге интересно и речевое поведение студентов – носителей городской культуры, некомфортно себя чувствующих от внимания, от необходимости вступать в общение.

3. Выделим отличительные релевантные признаки конструктивного речевого поведения, вежливости и толерантности, характерные для бытового общения. Данные представлены в таблице 25.

Как видим, релевантные признаки вежливости и толерантности пересекаются. Каким образом различить данные типы в бытовом взаимодействии с молчанием в своей структуре?

Молчание способно выступать как маркер того или иного типа поведения в контексте с другими, материально выраженными, маркерами.

Таблица 25. Релевантные признаки вежливости и толерантности как видов речевого поведения

Отличительные особенности	Вежливость	Толерантность
Тип общения	конструктивный	конструктивный / деструктивный
Сфера общения	бытовая	бытовая
Характерные черты	коммуникативный оптимизм; эмотивность.	равнодушие / лояльность / терпимость к иному; признание права другого на существование
Отношение адресанта к собственному коммуникативному пространству и пространству адресата	создание качественно новых речевого, аксиологического, когнитивного пространства, общего для адресанта и адресата на рациональной и иррациональной основах	сохранение в неприкосновенности коммуникативного пространства как адресанта, так и адресата
Отношение к собеседнику	ориентированность на партнера по коммуникации; готовность помочь собеседнику в решении его коммуникативной задачи	признание права партнера на собственную коммуникативную задачу и способы ее решения; действия коммуникантов обусловлены их намерениями, речевыми, аксиологическими, когнитивными приоритетами
Оценка предмета речи	синхронизированная с оценкой собеседника	нейтральная / отрицательная в случае нарушения коммуникативного пространства адресанта
Внешнее проявления	демонстрация заинтересованности в позиции субъекта речи, предмете речи	спокойное, уравновешенное, отстраненное
Реакция на агрессию	сдерживание агрессии; уход от агрессии	сдерживание агрессии; уход от агрессии
Основные стратегии решения коммуникативной задачи	стратегия сближения, направленные на контакт, на сокращение дистанции	стратегия сохранения собственного коммуникативного пространства и пространства собеседника
Преобладающие тактики	-согласие -сочувствие -успокоение -поддержка	-субъективизация -акцент на границы личной компетенции, личных предпочтений -мнимое согласие -равнодушие -тщетность разговора -уход (от согласия, оценки, ответа, темы, коммуникации)
Основные функции молчания	-сопровождение эмпатическое / активное слушание -предоставление права речи партнеру в ущерб себе	- сопровождение пассивного слушания - предоставление права речи партнеру - уход от некомфортного коммуникативного состояния (оценки, темы, предмета речи и др.)

Как показал анализ, при *рациональном вежливом речевом поведении* молчание функционирует в контексте уточняющих вопросов, перефразирований, повторов, парафраз; изобилуют открытые вопросы. Из невербальных компонентов отметим кивки головы, внимательный взгляд, устремленный на собеседника, легкий поворот головы, легкое раскачивание корпуса. Дистанция нейтральная с эпизодическим сближением. Частотны паралингвистические вокализованные элементы «гм», «угу» с подбадривающей интонацией. Мимика может выражать эмоции, например удивления (поднятые брови), радости (легкая улыбка), но чаще характеризуется как нейтральная. Намерение субъекта речи явно: демонстрируется открытая заинтересованность в собеседнике. Используются речевые акты, направленные на детализацию и уточнение информации; мимика, жестикуляция, положение корпуса и головы характеризуются как нейтральные или невыраженные; взгляд сигнализирует собеседнику, что его слушают внимательно.

Иррациональную вежливость характеризует большое разнообразие тактик (богатый вербально-вокализованный контекст), паралингвистических элементов общения; выраженная жестикуляция и мимика указывают на стремление молчащего поддержать собеседника; средняя доля вербально-вокализованных вкраплений обусловлена желанием слушающего дать высказаться говорящему.

Положение корпуса, сокращенная дистанция, преобладание тактильных жестов, характер паралингвизмов, зеркально отражающих состояние собеседника, свидетельствуют о наличии общего коммуникативного пространства, основанного на гармонизации эмоциональной составляющей общения.

Молчание в структуре *толерантного речевого поведения* реализует свои специфические тактики. В основном, эта тактика ухода из зоны дискомфорта для субъекта речи: дискомфорт может создаваться темой разговора, предметом речи, оценкой, поведением партнера или его ценностями, противоречащими нормам адресанта и т. п. Молчание часто обусловлено лишь требованиями речевого этикета. В этом случае молчание редко прерывается вербально-вокализованными вкраплениями: невокализованный контекст преобладает над вокализованным. Паралингвистические элементы либо редки, однообразны либо отсутствуют.

Интонация нейтральная. Мимика, жестикация не выражены. Положение корпуса и головы, увеличение дистанции указывают на стремление слушающего сохранить свое пространство. Намерения слушающего не считывается. Молчание в данном виде взаимодействия является лишь этикетным условием говорения другого и в сочетании с иными, материально выраженными компонентами общения, является отличительным признаком толерантности.

Отметим, что для разграничения вежливости и толерантности важна не столько качественная характеристика признака, сколько степень его проявления (количественная характеристика), что представлено в таблице 26.

На рисунке 11 показаны количественные характеристики проявления релевантных признаков в разных типах поведения, где показатель 3 – высокая степень проявления, 2 – средняя, 1 – низкая, 0 – невыраженная, нейтральная. При характеристике положения корпуса, головы, дистанции общения показатель указывает как на сближение, так и на удаление; это показатель отклонения от нормы. Отметим, что признаки проявляют себя в разной степени даже в зависимости от типа общения: горизонтального или вертикального. Особенно это ярко выражено при рациональном вежливом речевом поведении.

Таким образом, молчание способно нести информацию о намерении и установке коммуникантов. Именно намерение обуславливает выбор молчащим различных материально выраженных (вербально-вокализованных и невербальных) средств общения, в сочетании с которыми молчание выступает маркером различных типов речевого поведения: вежливости и толерантности.

Таблица 26. Молчание в структуре вежливого и толерантного речевого поведения. Степень проявления релевантных признаков

Признаки	Вежливость (рациональная основа гармонизации коммуникативных пространств)	Вежливость (иррациональная основа гармонизации коммуникативных пространств)	Толерантность
Намерение субъекта	открытая заинтересованность в собеседнике	сопереживание адресату, гармонизация с адресатом чувств, эмоций, мыслей	скрыто
Речевой этикет	соблюдается	соблюдается	соблюдается
Вербальные вкрапления (доля)	высокая	низкая	низкая
Вербальный контекст	уточняющие вопросы, перефразирование, повтор, парафразы, открытые вопросы	речевые акты сочувствия, сопереживания, поддержки, согласия, успокаивания	не выражен
Невербальное сопровождение			
- мимика	нейтральная / заинтересованная; выражает эмоции удивления (поднятые брови), доброжелательности (легкая улыбка)	богатая мимика (удивления, радости, страха, грусти и других эмоций); зависит от эмоционального состояния собеседника	нейтральная
- взгляд	внимательный; устремленный на собеседника	участливый; устремленный на собеседника	скользящий взгляд на собеседника; взгляд от собеседника; преднамеренное отсутствие взгляда
- дистанция общения	нейтральная с эпизодическим сближением	сближенная	нейтральная с эпизодическим увеличением
- паралингвизмы	«гм», «угу» с подбадривающей интонацией	вздохи, паралингвизмы, («уф», «брр», «угу»), зеркальные состоянию собеседника	редкое звуковое сопровождение с нейтральной интонацией («угу»)
- положение корпуса	легкое раскачивание корпуса	сближение дистанции	отклонение корпуса от собеседника
- положение головы	кивки головы	покачивание головой, кивки головой	не выражено
- жесты	не выражено	тактильные (поглаживание собеседника, похлопывание по руке и др.)	не выражено

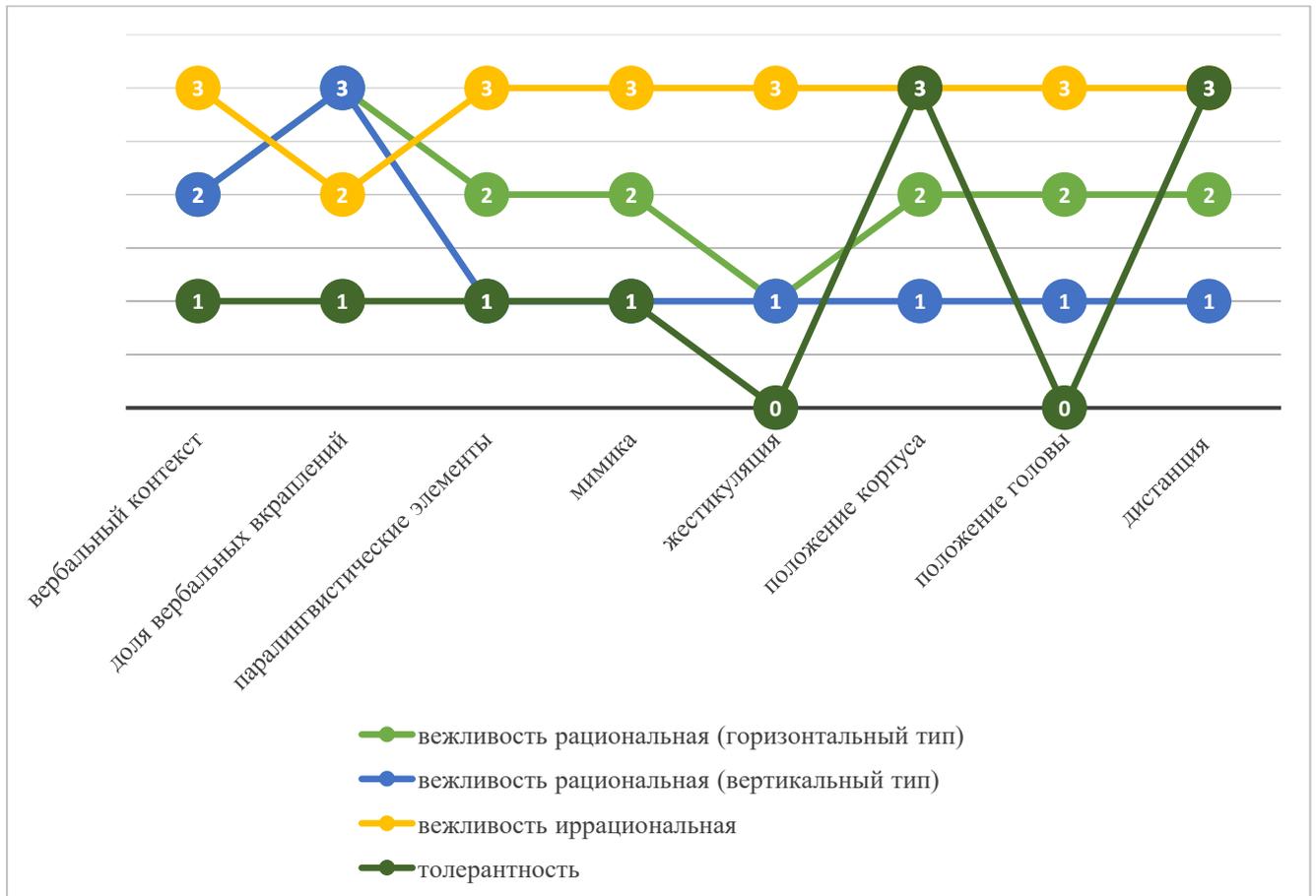

Рисунок 11. Степень проявления релевантных признаков вежливого и толерантного речевого поведения

5.2.4. Молчание и модели коммуникативного взаимодействия

В бытовом общении диалоги с нулевым высказыванием создают различные типы взаимодействия. Молчание преднамеренное, интенциональное, присуще всем видам речевого поведения: агрессии, вежливости и толерантности.

Интенциональное молчание обуславливает выделение следующих типов агрессивного взаимодействия:

- тип 1: агрессия – агрессия,
- тип 2: агрессия – вежливость,
- тип 3: агрессия – толерантность.

Из общей массы зафиксированных диалогов наименее характерным для бытового общения является тип 1 «агрессия – агрессия» (2,6 %); наиболее частотным – тип 3 «агрессия – толерантность» (74 %). Тип 2 «агрессия – вежливость» составляет 23,4 % (см. рисунок 12).

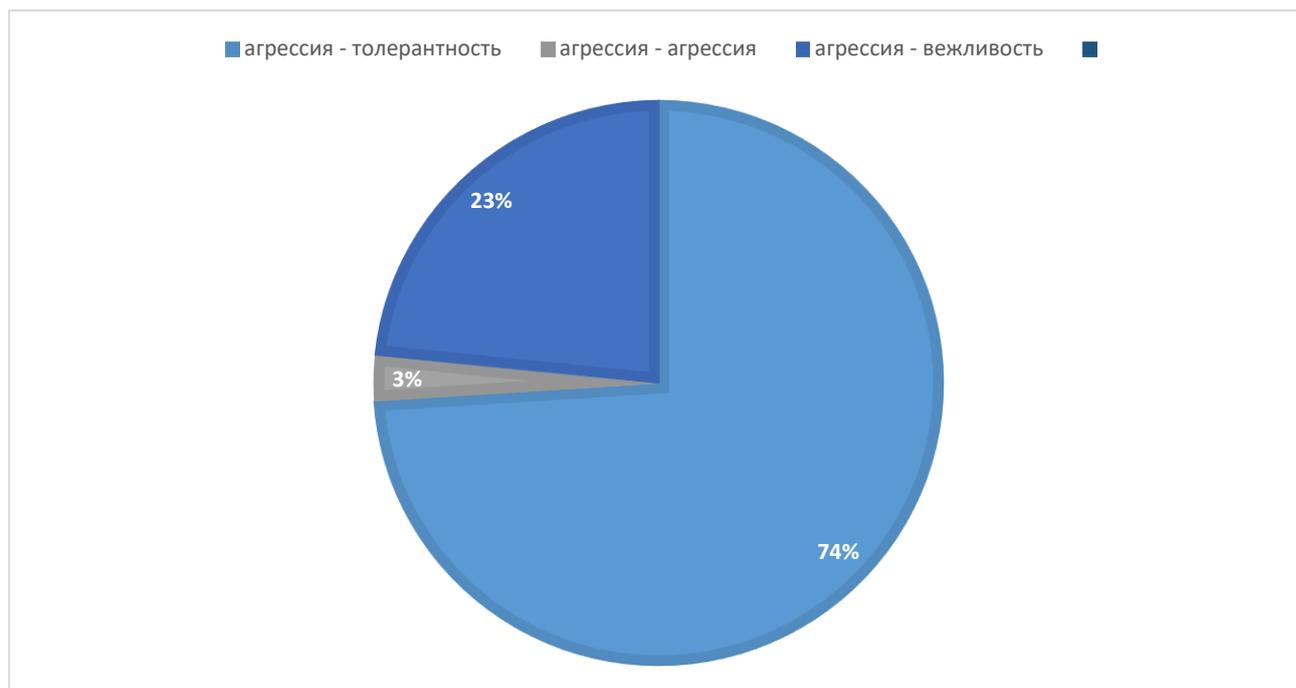

Рисунок 12. Типы агрессивного взаимодействия

Конструктивное речевое поведение отличается следующими типами взаимодействия:

- тип 4: вежливость – вежливость,
- тип 5: вежливость – толерантность.

Отметим, во-первых, толерантность характеризуется прежде всего как ответное речевое поведение, в отличие от вежливого, что может быть обусловлено тем, что коммуникант вступает в контакт, будучи заинтересованным в адресате своего сообщения. Во-вторых, анализ диалогов в бытовом дискурсе позволил уточнить сферу общения: если на материале публичного общения ученые пришли к выводу, что толерантность – это ответное поведение на речевую агрессию (см.,

например, [Воронцова, 2006], то проведенный эксперимент доказал частотность толерантного речевого поведения как ответа на вежливость преимущественно в городской коммуникативной среде. Городская / сельская субкультуры обусловили и частотность типов конструктивного взаимодействия: тип 5 присущ городским жителям (69,3 %), тип 4 – сельским (82 %) (см. рисунок 13).

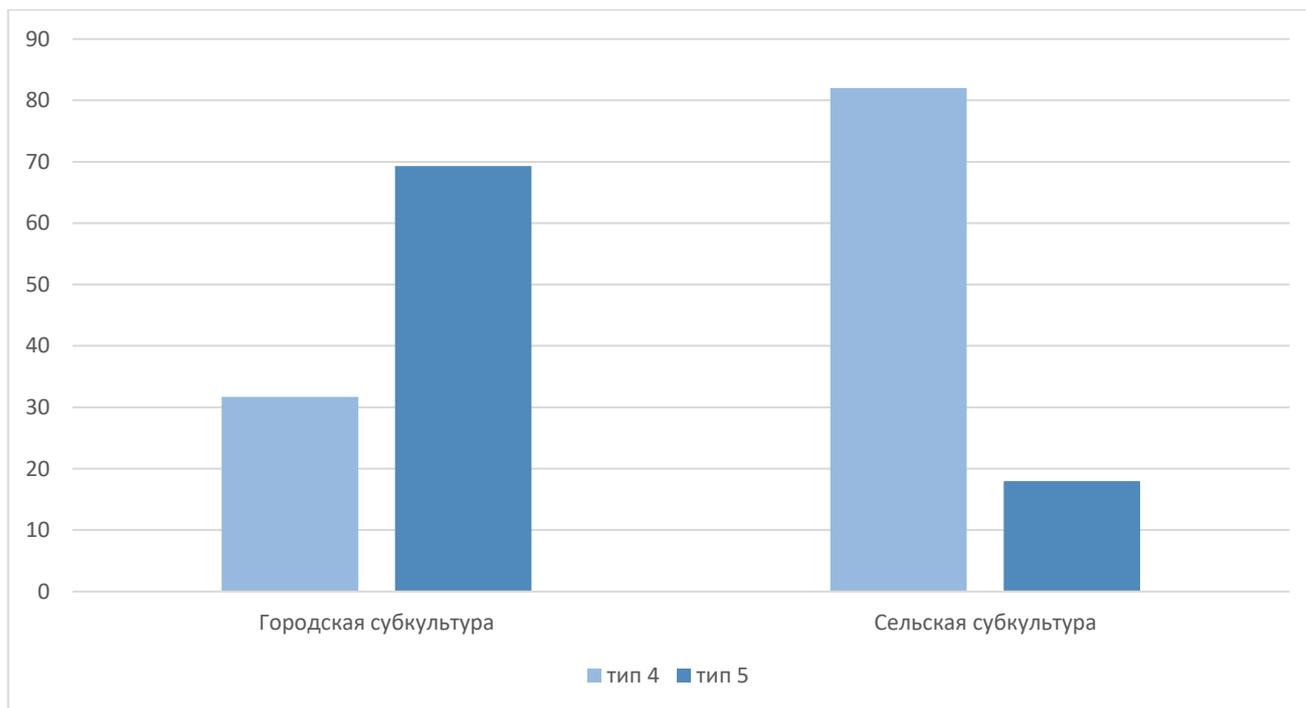

Рисунок 13. Типы конструктивного речевого поведения

Отдельно выделим тип 6 «вежливость – агрессия», характерный как для горизонтального типа общения (агрессия направлена от коммуникативно сильного к коммуникативно слабому), так и вертикального (от власть имущего к просителю). Молчание как игнорирование, как отсутствие ответа достаточно частотно. В межличностном горизонтальном общении занимает 17 %, в вертикальном – 53 %. Как показал эксперимент, часто адресат не воспринимает поведение собеседника как агрессивное, особенно при вертикальном общении, когда речевой агрессор – носитель определенной функции. В данном случае речевые маркеры агрессии

«обнуляются» социокультурными стереотипами. Таким образом, **во-первых, на классификацию речевого поведения влияет и восприятие адресата, его интерпретация, а не только установки адресанта, во-вторых, типы речевого поведения социокультурно обусловлены.**

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 5

Анализ бытового общения подтвердил выводы, полученные в работе ранее: молчание является неотъемлемой частью лингвокультуры, обладает многоплановостью проявления в коммуникативном поведении.

Молчание характерно для бытового общения, в котором, по признанию многих лингвистов, максимально полно отражается национально-культурная специфика, в отличие от других видов общения, отличающихся выраженной конвенциональностью. Как показал эксперимент, доля нулевых реплик из общего количества высказываний составляет 12,7%. Молчание в контексте других, материально выраженных (вербально-вокализованных и невербальных) элементов способно выступать маркером того или иного типа речевого поведения.

Агрессивное речевое поведение в бытовом общении достаточно частотно (62,7% от общего числа зафиксированных диалогов).

Молчание, являясь одним из компонентов речевой агрессии, характеризует как субъекта речи, так и объекта воздействия. Молчание субъекта агрессии носит интенциональный характер и реализуется с помощью следующих тактик: демонстрации обиды, обвинения, игнорирования (собеседника), лишения права речи, вычеркивания из коммуникации, прекращения коммуникации, умаления значимости адресата, акцентирования на собственной значимости и значимости выполняемой работы. Объект агрессии может действовать осознанно, избегая конфликтного общения, используя тактики ухода от конфликта, подмены темы, ухода от коммуникации, игнорирования. В случае, когда субъект агрессии добивается поставленной цели, вынуждает адресата действовать по его коммуникативному плану, лишает выбора собственных стратегий, молчание объекта агрессии носит неинтенциональный характер.

Наиболее частотными типами агрессивного взаимодействия является тип «агрессия – толерантность» (74%), тип «агрессия – вежливость» (23,4%); тип «агрессия – агрессия» не характерен, в частности, для русского коммуникативного

поведения (2,6 %), так как коммуниканты стараются избегать конфликтного общения. Особо отметим тип «вежливость – агрессия». Молчание указывает в данном случае на отсутствие ответа, игнорирование, но в большинстве случаев не воспринимается объектом как агрессивное поведение под воздействием социокультурных стереотипов.

Конструктивное речевое поведение занимает 37,3 % от общего количества взаимодействий в бытовой сфере. В бытовом общении коммуниканты стремятся к созданию качественно нового коммуникативного пространства на основе гармонизации чувств и эмоций (иррациональной основе) либо мыслительных действий (рациональной основе). В зависимости от этого были выделены иррациональный и рациональный типы вежливого речевого поведения. Как показал эксперимент, данные типы обладают разным набором маркеров, нулевых и материально выраженных.

Молчание способно выступать маркером того или иного типа конструктивного речевого поведения в контексте с другими коммуникативными элементами. При *рациональном вежливом речевом поведении* молчание, сопровождающееся мимикой, жестикуляцией, положением корпуса и головы, сигнализирует собеседнику, что его слушают внимательно. *Иррациональную вежливость* характеризует большое разнообразие тактик; выраженная жестикуляция и мимика указывают на стремление молчащего поддержать собеседника; средняя доля вербально-вокализованных вкраплений обусловлена желанием слушающего дать высказаться говорящему.

Молчание в структуре *толерантного речевого поведения* является, во-первых, этикетным условием говорения другого, во-вторых, реализует некоторые специфические тактики, связанные с уходом от коммуникации, чаще конфликтной, либо с защитой собственного коммуникативного пространства.

Выделенные типы речевого поведения социокультурно обусловлены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целью данного исследования являлось изучение категории молчания в коммуникативной деятельности с позиции когнитивно-дискурсивного подхода.

Анализ теоретической литературы по данной проблематике показал, что молчание начинает изучаться в контексте речевой коммуникации как универсальная коммуникативная категория. На сегодняшний день создано обширное поле лингвистических исследований, главными тезисами которых являются следующие: подобно речи, молчание способно функционировать в общении, порождая многие смыслы; обладая многозначностью и полифункциональностью, оно раскрывает свои значения только в коммуникативном контексте. Настоящим прорывом для научного осмысления молчания явилась теория речевых актов (ТРА): молчание способно функционировать как нулевой знак, нулевой речевой акт. Данное направление активно развивалось в лингвистике вплоть до начала XXI в.

Когнитивно-дискурсивная парадигма, в рамках которой проведено данное исследование, выявляет пробелы теоретического описания молчания: идея тождества *речь – молчание* остается в лингвистике без развития, актуализируя проблему недостаточности научно-понятийного аппарата, в силу чего не был определен статус молчания как средства вербальной / невербальной коммуникации. Под влиянием идей ТРА осталось за рамками научного исследования молчание, не являющееся актом, знаком, но, вместе со словом, составляющее суть человеческой коммуникации. Современная научная парадигма в лингвистике, а вместе с ней и развивающиеся теории речевой деятельности, дискурса, речевого поведения позволили в рамках данной работы, во-первых, преодолевать ограниченность ТРА, развить идею молчания как знака, во-вторых, выявить особенности функционирования молчания с точки зрения целого коммуникативного события, дискурса, речевой деятельности, в-третьих, перенести акцент с молчания как структурной единицы на его создателя и интерпретатора, то

есть посмотреть на молчание с точки зрения коммуникантов – носителей определенного языкового сознания.

Обращение к фактам различных национальных языков позволило сделать следующие выводы.

Коммуникативное взаимодействие характеризуется частотным обращением коммуникантов к молчанию, образуя сложную систему его видов. В структуре общения молчание определено нами как молчание коммуникативное. Будучи включенным в структуру взаимодействия, оно передает информацию о молчащем коммуниканте, интерпретируется другими участниками данного взаимодействия и может способствовать коммуникативному процессу. Вне коммуникативного пространства находится молчание физиологическое и молчание, имеющее психологическую обусловленность.

Коммуникативное молчание может быть коммуникативно значимым, то есть выступать как нулевой знак, и коммуникативно незначимым, то есть не иметь знаковой природы. Коммуникативное молчание может характеризоваться интенциональностью (коммуникативно значимое молчание, пауза, табу). Коммуникативное неинтенциональное молчание так же важно для общения, как и интенциональное, так как обладает информацией о состоянии одного из коммуникантов, что позволяет собеседникам корректировать ход взаимодействия (например, при аффектном молчании).

Коммуникативное молчание, подобно слову, способно выполнять в коммуникации множество разнообразных функций. Специфической, следовательно, основной является функция заместительная, заключающаяся в способности молчания замещать как вербальные элементы, так и невербальные.

Молчание, функционирующее вместо вербально-вокализованных элементов, имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения, обозначено нами как молчание эквивалентное. Критерием выделения эквивалентного молчания является возможность реконструировать материально выраженный аналог. Молчание, не имеющее во взаимодействии вербальной или невербальной

альтернативы, определяется как безэквивалентное. К данному типу молчания отнесем паузу, опустошенное молчание.

Эквивалентное молчание способно в структуре речевой деятельности замещать материально выраженные речевые элементы: слова, речевые поступки, речевые события. Данный тип молчания выступает как нулевой текст, акт, как коммуникативно значимое молчание. В национальной лингвокультуре, например русской, молчание может быть более информативно, чем слово, так как выражает чувства и эмоции человека.

Молчание выступает эквивалентом невербальных элементов, когда субъект находится под воздействием сильных эмоций, как положительных, так и отрицательных, в силу чего теряет способность к выражению неречевых кодов.

Молчание, как и говорение, сопровождается невербальными средствами (взглядом, жестом, телодвижением).

Молчание – это особый вид коммуникации, поскольку, в зависимости от того, какой элемент оно замещает, относится либо к невербальной коммуникации, либо к вербальной. От других коммуникативных компонентов молчание отличается отсутствием вокализации.

Особое место среди различных видов молчания занимает молчание коммуникативно значимое, способное функционировать как знак, образуя специфический акт. Минимальный акт молчания – двусторонняя единица, акт однократного обмена действиями (интеракция). Своеобразие акта молчания обусловлено наличием нулевого текста, кодом, особенностями интерпретации адресатом.

Являясь универсальной категорией человеческого общения, молчание наиболее полно раскрывает свое значение в координатах национальной культуры. Репрезентация молчания в национальном языке отличается общим (прагматическое молчания) и специфичным.

Например, в русской лингвокультуре молчание – это сложное многоструктурное образование, обладающее богатой и разнообразной языковой

фиксацией, в которой отражены историческое влияние религиозно-философской системы, специфика русской культуры и русского коммуникативного поведения.

Исторически развиваются компоненты значений, связанных с молчанием как духовной практикой и с отсутствием речевой деятельности (прагматическое молчание). Постепенно молчание как 'религиозный акт' уходит на периферию значения; умение созерцать, молчать с целью самопознания обуславливает компоненты, связанные, с одной стороны, с немногословием, неразговорчивостью как склонностью человека, с другой – со способностью выразить и понимать без слов как особенностью русского коммуникативного поведения.

По сравнению с другими языками, в том числе славянскими, репрезентация молчания как деятельности человека в современном русском языке богата и разнообразна. За каждой единицей-репрезентантом скрываются особенности коммуникативного молчаливого поведения. Релевантными и, как следствие, приобретающими свою собственную языковую фиксацию становятся следующие компоненты: 'преднамеренное, умышленное молчание', 'момент наступления молчания', 'сдержанность коммуникантов в речевой деятельности', 'контроль коммуникантов над своей речевой деятельностью, воздержание от ответа, подавление эмоций', 'отсутствие ответа', 'продолжительность молчания', 'склонность к молчанию', 'носитель признака'.

Особо выделим расширенное количество компонентов, связанных с преднамеренным молчанием.

Все это указывает на тот факт, что содержание молчания как ментальной единицы и функционирование молчания как коммуникативного компонента взаимообусловлены.

Специфика молчания выражается и в особом коде. Код молчания достаточно сложный по структуре: это сочетание языкового кода либо неязыкового (невербального) и культурного, заключающего в себе специфику лингвокультуры; данный код формируется исторически под воздействием множества факторов, отражает ментальные особенности, зафиксированные языком.

Код молчания как текста влияет на его интерпретацию реципиентом, носителем определенной культурной информации. Под адекватной интерпретацией мы понимаем раскодирование адресатом молчания, которое максимально приближено к коммуникативному замыслу адресанта. Молчание становится текстом в момент адекватной интерпретации адресатом. По степени адекватности интерпретации молчания в работе выделено 5 типов коммуникативного взаимодействия.

Таким образом, молчание наиболее полно раскрывает свое содержание в контексте национальной культуры. Так, в русской лингвокультуре молчание проявляет себя не только на уровне общения, но и на аксиологическом, когнитивном уровнях. Специфика молчания в русском коммуникативном взаимодействии – его выраженная национально-культурная обусловленность. Русское молчание больше, чем его прагматика. В координатах русской культуры информативно молчание природы, человека, даже если он не вовлечен во взаимодействие (опустошенное молчание), поскольку способность носителя ‘выражать’ и ‘понимать без слов’ формировалась и культивировалась исторически, способствовала разнообразному проявлению молчания на уровне общения. Молчание – сложное по своей структуре коммуникативно-культурное образование. Молчание – это лингвокогнитивная категория, обладающая специфическими категориальными признаками.

Определение статуса молчания, разработка понятийно-терминологического аппарата позволили лингвистически описать разнообразное проявление молчания в коммуникативном поведении. Например, молчание как неотъемлемая черта бытового общения в контексте других вербально-вокализованных и невербальных элементов не только является коммуникативным знаком речевой деятельности, но и, подобно материально выраженному тексту, способно служить маркером того или иного типа речевого поведения.

Таким образом, основными результатами данного исследования являются следующие.

1. Определены границы молчания как предмета лингвистического исследования, составлена его классификация.

2. Разработан научно-понятийный аппарат для всестороннего и объективного описания видов молчания.

3. Доказана обусловленность коммуникативного молчания национальной языковой культурой.

4. Доказана способность молчания служить маркером деструктивного и конструктивного национального речевого поведения, структурообразующим элементом в моделях взаимодействия, типичных для бытового общения.

5. Определен статус молчания как этноспецифичной лингвокогнитивной категории.

Считаем, что цель данного диссертационного исследования достигнута, гипотеза подтверждена.

К перспективам диссертационного исследования можно отнести:

– синхроническое и диахроническое исследование молчания в различных социокультурах;

– анализ общего и специфичного в структуре категории молчания, обусловленного различными субкультурами;

– изучение функционирования молчания в различных видах дискурса, особенно таких, где молчание регламентировано (в юридическом, дипломатическом, медицинском, политическом и др.) или отличается особенностями функционирования (в интернет-дискурсе);

– психолингвокультурное исследование категории молчания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишева, К. М. Категоризация и ее основные принципы / К. М. Абишева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №2. – С. 21-30.
2. Аболин, Б. И. Концепт "толерантность" в когнитивно-дискурсивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Аболин Б. И. – Екатеринбург, 2009. – 229 с.
3. Абрамова, В. И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому : дис. ... канд. филол. наук / В. И. Абрамова. – Москва, 2007. – 238 с.
4. Аверинцев, С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. – 476 с.
5. Адамец, П. К вопросу о "незамещенных позициях" в русских высказываниях / П. К. Адамец // Русистика. – 1990. – № 1. – С. 45-56.
6. Азнабаева, Л. А. Принцип вежливости в английском диалоге : монография / Л. А. Азнабаева. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – 198 с.
7. Акимова, О. Б. Семантика неизвестности и средства ее выражения в русском языке : дис. ... докт. филол. наук / О. Б. Акимова. – Москва, 1999. – 377 с.
8. Александрова, О. А. Пауза колебания – комплексный феномен современной коммуникации / О. А. Александрова, В. В. Иваницкий // Вестник Новгородского гос. университета. – 2003. – №25. – С. 95-101.
9. Александрова, О. А. Речекоммуникативный статус паузы колебания : дис. ... канд. филол. н. / О. А. Александрова. – Великий Новгород, 2004. – 208 с.
10. Алексеева, Л. М. Проблема термина и терминологического обозначения / Л. М. Алексеева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 120 с.
11. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-дискурсивная дихотомия знаков языка и речи / Н. Ф. Алефиренко // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 11, вып. 1. – С. 11-15.

12. Алефиренко, Н. Ф. Семантика языкового знака в дискурсивно–когнитивном освещении / Н. Ф. Алефиренко // Известия ВГПУ. – 2006. – № 3. – С. 3-7.
13. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта, 2005. – 416 с.
14. Андреев, В. В. Средства выражения семантики умолчания в произведениях З. И. Гиппиус : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Андреев. – Самара, 2007. – 184 с.
15. Анисимова, Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // ВЯ. – 1992. – № 1. – С. 71-78.
16. Анохин, П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса / П. К. Анохин. – Москва : Медицина, 1968. – 547 с.
17. Антология речевых жанров : повседневная коммуникация : моногр. изд. / под общ. ред. К. Ф. Седова. – Москва : Лабиринт, 2007. – 320 с.
18. Апресян, Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – С. 198-218.
19. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва, 1990. – С. 590.
20. Аристов, С. А. Невербальные компоненты коммуникации. / С. А. Аристов // Тверской лингвистический меридиан : теорет. сб. – Тверь, 1998. – Вып. 1. – С. 74-79.
21. Арутюнова, Н. Д. Молчание: контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: язык речевых действий. – Москва, 1994. – С. 106-117.
22. Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 389-390.

23. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.
24. Арутюнова, Н. Д. Феномен молчания / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 2000. – С. 417-436.
25. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики. Вступительная статья / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Прагмалингвистика. – Москва : Прогресс, 1985. – С.3-12.
26. Асмолов, А. Г. О динамическом подходе к психологическому анализу деятельности / А. Г. Асмолов, А. О. Петровский // Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д. Н. Узнадзе. – Тбилиси, 1973. – С. 70-80.
27. Асмус, В. Ф. Логика / В. Ф. Асмус. – Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1947. – 387 с.
28. Атаманова, Н. В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф. И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Атаманова. – Курск, 2006. – 226 с.
29. Ахманова, О. С. О предмете и метаязыке учебной лексикографии / О. С. Ахманова, Л. В. Минаева // Словари и лингвострановедение. – Москва, 1982. – С. 5-11.
30. Ахманова, О. С. Терминология лингвистическая / О. С. Ахманова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 509.
31. Бабаян, В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи : дис. ... докт. филол. наук / В. Н. Бабаян. – Белгород, 2009. – 389 с.
32. Баева, Е. М. Хезитационные явления в устных монологах низкой степени спонтанности / Е. М. Баева // Коммуникативные исследования. – 2018. - №1(15). – С. 75-84.
33. Баженова, И. С. Обозначение эмоций в художественном тексте (прагматический аспект) : дис. ... докт. филол. наук / И. С. Баженова. – Москва, 2004. – 418 с.

34. Балакай, А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания : дис ... докт. филол. наук / А. Г. Балакай. – Новокузнецк, 2002. – 345 с.
35. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
36. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва : Прогресс, 1989. – 616 с.
37. Басовская, Е. Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е. Н. Басовская // Критика и семиотика. – Новосибирск : НГУ, 2004. – С. 257-263.
38. Бахтин, М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. Работы 1940–х–начала 1960–х годов / М. М. Бахтин. – Москва : Рус. сл., 1996. – 732 с.
39. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; [примечания С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова]. – Москва : Искусство, 1986. – 444 с.
40. Беляев, Б. В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б. В. Беляев. – Москва : Просвещение, 1965. – 174 с.
41. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. Пер. с фр. Ю.Н. Караулова [и др.]. – 2. изд., стер. – Москва : УРСС, 2002. – 446 с.
42. Блохина, Л. П. Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках / Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. – Москва : МГПИИЯ им. М. Горького, 1986. – 115 с.
43. Богданов, В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации / В. В. Богданов // Языковое обобщение и его единицы. – Калинин : КГУ, 1986. – С. 12-18.
44. Богданов, В. В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении / В. В. Богданов // Языковое общение и регулятивы. – Калинин, 1978. – С. 18-25

45. Богданов, В. В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении / В. В. Богданов // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин : КГУ, 1987. – С. 18-25.
46. Богданов, К. А. Очерки по антропологии молчания. *Nomo Tacens* / К. А. Богданов. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. – 352 с.
47. Бодуэн де Куртене, И. А. Об одной из сторон постепенного человечения языка в области произношения, в связи с антропологией / И. А. Бодуэн де Куртене // Избранные труды по общему языкознанию. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963, 1963. – Т. 2. – С. 118-128.
48. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : Издательский дом Тамбовского гос. ун-та, 2014. – 236 с.
49. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 5-12.
50. Бондарко, А. В. К истолкованию понятия «функция» / А. В. Бондарко // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. – 1987. – № 3. – С. 211-221.
51. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондаренко. – Ленинград : Наука, 1990. – 264 с.
52. Бондарко, Л. В. Звуки речи / Л. В. Бондарко // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – С. 46.
53. Бондарко, Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи / Л. В. Бондарко. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1981. – 199 с.
54. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. – Москва : Либроком, 2009. – 286 с.
55. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог / И. Н. Борисова. – Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2001. – 408 с.
56. Борозина, И. С. Лингво-когнитивное моделирование реляционных речевых актов : дис. ... докт. филол. наук / И. С. Борозина. – Курск, 2012. – 456 с.

57. Бубер, М. Диалог / М. Бубер // Два образа веры. – Москва, 1995. – С. 93-125.
58. Булгаков, С. Н. Православие: очерки учения православной церкви / С. Н. Булгаков. – Москва : Терра, 1991. – 413 с.
59. Булыгина, Т. В. Синтаксические нули и их референциальные свойства / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Типология и грамматика / отв. ред. В. С. Храковский. – Москва : Наука, 1990. – С. 109-117.
60. Бурая, Е. К. К вопросу о периодичности как основы ритма / Е. К. Бурая // Фонология и интонация. – Москва : МГПИИЯ, 1983. С. 118-130.
61. Бутакова, Л. О. Когнитивное, дискурсивное, психолингвистическое: комплексность исследований как лингвистическая необходимость / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // Перспективные направления современной лингвистики. – Москва : РУДН, 2020. – С. 9-14.
62. Бутенко, Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии / Е. Ю. Бутенко // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2008. – №26 – С. 321-328.
63. Васильев, Л. Г. Проблема речевого воздействия: отечественные и зарубежные подходы : монография / Л. Г. Васильев. – Калуга : Калужский гос. ун-т, 2016. – 151 с.
64. Васильев, Л. М. Актуальные теоретические проблемы современной лингвистической семантики / Л. М. Васильев // Вестник БашГУ. – 2009. – Т. 14, вып. 3(1). – С. 1155-1160.
65. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – Москва : Высш. шк., 1990. – 175 с.
66. Введенская, Л. А. Русский язык и культура речи : Учеб. пособие для вузов / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова, Е. Ю. Кашаева. – Ростов н/Д : Феникс, 2000. – 537 с.
67. Вилявина, И. Ю. Художественное своеобразие прозы Л. Андреева: Зарождение и развитие русского экспрессионизма : дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Вилявина. – Москва, 1999. – 173 с.

68. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – Москва : Наука, 1993. – 173 с.
69. Виролайнен, М. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности / М. Виролайнер. – Санкт-Петербург : Амфора, 2003. – 503 с.
70. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн. – Москва : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 234-238.
71. Витель, Е. Б. Инверсия смыслов в художественной культуре XX века: от антропоцентризма к "Новой художественной реальности" : на материале творчества Д. Шостаковича : дис. ... докт. культурологии / Е. Б. Витель. – Кострома, 2010. – 364 с.
72. Власова, И. В. Толерантность и коммуникация: динамика взаимодействия / И. В. Власова // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. – 2009. – № 3-1. – С. 145-152.
73. Волков, А. Г. Язык как система знаков / А. Г. Волков. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1966. – 87 с.
74. Волков, В. В. Семантическая доминанта и семантическое поле как опорные единицы анализа художественного произведения / В. В. Волков, И. В. Волкова // Вестник ТвГУ – 2014. – №3. – С. 279-283.
75. Воробьев, В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьев. – Москва : РУДН, 2008. – 336 с.
76. Вороновская, И. В. Функционально-семантическая категория неопределенности в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Вороновская. – Львов, 1984. – 207 с.
77. Воронцова, Т. А. Деструктивное речевое поведение в публичном диалоге / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Сер. Филология. – 2005. – Вып. 2. – С. 75-80.
78. Воронцова, Т. А. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Филологический класс. – 2017. – № 3. – С. 29-33.

79. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость / Т. А. Воронцова // Солганик Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик. – Москва : Изд-во МГУ, 2012. – С. 569-611.
80. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2006. – 252 с.
81. Воронцова, Т. А. Риторика как публичная коммуникация / Т. А. Воронцова. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. – 130 с.
82. Воронцова, Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) / Т. А. Воронцова // Cuadernos de Rusística Española. – 2009. – № 5. – С. 21-31.
83. Воронцова, Т. А. Молчание в структуре агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – Т. 13. – Р. 97-109.
84. Воронцова, Т. А. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Филологический класс. – 2017. – № 3. – С. 29-33.
85. Воронцова, Т. А. Тактики толерантности в бытовом диалогическом дискурсе / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2021. – №1, вып. 447. – С. 26-33.
86. Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – Москва : Школа, 1998. – 766 с.
87. Гальперин, П. Я. Введение в психологию / П. Я. Гальперин. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 150 с.
88. Гаспаров, Б. М. Вокализация речи и ее роль в языковом поведении / Б. М. Гаспаров. – URL : <http://hdl.handle.net/10995/18223> (дата обращения: 29.01.2019).
89. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ : Лингвистика яз. существования / Б. М. Гаспаров. - Москва : Новое лит. обозрение, 1996. – 351 с.

90. Горбачева, Е. Н. Спор как лингвокультурный концепт : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Горбачева. – Астрахань, 2006. – 240 с.
91. Горных, А. А. Воображаемый «Другой» Ж. Лакана / А. А. Горных // Топос–2000. – 2001. – № 1. – С.41-49.
92. Городецкий, Б. Ю. Термин и его лингвистические свойства / Б. Ю. Городецкий // Структурная и прикладная лингвистика. – 1987. – Вып. 3. – С. 3-10.
93. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 217-237.
94. Грек, А. Г. О словах со значением речи и молчания в русской духовной традиции / А. Г. Грек // Логический анализ языка: язык речевых действия. – Москва : Наука, 1994. – С. 117-127.
95. Гриненко, Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация: логико-семиотический анализ вербальной магии / Г. В. Гриненко. – Москва : Новый век, 2000. – 448 с.
96. Груздева, Е. Ф. Фигура умолчания, ее типы и функции в языке русской прозы : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ф. Груздева. – Москва, 1993. – 169 с.
97. Губанов, Н. И. О специфике знака / Н. И. Губанов // Философские науки. – 1981. – № 4. – С. 42-46.
98. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 448 с.
99. Гуревич, Л. С. Коммуникативный акт Vs речевой акт: проблемы соотношения понятий / Л. С. Гуревич // Вестник НГУ. – 2007. – Т. 5, вып. 1. – С. 103-108.
100. Гуриченко, Н. А. Взаимодействие компонентов лексико-семантических полей "Человек" и "Природа" в метафоре Ф.И. Тютчева : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Гуриченко. – Москва, 2005. – 174 с.
101. Даниленко, В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – Москва : Наука, 1977. – 246 с.

102. Данилов, С. Ю. Тактика молчания в речевом жанре проработки / С. Ю. Данилов // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 67-78.
103. Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк. – Москва : Прогресс, 1989 – 312 с.
104. Делез, Ж. Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. – Санкт–Петербург : Амфора, 1999. – С.282-302.
105. Дементьев, В. В. Основы теории непрямой коммуникации : дис. ...д-ра филол. наук / В. В. Дементьев. – Саратов, 2001. – 425 с.
106. Дементьев, В. В. Варьирование коммуникативных концептов / В. В. Дементьев // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Парадигма, 2006. – С.5-24.
107. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 239-320.
108. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. – С. 63-64.
109. Демьянков, В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. – 1981. – Т. 40, вып. 4. – С. 368-377.
110. Демьянков, В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – Москва : ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 13-40.
111. Демьянков, В. З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах / В. З. Демьянков // Парадигма научного знания в современной лингвистике. – Москва : РАН, 2008. – С. 15-39.

112. Денисов, Л. И. Житие преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца / Л. И. Денисов. – Москва : Изд-во Совета РПЦ, 1839. – 113 с.
113. Деррида, Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Ж. Деррида. – Санкт–Петербург : Алетейя, 1999. – 208 с.
114. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 511 с.
115. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – Москва : Акад. проект, 2000. – 495 с.
116. Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018. – 280 с.
117. Дзюба, Е. В. Методологические принципы когнитивного исследования лексической категоризации / Е. В. Дзюба // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015а. – №2(43). – С. 5-12.
118. Дзюба, Е. В. Типология категорий языкового сознания / Е. В. Дзюба // Вестник Московского городского пед. ун-та. – 2015в. – №1. – С. 167-173.
119. Дмитриева, Е. В. Мотив молчания в русской поэзии / Е. В. Дмитриева // Современные гуманитарные исследования. – 2010. – № 4 (35). – С. 44-50.
120. Донецких, Л. И. Грамматические средства формирования подтекста у А. П. Чехова / Л. И. Донецких, Е. И. Лелис // Язык и литература в научном диалоге. – Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2013. – С. 30-41.
121. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации / Т. М. Дридзе. – Москва : Наука, 1984. – 232 с.
122. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология : Учеб. пособие для вузов по спец. "Журналистика" / Т. М. Дридзе. – Москва : Высш. школа, 1980. – 224 с.
123. Дюндик, Ю. Б. Наречие оценки как способ категоризации эмоционального и интеллектуального опыта человека в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Дюндик. – Иркутск, 2008. – 173 с.

124. Ефимова, О. Ю. Молчание и умолчание учителя в системе профессиональных речевых тактик : автореферат дис. ... канд. пед. наук / О. Ю. Ефимова. – Ярославль, 2005. – 21 с.
125. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
126. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – Москва : Наука, 1982. – 159 с.
127. Зализняк, А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянских культур, 2005. – 554 с.
128. Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию / В. А. Звегинцев. – Москва : МГУ, 1962. – 384 с.
129. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория / В. А. Звегинцев. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 246 с.
130. Зенина, Е. В. Лингвокультурная категория вежливости: междисциплинарный подход (на материале англоязычных директивно-инструктивных надписей) / Е. В. Зенина // Известия Самарского научного центра РАН. – 2012. – №2-1. – С. 194-198.
131. Зернецкий, П. В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе / П. В. Зернецкий // Языковое общение. – Калинин : КГУ, 1987. – С. 89-95.
132. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – Москва ; Воронеж : МОДЭК, 2001. – 428 с.
133. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – Москва : Просвещение, 1978. – 158 с.
134. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе / И. А. Зимняя. – Москва : Просвещение, 1991. – 219 с.
135. Зинченко, В. П. Продуктивное восприятие / В.П. Зинченко // Вопросы психологии : семнадцатый год издания / Ред. А.А. Смирнов, О.А. Конопкин. – 1971. – №6. – с. 27-43.

136. Зобов, Р. А. Толерантность и интолерантность в условиях кризиса / Р. А. Зобов // Толерантность и интолерантность в современном обществе / под науч. ред. проф. И. Л. Первой. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2011. – С. 30-39.

137. Зонтова, И. Л. Функциональный аспект пауз в спонтанном дискурсе (на материале английского диалогического дискурса) / И. Л. Зонтова // Вестник МГЛУ. – 2016. – №1(740). – С. 78-88.

138. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Культура устной речи. Интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – Москва : Флинта, 2004. – 200 с.

139. Иванова-Лукьянова, Г. Н. О ритме прозы / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Развитие фонетики современного русского языка. – Москва : Наука, 1971. – С. 128-147.

140. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Приемы оценки ритмичности текста / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Ученые записки. – Москва : МГПИ им. В. И. Ленина, 1968. – С. 292-301.

141. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Ритмико-интонационное строение текста : авторефер. дис. ... докт. филол. н. / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – Москва, 1990. – 38 с.

142. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Суперсегментная фонетика в функционально-стилистическом аспекте / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – Москва : Наука, 1989. – С. 33-43.

143. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Художественный текст как искусство / Г. Н. Иванова-Лукьянова. – Москва : ИПКС МГЛУ Рема, 2009. – 144 с.

144. Иванян, Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке / Е. П. Иванян. – Москва : Флинта : Наука, 2015. – 307 с.

145. Ивашина, Н. Ю. Языковые и иконические знаки в процессах речевой деятельности : на материале поликодового текста : дис. ... канд. филол. наук / Н. Ю. Ивашина. – Киев, 1991. – 246 с.
146. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта / И. А. Ильин. – Москва : АСТ, 2002. – 588 с.
147. Ильин, И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – Москва : Интрада, 1998. – 256 с.
148. Инубиси, Й. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения : дис. ... канд. филол. наук / Й. Инубиси. – Москва, 2002. – 195 с.
149. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. – Москва : Лки, 2008. – 284 с.
150. Исупов, К. Г. Молчание (из авторского словаря «Космос русского самосознания») / К. Г. Исупов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2009. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-iz-avtorskogo-slovary-a-kosmos-russkogo-samosoznaniya> (дата обращения: 04.04.2021).
151. Йоко, И. Феномен молчания как компонент коммуникативного поведения : дис. ... канд. филол. наук / И. Йоко. – Москва, 2002. – 197 с.
152. Казаринова, В. Н. Межличностное общение / В. Н. Казаринова. – Санкт–Петербург : Питер, 2001. – 544 с.
153. Калашникова, А. Л. Образ души в художественном мире Ф.И. Тютчева : дис ... канд. филол. наук / А. Л. Калашникова. – Кемерово, 2015. – 199 с.
154. Капанадзе, Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики Текст. / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – Москва : Наука, 1965. – С. 86-103.
155. Капанадзе, Л. А. О понятии «термин» и «терминология» / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – Москва : Наука, 1965. – С. 75-85.
156. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва : ИЯЗ : Перемена, 1992. – 329 с.

157. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С.75-80.
158. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс: монография / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
159. Карцевский, С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.
160. Кастлер, Л. Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия / Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи: Сборник научных статей. – Москва : РГГУ, 2004. – С. 9-18.
161. Катаев, А. О. Языковой знак как категория философии, лингвистики и переводоведения / А. О. Катаев // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2016. – № 4. – С. 17-25.
162. Катюхина, Т. В. Философско-антропологический анализ феномена молчания : дис. ... канд. филос. наук / Т. В. Катюхина. – Москва, 2009. – 183 с.
163. Кашкин, В. Б. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации / В. Б. Кашкин, Е. М. Смоленцева // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. – Воронеж : ВГУ, 2005. – С. 246-252.
164. Керо, Хервилья Э. Ф. Сопоставительное изучение категории определенности / неопределенности в русском и испанском языках / Э. Ф. Керо Хервилья. – Москва : URRS, 2001. – 200 с.
165. Кибрик, А. А. Молчание как коммуникативный акт / А. А. Кибрик // Действие: лингвистические и логические модели. – Москва : ИЯЗ, 1991. – С. 49-51.
166. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания / А. Е. Кибрик. – Москва : УРСС, 2001. – 332 с.
167. Килина, Л. Ф. Преднамеренное молчание в русской и польской современных лингвокультурах / Л. Ф. Килина, Т. Р. Копылова // Вестник

Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014. – Вып. 4. – С. 173-178.

168. Кирвель, Ч. С. Глобализация и проблема сохранения цивилизационного и социокультурного многообразия человечества / Ч. С. Кирвель, В. И. Стрельченко // Единство образовательного пространства как междисциплинарная дисциплина. – Санкт-Петербург : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 27-33.

169. Кириллова, Н. В. Концептуализация эмоции страха в разноструктурных языках (на материале русского, английского и чувашского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Кириллова. – Чебоксары, 2007. – 213 с.

170. Кириллова, О. В. Вербально-невербальный «портрет» в гендерном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / О. В. Кириллова. – Тамбов, 2008. – 176 с.

171. Киселева, А. Н. Художественные формы трагического сознания в прозе Леонида Андреева (1898–1907): проблемы становления и архетипического соответствия : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Киселева. – Москва, 2004. – 208 с.

172. Китайгородская, М. В. Русский речевой портрет : Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : Б. и., 1995. – 127 с.

173. Клемнева, Е. И. Высказывания с кванторными детерминантами как феномен текста : дис. ... докт. филол. наук / Е. И. Клемнева. – Ростов-на-Дону, 2006. – 410 с.

174. Климков, О. С. Исихазм и русская религиозная философия XV–XVIII вв. : дис. ... докт. филос. наук / О. С. Климков. – Санкт-Петербург, 2018. – 758 с.

175. Ключев, Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Ключев. – Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.

176. Кобозева, И. М. Интенциональный и когнитивный аспекты смысла высказывания : дис. ... докт. филол. наук в форме науч. доклада / И. М. Кобозева. – Москва, 2003. – 92 с.

177. Кодзасов, С. В. Артикуляция / С. В. Кодзасов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – С. 46.

178. Кожина, М. Н. Речеведение / М. Н. Кожина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – Москва : Флинта, 2003. – С. 332-339.
179. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2004. – 240с.
180. Комарова, З. И. Коммуникативно-прагматическая парадигма в дисциплинарно-методологическом пространстве современной лингвистики / З. И. Комарова // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. – 2013. – №1 (291). – С. 66-71.
181. Комлев, Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты / Н. Г. Комлев. – Москва : Изд-во МГУ, 1992. – 216 с.
182. Конюхов, Д. Русские исихастские школы / Д. Конюхов // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – №7. – С. 224-229.
183. Копылова, Т. Р. "...Выразить душа не знает стройных слов" (о русском молчании в межкультурной коммуникации) / Т. Р. Копылова // Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2011а. – С. 332-337.
184. Копылова, Т. Р. Виды молчания: подходы к классификации / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2016а. – Т. 26, вып. 3. – С. 80-85.
185. Копылова, Т. Р. К вопросу о влиянии языковой картины мира на содержание научного знания (на примере понятий *воздействие / influencia, взаимодействие / interacción, коммуникативное пространство / espacio comunicativo*) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2010. – Вып. 2. – С. 48-53.
186. Копылова, Т. Р. К определению понятий *коммуникация* и *comunicación* (о некоторых особенностях научного мышления) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. – 2007а. – № 5. – С. 59-66.
187. Копылова, Т. Р. Молчание в речевой агрессии: цель и средство (на материале повести Ф. М. Достоевского "Кроткая") / Т. Р. Копылова // Вестник

Челябинского государственного университета. – 2018. – № 1, тем. вып. Филологические науки, вып. 111. – С. 44-49.

188. Копылова, Т. Р. Молчание в русской и испанской лингвокультурах (к вопросу об особенностях формирования) / Т. Р. Копылова // Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты = *Investigaciones comparadas ruso-espanolas: aspectos teoricos y metodologicos*. – Гранада : Jizo Ediciones, 2011b. – С. 143–147.

189. Копылова, Т. Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014а. – Вып. 2. – С. 36-39.

190. Копылова, Т. Р. Молчание в структуре слушания как вида речевой деятельности (на материале русского конструктивного речевого поведения) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2020. – Т. 30, вып. 2. – С. 204-211.

191. Копылова, Т. Р. Молчание как культурный знак / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2012. – Вып. 4. – С. 126-129.

192. Копылова, Т. Р. Молчание как рецептивное коммуникативное поведение: проблема национальной специфики / Т. Р. Копылова // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа : [Уфим. гос. авиац. техн. ун-т], 2015а. – С. 119-124.

193. Копылова, Т. Р. Молчание как термин: проблема многозначности / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2015b. – Т. 25, вып. 5. – С. 7-11.

194. Копылова, Т. Р. Молчание: вербальная VS невербальная коммуникация / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2015с. – Т. 25, вып. 3. – С. 116-119.

195. Копылова, Т. Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2015d. – Т. 25, вып. 2. – С. 27-32.

196. Копылова, Т. Р. Национальная специфика научного знания (на примере концепта *коммуникация* в русской и испанской лингвистике) / Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. – 2007b. – № 8. – С. 26-31.

197. Копылова, Т. Р. Опустошенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Федора Достоевского и Леонида Андреева) / Т. Р. Копылова // Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы / под ред.: И. Любохи-Круглик, О. Малысы, Г. Вильк [и др.]. – Katowice, 2017. – С. 521-530.

198. Копылова, Т. Р. Проблема введения термина *вокализованная / невокализованная коммуникация* / Т. Р. Копылова // Язык и литература в научном диалоге. – Ижевск : Удмуртский университет, 2016b. – С. 46-53.

199. Копылова, Т. Р. Промолчать – помолчать – смолчать (об особенностях русского коммуникативного молчаливого поведения) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014b. – Вып. 4. – С. 169-172.

200. Корниенко, М. А. Слово и молчание как раскрытие опыта : дис. ... канд. филос. наук / М. А. Корниенко. – Томск, 2016. – 129 с.

201. Корнилова, Н. Б. Онтология молчания: На примере ранней прозы Леонида Андреева : дис. ... канд. филол. наук / Н. Б. Корнилова. – Ярославль, 2002. – 164 с.

202. Корочкина, Е. В. Образы-символы и историософская концепция в трилогиях Д. С. Мережковского "Христос и Антихрист", "Царство Зверя" : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Курочкина. – Ульяновск, 2008. – 203 с.

203. Красильникова, Е. Г. Постмодернистский дискурс русского романа 1970-х годов : дис. ... докт. филол. наук / Е. Г. Красильникова. – Саранск, 2005. – 344 с.

204. Красина, Е. А. Коммуникативный акт, речевой акт, иллокутивный акт и схема четырех полей Карла Бюлера / Е. А. Красина // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2006. – № 8. – С. 17-21.

205. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2001. – 270 с.
206. Красных, В. В. Структура коммуникации в свете лингво–когнитивного подхода: коммуникативный акт, дискурс, текст : дис. ... докт. филол. наук / В. В. Красных. – Москва, 1999. – 188 с.
207. Красных, В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований / В. В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2013. – №2. – С. 7-18.
208. Крейдлин, Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Яз. слав. культуры, 2005. – 255 с.
209. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Новое лит. обозрение, 2002. – 592 с.
210. Крестинский, С. В. Коммуникативная нагрузка молчания в диалоге / С. В. Крестинский // Личностные аспекты языкового общения. – Калининград : Калинин. гос. университет, 1989. – с. 92-97.
211. Крестинский, С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Крестинский. – Тверь, 1990а. – 253 с.
212. Крестинский, С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Крестинский. – Тверь, 1990б. – 18 с.
213. Крестинский, С. В. Коммуникативно-прагматическая структура акта молчания / С. В. Крестинский // Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. – Тверь, 1993. – С. 50-67.
214. Крестинский, С. В. Молчание в системе невербальных средств коммуникации / С. В. Крестинский // Тверской лингвистический меридиан. – Тверь, 1998. – Вып. 1. – С. 74-79.
215. Крестинский, С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе / С. В. Крестинский // Вестник ТвГУ. Серия Филология. – Тверь, 2011. – Вып. 1. – С. 34-37.

216. Круглова, Н. В. Толерантность как социокультурная норма (западноевропейский опыт) : дис. ... докт. филос. наук / Н. В. Круглова. – Санкт-Петербург, 2011. – 382 с.

217. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русистика. – 1994. – № 1/2. – С. 28-49.

218. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 384-409.

219. Куаме, В. Ю. Традиции духовной поэзии в лирике Вячеслава Ивановича Иванова доэмиграционного периода : дис. ... канд. филол. наук / В. Ю. Куаме. – Волгоград, 1999. – 155 с.

220. Кубрякова, Е. С. Типы категорий в языке / Е. С. Кубрякова. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2010. – 551 с.

221. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144-238.

222. Кубрякова, Е. С. Понятие «парадигма» в лингвистике. Введение / Е. С. Кубрякова // Парадигма научного знания в современной лингвистике. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – С. 4-14.

223. Кубрякова, Е. С. Категория / Е. С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва, 1996. – С. 45.

224. Куликова, И. С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И. С. Куликова, Д. В. Салмина. – Санкт-Петербург : САГА, 2002. – 352 с.

225. Кучинский, Г. М. Диалог и мышление / Г. М. Кучинский. – Минск : Изд-во БГУ, 1983. – 190 с.

226. Лазаренко, Л. В. Образ человека в творческом сознании Андрея Белого: К проблеме поэтики романа "Петербург" : дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Лазаренко. – Москва, 2002. – 194 с.

227. Лакан, Ж. Инстанция буквы, или судьбы разума после Фрейда – Ж. Лакан. – Москва, 1997. – 184 с.
228. Ларина, Т. В. Английский стиль фатической коммуникации / Т. В. Ларина // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 2005. – С. 251-262.
229. Ларина, Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах / Т. В. Ларина. – Москва : Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
230. Ларина, Т. В. Национальный стиль вербальной коммуникации и категория вежливости / Т. В. Ларина // Образование, наука и экономика в вузах. Интегративная функция педагогической науки в международном образовательном пространстве. – Москва : МАНПО, 2004. – С. 296-302.
231. Лемяскина, Н. А. Коммуникативное поведение младшего школьника / Н. А. Лемяскина, И. А. Стернин. – Воронеж : Центр. – Чернозем. кн. изд-во, 2000. – 194 с.
232. Леонтьев, А. А. Внутренняя речь и вопросы грамматического порождения высказывания / А. А. Леонтьев // Вопросы порождения речи и обучения иностранному языку. – Москва : МГУ, 1967. – С. 6-16.
233. Леонтьев, А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1969. – 308 с.
234. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. - Москва : Академия : Смысл, 2007. - 365 с.
235. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1965. – 246 с.
236. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.
237. Леонтьев, А. Н. Психология человека и технический прогресс / А. Н. Леонтьев, Д. Ю. Панов // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. – 1963. – № 8. – С. 50-65.
238. Лингвокультурологические проблемы толерантности: курс лекций / авт.-сост. О. А. Михайлова, Н. С. Павлова. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2008. – 74 с.

239. Лихачев, Д. С. Национальное самосознание Древней Руси / Д. С. Лихачев. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1945. – 115 с.
240. Логинова, М. В. Выразительность молчания как проблема эстетической онтологии / М. В. Логинова. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2003. – 168 с.
241. Лосев, А. Ф. Самое само: Сочинения / А. Ф. Лосев. – Москва : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – 1024 с.
242. Лосский, В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви / В. Лосский. – Москва : Боговидение, 2003. – 768 с.
243. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1973. – С. 227-243.
244. Лотте, Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов / Д. С. Лотман. – Москва : Наука, 1982. – 152 с.
245. Лысенко, Е. В. Звук и звучание в лирике А. А. Тарковского : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Лысенко. – Саратов, 2008. – 171 с.
246. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 276 с.
247. Маковский, М. М. Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев : сущность – формы – развитие / М. М. Маковский. – Москва : Азбуковник, 2000. – 268 с.
248. Маркова, В. В. Семантика безмолвия в «Преступлении и наказании» / В. В. Маркова // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 11-18.
249. Маркова, В. В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начало 1840-х годов (от «невыразимого В. А. Жуковского к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя») : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Макарова. – Тюмень, 2005. – 193 с.
250. Мартынова, Е. М. Молчание: дискуссионные вопросы / Е. М. Мартынова // Язык и культура / Е.И. Бойчук. – Новосибирск : Агентство СИБПРИНТ, 2012. – С. 96-107.
251. Мартынова, Е. М. Невербальный аспект аномальной коммуникации : дис. ... докт. филол. наук / Е. М. Матынова. – Орел, 2016. – 407 с.

252. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
253. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2008. – 264 с.
254. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.
255. Меликян, С. В. Речевой акт молчания в структуре общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Меликян. – Воронеж, 2000b. – 24 с.
256. Меликян, С. В. Речевой акт молчания в структуре общения : дис. ... канд. филол. наук / С. В. Меликян. – Воронеж, 2000a. – 177 с.
257. Мельчук, И. А. О синтаксическом нуле / И. А. Мельчук // Типология пассивных конструкций: диатезы и залогии. – Ленинград : Наука, 1974. – С. 125-143.
258. Менг, К. Проблемы анализа диалогического общения / К. Менг // Текст как психолингвистическая реальность. – Москва, 1982. – С. 14-18.
259. Мечковская, Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. – Москва : Фаир, 1998. – 352 с.
260. Мильков, Д. Э. Русский литературный авангард: Поэтика жеста. Символизм – футуризм – обэриу : дис. ... канд филол. наук / Д. Э. Мильков. – Санкт-Петербург, 2000. – 102 с.
261. Милютина, М. Г. Актуальные проблемы современной лингвистики / М. Г. Милютина. – Ижевск : Ижевск : Удмуртский гос. ун-т, 2014. – 233 с.
262. Мириманова, М. С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный : монография / М. С. Мириманова. – Москва, 2004. – 253 с.
263. Михайлова, М. В. Молчание как форма духовного опыта: эстетико-культурологический аспект : дис. ... канд. филос. наук / М. В. Михайлова. – Санкт-Петербург, 1999. – 158 с.
264. Михайлова, М. Ю. Семантика невыразимого и средства ее передачи в русском языке : дис. ... докт. филол. наук / М. Ю. Михайлова. – Уфа, 2017. – 322 с.

265. Михайлова, О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О. А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 99-111.

266. Михайлова, А. Н. Категория качества и количества в смысловом поле речевой агрессии / А. Н. Михайлова, Д. М. Федяев, Н. Д. Федяева // Казанская наука. – 2018. – №12. – С. 177-179.

267. Михасенко, Г. В. О функциях и семантике речевых пауз / Г. В. Михасенко // Исследования системных свойств языка и их использование в методике обучения иностранным языкам. – Минск : Минск. гос. пед. ин-т ин. языков, 1984. – С. 54-58.

268. Молчание и речь у Андрея Платонова. – URL : <http://platonov.lib.ru/AP/dyrdin2.html> (дата обращения: 29.01.2019).

269. Морозова, О. В. Образ России и США в российской прессе как реализация коммуникативной категории «свой – чужой» / О. В. Морозова // Известия Саратовского университета. – 2015. – № 15(2). – С. 34-39.

270. Морозова, О. Н. Лингвориторическая парадигма согласованной коммуникации : дис. ... докт. филол. наук / О. Н. Морозова. – Тверь, 2005. – 325 с.

271. Мукаржовский, Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок: сб. статей. – Москва : Прогресс, 1967 – С. 406–431.

272. Муравьева, Н. В. Язык конфликта [Электронный ресурс] / Муравьева Н. В.; Консалтинговая группа Термика. - Москва : Термика : Кодекс, 2004. - 1 электрон. опт. диск (CD-R).

273. Мухаметов, Д. Б. Молчание как компонент диалогического фрагмента текста в прозаических произведениях А.П. Чехова : дис. ... канд. филол. наук / Д. Б. Мухаметов. – Ростов-на-Дону, 2009. – 220 с.

274. Назаров, И. А. Художественное воплощение феномена безумия в творчестве Л. Н. Андреева : дис. ... канд. филол. наук / И. А. Назаров. – Москва, 2013. – 243 с.

275. Некрасова, И. М. Поэтика тишины в отечественной музыке 70 – 90-х гг. XX века : дис. ... канд. искусствоведения / И. М. Некрасова. – Москва, 2005. – 174 с.
276. Непшекуева, Т. С. Внутриличностный конфликт как лингвистический феномен : дис. ... докт. филол. наук / Т. С. Непшекуева. – Краснодар, 2006. – 410 с.
277. Никонова, Ж. В. Когнитивные основы иллюкутивного дейксиса: на материале современного немецкого языка : дис. ... докт. филол. наук / Ж. В. Никонова. – Нижний Новгород, 2016. – 451 с.
278. Носова, О. Е. Лингвокультурологический анализ стратегических и тактических ресурсов молчания в структуре коммуникации: на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Носова. – Уфа, 2010. – 182 с.
279. Носова, О. Е. Пословицы о роли и месте молчания: лингвокультурологический анализ / О. Е. Носова // Вестник БГУ. Сер. 13. – 2008. – № 3. – С. 543-546.
280. Орлова, Н. В. Актуальные значения местоимений в устной спонтанной речи пожилых людей / Н. В. Орлова // Вестник Омского гос. пед. ун-та. – 2019. – №1(22). – С. 63-67.
281. Орлова, Н. В. Дискурсивный анализ разговорных диалогов «Взрослый – ребенок» / Н. В. Орлова // Магия ИННО : новые измерения в лингвистике и лингводидактике. – Москва : МГИМО, 2017. – С. 101-107.
282. Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1974. – 368 с.
283. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 22-130.
284. Падучева, Е. В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2012. – № 1. – С. 27-41.
285. Палама, Г. Триады в защиту священо-безмолвствующих / Г. Палама. – Москва : Канон, 1995. – 383 с.

286. Панченко, А. М. Смех как зрелище / А. М. Панченко, Д. С. Лихачев, Н. В. Поньрко // Смех в Древней Руси. – Ленинград, 1984. – С. 72-153.
287. Перцев, А. В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе / А. В. Перцев. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Унта, 2003. – 253 с.
288. Петкова-Калева, С. Проекции на мълчанието в социалната комуникация / С. Петкова-Калева // Културна концепти на политическото. – София : За буквити, 2013. – С. 268-282.
289. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении: учеб. пособие / А. М. Пешковский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.
290. Пименова, М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов / М. В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. – Ставрополь – Пятигорск : Пятигорский гос. лингвистическ. ун-т, 2007. – С. 79-86.
291. Пирс, Ч. С. Принципы философии. В 2 т. Т.1 / Ч. С. Пирс. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 224 с.
292. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж, 2002. – 60 с.
293. Поршнева, Б. Ф. О начале человеческой истории / Б. Ф. Поршнева. – Москва : Мысль, 1974. – 487 с.
294. Постовалова, В. И. Сокровенный диалог в духовном опыте священнобесмолвия / В. И. Постовалова // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. – Москва : Издательство «Индрик», 2010 – С. 305-330.
295. Потебня, А. Из записок по русской грамматике : в 2 т. / А. Потебня. – Харьков : Д. Н. Полуехтов, 1888-1889. – Т. 1. – 536 с.
296. Почепцов, Г. Г. Молчание как знак / Г. Г. Почепцов // Анализ знаковых систем: история логики и методологии науки. – Киев, 1986. – С. 90-91.
297. Почепцов, Г. Г. Молчание как речевой акт / Г. Г. Почепцов // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тереза. – Москва, 1985. – Вып. 252. – С. 43-52.

298. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва ; Киев : Рефл-бук : Ваклер, 2001. – 651 с.

299. Пушина, Н. И. Взаимообусловленность антропоцентризма и семиотики в современной лингвистической парадигме / Н. И. Пушина // Теория и практика языковой коммуникации. – Уфа: Уфимск. гос. авиацио техн. ун-т, 2014. – С. 216-220.

300. Пушкарёва, Н. В. Неполнота высказывания как средство руководства читателем / Н. В. Пушкарёва // Фортунатовские чтения в Карелии. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2018. – С. 12-16.

301. Пушкарёва, Н. В. Подтекстовые смыслы в прозаическом тексте (лингвистический аспект) / Н. В. Пушкарёва. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбУ, 2012. – 316 с.

302. Пушкарёва, Н. В. Семантика и прагматика глагольных форм в прозаических текстах А. С. Пушкина / Н. В. Пушкарёва // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. - №1 (42). – С. 92-96.

303. Пушкарёва, Н. В. Скрытые смыслы в прозе М. Булгакова: выявление и интерпретация / Н. В. Пушкарёва // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2016. – №1. – С. 442-450.

304. Пушкарёва, Н. В. Неопределенно-личные предложения как средство углубления текстового смысла / Н. В. Пушкарёва // ВятГУ. – 2012. – №2. – С. 38-42.

305. Радионова, Е. С. Семантика и прагматика молчания / Е. С. Радионова // Язык. Человек. Картина мира. – Омск : Издание ОмГУ, 2000. – С. 179-182.

306. Радь, Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификация архетипического сюжета в движении эпох : дис. докт. филол. наук / Э. А. Радь. – Саратов, 2014. – 350 с.

307. Речевая коммуникация : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям сервиса / О. Я. Гойхман, Т. М. Надеина. – Москва : ИНФРА-М, 2009. – 269 с.

308. Романова, И. В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения : дис. ... докт. филол. наук / И. В. Романова. – Смоленск, 2007. – 448 с.

309. Романова, Н. Н. Словарь. Культура речевого общения : Этика, прагматика, психология / Н. Н. Романова, А. В. Филиппов. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 302 с.

310. Романова, Т. В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) / Т. В. Романова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2 (52). – С. 39-47.

311. Рослова, Е. Ю. Просодическая организация ораторской речи : на материале литургической проповеди : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Рослова. – Москва, 2009. – 225 с.

312. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва : Учпедгиз, 1940. – 596 с.

313. Русина, Е. А. Сравнительный анализ параязыковых явлений в русском и английском художественном текстах: на материале романов И. Гончарова «Обрыв» и Т. Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»: Е. А. Русина : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Русина. – Курск, 2002. – 215 с.

314. Русская грамматика : [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – Москва : Наука, 1980.

315. Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. – Москва : Наука, 1973. – 485 с.

316. Русское и финское коммуникативное поведение / [Редкол.: И А. Стернин и др.]. – Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2002. – 181 с.

317. Русское коммуникативное поведение : Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. - М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2002 (Информ.-учеб. центр Гос. ин-та рус. яз. им. А.С. Пушкина). – 277 с.

318. Рутер, О. А. Табу в фольклорных поэмах М. Цветаевой : лингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук / О. А. Рутер. – Ростов-на-Дону, 2007. – 259 с.

319. Рязанов, А. В. Манипулятивный потенциал концепта «толерантность» / А. В. Рязанов // *Философия и общество*. – 2007. – № 1 (45). – С. 82-98.
320. Савицкий, В. М. Лингвокультурный код (состав и функционирование): монография / В. М. Савицкий, Э. А. Гашимов. – Москва : Изд-во Моск. гор. пед. ун-та, 2005. – 170 с.
321. Сарабьянов, Д. В. Русская живопись. Пробуждение памяти / Д. В. Сарабьянов. – Москва : Журн. "Искусствознание", 1998. – 431 с.
322. Сеничкина, Е. П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке : дис. ... докт. филол. наук / Е. П. Сеничкина. – Москва, 2003. – 427 с.
323. Серль, Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. – 1986. – Вып. 17. – С. 175-194.
324. Серль, Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // *Новое в зарубежной лингвистике*. – 1986. – Вып. XVIII. – С. 242-263.
325. Сироткина, Н. В. Смех и молчание как формы сознания и поведения персонажей в повествовательном творчестве Н. В. Гоголя : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Сироткина. – Иваново, 2013. – 183 с.
326. Соколов, А. В. Общая теория социальной коммуникации / А. В. Соколов. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 460 с.
327. Солдатов, А. П. Административное право Российской Федерации : учебник / А. П. Солдатов, В. А. Мельников. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – 346 с.
328. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.
329. Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1971. – 168 с.
330. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Академ. проект, 2001. – 989 с.
331. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : [б. и.], 2001. – 252 с.

332. Стернин, И. А. Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2000. – 136 с.
333. Стернин, И. А. Речевое воздействие как интегральная наука // Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – С. 52-54.
334. Стернин, И. А. Русское и финское коммуникативное поведение / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 98 с.
335. Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике / под ред. Б. Ю. Городецкого. – Москва, 1986. – Вып. 17. – С. 130-150.
336. Сусов, И. П. Введение в теоретическое языкознание / И. П. Сусов. – Москва : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 382 с.
337. Сусов, И. П. История языкознания: учебник / И. П. Сусов. – Москва : АСТ : Восток–Запад, 2006. – 295 с.
338. Сусов, И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И. П. Сусов // Прагматика и семантика прагматических единиц. – Калинин : КГУ, 1984. – С. 3-12.
339. Сусов, И. П. Лингвистика между двумя берегами / И. П. Сусов // Языковое общение : единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С. 9-14.
340. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Москва : Восток-Запад, 2006. – 200 с.
341. Сухачев, Н. Л. Об онтологии и генезисе речевого знака (семиотический и ноэматический аспекты) / Н. Л. Сухачев // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2007. – № 1. – С. 258-284.
342. Тарасова, О. Н. Гендерная специфика поведения человека в аспекте взаимодействия вербальных и невербальных компонентов коммуникации (на материале англоязычных художественных текстов) : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Тарасова. – Иваново, 2006. – 208 с.
343. Тахтарова, С. С. Категория коммуникативного смягчения : когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты : дис. ... докт. филол. наук / С. С. Тахтарова. – Волгоград, 2010. – 430 с.

344. Теория речевой деятельности: проблемы психолингвистики / отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1968. – 368 с.

345. Тихонов, А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования / А. Н. Тихонов. – Москва : Academia, 1998. – 280 с.

346. Третьякова, Е. Н. Толерантность как духовно-нравственное качество личности : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. Н. Третьякова. – Санкт-Петербург, 2011. – 18 с.

347. Трифонова, Н. С. Метафора в ранней лирике Анны Ахматовой: "Вечер"–"Белая стая"–"Anno Domini" : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Трифонова. – Екатеринбург, 2005. – 220 с.

348. Трубецкой, Е. Н. Три очерка о русской иконе: умозрение в красках / Е. Н. Трубецкой. – Москва : ИнфоАрт, 1991. – 112 с.

349. Успенский, Л. А. Богословие иконы Православной церкви / Л. А. Успенский. – Москва : Изд-во Моск. Патриархии, 1999. – 656 с.

350. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – Москва : Ин-т языкознания РАН, 2011. – 252 с.

351. Федяева, Н. Д., Глотова, Е. А. Лингвокультурный комментарий при изучении грамматических явлений (на примере изучения рода имен существительных) / Н. Д. Федяева, Е. А. Глотова // Лепта. – Омск : Издательство ОмГПУ, 2019. – С. 254-258.

352. Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. : антология / сост. Н. К. Гаврюшина. – Москва : Прогресс : Культура, 1993. – 399 с.

353. Финкельберг, Н. Д. Теория семантических доминант : На материале араб. лит. яз. : дис. ... докт. филол. наук / Н. Д. Финкельберг. – Москва, 1994. – 385 с.

354. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский // Соч.: В 2 т. Т. 2 (2). – Москва : Правда, 1990. – С. 16-350.

355. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: учебник / Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 2002. – 216 с.

356. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языкознание // Избранные труды : в 2 т. – Москва, 1956. – Т. 1. – С. 23-199.

357. Франк, Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения и риторике / Д. Франк // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – Москва: Прогресс, 1986. – С. 363-373.

358. Фуко, М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва, 1996. – 446 с.

359. Хайдеггер, М. Язык / М. Хайдеггер. – Санкт-Петербург : Эйдос, 1991 – 24 с.

360. Харченко, Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении / Е. В. Харченко. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 336 с.

361. Харченко, Е. В. Моделирование речевого поведения в межкультурной бизнес-коммуникации / Е. В. Харченко, Ин Хуай Ин // Диалог культур Евразии. – Челябинск : Издательск. центр ЮурГУ, 2016. – С. 171-176.

362. Харченко Е. В. Этнокультурная специфика категоризации мира посредством метафоры (на материале русской и сингальской лингвокультур) / Е. В. Харченко, В. С. С. Т. Рев // Когнитивные исследования языка. – 2020. – 2(41). – С. 352-355.

363. Хомяков, М. Б. Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / под ред. Н. А. Купиной и М. Б. Хомякова. – Москва : ОЛМА–ПРЕСС, 2005. – С. 15-25.

364. Хоружий, С. С. К феноменологии аскезы / С. С. Хоружий. – Москва, 1998. – 352 с.

365. Хоружий, С. С. О старом и новом / Сергей Хоружий. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 475 с.

366. Хроленко, А. Т. Теория языка / А. Т. Хроленко, В. Д. Бондалетов. – Москва : Флинта, 2018. – 512 с.

367. Шаманова, М. В. Коммуникативная категория и коммуникативный концепт / М. В. Шаманова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – №10. – С. 15-18.
368. Шарков, Ф. И. Основы теории коммуникации : / Ф. И. Шарков; Акад. труда и соц. отношений. - Москва : Соц. отношения, 2002. - 245 с.
369. Шаронов, И. А. Приемы речевой агрессии : насмешки и ирония / И. А. Шаронов // Агрессия в языке и речи. – Москва : РГГУ, 2004. – С. 38-52.
370. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... докт. филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 с.
371. Шейдаева, С. Г. Соотнесенность когнитивных структур с лексико-семантической парадигмой / С. Г. Шейдаева // Язык и история. – Глазов : Глазов. гос. пед. ин-т, 2005. – С. 246-254.
372. Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: монография / Е. В. Шелестюк. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 344 с.
373. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С. Д. Шелов. – Санкт-Петербург : Фил. фак. СПбГУ, 2003. – 279 с.
374. Ширяев, Е. Н. Нулевые глаголы как члены парадигматических и синтагматических отношений: на материале современного русского языка : дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Ширяев. – Москва, 1967. – 489 с.
375. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянских культур, 2002. – 392 с.
376. Шугайло, И. В. Эстетика молчания как возможность обнаружения нового имени (на примере кинематографа и фотографии) / И. В. Шугайло // Научная сессия ГУАП 2010 г. – URL : http://hf-guap.ru/historical/shugaylo_2.html (дата обращения: 25.02.2013).
377. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 428 с.
378. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург : ТООТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

379. Эпштейн, М. Н. Слово и молчание: метафизика русской литературы / М. Н. Эпштейн. – Москва : Высш. шк., 2006. – 558 с.
380. Эрвин-Трипп, С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 336-362.
381. Эстерберг, Э. Молчание в скандинавском эпосе / Э. Эстерберг // Мировое древо: международный журнал по теории и истории культуры. – 1996. – № 4. – С.21-42
382. Юсупов, В. А. Теория административного права / В. А. Юсупов. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 160 с.
383. Языкова, И. К. Богословие Иконы / И. К. Языкова. – Москва : Интербумага, 1995. – 118 с.
384. Якобсон, Р. О. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – Москва : Прогресс, 1985. – 460 с.
385. Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон / Сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. – Москва : Прогресс, 1975. – 193-231 с.
386. Яковлев, А. Е. К проблеме тождества и различия в функционировании хезитаций в устной русской речи / А. Е. Яковлев // Филологические этюды. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1998. – С. 176-178.
387. Яцуга, Т. Е. Ключевые концепты и их вербализация в аспекте регулятивности в поэтических текстах З. Гиппиус : дис. ... канд. филол. наук / Т. Е. Яцуга. – Томск, 2006. – 299 с.
388. Anderson, M. Nonverbal communication. In: Brown / M. Anderson // Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. K. Brown. – Amsterdam : Elsevier Science, 2006. – P. 689-692.
389. Argyle, M. Social Situations / M. Argyle, A. Furnham, J. A. Graham. – Cambridge : Cambridge University Press, – 453 p.
390. Argyle, M. The psychology of interpersonal behavior / M. Argyle. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – 280 p.

391. Austin, J. L. *Cómo hacer cosas con palabras* / J. L. Austin. – Barcelona: Paidós, 1990. – 217 p.
392. Bach, K. *Speech Acts and Pragmatics* / K. Bach // *Blackwell Guide to the Philosophy of Language* / ed. M. Devitt, R. Hanley. – Oxford : Blackwell, 2003. – P. 147-148
393. Baker Sidney, J. *The theory of silences* / J. Sidney Baker. – *The Journal of General Psychology*. – 1955. – Vol. 53. – P. 145-167.
394. Bandura, A. *Transmission of aggression through the imitation of aggressive models* / A. Bandura, D. Ross, S. A. Ross // *Journal of Abnormal and Social Psychology* – 1961. – 63. – P. 575-582.
395. Bente, G. *Effects of nonverbal signals* / G. Bente, N. Kramer // *The International Encyclopedia of Communication* / ed. W. Donsbach. –Cambridge : Blackwell, 2008. – P. 3334-3339.
396. Brown, P. *Politeness: Some universals in language usage* / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 335 p.
397. Bruneau, T. *Communicative silences : forms and functions* / T. Bruneau // *Journal of Communication*. – 1973. – Vol. 23. – P. 17-41.
398. Bruneau, T. *Silence, Silences and Silencing* / T. Bruneau // *Encyclopedia of Communication Theory*. – 2010. – Vol. 2. – P. 881-886.
399. Burgoon, J. K. *Nonverbal Communication* / J. K. Burgoon, D. B. Buller, G. W. Woodall. – New York: The McGraw-Hill Companies, 1996. – 535 p.
400. Buss, A. H. *The Psychology of Aggression* / A. H. Buss. – N. Y.: Wiley, 1961. – 365 p.
401. Coseriu, E. *Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft* / E. Coseriu. – Tübingen, 1988. – 329 p.
402. Chomsky, N. *A review of Skinner's verbal behavior* / N. Chomsky // *Appeared in Readings in the Psychology of Language* / ed. Leon A. Jakobovits and Murray S. Miron. – Prentice–Hall, 1967. – P. 142-143.
403. *Discourse and Silencing* / ed. L. Thiesmeyer // *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture*. – 2003. – Vol. 5. – 315 p.

404. Dunn, C. D. "Formal forms or verbal strategies? politeness theory and Japanese business etiquette training" / C. D. Dunn // *Journal of Pragmatics*. – 2011. – Vol. 43 (15). – P. 3643–3654.
405. Eadie, W. F. *21st Century Communication : a Reference Handbook* / W. F. Eadie. – Thousand Oaks : SAGE Publication, Inc, 2009. – 942 p.
406. Ephratt, M. The functions of silence / M. Ephratt. – *Journal of Pragmatics*. – 2008. – Vol. 40. – P. 1909-1938.
407. Ettin, A. *Speaking silences* / A. Ettin. – Charlottesville : Academic press, 1994. – 279 p.
408. Gal, S. *Between Speech and Silence: The problematics of reseach on language and gender* / S. Gal // *IprA Papers in Pragmatics*. – 1989. – Vol. 3 (1). URL : <https://journals.linguisticsociety.org/elanguage/pip/article/view/458/390.html> (дата обращения: 03.03.2021).
409. Gibson, A. *The silence of God* / A. Gibson. – New York : St Paul Publ., 1969. – 178 p.
410. Goffman, E. *Interaction ritual : Essays on face-to-face behaviour* / E. Goffman. – Garden City, N.Y.: Anchor Books, 1967. – 104 p.
411. Gurevitch, Z. D. *Distance and Conversation* / Z. D. Gurevitch // *Simbolic Interaccion*. – 1989. – Vol. 12. – P. 251-263.
412. Harras, G. *Kommunikationsverben* / G. Harras. – Tuebingen : Narr, 2001. – 543 p.
413. Heath, C. *Embarrassment and interactional organization* / C. Heath // *Exploring the Interaction Order*. – Cambridge: Polity Press, 1988. – P. 136-160.
414. Infante, D. A. *Taeching Students to Understand and Control Verbal Aggression* / D. A. Infante. – *Communication Education*. – 1995. – January. – 44. – P. 51-62.
415. Ishii, S. *Silence and silences in cross-cultural perspective: Japanese and United States* / S. Ishii, T. Bruneau // *Intercultural communication*. – Belmont : Wadsworth, 1994. – P. 246-251.

416. Jakko, L. The silent Finn revisited / L. Jakko, S. Kari // *Silence: Interdisciplinary Perspectives*. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. – P. 263-283.
417. Jaworski, A. Silence / A. Jaworski // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / ed. K. Brown. – Boston : Elsevier Ltd., 2006. – P. 944–946.
418. Jaworski, A. *Silence: Interdisciplinary Perspectives* / A. Jaworski. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1997. – 416 p.
419. Jaworski, A. The power of silence: social and pragmatic perspectives / A. Jaworski. – Newbury Park : SAGE, 1993. – 208 p.
420. Jensen, Vernon J. Communicative functions of silence / J. Vernon Jensen. – *ETCA Review of General Semantics*. – 1973. – Vol. 30. – P. 249-257.
421. Johannesen, Richard L. The functions of silence: a plea for communication research / L. Johannesen Richard // *Western Speech*. – 1974. – Vol. 38. – P. 25-35.
422. Kadar, D. Z. *Understanding Politeness* / D. Z. Kadar, M. Haugh. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 143 p.
423. Kaufman, G. *Shame: The Power of Caring* / G. Kaufman. – Cambridge, Mass : Shenkman, 1980. – 263 p.
424. Kedar, L. *Power through Discourse* / L. Kedar. – Norwood, NJ: Ablex, 1987. – 176 p.
425. Kopylova, T. The Silence in the Eastern Slavic Model of the World: As a Concept and As a Communicative Category (Based on the Russian and Ukrainian Language Representation) [Электронный ресурс] / T. Kopylova, P. Marynenko // *Mundo Eslavo: Revista de Cultura y Estudios Eslavos*. – 2015. – № 14. – P. 51-63.
426. Kopylova, T. Avoiding of Communication During an Unpleasant Conversation in the Russian Communicative Culture (on the Material of Internet Forums) / T. Kopylova, P. Marynenko // *Mundo Eslavo: Revista de Cultura y Estudios Eslavos*. – 2017. – № 16. – C. 427-440.
427. Kurzon, D. *Discourse of Silence* / D. Kurzon. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamin, 1998. – 162 p.
428. Kurzon, D. Towards a typology of silence / D. Kurzon // *Journal of Pragmatics*. – 2007. – Vol. 39. – P. 1673-1688.

429. Kurzon, D. The right of silence: a socio–pragmatic model of interpretation / D. Kurzon. // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – Vol. 23. – P. 55-69.
430. Lakoff, R. *Language and Women's Place* / R. Lakoff. – N.Y.: Harper & Row, 1975. – 322 p.
431. Leathers, D. G. *Successful Nonverbal Communication* / D. G. Leathers. – Boston, London: Allyn and Bacon, 1997. – 436 p.
432. Lebra, S. The cultural significance of silence in Japanese communication / S. Lebra // *Multiligua*. – 1987. – Vol. 6, is. 4. – P. 343-358.
433. Leigland, S. Fifty years later: Comments on the further development of a science of verbal behavior / S. Leigland // *The Behavior Analyst Today*. – 2007. – Vol. 8. – P. 336-346.
434. Malandro, L. A. *Nonverbal Communication* / L. A. Malandro, L. Barker, D. Barker. – MA : Reading, 1989. – 143 p.
435. Malandro, L. A. *Non-verbal Communication* / L. A. Malandro. – New York : Random House, 1989. – 330 p.
436. Metts, S. "Facework" / S. Metts // *Encyclopedia of Human Relationships*. – 2009. – Vol. 1. – P. 16-23.
437. Miller Henningsen, M. L. *Politeness theory* / M. L. Miller Henningsen // M. Allen (Ed.) – *The SAGE Encyclopedia of Research Methods*. – Thousand Oaks, CA: Sage, 2017. – P. 1265-1267.
438. Miller, S. *The Shame Experience* / S. Miller. – Oxfordshire: Routledge, 1993. – 208 p.
439. Mills, S. *Gender and Politeness* / S. Mills. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 270 p.
440. Murray, D. *Silent speech acts and their cognitive effects* / D. Murray // *The pragmatic perspective* / ed. by G. Nyes. – Amsterdam : Academic press, 1987. – P. 109-127.
441. Normand, M. "Verbal Behavior: History and Future" / M. Normand // *The Behavior Analyst Today*. – 2001. – Vol. 3 (1). – P. 41-55.

442. Nueva Gramática de la lengua española. – Madrid : Espasa, 2009. – URL : https://www.academia.edu/29461718/RAE_Manual_de_la_Nueva_Gram%C3%A1tica_de_la_Lengua_Espa%C3%B1ola (дата обращения : 04.04.2021).

443. Power of silence: Social and pragmatic perspectives / ed. by W. Griffin. – London : Pergamon press, 1993. – 352 p.

444. Poyatos, F. Man as a socializing being: new integrative and interdisciplinary perspectives through cultural and cross-cultural studies in nonverbal communication / F. Poyatos // Aspects of Nonverbal Communication / ed. R. E. Walburga. – Lisse : Swets and Zeitlinger, 1983. – P. 113-124.

445. Poyatos, F. Nonverbal Communication Across Disciplines / F. Poyatos. – Amsterdam, 2002. – 371 p.

446. Ruggieri, V. Gesturing and Self-Contact of Right and Left Halves of the Body: Relationship with Eye-Contact / V. Ruggieri, C. Celli, A. Crescenzi // Perceptual and Motor Skills. –1982. – Vol. 55(3). – P.695-698.

447. Sacks, H. A simplest systematics for the organisation of turn-taking for conversation / H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson // Language. – 1974. – Vol. 50 (4). – P. 696-735.

448. Sadock, J. M. Toward a linguistic theory of speech acts / J. M. Sadock. – New York: Academic Press, 1974. – 168 p.

449. Saville-Troike, M. Silence / V. Saville-Troike // The Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. R. E. Asher, J. M. Simpson. – Oxford : Pergamon Press, 1994. – P. 3945-3947.

450. Saville-Troike, M. Silence: cultural aspects / M. Saville-Troike // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Elsevier, 2006. – P. 379-381.

451. Saville-Troike, M. The Ethnography of Communication: An Introduction / M. Saville-Troike. – Cambridge, 1982. – 325 p.

452. Saville-Troike, M. The place of silence in an integrated theory of communication / M. Saville-Troike // Perspectives on Silence / ed. D. Tannen, M. Saville-Troike. – Norwood, 1985. – P. 3-18.

453. Scott, C. Noise, speech and technique / C. Scott // *International Journal of Psych–Analysis*. – 1958. – Vol. 39 (2–4). – P. 108-111.
454. Searle, J. R. Conversation Reconsidered / (On) Searle on Conversation / ed. J. R. Searle. – Amsterdam : Benjamin's, 1992. – P. 7-29.
455. Sebeok, T. Contributions to the Doctrine of Signs / T. Sebeok. – Washington : University Press of America, 1976. – 245 p.
456. Siegman, A. W. Nonverbal Behavior and Communication / A. W. Siegman, S. Feldstein. – New York: Psychology Press, 1987. – 640 p.
457. Skinner, B. Verbal Behavior / B. Skinner. – MA : Copley Publishing Group, 1957. – 478 p.
458. Sobkowiak, W. Silence and markdness theory / W. Sobkowiak // *Silence: interdisciplinary perspectives*. – Berlin, 1997. – P. 39-86.
459. Spencer-Oatey, H. Culturally Speaking: Culture, Communication and Politeness Theory-Continuum / H. Spencer-Oatey. – New York : Continuum International Publishing Group, 2008. – 384 p.
460. Spencer-Oatey H. Managing talk and non–talk in intercultural interactions: insights from two Chinese-British business meetings /H. Spencer–Oatey, J. Xing // *Multilingua*. – 2005. – Vol. 24. – P. 55-74.
461. Systems of prosodic and paralinguistic features in English / ed. D. Crystal, R. Quirk Crystal. – Mouton: The Hague, 1964. – 96 p.
462. Tannen, D. Conversational Style: Analyzing Talk among Friends / D.Tannen. – New Jercey : Ablex Publishing Corporation, 1984. – 272 p.
463. Tannen, D. Perspectives on silence / D. Tannen, M. Saville–Troike. – Norwood ; New Jersey : Ablex, 1985. – 251 p.
464. Tannen, D. Silence as Conflict Management in Fiction and Drama: Pinter's Betrayal and a Short Story, "Great Wits" / D. Tannin // *Conflict Talk*. –Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1990. – P. 260-280.
465. Tyler, S. The Said and the Unsaid: Mind, Meaning, and Culture / S. Tyler. – New York : The Academic Press, 1978. – 487 p.

466. Verschueren, J. *What People Say They Do with Words*. Norwood, NJ: Ablex, 1985. – 265 p.
467. Verschueren, J. *Understanding Pragmatics* / J. Verschueren. – Beijing, 1999. – 309 p.
468. Wodak, R. *Discourses of silence: Anti-Semitic discourse in post-war Austria* / R. Wodak // *Discourse Approaches to Politics, Society and Culture*. – 2003. – Vol. 5. – P. 179-209.
469. Wolfson, N. “The Bulge: A theory of speech behaviour and social distance” / N. Wolfson // *Second Language Discourse: A Textbook of Current Research* / ed. J. Fine. – Norwood : Ablex, 1988. – P. 21-38.
470. Wunderlich, D. *Studien zur Sprechakttheorie* / D. Wunderlich. – Frankfurt, 1976. – 416 p.

Словари и справочная литература

471. Азимов, Э. Г. *Новый словарь методических терминов и понятий : (теория и практика обучения языкам)* / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – Москва : ИКАР, 2010. – 446 с.
472. Даль, В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка* / В. И. Даль. – Москва : АСТ Астрель, 2009. – 474 с. (СД)
473. Евгеньева, А. П. *Словарь русского языка : в 4-х т.* / А. П. Евгеньева. – Москва : Рус. язык, 1999. (МАС)
474. Кузнецов, С. А. *Большой толковый словарь русского языка* / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2014. – 1536 с.
475. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. Ярцева. – Москва : Сов. энцикл., 1990. – 685 с. (ЛЭС)
476. Ляшевская, О. Н. *Частотный словарь современного русского языка : на материалах Национального корпуса русского языка* / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва : Словари.ру, 2015. – 1087 с.

477. Муравіцкая, А. Слоўнік беларускай мовы / А. Муравіцкая. – Менск : Беларуская навука, 2012. – 546 с.
478. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 320 с. (ТСРЯ)
479. Речник на българския език. В 15 т. Т. 9 (М) / Е. Пернишка. – София : Изд-во Проф. Марин Дринов, 1998. – 880 с.
480. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. 1 / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова ; Российская академия наук, Институт языкознания РАН, Московская международная академия. – Москва : Московская междунар. акад., 2018-2019. – 542 с.
481. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России). В 2 т. Т. 2 / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – Москва : РАН, 2014. – 794 с.
482. Словарь древнерусского языка (XI - XIV вв.) : В 10 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; [И. В. Андрианова и др.]; Гл. ред. Р. И. Аванесов. – Москва : Рус. яз., 1988.
483. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 1. А–взаконатиса / гл. ред. Р. И. Аванесов. – Москва : Рус. яз., 1988. – 530 с.
484. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 4. Изживати–Моление / гл. ред. Р. И. Аванесов. – Москва : Рус. яз., 1991. – 560 с.
485. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10 т. Т. 6. Овадь–покласти / гл. ред. Р. И. Аванесов. – Москва : Азбуковник, 2000. – 608 с.
486. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1 (А–В). – Москва : Наука, 1986. – 358 с. (СРЯ XI–XVII вв.)
487. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М). – Москва : Наука, 1982. – 358 с. (СРЯ XI–XVII вв.)
488. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17 (Помаранецъ - Потишати). – Москва : Наука, 1991. – 298 с. (СРЯ XI–XVII вв.)
489. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 20 (Присвоение - Прогнутися). – Москва : Наука, 1995. – 290 с. (СРЯ XI–XVII вв.)
490. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – 272 с. (СРЯ XVIII в.)

491. Словарь языка Пушкина : в 4-х т. Т. 2 (З-Н) / гл. ред. В. В. Виноградов. – Москва : Азбуковник, 2000. – 1085 с.
492. Словники України online // Український лінгвістичний портал. – URL: <http://corp.ulif.org.ua/dictua/> (дата обращения: 21.01.2021).
493. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3. Р–Я / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. АН, 1912. – 996 с.
494. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин. – Москва : Рус. яз., 1994. – 840 с.
495. Татаринов, В. А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь / В. А. Татаринова. – Москва : Московский лицей, 2006. – 528 с.
496. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. – Москва : Рус. яз., 1999. – 623 с.
497. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / Макс Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Москва : Астрель : АСТ, 2007.
498. Akademický slovník současné češtiny. – URL : http://www.slovníkcestiny.cz/o_slovníku.php (дата обращения: 12.10.2020).
499. Casas, Cristóbal de Las. Vocabulario de las dos Lenguas toscana y castellana. Sevilla: Francisco de Aguilar y Alonso Escribano, 1570. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.3.0.0.0> (дата обращения: 11.08.2015).
500. Covarrubias, S. de. Tesoro de la lengua castellana o española / Sebastián de Covarrubias. – Madrid : Luis Sánchez, 1611. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.3.0.0.0> (дата обращения: 11.08.2015).
501. Diccionario de la Lengua Castellana por la Real Academia Española. – Madrid : Imprenta de D. Gregorio Hernando, 1884. – 1124 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.0.0.0.0>. (дата обращения: 20.01.2021).

502. Diccionario de la Lengua Castellana por la Real Academia Española. – Madrid : Imprenta Real, 1817. – 917 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.0.0.0.0>. (дата обращения: 20.01.2021) (DRA, 1817).

503. Diccionario de la Lengua Castellana por la Real Academia Española. Madrid: Joaquín Ibarra, 1780. – 954 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.2.0.0.0> (дата обращения: 20.01.2021) (DRA, 1780).

504. Diccionario de la Lengua Castellana. – Madrid : Imperta de la R.A.E., 1739. – 579 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.0.0.0.0> (дата обращения: 20.01.2021) (DRA, 1739).

505. Diccionario de la Lengua Española de Real Academia Española – Madrid : Calpe, 1936. – 1335 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.3.0.0.0> (дата обращения: 21.01.202) (DRA, 1936).

506. Diccionario de la Lengua Española de Real Academia Española – Madrid : Espasa'Calpe, 1925. – 1277 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtlle?cmd=Lema&sec=1.0.0.0.0> (дата обращения: 21.01.2021) (DRA, 1925).

507. Diccionario de la Lengua Española de Real Academia Española – Madrid : Espasa'Calpe, 2001. – URL : <https://www.rae.es/> (дата обращения: 05.02.2011) (DRA, 2001).

508. Diccionario de la Lengua Española de Real Academia Española – Madrid : Espasa'Calpe, 2012. – URL : <https://www.rae.es/> (дата обращения: 12.01.2017). (DRA, 2012)

509. Diccionario enciclopédico de la lengua esañola, con todas las voces, frases, refranes y locuciones usada en España y las Americas Españolas. – Madrid : Imprenta y Librería de Gaspar y Roig, 1853. – 1058 p.

510. Encyclopedia of Communication Theory / ed. S. Littlejohn, K. Foss. – Texas: UNT, 2010. – URL : <https://communication.unt.edu/encyclopedia-communication-theory-volume-ii> (дата обращения: 11.03.2019).

511. Encyclopedia of Language and Linguistics / ed. K. Brown. – Amsterdam : Elsevier Science, 2006. – 11000 p.

512. English Oxford Living Dictionaries. – URL : <https://en.oxforddictionaries.com/english> (дата обращения: 30.01.2019). (OD)

513. Franciosini, F. L. Vocabulario español, e italiano aora nvemente sacado a lvz / F. L. Franciosini. – Roma : Por Iuan Pablo Profilio, 1620. – 784 p.

514. Girolamo, V. Tesoro de last res lenguas francesa, italiana y española / V. Girolamo. – Ginebra : Philippe Albert & Alaxandre Pernet, 1609. – 636 p.

515. Moliner, M. Diccionario de Uso del Español / M. Moliner. – Madrid : Gredos, 2000. – 1503 p.

516. Nebrija, A. Vocabulario español–latino / A. Nebrija. – Salamanca : Impresor de la Grámatica Castellana, 1495. – 420 p.

517. Nuevo diccionario de la Lengua Castellana. – París : Vicente Salvá, 1846. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtllle?cmd=Lema&sec=1.4.0.0.0> (дата обращения: 20.01.2021).

518. Oudin, C. Tesoro de las dos lenguas francesa y española : thresor des deux langues françoise et espagnolle / C. Oudin. – Paris : Marc Orry, 1607. – URL : http://www.bvh.univtours.fr/Consult/consult.asp?numtable=B372612102_FB937&numfiche=231&mode=3&ecran=0&offset=2 (дата обращения: 20.01.2019).

519. Rosal, F. Origen y Etimología de todos los vocables originales de la Lengua Castellana / F. Rosal. – Madrid : Biblioteca Nacional de Madrid, 1601. – 1611 p. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtllle?cmd=Lema&sec=1.1.0.0.0> (дата обращения: 20.01.2021).

520. Salvá, V. Nuevo diccionario de la Lengua Castellana, que comprende la última edición íntegra, muy rectificada y mejorada del publicado por la Academia Española, y unas veinte y seis mil voces, acepciones, frases y locuciones, entre ellas muchas americanas... / V. Salvá. – París : Librería de Don Vicente Salvá, 1844. – 1140 p.

521. Słownik języka polskiego. – URL : <http://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 04.05.2014).

522. Terreros y Pando, E. de. Diccionario castellano con los voces de ciencias y artes y sus correspondientes en les tres lenguas francesa, latina e italiana. T. III / Esteban de Terreros y Pando. – Madrid : Viuda de Ibarra, 1788. – 988 p.

523. Vittori, G. Tesoro de last res lenguas francesa, italiana y española / G. Vittori. – Ginebra : Philippe Albert & Alexandre Pernet, 1609. – URL : <http://ntlle.DRA.es/ntlle/SrvltGUIMenuNtllle?cmd=Lema&sec=1.1.0.0.0> (дата обращения: 13.08.2015).

524. Zerolo, E. Diccionario enciclopédico de la lengua castellana / E. Zerolo. – París : Garnier hermanos, 1895. – 477 p.

Источники анализа

Русская художественная литература

1. Андреев Л. Н. Иуда Искариот. Дневник Сатаны : Повести. – Рига : Артава, 1991. – 174 с.
2. Андреев Л. Н. Молчание. – Кишинев: Картя молдовеняскэ, 2089. – С. 99-109.
3. Андреев. Л. Н. Марта и Герман. – URL : <https://www.litres.ru/leonid-andreev/german-i-marta/chitat-onlaun/> (дата обращения: 09.09.2017).
4. Андреев Л. Н. Самсон в оковах. – URL : <http://andreev.lit-info.ru/andreev/dramaturgiya/samson-v-okovah.htm> (дата обращения: 12.10.2017)
5. Арцыбашев М. П. Санин. – Москва : СП «Вся Москва», 1990. – 313 с.
6. Булгаков М. А. Избранное. – Москва : Художественная литература, 1988. – 478 с.
7. Герцен А. И. Кто виноват? : Роман. Повести. Рассказы. – Москва : Худож. лит., 1981. – 320 с.
8. Довлатов С. Наши. – Санкт-Петербург. : Азбука-классика, 2003. – 153 с.

9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Публицистика и письма. Том 24. Кроткая. – Ленинград, 1982. – С. 5-35.
10. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Публицистика и письма. Том 2. Белые ночи. – Ленинград, 1972. – С. 102-141.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах, Публицистика и письма. Том 3. Униженные и оскорбленные. – Ленинград, 1972. – С. 169-442.
12. Розанов В. В. Опавшие листья. – Москва : Современник, 1992. – 541 с.
13. Толстой Л. Н. Анна Каренина : роман в 8 ч. – Москва : Художественная литература, 1988. – 765 с.
14. Толстой Л.Н. Война и мир : роман : в 4 т. . – Москва : Сов. Россия, 1991.
15. Тургенев И. С. Ася. –Ижевск : Удмурт. кн. изд-во, 1954. – 54 с.
16. Тургенев И. С. Первая любовь : Повести. – Москва : Совр.писатель, 1993. – 158 с.

Справочно-информационные системы

1. Справочно-информационная система «Национальный корпус русского языка». – URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.02.2017).
2. Идеографический словарь «Сеть словесных ассоциаций». – URL : <https://wordassociation.ru> (дата обращения: 12.08.2020).
3. Фундаментальная электронная библиотека. – URL : <http://feb-web.ru> (дата обращения: 16.09.2019).
4. Korpus języka polskiego PWN. – URL : <https://sjp.pwn.pl/korpus> (дата обращения: 08.08.2015).
5. Narodowy Korpus Języka Polskiego. – URL : <http://nkjp.pl> (дата обращения: 08.08.2015).
6. Corpus del Diccionario histórico de la lengua española (CDH). – URL : <https://www.rae.es/banco-de-datos> (дата обращения: 10.03.2015).
7. Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES XXI) – URL : <https://www.rae.es/banco-de-datos/cdh> (дата обращения: 10.03.2015).

Интернет-форумы

1. Женский форум «JustLady». – URL : <http://forum.justlady.ru/> (дата обращения: 05.03.2017).
2. Женский форум «WOMAN». – URL : <http://www.woman.ru/health/> (дата обращения: 15.03.2017).
3. Интернет-журнал «ВестХоум». – URL : <http://forum.westhome.spb.ru/index.php?showtopic=12817> (дата обращения: 13.07.2016).
4. Тематический форум «Вместе». – URL : <http://tema-vmeste.ru/> (дата обращения : 09.01. 2016).
5. Форум «@ответы». – URL : <https://otvet.mail.ru/question/> (дата обращения: 01.02 2017).
6. Форум «b17». – URL : <http://www.b17.ru/forum/> (дата обращения: 01.17.2016).
7. Форум «Багира». – URL : <http://www.bagiramagic.com/forum/2-6226-1> (дата обращения: 01.08.2016)
8. Форум «Прекрасная леди». – URL : https://www.lady-real.ru/tema_dlya_razdogovora/ (дата обращения: 02.10.2016).

Публицистика

1. Вести недели с Дмитрием Киселевым (выпуск от 17 ноября 2019). – URL : <https://vesti7.ru/episode/17-11-2019/> (дата обращения: 11.08.2020).
2. Вести недели с Дмитрием Киселевым (выпуск от 19 апреля 2020). – URL : <https://vesti7.ru/episode/19-04-2020/> (дата обращения: 01.08.2020)
3. Вести недели с Дмитрием Киселевым (выпуск от 27 октября 2019). – URL : <https://vesti7.ru/episode/19-04-2020/> (дата обращения: 16.07.2020).
4. Вести недели с Дмитрием Киселевым (выпуск от 3 мая 2020). – URL : <https://vesti7.ru/episode/03-05-2020/> (дата обращения: 10.08.2020).
5. Вести недели с Дмитрием Киселевым (выпуск от 7 июля 2020). – URL : <https://vesti7.ru/video/2205317/episode/12-07-2020/> (дата обращения: 11.08.2020).

6. Выступление Ксении Собчак на встрече с избирателями в г. Нижний Новгород. – URL : <https://clck.ru/aqDmH> (дата обращения: 07.11.2019).
7. Выступление Натальи Поклонской на I Международной конференции «Белградский диалог» в Сербии. – URL : <https://clck.ru/aqDna> (дата обращения: 03.10.2019).
8. Выступление Эдварда Радзинского на 420-м заседании Совета Федерации. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=B62ToKNf8Jo> (дата обращения: 01.10.2021).
9. Дмитрий Киселев о военном параде на День Победы. – URL : <https://clck.ru/aqDoD> (дата обращения: 01.06.2020).
10. Дмитрий Киселев о пенсионной реформе и партии «Справедливая Россия». – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=Mwtu0Z4ZKoU> (дата обращения: 08.01.2020).
11. Дмитрий Киселев о пенсионной реформе. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=iN14N-k30g0> (дата обращения: 16.04.2020).
12. Дмитрий Киселев о Петре Порошенко. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=l4J1_2uo_3k (дата обращения: 02.01.2019).
13. Интервью Владимира Познера с Гузель Яхиной. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=9iVcoz5NHRQ> (дата обращения: 01.04.2021).
14. Интервью Владимира Познера с Николаем Цискаридзе. – URL : <https://clck.ru/aqDoh> (дата обращения: 07.05.2020).
15. Интервью Владимира Познера с Эдвардом Радзинским. – URL : https://www.youtube.com/watch?v=ye4VoD-P_e8 (дата обращения: 12.02.2020).
16. Владимир Познер. Короткие вопросы – короткие ответы с Эдвардом Радзинским. – URL : <https://clck.ru/aovAk> (дата обращения: 01.03.2018).
17. Интервью Ивана Ургантa с Екатериной Гусевой. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=EsrnshScSuE> (дата обращения: 19.03.2020).
18. Интервью Ирины Безруковой с Сергеем Безруковой. – URL : <https://clck.ru/aqDpX> (дата обращения: 17.02.2020).

19. Интервью Юрия Зинчука с Эдвардом Радзинским. – URL : <https://topspb.tv/programs/stories/463886/> (дата обращения: 04.01.2020).
20. Познер Online. – URL : <https://www.youtube.com/channel/UCLtKXTWJIQnW2NXk6zi9TCg> (дата обращения: 02.12.2020).
21. Речь Владимира Жириновского на заседании Госдумы. – URL : <https://clck.ru/aqDqB> (дата обращения: 15.08.2020).
22. Речь на назначение Натальи Поклонской главным прокурором республики Крым. – URL : <https://clck.ru/aqDqQ> (дата обращения: 10.07.2020).
23. Речь Сергея Лаврова на 74-ой Генассамблеи ООН. – URL : <https://clck.ru/aqDqz> (дата обращения: 16.07.2020).
24. Эдвард Радзинский о политических мифах России. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=sSSuuesoaIc> (дата обращения: 01.08.2020).
25. Эдвард Радзинский о революции. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=KWAGqOH1cqQ&t=458s> (дата обращения: 09.08.2020).
26. Эдвард Радзинский. Адольф Гитлер. Путь во власть. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=C3Y06C2vaa4> (дата обращения: 13.10.2021).
27. Эдвард Радзинский. Серый кардинал. Взгляд на историю из политбюро. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=fmSSmyHtJWA> (дата обращения: 15.10.2021).
28. Эдвард Радзинский. Фурцева. – URL : <https://www.youtube.com/watch?v=c20WL4TZvN4> (дата обращения: 01.09.2020).
29. Юрий Быков о фильме «Сторож». – URL : <https://clck.ru/aqDrQ> (дата обращения: 10.10.2020)

Приложение А. Специфика репрезентации категории молчания в русском языке

Таблица А. 27. Специфика языковой репрезентации понятия молчания

КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЙ		РЕПРЕЗЕНТАНТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ДО XIX ВЕКА		
О человеке —действие, производимое человеком	не говорить	<i>мълчати</i> <i>безмълвити</i>
	не дать понять ничего с помощью голоса не выражать мысли с помощью слов	<i>мълчати</i>
	хранить обет молчания	<i>мълчати</i>
	предаваться посту и молитве	<i>мълчати</i>
	жить отшельником, давшим обет молчания	<i>безмълвити</i>
	усмирять, успокаивать	<i>тиишати</i> <i>утиишати</i> <i>затихати</i> <i>утихати</i>
	умалчивать, обойти молчанием, скрыть	<i>мълчати</i> <i>помълчати</i> <i>помлъкнути</i>
	молчать некоторое время	<i>помълчати</i> <i>помлъкнути</i>
	прекратить общение	<i>помълчати</i>
	умолкнуть, перестать говорить	<i>помълчати</i> <i>замълчати</i>
	успокоиться, прекратить что-л. делать	<i>помълчати</i> <i>помлъкнути</i>
	сдержаться	<i>замълчати</i>
	оставить без внимания	<i>смълчати</i>
	не ответить	<i>промълчати</i>
—процессуальное действие, производимое человеком		<i>млъчание</i>
—результат действия		<i>млъчание</i>
	без млвы, без гласа	<i>безмълвие</i> <i>млъчание</i>
—действие, направленное на человека	усмирять, успокаивать	<i>тиишати</i> <i>утиишати</i> <i>затихати</i> <i>утихати</i>

—состояние человека	духовность, созерцательность, молитвенное состояние духа	<i>мълчаніе</i>
	безропотность, спокойствие, кротость	<i>безмълвьство</i> <i>безмълвіе</i> <i>тихость</i> <i>тишьство</i> <i>тишина</i>
	душевная тишина, благодать	<i>тихота</i>
—субъект, производящий действие	тот, кто принял обет молчания	<i>мълчальникъ</i>
	отшельник, давший обет молчания тот, кто хранит молчание	<i>безмълвьникъ</i>
—субъект — носитель признака	тот, кто молчалив	<i>мълчънолюбъць</i>
	тот, кто любит молчать	
О природе	усмирять, успокаивать	<i>тишати</i>
—состояние природы	тишь, мир, покой, спокойствие	<i>тишина</i> <i>тишьство</i>
XIX ВЕК		
О человеке —действие, производимое человеком	не шуметь	<i>молчать</i>
	не говорить	<i>малчивать</i>
	не издавать звуков	<i>молкать</i>
	терпеливо сносить	<i>молчать</i>
	не роптать	<i>малчивать</i> <i>молкать</i>
	вести молчальную жизнь	<i>молчальничать</i> <i>молчальствовать</i>
	скрывать, таить, не разглашать	<i>умалчивать</i> <i>смалкивать</i>
	недосказать, не упомянуть, пропустить	<i>умалчивать</i> <i>смалчивать</i>
	перестать говорить	<i>молкнуть</i> <i>умолкнуть</i> <i>замолкнуть</i> <i>смолкнуть</i>
	не возражать, не прекословить, не отвечать	<i>смалкивать, смолкать</i> <i>смолкнуть</i> <i>умолкать</i> <i>замолкать</i> <i>примолкать</i>
	потакать, потворствовать	<i>смалчивать, смолчать</i> <i>промолчать</i>
	перестать издавать звуки, перестать говорить	<i>замолкать</i> <i>занеметь</i>
	нажить (беду) молчанием	<i>намолчать</i>
	молчать вдоволь	<i>намолчаться</i>
успокаиваться, становиться тише, утихомириваться	<i>утихать</i> <i>стихать</i> <i>затихать</i> <i>притихать</i>	

—результат действия, производимое человеком		<i>молчанье молчка молчба молк молчок молчанка</i>
	добровольный отказ от речи	<i>молчание</i>
—действие, направленное на человека	лишать речи	<i>безмолвить, обезмолвить</i>
—состояние человека	наложивший на себя обет молчания	<i>безмолвник молчальник</i>
	отсутствие голоса	<i>молчанье безмолвие</i>
	полное молчание	<i>безмолвие</i>
	мир, покой, согласие, лад	<i>тишина</i>
—субъект действия	человек, умолчавший о чем-л.	<i>умалчиватель умолчатель</i>
	наложивший на себя объект молчания	<i>безмолвник</i>
—субъект – носитель признака	неразговорчивый малобеседливый малословный	<i>молчун молчунья молчеватый молчаливый</i>
	утайщик скрывать	<i>молчатель</i>
—признак субъекта	склонность к молчанию	<i>молчаливость</i>
	привычка молчать	<i>умолчка</i>
О чувствах, эмоциях, неспокойном состоянии человека	успокаиваться, становиться тише, утихомириваться	<i>утихать стихать затихать притихать</i>
О природе, окружающем мире	успокаиваться, становиться тише, утихомириваться	<i>молчать безмолвствовать утихать стихать затихать притихать молкнуть</i>
—состояние природы	тишь, мир, покой, спокойствие	<i>тишина тишьство</i>
	полная тишина	<i>безмолвие</i>
	отсутствие ветра, шума	<i>затишь</i>
СОВРЕМЕННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ		
О человеке —действие, производимое человеком	ничего не говорить, не издавать звуков	<i>молчать молчание</i>
	не высказывать жалоб, не протестовать, молча сносить что-л.	<i>молчать молчание</i>

	хранить полное молчание	<i>безмолвствовать</i>
	хранить в тайне	<i>молчать</i>
	не высказывать открыто своего мнения	<i>молчать</i>
	обходить молчанием	<i>молчать</i> <i>умалчивать/умолчать</i>
	умышленным молчанием скрыть, не дать узнать	<i>замалчивать/замолчать</i> <i>умалчивать/умолчать</i>
	не писать писем, не отвечать на них	<i>молчать</i>
	не ответить, ничего не сказать	<i>промолчать</i> <i>умолчать</i> <i>разг. смолчать</i>
	воздержаться от ответа на обиду, оскорбления	<i>смалчивать/смолчать</i>
	воздержаться от возражения	<i>смолчать</i>
	вдоволь, долго помолчать	<i>намолчаться</i>
	молчать некоторое время	<i>помолчать</i> <i>промолчать</i>
	перестать говорить, петь, кричать, звучать	<i>замолчать</i> <i>смолкать/смолкнуть</i> <i>замолкать/замолкнуть</i> <i>умолкать/умолкнуть</i> <i>утихать/утихнуть</i> <i>стихать/стихнуть</i> <i>притихать/притихнуть</i> <i>затихать/затихнуть</i>
	перестать писать куда-л. кому-л.	<i>замолкать/замолкнуть</i> <i>умолкать/умолкнуть</i>
	прекратить литературную деятельность, перестать выступать в печати	<i>умолкать/умолкнуть</i>
	перестать плакать, стонать, метаться	<i>утихать/утихнуть</i>
	перен. Утратить со временем былую горячность, смелость, неугомонность, стать смирным, благоразумным	<i>утихать/утихнуть</i> <i>стихать/стихнуть</i>
	стать тихим, тише	<i>утихать/утихнуть</i>
	стать смирным, присмиреть	<i>притихать/притихнуть</i>
—результат действия, производимого человеком		<i>молчание</i> <i>безмолвие</i> <i>тишина</i> <i>умолчание</i>
	перен. Приостановка, ослабление какого-л. действия, движения, результата	<i>затишье</i>
—субъект действия	тот, кто обычно молчит, не любит говорить	<i>молчальник</i> <i>молчальница</i>
—с оттенком «склонный к этому действию»	молчаливый неразговорчивый человек	<i>молчун</i>

—состояние	полное молчание	<i>безмолвие</i>
—признак субъекта	отсутствие звуков, говора	<i>молчание</i> <i>безмолвие</i> <i>тишина</i>
	душевное спокойствие, умиротворение	<i>тишина</i>
	покой, покорность	<i>тихость</i>
—субъект – носитель признака	не любящий много говорить, не разговорчивый	<i>молчаливый</i>
	выражаемый и понимаемый без слов	<i>молчаливый</i>
	осуществляемый без слов	<i>молчаливый</i>
Риторический прием	недосказанность намек	<i>умолчание</i>
	временная остановка, перерыв в речи	<i>пауза</i>
О чувствах человека, переживаниях, рассудке	не проявляться, не давать о себе знать	<i>молчать</i>
	перестать проявляться, обнаруживаться	<i>замолчать</i> <i>замолкать/замолкнуть</i> <i>умолкать/умолкнуть</i>
	выражаемый и понимаемый без слов	<i>молчаливый</i>
О природе, о шуме в окружающем мире	не нарушать тишины, не производить звуков	<i>молчать</i>
	хранить полное молчание	<i>безмолвствовать</i>
	перестать звучать, раздаваться, стихнуть, перестать шуметь	<i>смокать/смокнуть</i> <i>замолкать/замолкнуть</i> <i>умолкать/умолкнуть</i> <i>утихать/утихнуть</i> <i>стихать/стихнуть</i> <i>притихать/притихнуть</i> <i>затихать/затихнуть</i>
	стать тихим, тише	<i>тихнуть</i> <i>утихать/утихнуть</i> <i>притихать/притихнуть</i>
	ослабеть в действии, в силе	<i>утихать/утихнуть</i> <i>стихать/стихнуть</i> <i>притихать/притихнуть</i> <i>затихать/затихнуть</i>
	прийти в спокойное состояние, успокоиться	<i>утихать/утихнуть</i>
	—результат действия, производимого в мире природы, в окружающем мире	временное прекращение ветра отсутствие шума

Продолжение таблицы А. 27

	перен. Приостановка, ослабление какого-л. действия, движения, результата	<i>затишье</i>
—состояние	отсутствие звуков, шума	<i>молчание</i> <i>тишина</i>
	полное отсутствие звуков, шума	<i>безмолвие</i>
	тихая погода	<i>тишь</i> <i>затишье</i>
О предметах	не действовать, не работать	<i>молчать</i>
	не стрелять	<i>молчать</i>
	перестать звучать, прекратить	<i>смокать/смокнуть</i> <i>замолкать/замолкнуть</i> <i>умолкать/умолкнуть</i>

**Приложение Б. Частотность употребления единиц семантического поля
«толерантность»**

<i>Единицы</i>	<i>Частотность на 1000 слов (%)</i>
я	1,51
это	1,08
если	0,87
мне	0,76
терпимость	0,76
других	0,65
как	0,65
меня	0,65
быть	0,54
дистанции	0,54
жизни	0,54
только	0,54
ты	0,46
все	0,43
двуличная	0,43
дипломатия	0,43
людей	0,43
можно	0,43
соблюдение	0,43
уважение	0,43
удобно	0,43
человек	0,43
что	0,43
будет	0,33
взгляды	0,33
вот	0,33
всему	0,33
дистанцию	0,33
другим	0,33
жить	0,33
или	0,33
каждый	0,33
люди	0,33
мой	0,33
нет	0,33
образ	0,33
общества	0,33
отношусь	0,33
порода	0,33

прийти	0,33
расстоянии	0,33
решения	0,33
скотская	0,33
так	0,33
тебя	0,33
эти	0,33
безразлично	0,22
благополучия	0,22
взглядов	0,22
вообще	0,22
всех	0,22
высоким	0,22
границы	0,22
даже	0,22
для	0,22
должен	0,22
должна	0,22
другому	0,22
душой	0,22
живу	0,22
жизнь	0,22
здесь	0,22
зрения	0,22
имеет	0,22
инстинкту	0,22
интеллектом	0,22
интересы	0,22
когда	0,22
конец	0,22
людям	0,22
могу	0,22
может	0,22
наверное	0,22
народов	0,22
начхать	0,22
никому	0,22
нормально	0,22
образования	0,22
обществе	0,22
обычаям	0,22
обычаями	0,22
одной	0,22
она	0,22

они	0,22
определенных	0,22
отношение	0,22
очень	0,22
очерченные	0,22
пофиг	0,22
пофигистично	0,22
проблем	0,22
проблемы	0,22
противоречить	0,22
пути	0,22
рамках	0,22
самосохранения	0,22
своими	0,22
сейчас	0,22
сексуальной	0,22
следовательно	0,22
соблюдает	0,22
собой	0,22
спокойно	0,22
сторон	0,22
стране	0,22
страны	0,22
сути	0,22
таким	0,22
терпению	0,22
традициями	0,22
убеждения	0,22
хороша	0,22
ценности	0,22
человека	0,22
чем	0,22
четко	0,22
чужой	0,22
широкой	0,22
этого	0,22
дело	0,19
агрессивность	0,11
агрессии	0,11
активную	0,11
без	0,11
безразличие	0,11
безразлична	0,11
благополучной	0,11

благополучном	0,11
благосклонно	0,11
близости	0,11
боже	0,11
более	0,11
борьба	0,11
будут	0,11
бывают	0,11
было	0,11
вашей	0,11
верно	0,11
верованиям	0,11
вероисповедания	0,11
веру	0,11
верующего	0,11
веры	0,11
веские	0,11
вести	0,11
ветряными	0,11
вечно	0,11
взаимоотношения	0,11
взгляд	0,11
взгляду	0,11
виновников	0,11
возможность	0,11
воспитания	0,11
вписывается	0,11
вправе	0,11
всегда	0,11
всю	0,11
всякого	0,11
всем	0,11
высшее	0,11
выявить	0,11
говорим	0,11
говорю	0,11
говоря	0,11
гомик	0,11
гомосексуализм	0,11
гор	0,11
горах	0,11
город	0,11
границ	0,11
границ	0,11

дает	0,11
дай	0,11
дань	0,11
дела	0,11
делаю	0,11
дети	0,11
детям	0,11
деятельность	0,11
думаю	0,11
джунглей	0,11
джунглях	0,11
диалог	0,11
диалога	0,11
диким	0,11
дипломатом	0,11
дистанция	0,11
доброжелательное	0,11
дома	0,11
допускает	0,11
другими	0,11
другой	0,11
другую	0,11
думаю	0,11
душе	0,11
ездили	0,11
есть	0,11
еще	0,11
желания	0,11
желаю	0,11
жестокости	0,11
животных	0,11
живут	0,11
живет	0,11
законы	0,11
занят	0,11
земле	0,11
значит	0,11
знаю	0,11
идеологий	0,11
иже	0,11
инвалидам	0,11
индивидуальность	0,11
иной	0,11
итоге	0,11

каждому	0,11
каких	0,11
какой	0,11
касаемо	0,11
качества	0,11
кем	0,11
клана	0,11
клуks	0,11
кодекс	0,11
компромисс	0,11
конструктивный	0,11
которые	0,11
кроме	0,11
круто	0,11
крышей	0,11
лжи	0,11
либерастов	0,11
лицемерие	0,11
лишь	0,11
лояльность	0,11
люблю	0,11
любой	0,11
людьми	0,11
малоприятная	0,11
массовой	0,11
массовом	0,11
массы	0,11
мельницами	0,11
мешать	0,11
мигом	0,11
мире	0,11
мнение	0,11
мнениям	0,11
мнимых	0,11
моде	0,11
мое	0,11
моей	0,11
молчать	0,11
моральные	0,11
моральными	0,11
мое	0,11
мультинациональной	0,11
мысли	0,11
надо	0,11

назвать	0,11
найденных	0,11
найти	0,11
нарушение	0,11
нас	0,11
насилие	0,11
нафиг	0,11
находится	0,11
националистические	0,11
националистов	0,11
национальностей	0,11
начинают	0,11
нашу	0,11
невежества	0,11
невежество	0,11
невзирая	0,11
невозможно	0,11
недостаткам	0,11
независимо	0,11
ненавидеть	0,11
необразованными	0,11
необходимость	0,11
неприемлимыми	0,11
нетрадиционной	0,11
неусидчивым	0,11
ним	0,11
ними	0,11
ничего	0,11
нос	0,11
носом	0,11
нравится	0,11
обеих	0,11
обещает	0,11
облизывающихся	0,11
образом	0,11
образу	0,11
общем	0,11
общин	0,11
обычно	0,11
однобокие	0,11
одобряются	0,11
ожирение	0,11
окажется	0,11
опаской	0,11

оправдывает	0,11
определенным	0,11
определенных	0,11
опять	0,11
организации	0,11
организуется	0,11
ориентацией	0,11
ориентации	0,11
ориентацию	0,11
ориентирована	0,11
оскорбляют	0,11
особенно	0,11
осознанная	0,11
остальное	0,11
отвлечение	0,11
отгородиться	0,11
отказ	0,11
отличаются	0,11
относилась	0,11
относиться	0,11
отрицательно	0,11
очередь	0,11
первопричину	0,11
перед	0,11
перспектива	0,11
плюрализм	0,11
плюющие	0,11
поведение	0,11
поведением	0,11
поведению	0,11
поверхностно	0,11
повидаться	0,11
повышению	0,11
под	0,11
подход	0,11
позволяет	0,11
поиск	0,11
поймете	0,11
пока	0,11
полит	0,11
политических	0,11
получаем	0,11
поменьше	0,11
понимает	0,11

понимаю	0,11
поотдыхать	0,11
поощрять	0,11
пор	0,11
послужить	0,11
потому	0,11
похожего	0,11
появляются	0,11
право	0,11
практике	0,11
практически	0,11
превращаются	0,11
пределах	0,11
пределов	0,11
представляю	0,11
предубеждений	0,11
при	0,11
приведу	0,11
привычкам	0,11
приезжают	0,11
признавать	0,11
признают	0,11
пример	0,11
примере	0,11
примерно	0,11
примером	0,11
принимать	0,11
принципе	0,11
прирогатива	0,11
причины	0,11
причем	0,11
продвинуть	0,11
происхождения	0,11
просто	0,11
против	0,11
проще	0,11
проявление	0,11
проявлять	0,11
пустынь	0,11
пустынях	0,11
пусть	0,11
путей	0,11
равно	0,11
равнодушно	0,11

развивают	0,11
развития	0,11
разделяются	0,11
разница	0,11
разные	0,11
разу	0,11
разумности	0,11
расам	0,11
расс	0,11
рассчитывала	0,11
расу	0,11
расы	0,11
реальной	0,11
реальных	0,11
религию	0,11
религиями	0,11
решению	0,11
рода	0,11
родной	0,11
родовых	0,11
россия	0,11
ругательством	0,11
саванн	0,11
саваннах	0,11
сайты	0,11
само	0,11
самое	0,11
сварливым	0,11
свое	0,11
своего	0,11
своей	0,11
свои	0,11
своим	0,11
свою	0,11
сдерживать	0,11
себя	0,11
сексистов	0,11
ситуации	0,11
сказать	0,11
складываются	0,11
слово	0,11
сложившейся	0,11
случае	0,11
смотреть	0,11

снисходительность	0,11
сносить	0,11
собаками	0,11
соблюдать	0,11
соблюдающие	0,11
соблюдая	0,11
собственных	0,11
современном	0,11
согласен	0,11
согласиться	0,11
соглашениям	0,11
сожалению	0,11
сотрудничество	0,11
социально	0,11
спокойнее	0,11
спокойствие	0,11
способен	0,11
способность	0,11
сталкивалась	0,11
стоит	0,11
стороны	0,11
страну	0,11
считаю	0,11
такая	0,11
также	0,11
такие	0,11
там	0,11
твоей	0,11
теория	0,11
теориям	0,11
терпеть	0,11
терпимо	0,11
терпимое	0,11
терпимости	0,11
терпимый	0,11
территории	0,11
тех	0,11
тобою	0,11
тоже	0,11
той	0,11
толерастов	0,11
том	0,11
тонкие	0,11
точке	0,11

точкой	0,11
точнее	0,11
традициям	0,11
традициях	0,11
трогать	0,11
трогаю	0,11
трожь	0,11
трудно	0,11
трясти	0,11
тут	0,11
тыкающим	0,11
тьфу	0,11
убеждениям	0,11
убийство	0,11
уважаем	0,11
уважать	0,11
уважают	0,11
уважительное	0,11
уникален	0,11
управлять	0,11
условий	0,11
фашистов	0,11
хамелеонство	0,11
хорошим	0,11
хорошо	0,11
хочется	0,11
хочу	0,11
хуже	0,11
ценностями	0,11
цивилизованном	0,11
черножопое	0,11
человеку	0,11
человеческие	0,11
чести	0,11
честно	0,11
чужую	0,11
чем	0,11
экономического	0,11
экстремистских	0,11
этом	0,11
эффективные	0,11
являются	0,11
язык	0,11

Приложение В. Теория молчания: глоссарий

Акт молчания – двусторонняя единица, акт однократного обмена действиями (интеракция) с центром в перлокуции и отсутствием локуции. Своеобразие акта молчания обусловлено нулевым текстом. Текст молчания – это интерпретация его адресатом.

Безэквивалентное молчание – коммуникативное молчание, не имеющее во взаимодействии вербальной или невербальной альтернативы.

Эквивалентное коммуникативное молчание функционирует как заместитель речевых элементов (слов, речевых действий, речевых событий). Речь в значении ‘способ формулирования мысли’; это двусторонний процесс общения, продуктивный вид речевой деятельности, способ смысловыражения; в структуре речепорождения проходит этапы мотивации, замысла, реализации замысла посредством нулевого текста и сопоставления реализации и замысла. Подобное молчание в говорении и письме как продуктивных видах речевой деятельности характеризуется отсутствием материальной выраженности; в устной речевой деятельности – последней фазы произнесения, озвучивания голосом, вокализации.

Вокализация – процесс звукового выражения вербальной и невербальной речи (параязык); это акт произнесения, характеризующий завершающую стадию порождения речи.

Вокализованная коммуникация – коммуникация, в ходе которой обмен информацией происходит посредством вокализации.

Вокализованная вербальная коммуникация – коммуникация, осуществляемая с помощью речевого кода путем вокализации (говорение).

Вокализованная невербальная коммуникация – коммуникация с помощью неречевого звукового кода (параязыковые элементы).

Интенциональное молчание – преднамеренное, адресное коммуникативное молчание, посредством которого достигается коммуникативная цель; неестественный (условный) нулевой знак. Интенциональным выступает молчание,

замещающее в коммуникации вербальные и невербальные (параязыковые) элементы. Критерием выделения интенционального молчания является его материально выраженный аналог (речевая или параязыковая альтернатива). Молчание как неестественный знак разворачивается в акте.

Интерпретация молчания – адекватное раскодирование адресатом молчания как текста, максимально приближенное к коммуникативному замыслу адресанта.

Коммуникативно значимое молчание – молчание, функционирующее в коммуникативном взаимодействии вместо речевых элементов (слов, высказываний, речевых поступков); нулевой знак в структуре акта молчания.

Коммуникативное молчание – молчание, включенное в структуру коммуникативного взаимодействия, способное передавать информацию о молчащем коммуниканте, интерпретироваться другими участниками данного взаимодействия либо способствовать коммуникативному процессу.

Коммуникативный знак – знак, функционирующий в человеческой коммуникации, обладающий свойством быть воспринятым и интерпретируемым носителем той или иной коммуникативной культуры. Коммуникативно значимое молчание – нулевой коммуникативный знак.

Молчаливое коммуникативное поведение – коммуникативное поведение молчащего; выделяется коммуникативное поведение субъекта молчания (инициированное коммуникативное поведение) и коммуникативное поведение объекта (ответное, рецептивное, коммуникативное поведение).

Молчание аффектное – временная неспособность субъекта осуществлять коммуникативную деятельность в силу сильного нервного возбуждения, сопровождающегося потерей самоконтроля. Аффектное молчание – не интенциональное, коммуникативное, так как в ходе взаимодействия передает информацию о состоянии коммуниканта; способно корректировать коммуникативное поведение других.

Молчание вынужденное – молчание, когда адресат вынужден принимать на себя роль молчащего в силу сложившихся обстоятельств. В отличие от

принудительного молчания, не является реакцией в межличностном взаимодействии. Вынужденное молчание – интенциональное, коммуникативное, является следствием осознанного выбора коммуникантом.

Молчание опустошенное – это неспособность субъекта к коммуникативной деятельности в силу психологического бессилия, духовной пустоты; это результат тяжелой душевной драмы, сопровождающейся апатией, пассивностью. Опустошенное молчание – неинтенциональное, некоммуникативное, так как молчащий находится вне коммуникации и попытки включить его в коммуникативное пространство не дают результатов.

Молчание принудительное – молчание, когда молчащий вынужден принять предписанную ему другим коммуникативную роль, так как лишен права на достижение своих намерений и целей. Принудительное молчание неинтенциональное, коммуникативное, так как молчащий вовлечен во взаимодействие, является объектом воздействия.

Молчание регламентированное – молчание, определенное конвенциями, дискурсивной практикой (молчание слушающего или молчание адвоката, дипломата). Регламентированное молчание – интенциональное, коммуникативное, является следствием осознанного выбора коммуникантом.

Молчащий – коммуникант в структуре взаимодействия с нулевым текстом. В зависимости от роли в структуре нулевого акта, занимает место либо говорящего, либо слушающего.

Молчание в структуре невербальной коммуникации – пауза; эквивалентное коммуникативное молчание, функционирующее как заместитель неречевых элементов. В отличие от молчания в структуре вербальной коммуникации, невербальное молчание функционально дефицитно. Основная функция – эмотивная (молчание вместо паралингвизмов). Молчание как заместитель других невербальных элементов способствует достижению практически одной коммуникативной цели – сокрытию информации.

Невокализованная вербальная коммуникация – вербальная коммуникация без завершающей стадии порождения речи произнесения, без внешней выраженности (молчание).

Невокализованная невербальная коммуникация – коммуникация посредством молчания как заместителя неречевых элементов.

Неинтенциональное молчание – непреднамеренное коммуникативное молчание, не контролируемое коммуникантом, выступающее как реакция на внешнее воздействие среды или другого коммуниканта; естественный нулевой знак.

Табу – запрет на употребление вербальных и невербальных элементов. **Вербальное табу** – преднамеренное эквивалентное молчание в структуре речевой деятельности, обусловленное запретом на определенные слова, речевые поступки или речевые события. Вербальное табу – это несвершившийся речевой поступок (нулевой речевой поступок) или сценарий речевых нулевых поступков (нулевое речевое событие). **Невербальное табу** – преднамеренное эквивалентное молчание, обусловленное запретом на определенные неречевые средства коммуникации.

Эквивалентное молчание – коммуникативное молчание, функционирующее вместо других коммуникативных (вербальных и невербальных) элементов, имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения. Критерием выделения эквивалентного молчания является возможность реконструировать материально выраженный аналог.